

Серия «Первая публикация» под редакцией Г. А. Бордюгова

Российский
Центр Хранения
и Изучения
Документов
Новейшей Истории

Ассоциация
Исследователей
Российского
Общества
XX века

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФРОНТ»
История политической цензуры
1932—1946 гг.

Сборник документов

Предисловие — проф. Д. Байрау

Составитель — Д. Л. Бабиченко

Москва
«Энциклопедия российских
деревень»
1994

Спонсор издания — Общество друзей и меценатов Иоганн Вольфганг Гете
университета во Франкфурте на Майне.

Diese Publikation wird gedruckt mit finanzieller Unterstützung der
«Vereinigung von Freunden und Förderern der Johan Wolfgang Goethe
— Universitat Frankfurt am Main e. V.»

История политической цензуры раскрывается в документах высших органов партии, Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), письмах литераторов. 101 документ сборника хранился в бывшем Центральном партийном архиве под грифом «Совершенно секретно».

©Д. Л. Бабиченко Составление,
публикация, комментарии,
именной указатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Проблемы творчества не могут быть решены с помощью бюрократического механизма», — констатировал композитор Арам Хачатурян в 1953 году. Предложенный Денисом Бабиченко комплекс документов показывает, что подобные попытки тем не менее предпринимались. Подборка отчетов, ходатайств и решений позволяет бросить первый взгляд на ту петлю аркана, внутри которой фабриковались правила, предписания и запреты на беллетристику. Это делалось во имя того, чтобы вогнать литературный процесс в те рамки, которые, в общепринятом употреблении языка, характеризовались как принципы социалистического реализма — понятие, которое поразительным образом едва ли может быть заложено в конкретные произведения. Ибо реальность слова и дела довольно сложны, многогранны и кроме того всегда подвижны, а периодически повторяющееся вмешательство партийного руководства настолько грубо, цинично, и в то же время беспорядочно и беспомощно. Отсюда партия уподобляется сварливой, бранящейся мачехе, которая комментирует такие события как жизнь, увечье или смерть одним и тем же текстом, признавая его в качестве их мерила, хотя признать его таковым нет никакой возможности.

Социалистический реализм приводил к тому, что следовало «писать простым, понятным художественным языком для советского правительства», — так заявил с обезоруживающей откровенностью Михаил Шолохов в 1958 году в «Нью-Йорк Таймс».

В основе подобного мелочного контроля лежит поразительная фетишизация слова. «Слово для нас всегда является более живым, пламенным, материализованным, ... по сравнению с тем как небрежно можно к нему относиться. Оно нуждается в защите», — посмеивался Андрей Синявский еще в 1974 году, после того как он приобрел первый опыт общения со средствами массовой информации Запада с их суматохой, обильным потоком разнообразных фактов и необязательностью слова.

Но для партии, которая не в последнюю очередь с помощью силы, в истинном смысле этого слова «подавляющей» риторики, пришла к власти, слово стало «оружием». Оно приобрело то же значение, что и револьвер или пулемет. Так, например, высказывался А. Луначарский в 1921 году. «Ядом» для масс может служить не только вражеская пропаганда, но и художественная литература. Их следовало от этого защищать. Базируясь на этой точки зрения вызревала тяга к контролю, а так же необходимость управления литературой — сумасбродный эксперимент, который мог завершиться только духовным и физическим произволом.

Техникой реализации этого эксперимента интересуются не только историки. Она оставлена в предложенных документах по

крайней мере в фрагментах, а именно в беседах аппаратчиков, которые уже давно забыли вопрос Н. Бухарина, заданный им еще в 1924 году: «Какое Политбюро от дворянства давало директивы Пушкину, когда он писал стихи»? Раздача директив в целях управления литературой могла закончиться только экспроприацией и «коллективизацией» слова, процессом, который прослеживается в публикуемых ниже источниках. Мер по управлению литературой и ее выправлению, с точки зрения функционеров от культуры, всегда оказывается недостаточно. Здесь находит свое выражение патологическое стремление «учить», постоянный поиск новых инструментов контроля и «внушения» пишущей братии. Эти инструменты в конце концов создают проблем больше, чем решают.

«Ждановщина», согласно представленным в сборнике документам, вызрела не столько из желания соорудить внутренний фронт отпора в условиях холодной войны, сколько из господствующего в западной литературе его толкования. Она появилась скорее как часть политических интриг в сферах власти и как изначально сомнительная попытка вырваться из дилеммы, которая состоит в том, что нельзя, как того требовали политико-идеологические установки партии, достичь совершенства в управлении литературным процессом. Творчество все-таки остается сугубо индивидуальным делом. Если же его не удастся поставить на промышленный поток, стандартизировать, то виновной в этом всегда оказывается партия, ошибочным — выбором инструмента воздействия на литературный процесс.

«Ждановщина» оказалась попыткой реализовать идеал такого искусства и литературы, которыми целиком дирижирует партия. Этого она усердно требовала, начиная с двадцатых годов. Результаты этой партийно-бюрократической оргии известны. Даже те из художников и литераторов, которые подчинились авторитету партийного руководства и стремились освободиться от него, поплатились потерей своих творений.

Партия, правда, в результате обеспечила себе командные высоты в литературе и искусстве, но управляла она беспорядочным нагромождением, состоявшим из страха, скуки и однообразия.

Доктор Дитрих Байрау,
профессор Йоганн Вольфганг Гете университета
во Франкфурте на Майне (ФРГ), январь 1994 г.

Перевод — Г. Бабич.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В последнее время сюжеты под общим заголовком «Художник и власть» обретают документальную основу. Многочисленные публикации, повествующие о гонениях на творческую интеллигенцию, методах политической цензуры, свидетельствуют о не ослабевающем внимании читательской аудитории к этой теме. В то же время, большой комплекс материалов остается пока неизвестным. Публикация ранее секретных архивных материалов позволит расширить представление о некоторых закулисных «мероприятиях» сталинской идеологической машины на «литературном фронте».

Выбор хронологических рамок издания связан с двумя постановлениями ЦК ВКП(б): «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., по которому двумя годами позже был создан Союз советских писателей СССР и «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г. Первоначально критерием отбора документов служили исключительно примеры вмешательства цензуры в творчество художника. В дальнейшем, во время ознакомления с огромным количеством документов архива, эта тема была дополнена материалами, отражающими все наиболее характерные черты взаимоотношений писательской общественности, отдельными литераторами с партийным аппаратом и его вождями. Включение в сборник разнообразных по характеру и виду документов поможет ярче показать современному читателю настроения и нравы бдительных ревнителей идеологической выдержанности, поступки и позицию жертв этой бдительности.

Часть безусловно любопытных источников не была включена составителем по причине достаточно прозаичной — объем книги ограничен. Большое количество материалов представлялось достаточно характерным и не требовало повторения. Не были включены в сборник и доносы писателей. Не попали в издание письма писателей с просьбами бытового характера, обращенные к властям.

Таким образом, книга, в которой упоминается более 200 имен писателей, поэтов, драматургов, критиков и сценаристов не претендует на исчерпывающее освещение проблемы взаимоотношений властей с писателями.

Из-за отсутствия материалов личного фонда И. В. Сталина, отдела Культпросветработы за 1930 г. и фонда Политбюро, по-прежнему недоступных исследователям, сегодняшний читатель будет ощущать оторванность фигуры «большого друга советских писателей» от происходивших событий на «литературном фронте». Участие других «видных» надсмотрщиков за литературой — А. С. Щербакова и А. А. Жданова, а также генералов от идеологии рангом ниже — Г. Ф. Александрова, Д. А. Поликарпова и других прослеживается достаточно полно. Боль-

шой комплекс документов отражает деятельность секретарей писательского союза — В. Ставского, Н. Тихонова и А. Фадеева.

В книгу включены письма М. Зощенко, Б. Пастернака, И. Эренбурга, К. Чуковского, А. Фадеева и других в адрес руководителей партии. Особое место в сборнике занимают документы относящиеся к постановлению ЦК о ленинградских журналах. В первую очередь — не правленная стенограмма первого пункта порядка дня заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 августа 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в обсуждении которого принимали участие Сталин, Жданов, Маленков и другие руководители партии.

Н. Асеев, А. Ахматова, А. Довженко, Л. Леонов, И. Сельвинский, М. Шагинян и другие известные и менее известные писатели — герои документов, в которых запечатлена история сопротивления сталинским догмам и штампам, история подавления свободомыслия.

В книге впервые помещаются все наиболее важные решения высших партийных органов ЦК в области художественной литературы, ясно раскрывающие обсуждаемый вопрос. (Исключения составили постановления ранне опубликованные в «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК»). Подборку таких документов, как правило, сопровождают так называемые приложения к протоколам постановлений ЦК — негласная работа Управления пропаганды и агитации.

В сборник включены документы Политбюро (Ф. 17. Оп. 3), Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) (Ф. 17. Оп. 116, 117), Отделов ЦК ВКП(б) 1920—1939 гг. (Ф. 17. Оп. 120), Секретариата Оргбюро ЦК ВКП(б) 1939—1948 гг. (Ф. 17. Оп. 121), Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) 1938—1948 гг. (Ф. 17. Оп. 125), А. С. Щербакова (Ф. 88), А. А. Жданова (Ф. 77), отложившиеся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (бывшем Центральном партийном архиве).

Археографическая обработка текстов документов проводилась в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990). Материалы расположены в хронологическом порядке. Документы публикуются полностью за исключением № 30 и № 65, в которых опускается текст не отвечающий смысловой направленности всего комплекса материалов книги. Все они имеют порядковый номер, дату и краткий заголовок. Документы, не содержащие дат, датируются по косвенным данным в квадратных скобках. Тексты документов публикуются в соответствии с правилами современной орфографии.

При публикации постановлений из протоколов Политбюро, Оргбюро или Секретариата ЦК ВКП(б) были опущены фамилии секретарей ЦК подписывающих протокол заседания высшего органа партии. (Так протоколы Политбюро подписывал Ста-

лин, Оргбюро и Секретариата Андреев и Жданов). Воспроизведение подписи в этом случае не отвечает исторической правде. Как правило вопросы решались опросным голосованием — «вкруговую» минимум двумя руководителями партии, о чем свидетельствует буква «г» после номера пункта решения ЦК. Иначе постановление принималось после обсуждения на самом заседании, на что указывает запись фамилий участников обсуждения в скобках после названия пункта протокола.

После каждого документа помещена легенда, в которой указывается подлинность материала. Ввиду того, что сборник составлен исключительно из документов РЦХИДНИ, название Центра опускается. В легенде даны указания на предыдущие публикации материала. Пометы и резолюции переданы только те, которые дают важные сведения о дальнейшем ходе дела или раскрывают отношение к нему представителей власти. Пояснения, относящиеся к тексту документов, даны в подстрочных примечаниях. При публикации документов не указываются подчеркивания карандашом помощников секретарей ЦК.

Из 101 документа сборника ранее были опубликованы лишь 16. В конце сборника помещен развернутый именной указатель и список советских периодических изданий.

Составитель выражает благодарность за помощь при подготовке книги главному специалисту РЦХИДНИ Л. П. Кошевой.

Часть I

№ 1

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г.

п. 21. Организационные вопросы в литературе и искусстве (1).

1. ЦК констатирует, что за последние годы на основе значительных успехов социалистического строительства достигнут большой как количественный, так и качественный рост литературы и искусства. Несколько лет тому назад, когда в литературе налицо было еще значительное влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще слабы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и искусства в целях укрепления позиций пролетарских писателей и работников искусства.

В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП (2), РАПП (3), РАМП (4) и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества. Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству. Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширения базы их работы.

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) постановляет:

1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП);

2) объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем;

3) провести аналогичное изменение по линии других видов искусства;

4) поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения.

Приложение к протоколу № 97 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.

Ф. 17. Оп. 3. Д. 881. Л. 22. Подлинник. Машинописный текст. Правда. 1932. 24 апреля.

Примечания:

1. В п. 21 было решено: «Принять проект предложений, внесенный т. Кагановичем, (см. приложение) и опубликовать в печати». Среди готовивших этот вопрос на рассмотрение Политбюро кроме Л. Кагановича были Л. Авербах и Ф. Панферов.

2. Всероссийская ассоциация пролетарских писателей. Основана в 1921 г.

3. Российская ассоциация пролетарских писателей. Массовая литературная организация. Основана в 1925 г.

4. Правильно: РАПМ. Российская ассоциация пролетарских музыкантов. Основана в 1923 г.

№ 2

**И. М. Гронский — И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу,
А. И. Стецкому**
[ранее июня 1933 г.]

Секретарям ЦК ВКП(б)

т. И. В. Сталину и Л. М. Кагановичу.

Завкультпропом ЦК ВКП(б)

тов. А. И. Стецкому

Второй пленум оргкомитета, заседавший с 12 по 19 февраля, прошел, в общем, так же успешно, как и первый пленум.

Наметившийся на первом пленуме поворот правых писателей в сторону советской власти (заявления Андрея Белого, М. М. Пришвина, Пантелеймона Романова, Рюрика Ивнева, Бор. Пильняка, украинских писателей и др.) оказался более значительным, чем мы предполагали в начале. На втором пленуме мы имели заявления **А. Н. Толстого, Янко Купала, Джавахишвили** и др., не говоря уже о кулуарных разговорах, которые показывают, что писатели решительно перестраиваются, а многие из них прямо ставят вопрос о переходе на позиции рабочего класса и о работе под руководством партии и по ее заданиям. Продвинулись мы вперед и в преодолении групповщины. На первом пленуме мы откололи от основной группы **РАППа тт. Фадеева, Чумандрина, Либединского, Ермилова и Селивановского**. На втором пленуме разоружились и перешли

на сторону оргкомитета тт. **Коваленко, Буачидзе, Макарьев** (он не мог выступить: работал на съезде колхозников) и **Грудская**. Что касается тт. **Афиногорова, Киришона и Авербаха**, то их позиция до сих пор остается невыясненной. В частных разговорах они заявляют, что у них нет никаких разногласий с оргкомитетом, но в своих выступлениях они прямо и резко не заявляли нигде о том, что в прошлом противодействовали проведению в жизнь решения ЦК от 23/IV (1). Хотя на пленуме я и критиковал выступление т. Афиногорова, но склонен думать, что у этих товарищей действительно нет разногласий с оргкомитетом, хотя личная неприязнь в отношении отдельных работников (например, т. Динамова) еще осталась. Эта неприязнь отчасти поддерживается еще и тем, что некоторые наши товарищи не понимают, что изменившаяся обстановка, созданная капитуляцией рапповцев, требует и изменения отношения к ним, требует перехода от политики недоверия и борьбы с ними к политике втягивания их в работу.

С групповщиной дело обстоит сейчас, примерно, так. **В РСФСР** — групповщина сломлена (особенно в Ленинграде); **в УССР** — тоже (там имеется небольшая группа «леваков», но и эта группа распадается; **в БССР** — происходит сейчас процесс распада групповщины. Если оргкомитет БССР не наглумит — групповщина там будет сломлена в ближайшие месяц-два; **в Армении** групповщина тоже распадается; **в Грузии и Азербайджане** групповщина еще не сломлена и там, по-видимому, придется основательно поработать над преодолением групповщины. Думаю, что к съезду писателей мы добьемся крепкого большевистского единства коммунистов, работающих в литературе.

*   *
*   *

Основным вопросом пленума оргкомитета, как Вы уже знаете, были доклады «О задачах советской драматургии». Здесь я не буду пересказывать содержание докладов и прений. Недели через две-три мы издадим материалы пленума и я сразу же перешлю их Вам. Замечу лишь, что вопросы драматургии вызвали огромный интерес, как среди писателей, так и среди театральных работников. Зал заседания пленума был буквально набит битком. И это несмотря на то, что мы очень скупо раздавали гостевые билеты. Объяснить этот повышенный интерес к драматургии можно только одним: очень слабой разработанностью вопросов драматургии, отсутствием в этой области четкой линии, указывающей драматургам, в каком направлении им надлежит развивать советскую драматургию. Пленум дал богатейший материал для работы и драматурга, и критика; он наметил, но еще не решил поставленных перед драматургией вопро-

сов. Нам придется основательно поработать над выработкой «театрального документа» и мы за эту работу уже засели.

Очень удачно получилось с опубликованием постановления СНК Союза ССР о конкурсе на пьесу. За день до опубликования выступил на пленуме с информацией о конкурсе **тов. Стецкий** и в день окончания обсуждения этого вопроса был опубликован декрет (2). Это прекрасно закрепило работу пленума.

Доклады закавказских оргкомитетов носили информационный характер. Докладчики рассказывали о развитии литературы этих народов, в прениях же больше всего говорилось о групповщине. Мы имеем там большой подъем литературы, особенно в Грузии и Армении. Литературой занимаются в Грузии и Армении серьезно. В Азербайджане, наоборот, литературой никто не занимается. Оргкомитет работает там слабо. Работников, способных руководить литературой, партийный комитет не дает, а сваливает всю работу на т. Ибрагимова, очень хорошего молодого большевика, но абсолютно не авторитетного для писателей человека.

Устав союза приняли за основу и поручили президиуму утвердить окончательную его редакцию.

Что нужно сделать для того, чтобы закрепить работу пленума? **Нужно:**

1) Разрешить оргкомитету утвердить устав и приступить к формированию союза (прием членов и т. д.);

2) разрешить оргкомитету СССР выпустить ежемесячный журнал «Литература народов Союза ССР», примерно, в 17 печатных листов;

3) утвердить название литературно-критического журнала (постановление ЦК об его издании имеется). Мы предлагаем назвать этот журнал «Советская литература» и утвердить редактором этого журнала **т. Кирпотина**.

4) Разрешить оргкомитету произвести ликвидацию «Всероскомдрама» и создать при оргкомитете секцию драматургов (3).

Вот, примерно, и все, о чем мы просим ЦК. Как только эти решения будут приняты ЦК ВКП(б), мы сразу же развернем работу по подготовке съезда писателей, повестку дня которого, докладчиков и тезисы мы, само собой разумеется, вынесем на утверждение ЦК (4).

СЕКРЕТАРЬ ФРАКЦИИ:

И. Гронский

Р. С. Для сведения посылаю стенограммы двух своих выступлений на пленуме оргкомитета: по докладу т. Луначарского (от 16/II) и при закрытии пленума (от 19/II). В первой речи я сделал попытку изложения взглядов тов. Сталина на воспитательное значение литературы, в особенности драматургии, и

коснулся тех вопросов, над которыми работаю в порядке подготовки к съезду писателей (анализ возрождения, о пролетарской и социалистической литературе и переходе писателей на позиции рабочего класса, о Горьком и т. д.). Выдвинутые в ней положения — черновые наброски, которые нужно еще разработать.

И. Гронский

Ф. 17. Оп. 120. Д. 127. ЛЛ. 1—4. Машинописный текст. Подпись — автограф И. М. Гронского.

Примечания:

1. См. док. № 1. 7 мая 1932 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) рассмотрел «практические мероприятия по проведению в жизнь решения Политбюро о перестройке организаций писателей». Был утвержден организационный комитет Союза советских писателей по РСФСР во главе с почетным председателем М. Горьким. И. Гронский был назначен председателем Союза и секретарем коммунистической фракции, В. Кирпотин ответственным секретарем Союза. Аналогичные оргкомитеты создавались на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане. Был образован оргкомитет всесоюзной федерации советских писателей в составе оргкомитета РСФСР и представителей оргкомитетов республик. Всероссийский оргкомитет должен был принять все дела и имущество РАПП, осуществлять руководство «всеми существующими организациями писателей, а также и всей сетью существующих литературных кружков» до созыва съезда писателей РСФСР.

2. Имеется в виду постановление СНК СССР № 229 от 17 февраля 1933 г. «Об организации среди писателей СССР конкурса на лучшие пьесы», которое 18 февраля было опубликовано в «Известиях».

3. Всероссийское общество советских драматургов, композиторов, авторов кино, клуба и эстрады. Существовало в 1931—34 гг.

4. Первый Всесоюзный съезд писателей открылся в Москве 17 августа 1934 г. Первоначальный срок открытия съезда 20 июня 1933 г. был утвержден на заседании Оргбюро ЦК 22 марта 1933 г. 15 июня 1934 г. Политбюро утвердило предложение Культпропа ЦК ВКП(б) от открытия съезда писателей 15 августа 1934 г. В течение 1933 и 1934 гг. Политбюро принимало решение о выделении Оргкомитету Союза писателей из резервного фонда СНК СССР в общей сложности (на создание Литфонда и проведение съезда) 2 миллиона 350 тысяч рублей. Из этой суммы предполагалось, в частности, выделить 1, 2 млн. рублей на Литфонд, на бесплатное 15-ти дневное питание (завтрак, обед и ужин) делегатов 262,5 тыс. рублей, аренду и художественное оформление Колонного Зала Дома Союзов 67.500 рублей и т. д.

№ 3

Черновик письма А. А. Жданова — И. В. Сталину
[28 августа 1934 г.]

Дорогой тов. Сталин!

На съезде писателей сейчас идут прения по докладам о драматургии. Вечером доклад Бухарина о поэзии. Думаем съезд кончать 31-го. Народ уже начал утомляться. Настроение у делегатов очень хорошее. Съезд хвалят все вплоть до несправи-

мых скептиков и иронизеров, которых так немало в писательской среде.

В первые 2 дня были серьезные опасения за съезд. Это было когда шли доклады по первому вопросу (1). Поскольку они читались, народ бродил по кулуарам. Съезд как-то не находил себя. Зато прения и по докладу Горького и по докладу Радека были очень оживленные (2). Колонный зал ломился от публики. Подъем был такой, что сидели без перерыва по 4 часа и делегаты не ходили почти. Битком набитая аудитория, переполненные параллельные залы, яркие приветствия, особенно пионеров, колхозницы Смирновой из Московской области здорово действовали на писателей. Общее единодушное впечатление — съезд удался.

Писатель увидел отношение страны к литературе, увидел самого себя, почувствовал огромную ответственность за свою деятельность. Поэтому все речи носили отпечаток серьезной подготовки. Общий тон, заданный на съезде, как-то исключил сразу же возможность превратить съезд в арену групповой борьбы. Все старались, как умели, перекрыть друг друга **идейностью** выступлений, глубиной постановки творческих вопросов, внешней отделкой речи.

Большую роль в этом деле сыграло предупреждение, которое мы сделали на 2-х собраниях коммунистов перед съездом — партгруппы оргкомитета и съезда, где предупредили об опасности Рапповских настроений и о том, что ЦК крепко ударит по групповым настроениям, если они вылезут на съезд.

Вчера мы сделали еще одно предупреждение в связи с предстоящим докладом Бухарина. Группа поэтов коммунистов (Безыменский и др.) собиралась проработывать Бухарина на съезде, используя его обычные прегрешения против диалектики, собиралась разгромить и связать с прошлыми ошибками.

Мы заявили на комгруппе Президиума, что 1) осуждаем предварительные групповые совещания, 2) что, критикуя отдельные положения в части поэзии, не позволим перенести критику в сферу политических обобщений. При этом подчеркнули, что тактика принятая перед съездом целиком оправдала себя в процессе съезда. Коммунисты обещали приложить все силы, чтобы не подгадить (3).

Предупреждения ЦК, обстановка на съезде, вокруг съезда заставили «рапповцев» и им «сочувствующих» переменить фронт и вместо свержения кабинетов показать товар лицом — выступать с творческим багажом. Что касается выступлений, то коммунисты выступили бледнее, серее, чем беспартийные. Отсюда, однако, мне кажется, несправедливо делать такие выводы какие делал Горький, когда до съезда говорил и писал, что коммунисты не имеют никакого авторитета в писательской среде. Речи беспартийных [...]

Примечания:

1. 19 августа на съезде были заслушаны содоклад С. Я. Маршака «О детской литературе» и доклад И. Ю. Кулика «О литературе УССР».

2. Прения по докладу А. М. Горького «О советской литературе» проходили 21—24 августа. 25 и 26 состоялось обсуждение доклада К. Радека «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства».

3. На доклад Н. И. Бухарина «О поэзии поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» по его собственному выражению в заключительном слове «был сделан целый ряд ожесточенных нападок». Прежде всего он имел в виду выступление Д. Бедного, А. Безыменского, А. Жарова, С. Кирсанова и А. Суркова.

№ 4

А. С. Щербаков — А. М. Горькому
23 февраля 1936 г.

Уважаемый Алексей Максимович!

Считаю необходимым сообщить Вам о следующем:

22 февраля я получил от М. Шагинян заявление о выходе ее из ССП. Так, как из заявления трудно было все-же понять какая муха Шагинян укусила, то я поручил тов. Павленко переговорить с ней. Из этого разговора выяснилось, что она — Шагинян — всегда была против союза писателей, что вступала в него она с колебаниями и что теперь она окончательно убедилась в бесполезности союза. Попутно выяснилось, что она против линии «Правды» на борьбу с формализмом в музыке, архитектуре, литературе.

После этого я вызвал Шагинян в секретариат для официального объяснения. На мой вызов она не явилась, а по телефону сообщила, что исчерпывающие объяснения она дала в письме на имя тов. Андреева А. А. и что добавить к этому ничего не может.

Мы расценили выходку Шагинян, как антисоветскую, решили по ней крепко ударить, с расчетом чтобы и другим неповадно было. Состоялось заседание президиума Правления которое единогласно приняло по заявлению Шагинян осуждающее ее решение. Шагинян на этом заседании присутствовала и постепенно, не сразу, но в конце-концов признала свою выходку грубой политической ошибкой.

Думаю, что поведение Секретариата Вы одобрите. Прилагаю решение президиума (1). В «Правде» выходка Шагинян тоже нашла соответствующую оценку (2).

Федину в Москве дадим немедленно квартиру, как только дом будет окончательно отделан. Дачу также дадим. Есть только такое затруднение — [бывшая] дача Тарасова-Родионова не закончена строительством, потребуется еще некоторое время. Я думаю посоветовать Федину, чтобы он на время пока будет доделываться дача и квартира пожил под Москвой в одном из домов отдыха.

С В. Ивановым договорились так, он будет продолжать работать, пока не изберем нового председателя Литфонда (3). Кстати он выдвигает на эту работу Федина, что Вы на это скажете?

Прошу принять мой привет Вам.
28/II—36 г.

А. Щербаков

Ф. 88. Оп. 1. Д. 503. Л. 1. Машинописный текст. Последнее предложение и подпись — автограф А. С. Щербакова.

Примечания:

1.

Решение

Президиума правления Союза Советских писателей СССР по поводу заявления М. Шагинян о выходе из Союза писателей.

Президиум правления Союза Советских Писателей решительно осуждает заявление Мариэтты Шагинян о выходе из Союза Сов. Писателей, как акт глубоко антиобщественный находящийся в резком противоречии с элементарными требованиями предъявляемыми члену любого советского коллектива. Президиум Правления признает мотивы выхода из Союза, изложенные М. Шагинян в ее заявлении совершенно неосновательными и носящими характер огульных клеветнических обвинений по адресу писательской общест-венности советской страны. М. Шагинян обнаружила в своем заявлении непонимание роли и места в Советской стране, а также чванство, зазнайство и переоценку своего значения в литературе.

Президиум Правления ССП принимает к сведению заявление М. Шагинян, сделанное ею на заседании Президиума, что ее заявление о выходе из ССП и мотивы изложенные в нем являются грубой политической ошибкой. (Ф. 88. Оп. 1. Д. 503. Л. 2. Незаверенная машинописная копия).

2. Речь идет о статье Д. Осипова «Мечты и звуки Мариэтты Шагинян», опубликованной 28 февраля 1936 г.

3. Литературный фонд СССР образован в 1934 г. при Союзе советских писателей СССР на основании постановления СНК, утвержденного Политбюро ЦК ВКП(б) 27 июня 1934 г.

№ 5

Б. А. Пильняк — А. И. Микояну
25 мая 1936 г.

BORIS PILNYK
Москва 40,
ул. Правды, 1/А, 21
тел. Д 1 77 12
25 мая 936 (1)

Дорогой и высокоуважаемый Анастас Иванович!

При нашем свидании Вы спросили меня, почему я держусь особняком в советской литературе? — Не я держусь особняком, но так меня держат некоторые советские критики. Разрешите просить Вас прочитать прилагаемую здесь газетную вырезку

из «Литературной газеты» от 24-го мая, ибо она касается не только меня, но и Вас (2). Я не держал в секрете, ибо никак не считал (и не считаю) моих дел антисоветскими и антисанитарными, когда — через редактора одного из лучших в СССР толстых журналов И. М. Гронского — принял Вашу инициативу и приступил к написанию «Мяса». По газетной вырезке, как Вы видите, я написал —

«рекламное объявление для бакалейной лавки»

и

«Россию обманываю. Всю Россию. Отечество обманываю».

А также, когда рукопись была передана «заказчику», —

«оба почувствовали себя неловко, как будто совершили какую-то пакость». Книга, написанная по инициативе Наркомпищепрома (3) и Гронского, напечатана и известна (4). По информации рецензента «Литературной газеты» — по аналогии — получается, что Наркомпищепром — «бакалейная лавочка», для которой написано «рекламное объявление», обманывающее вместе с «заказчиком» «всю Россию» и совершенное, как «пакость».

Я пишу Вам не к тому, чтобы иллюстрировать, как «особняком» держат меня некоторые критики, — но для того, чтобы обратить Ваше внимание на то, как некоторые «советские критики» расценивают деятельность Наркомпищепрома.

Разрешите приветствовать Вас,
навсегда благодарный

Бор. Пильняк.

Копию этого письма я направляю
отв. секретарю Союза Писателей СССР
тов. А. С. Щербакову.

Ф. 88. Оп. 1. Д. 570. Л. 1. Машинописный текст. Подпись — автограф Б. А. Пильняка.

Примечания:

1. Так в тексте.
2. Речь идет о статье А. Эрлиха «Подрядная литература».
3. Народный комиссариат пищевой промышленности.
4. Роман «Мясо», написанный Б. Пильняком в соавторстве с С. Беляевым был опубликован в № 2, 3, 4 журнала «Новый мир» в 1936 г.

№ 6

А. И. Ангаров, В. Я. Кирпотин — Л. М. Кагановичу,
А. А. Андрееву, Н. И. Ежову
29 августа 1936 г.

Секретарям ЦК ВКП(б)

- тов. Кагановичу Л. М.
- тов. Андрееву А. А.
- тов. Ежову Н. И.

25-го и 26-го августа заседала партгруппа правления Союза советских писателей, посвященная обсуждению приговора над

троцкистско-зиновьевскими террористами (1) и статей в печати сигнализировавших о недостатке самокритики в Союзе советских писателей.

Собрания эти имеют большое значение для жизни Союза писателей. То обстоятельство, что бандит Пикель был членом Союза, что в составе Союза был обнаружен ряд двурушников и предателей (Серебрякова, Селивановский, Грудская, Трощенко, Тарасов-Роднонов и др.) заставило партгруппу пристально рассмотреть и свою работу и свои ряды. Самокритику в Союзе возглавил секретарь правления тов. Ставский. В процессе обсуждения был вскрыт ряд важных фактов. Писатель Иван Катаев (чл. партии с 1919 года) в 1928 году ездил к сосланному в Липецк троцкисту Воронскому за директивами о работе литературной группы «Перевал» (2). Активные связи с осужденными троцкистами Катаев поддерживал систематически, оказывая им денежную помощь. Денежную помощь он оказывал осужденным троцкистам Мирову и Малееву (3). Последний написал книжку, восхваляющую расстрелянного Смирнова, который был тогда директором завода комбайнов. Книжка не увидела света вследствие вмешательства Главлита (4). Катаев все время покровительствует писателю Зарудину, исключенному из партии троцкисту. В 1932 году Ив. Катаев заявил о ликвидации литературной группы «Перевал». На самом деле группа продолжала существовать при активном участии Воронского. Группа добивалась печатного органа под названием «Тридцатые годы», вплоть до последнего времени, когда Иван Катаев и Пильняк настойчиво стремились получить разрешение на издание альманаха под этим названием. Решением партгруппы постановлено **исключить Ивана Катаева из партии**. На заседании партгруппы резкой критике подверглась работа журналов и «Литературной газеты». В «Новом Мире» (ред. Гронский) Пикель печатался из номера в номер. Гронский не мог дать удовлетворительных объяснений по этому поводу. Редактор «Красной Нови» Ермилов активно защищал связанного с Каталыновым и арестованного Мазнина. В аппарате редакции работает бывший секретарь Каменева — Черняк. В «Октябре» печаталась Серебрякова; в устроенной «Октябрем» дискуссии об историческом романе выступали Фридлянд и Тер-Ваганян, выступления их были напечатаны в журнале. В «Театре и драматургии» Афиногенов вообще печатает сомнительных людей (бывший белогвардеец Крути, Зонин) по мотивам, как выразился Ставский, неделового порядка, т. е. за то, что они хвалят пьесы его и его друга Киршона. Удалению таких сотрудников Афиногенов всегда сопротивлялся. «Литературная газета» не только не вела работы по разоблачению троцкистов и зиновьевцев в литературе, но уже в дни процесса выходила с совершенно академическими статьями и напечатала хвалебную рецензию о книжке арестованного троцкиста Агола. Редактор газеты Субоцкий, кото-

рый в то же время является военным прокурором, жалуется, что у него нет работников и помощи.

Резкой критике подверглась работа коммунистов с беспартийными. Приводились факты: Инбер живет сейчас на даче у члена партии Беспалова. Инбер — родственница Троцкого, дочь его двоюродного брата. Инбер выступила плохо на митинге писателей, а в кулуарах говорила, что ее заставили выступить (5). Беспалов, живя с ней в одном доме, ничего не сделал, чтобы подготовить ее выступление.

Резкой критике подверглась работа парторганизации правления Союза писателей. Секретарь парткома Марченко (ныне снятый райкомом), он же помощник ответственного секретаря правления ССП, связанный с Серебряковой, превратился в лучшем случае в ее литературного холуя. Во главу угла своей работы он поставил рекламу ее книжек: устраивал обсуждения их на заводах, добивался благоприятных рецензий и т. д. уволенных из других звеньев литературного аппарата он устраивал у себя. В частности, устроил на работу в Доме Сов. писателя уволенного из Литфонда арестованного ныне НКВД Исаева. Заявления о непартийном поведении отдельных членов организации он клал под сукно с пометкой «к делу», не показывая их другим членам парткома. Он глушил самокритику в партийной организации.

Партгруппа правления ССП постановила поставить перед парторганизацией вопрос об исключении Марченко из партии. На партгруппе обсуждался также вопрос о работе Литфонда. Около Литфонда много рвачества. Люди, чрезвычайно задолжавшие Литфонду, вновь и вновь берут ссуды. Писатели, живущие в данном городке в Переделкинне, не вносят даже обыкновенной квартплаты, которую вносит любой член дачного кооператива. Квартплату внесли всего 4 человека. Ряд писателей с семьями месяцами живут за советский счет в санаториях. По записочкам технических секретарей со ссылкой на руководство выдавались огромные суммы, например, 10000 рублей выгнанному из партии Тарасову-Родионову.

Средства Литфонда часто шли во вражеские руки. Так, уполномоченный Литфонда в Новосибирске троцкист Вегман превратил Литфонд в кассу для троцкистов.

Патгруппа постановила ликвидировать отделения Литфонда в областях, кроме Ленинграда, и приостановить выдачи ссуд до проверки работы Литфонда.

Из выступлений следует еще отметить речь т. Ильенкова, который отметил, что Авербах, как руководитель РАППа, собрал и воспитал вокруг себя целую группу врагов партии: Макарьев, б[ывший] секретарь РАППа, теперь арестован, Мазнин (арестован), Селивановский (при РАППе редактор «Лит. газеты»), Грудская, Трощенко — исключены из партии и др.

В заключение на партгруппе выступили т. т. Лахути и Став-

ский. Тов. Лахути говорил, что избранный после съезда писателей секретарем правления, он фактически стал секретарем после прихода к руководству тов. Ставского, что раньше его отстраняли от руководства, третировали его, а аппарат прямо издевался над ним, вплоть до того, что его не пускали в его собственный кабинет.

Тов. Лахути при всеобщем внимании рассказал об отеческом внимании и заботе, оказанной ему лично тов. Сталиным.

Тов. Ставский сделал выводы из двухдневной работы партгруппы. Он очень много говорил о заботах вождя партии т. Сталина по отношению к писателям и литературе.

Заседание партгруппы закончилось сплоченно и дружно, под сильным впечатлением выступлений о поддержке, оказываемой советской литературе, любимым вождем партии и страны т. Сталиным.

Президиум

25 августа состоялось заседание президиума ССП, на котором обсуждался приговор Верховного Суда над троцкистско-зиновьевским центром. Из беспартийных на нем выступали В. Инбер, Леонов, Ромашов, Погодин, Луговской, Олеша и Трнев.

В. Инбер признала свое выступление на митинге плохим, сказала, что она является родственницей Троцкого и потому должна была особенно решительно выступить с требуемым расстрелом контрреволюционных убийц.

Остальные писатели единодушно выразили свое одобрение приговору Верховного Суда.

Следует однако отметить, как плохое, выступление Олеша; он защищал Пастернака, фактически не подписавшего требования о расстреле контрреволюционных террористов, говоря, что Пастернак является вполне советским человеком, но что подписать смертный приговор своей рукой он не может. Олеша принадлежал к числу тех писателей, которых спаивал троцкист-террорист Шмидт, подготовляющих покушение на тов. Ворошилова (со Шмидтом пили Бабель, Малышкин, Валентин Катаев, Никулин, Олеша). Из этого факта Олеша не сделал никаких выводов для себя. Он оправдывался тем, что он ничего не знал, что он смотрел на Шмидта только как на человека с героическим военным прошлым, хотя сам же указал, что его иногда поражало в Шмидте большое честолюбие. Касаясь союзных дел все беспартийные писатели, выступавшие на собрании, отмечали плохую работу Союза писателей. Леонов говорил о засоренности состава Союза. Ромашов говорил об одиночестве, которое он чувствует в Союзе. Погодин говорил, что когда он работал в «Правде», он через коллектив «Правды» чувствовал связь с партией, через Союз писателей он связи с партией не чувствует. Об этом же говорил К. Трнев, специально при-

ехавший из-под Воронежа, когда он узнал о процессе. Особенно жестоко критикует Тренев секцию драматургов (отв. секретарь Киришон). Секцию драматургов сурово критиковали также Погодин и Ромашов.

Тренев и Погодин указывали на необходимость политической работы в Союзе, при этом не только в экстренных случаях.

Писатель Федин, бывший на президиуме Союза, не выступал. Большинство выступавших указывало, что в последнее время в работе Союза советских писателей намечилось улучшение.

ЗАМ. ЗАВ. ОТДЕЛОМ КУЛЬТПРОСВЕТ-
РАБОТЫ ЦК ВКП(б)

А. Ангаров

ЗАВ. СЕКТОРОМ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Кирпотин

29/VIII—36 г.

Ф. 17. Оп. 120. Д. 257. ЛЛ. 14—19. Машинописный текст.
Подписи — автограф А. И. Ангарова и В. Я. Кирпотина.

Примечания:

1. Речь идет о приговоре по делу так называемого троцкистско-эпштейнского центра, который был вынесен Верховным судом СССР 24 августа 1936 г.

2. В литературную группу «Перевал» (1923—32 гг.), возникшую при журнале «Красная Новь», входили А. Воронский, Д. Горбов, А. Лежнев и др. Выпустили сборник «Перевал», № 1—6, 1924—28 гг.

3. Вероятнее всего речь идет о Милеве Димитру.

4. Главное управление по делам литературы и издательств. Осуществляло предварительный и последующий контроль за издательской деятельностью, в первую очередь, политико-идеологический.

5. Имеется в виду общесоюзное собрание писателей, проходившее 21 августа 1936 г. (Литературная газета. 1936. 27 августа. С. 3).

№ 7

А. И. Ангаров — И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу,
А. А. Андрееву, А. А. Жданову, Н. И. Ежову
27 марта 1937 г.

Секретарю ЦК ВКП(б)

- тов. Сталину И. В.
- тов. Кагановичу Л. М.
- тов. Андрееву А. А.
- тов. Жданову А. А.
- тов. Ежову Н. И.

Ответственным редактором и фактическим руководителем журнала «Новый мир» с 1932 г. является И. Гронский.

О его неудовлетворительной работе в журнале уже не раз

ставился вопрос в писательских организациях и в Комиссии Партийного Контроля. Для этого имеются достаточные основания.

1. Гронский систематически пригревал в своем журнале врагов партии.

Сотрудниками журнала, пользовавшимися особым вниманием Гронского, были Пильняк, Зарудин, Ив. Катаев, оказывавшие материальную помощь высланным троцкистам, контрреволюционеры — троцкисты — Пикель и Макаров, враг народа Павел Васильев, которого Гронский продолжал печатать и субсидировать до последнего времени. Все эти люди являлись основным костяком журнала и личными друзьями редактора Гронского.

2. Журнал «Новый мир» под руководством Гронского является выразителем хвостистских настроений отдельных писателей, очагом политической безграмотности и грязной пошлости.

В журнале за 1935 год напечатан роман Рансы Азарх «Пятая армия», содержащий грубейшие извращения истории нашей партии. В 1935 и 1936 году в журнале печатались безграмотные стихи Сельвинского и политически вредные произведения Пастернака, Спектатора, Сысоева.

О романе Азарх было вынесено специальное постановление ЦК, которое требовало от Гронского решительного исправления ошибок журнала. Никаких выводов из этого постановления Гронский не сделал.

Лучшие писатели, в том числе А. Толстой и Павленко ушли из журнала. Никакой работы с беспартийными писателями в журнале не проводится. В одном из своих докладов в 1936 г. И. Гронский охарактеризовал формализм как контрреволюционное течение, заявив, что формалисты на Украине арестованы. Эти вредные взгляды и безответственная ложь посеяли среди беспартийных писателей тревогу и сомнения. Журнал никаким авторитетом не пользуется. Критику в журнале монополизировали Гронский и сотрудник Рожков, заполняющие страницы журнала вредной галиматьей и проповедующие эстетические и часто откровенно чуждые «теории» (Прудон — отец эстетики, натурализм — обязательная ступень для художника, коммунизм — это самопожертвование, советский художник не может правдиво изобразить капитализм и т. д.) Вся эта антимарксистская дребедень из номера в номер пропагандируется в журнале «Новый мир».

Отдел культпросветработы ЦК ВКП(б) считает необходимым Гронского немедленно с работы снять.

Проект постановления прилагается.
Зам. зав. Отделом культпросвет-
работы ЦК ВКП(б)

Ангаров.

№ 101

27 марта 1937.

Отп. 6 экз.

1. — т. Сталину.
2. — т. Каганович.
3. — т. Андрееву.
4. — т. Жданову.
5. — т. Ежову.

Проект.

Постановление ЦК ВКП(б)

Тов. ГРОНСКОГО И. снять с работы редактора журнала «Новый мир». Утвердить редактором журнала т. Кирпотина В. Я. (1).

А. Ангаров

27 марта 1937 года.

Ф. 17. Оп. 120. Д. 257. ЛЛ. 78—80. Машинописный текст.
Подпись — автограф А. И. Ангарова.

Примечание:

1. Постановление принято не было.

№ 8

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О пьесе И. Сельвинского «Умка — Белый Медведь».

21 апреля 1937 г.

п. 27. О пьесе И. Сельвинского «Умка — Белый Медведь».

1. Снять с репертуара пьесу И. Сельвинского «Умка—Белый Медведь», поставленную московским «Театром Революции», как антихудожественную и политически недостойную советского театра.

2. Указать т. Керженцеву на слабость контроля Комитета по делам искусств в отношении репертуара московских театров.

3. Дать в газетах (в хронике) сообщение о снятии с репертуара пьесы И. Сельвинского «Умка — Белый Медведь».

Из протокола № 49 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июня 1937 г.

Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 9. Подлинник. Машинописный текст.

А. И. Ангаров, Е. М. Тамаркин — И. В. Сталину,
Л. М. Кагановичу, А. А. Андрееву, А. А. Жданову,
Н. И. Ежову.
3 мая 1937 г.

СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б)

— тов. СТАЛИНУ И. В.
тов. КАГАНОВИЧУ Л. М.
тов. АНДРЕЕВУ А. А.
тов. ЖДАНОВУ А. А.
тов. ЕЖОВУ Н. И.

Состояние руководства писательской общественностью со стороны Правления Союза советских писателей и его Секретариата внушает серьезную тревогу.

Ответственными секретарями Союза являются т. т. Ставский, Лахути и Всеволод Иванов. Фактическое руководство Союзом сосредоточено в руках тов. Ставского, так как т. Лахути не может, а Всеволод Иванов не может и не хочет заниматься делами Союза писателей. Под руководством тов. Ставского Союз советских писателей из общественной организации превратился в казенное, сугубо бюрократическое учреждение, построенное на началах административно-управленческого аппарата. Президиум правления и правление Союза советских писателей созывается крайне редко, да и то только по организационным и бытовым вопросам. Жалобы и заявления, подаваемые правлению Союза писателей, по два года лежат не рассмотренными.

Творческая общественность на заседания президиума не приглашается и не допускается. Вопросы приема в Союз писателей и исключения из Союза решаются «опросом», который принимает характер решения при наличии только одной подписи т. Ставского. Все вопросы в Союзе решаются аппаратом, состоящим в своем большинстве из малоквалифицированных людей.

Творческими вопросами ССП по существу не занимается; писателей, кроме небольшой группы именитых, знает слабо, писателям в их работе не помогает. Такое положение, естественно, создало разрыв между руководителями ССП и массой писателей.

С писателями — середняками, не имеющими «имени», и начинающей писательской молодежью тов. Ставский и его аппарат разговаривают грубо. Ни помощи, ни внимания в Союзе писателей они не находят. В Союз они приходят только по бытовым вопросам (деньги, квартира, путевка на лечение), да и то неохотно, так как каждое их обращение в Союз связано с

многочасовыми ожиданиями в очередях, чреватой длинной и издевательской волокитой, грубостью и бездушным к их нуждам и запросам.

Кроме маленькой группы корифеев, приближенных к руководству и пользующихся всеми благами Союза, никто не знает чем заняты руководители Союза, так же как руководители Союза не знают чем занята и о чем думает масса писателей. Никакой воспитательной работы Союз писателей среди своих членов не ведет. Прекрасный и хорошо обставленный Дом писателя почти бездействует. Решения совещаний отдельных секций в 1936 г. (оборонной, кинодраматургов) до сих пор не утверждены президиумом и не реализованы.

Индивидуальности каждого писателя, его манеры письма, его творческого метода, волнующих его вопросов, руководство Союза писателей не знает и не изучает. И поэтому в вопросах критики того или иного писателя руководство Союза своей точки зрения не имеет: оно идет на поводу у каждого отдельного критика, раболепствуя перед «авторитетами».

Для иллюстрации этого достаточно указать, что антихудожественные и поверхностные произведения Киршона («Большой день») и Афиногенова («Салют, Испания») под руководством Союза восхвалялись, в то время как Вирта («Одиночество») и Островский («Как закалялась сталь») были подняты печатью помимо руководства ССП.

Критика произведений в Союзе носит односторонний характер. Вскрывая ошибки того или иного произведения, критика не говорит о творчестве писателя в целом, не показывает пути исправления его ошибок. В итоге такой критики писательская активность людей снижается. Кое-кто из писателей вообще бросил писать и замкнулся в свою скорлупу (Асеев, Светлов). Отсутствие воспитательной работы среди писателей, неумение направить их по нужному пути, приводит некоторых из них к пессимизму, к неверию в свои силы, а иногда даже к внутренней озлобленности.

Проводившееся врагами народа (Бухариным, Радеком, Авербахом и др.) противопоставление партийных писателей непартийным, и сейчас, вследствие слабости руководства Союза, находит свое отражение в среде писателей. Об этом с полным основанием говорил на собрании писателей тов. Фадеев. Об этом свидетельствует и такой факт: в Переделкино, где живет около 40 семей писателей, в числе которых 15 коммунистов, беспартийные писатели отдельно от коммунистов обсуждают вопросы, связанные с их работой и работой своего Союза, договариваются о единых выступлениях и т. д. С другой стороны, и коммунисты мало интересуются жизнью, работой и настроениями беспартийных писателей. Появление того или иного коммуниста в квартире беспартийного писателя связано обычно с проведением той или иной кампании. Не удивительно, ес-

ли в настроениях «переделкинцев», где живут Пильняк и Пастернак, много чуждого и наносного. Это прямое следствие бездеятельности Союза. До сих пор не изжита в Союзе групповщина. Она вредно сказывается на всей работе Союза. В борьбе против руководства Союза отдельные группки договариваются до необходимости ликвидации Союза и замены его группами вокруг журналов. Ни тов. Ставский, ни президиум Союза не ведут борьбы против групповщины, не разоблачают ее существа.

Молодежью Союз не занимается, в Союзе нет для них ни консультации, ни заботы, ни внимания. Всю эту большую работу Союза перевалил на Гослитиздат, который этим делом тоже занимается формально. В результате отсутствия помощи в работе, такая талантливая молодежь как Авдеенко («Я люблю») и Шухов («Ненависть»), вместо движения вперед, покатились в своем творчестве назад.

Вокруг Союза писателей работают ряд художественно-литературных журналов («Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Октябрь» и др.), которыми Союз писателей не занимается. При попустительстве со стороны Союза, страницы наших журналов в ряде случаев были предоставлены врагам народа.

Отдел Культпросветработы ЦК ВКП(б) считает необходимым:

1. Укрепить Секретариат ССП, введя в состав его т. т. П. Юдина и Всеволода Вишневского.

2. Обязанности первого секретаря ССП возложить на тов. Юдина, освободив его от работы в аппарате ЦК.

3. Принять Секретарю ЦК группу советских писателей, по вопросам литературы.

Зам. Зав. Отделом Культпросветработы
ЦК ВКП(б)

Зав. Сектором

А. Ангаров

Тамаркин

№ 130

3.5.37

Отп. 6 экз.

1. — т. Сталину
2. — т. Кагановичу
3. — т. Андрееву
4. — т. Жданову
5. — т. Ежову
6. — в дело

Ф. 17. Оп. 120. Д. 304. ЛЛ. 171—175. Машинописный текст.
Подписи — автограф А. И. Ангарова и Е. М. Тамаркина.

Ф. И. Шабловский — А. А. Андрееву

17 декабря 1937 г.

СЕКРЕТАРИУ ЦК ВКП(б) тов. АНДРЕЕВУ А. А. (1).

24 декабря с. г. в Тбилиси откроется заседание Пленума Правления Союза Советских Писателей, посвященного памяти Шота Руставели.

Ответственный секретарь Союза писателей тов. В. П. Ставский считает необходимым использовать пленум для проведения организационных мероприятий по укреплению органов управления Союза советских писателей СССР и предлагает провести довыборы членов Президиума Правления Союза и членов секретариата Союза.

В настоящее время положение с руководящими органами Союза Писателей таково: из 101 члена Правления, избранного на съезде писателей в 1934 году, осталось 58 человек — остальные выбыли по причинам смерти, исключения из Правления и разоблачения их как врагов народа; последних оказалось 33 человека; в Президиуме Правления Союза из 37 человек осталось 21, причем собрать всех трудно и заседания президиума неправомочны из-за отсутствия кворума; в секретариате Союза из 5 человек осталось 3 — Ставский, Лахути и Всеволод Иванов, так как т. Щербаков выбыл из-за перехода на другую работу, а бывший член секретариата Кулик оказался врагом народа. Секретариат Союза в данном виде мало работоспособен. Отношения между Лахути и Ставским натянуты и пользы Лахути приносит мало. Всеволод Иванов находится в затруднительном материальном положении и весьма заинтересован в творческой работе, чтобы вылезть из долгов. Остается один т. Ставский, который по существу и тянет всю работу. Но на одного его возлагать все руководство работой нельзя.

Тов. Ставский предлагает доизбрать в президиум Союза членов ВКП(б) т. т. Всеволода Вишневецкого, В. Герасимову, а также беспартийных т. т. Н. Погодина, К. Тренева, Л. Соболева и П. Тычину. По нашему предложению т. Ставский ставил вопрос о кандидатурах в Президиум и секретариат Союза предварительно на партгруппе Союза писателей и выдвигает эти кандидатуры с ведома и согласия партгруппы.

Выдвигаемые т. Ставским кандидатуры по его расчету для пленума будут приемлемы и избрание их пройдет без осложнений. Единственно, кто вызывает некоторые сомнения это Л. Соболев.

Вопрос об этой кандидатуре еще выясняется.

Считая предложения т. Ставского правильными, Отдел Культпросветработы ЦК ВКП(б) просит Вас санкционировать

доизбрание Президиума и секретариата Союза писателей, а также принять 19 декабря т. Ставского до отъезда писателей в Тбилиси для беседы по данному вопросу (2).

За ЗАВ. ОТДЕЛОМ КУЛЬТПРОСВЕТ
РАБОТЫ ЦК ВКП(б)

Ф. Шабловский

№ 335
17.XII.37 г.

1. экз. т. Андрееву
2. экз. в дело.

Ф. 17. Оп. 120. Д. 257. ЛЛ. 131, 132. Машинописный текст.
Подпись — автограф Ф. И. Шабловского.

Примечание:

1. На первом листе документа резолюция: «Архив. т. Шабловскому даны указ[ания]. [подпись неразборчива]. 23/XII».
2. На пленуме, проходившем 25—29 декабря 1937 г. в Тбилиси, было решено отложить рассмотрение организационных вопросов на следующее заседание пленума правления ССП СССР.

№ 11

В. А. Герасимова, А. А. Караваева — А. А. Андрееву
2 марта 1938 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Мы как писательницы-коммунистки, вынуждены обратиться лично к Вам. После опубликования письма пяти писателей в «Правде» руководство Союза писателей внешне как будто признало критику недостатков Союза справедливой и своевременной (1). Но на деле получается обратное. Цепляясь за свое положение, руководство ССП уже начинает сводить счеты со всеми, кто критикует его. Желание В. Ставского и близких ему людей во что бы то ни стало сохранить свое руководящее положение, толкает их на самые необдуманные и, в конечном счете, глубоко дискредитирующие партийное руководство шаги.

Ярчайший пример: последние заседания президиума ССП должны были на деле показать перестройку работы союза. Однако, на этих заседаниях произошло нечто гораздо большее, чем просто позорный провал намеченных руководством бюрократических мероприятий.

Над лозунгом партии о блоке коммунистов и беспартийных руководство ССП просто издевается. Уже в самый разгар обсуждения плана перестройки союза, при переполненном бес-

партийными писателями зале, единственный беспартийный секретарь ССП писатель Всеволод Иванов встал и во всеуслышание заявил, что он за этот план никакой ответственности нести не может: во-первых, план ему не был показан, во-вторых, не был с ним согласован. На повестке дня этого заседания президиума стоял чрезвычайно волнующий всех писателей доклад председателя Литфонда беспартийного писателя К. Федина. Однако, за какой-нибудь час до начала собрания доклад, по настоянию т. Ставского был с повестки дня снят. Мы не можем вдаваться в оценку доклада тов. Федина, т. к. Ставский не потрудился предварительно ознакомить партгруппу правления с этим докладом. Предоставляем Вам судить, какое впечатление произвело на самого Федина и на всех писателей это никак не мотивированное снятие вопроса об их насущных нуждах. К моменту голосования плана из числа 250—300 человек, присутствующих на собрании, осталось около 30 чел., из них три члена президиума, и, таким образом план фактически и не мог считаться утвержденным.

На другой же день на заседание президиума по важному вопросу приема в союз новых членов пришел... только один член президиума. Принимаемые в ССП должны были голосовать... сами за себя.

Ответственность за систематические провалы в работе руководство союза привыкло перекладывать на чужие плечи. В данном случае руководство пытается спекулировать на чувстве бдительности каждого коммуниста. Безусловно, и в нашей писательской среде еще остались кое-кто из нераскрытых врагов. Однако, это никому не дает права зачислять всех критикующих или ставших равнодушными к союзной работе писателей чуть не в стан врагов советской власти, как это сделал на последней партгруппе правая рука В. Ставского, драматург Всеволод Вишневский. Он назвал ряд крупных писательских имен (Вс. Иванов, Л. Леонов, Н. Вирта, К. Федин), которых представил карьеристами и чуть не врагами народа. Эта безответственная выходка не получила никакого отпора со стороны секретаря партгруппы В. Ставского. Напротив, секретарь парткома т. Оськин (работник Литфонда, административно зависимое от Ставского лицо) не только не дал никакого отпора, но даже присоединился к Вишневскому.

Занятый исключительно конъюнктурными соображениями, изыскивающий все способы уязвить своих критиков и вообще устранить все беспокоящие его элементы, В. Ставский обходится не лучше и с партийной частью ССП, за исключением своих «приближенных». Совершенно беспримерным в практике союзной работы является тот факт, что так позорно провалившийся на президиуме план, даже не был предварительно обсужден на партгруппе союза писателей. И после этого Став-

ский имеет смелость, оправдывая безобразную работу союза, лицемерно кричать, что ему никто не помогает!

Чтобы удержать власть в своих руках, он не брезгует ничем. На том же собрании партгруппы он был буквально уличен критиком коммунисткой т. Войтинской, редактором «Литературной газеты»: желая расправиться с резко критикующими его товарищами из журнала «Красная новь», он поручил своему помощнику Немченко написать клеветническую статью, в которой цитаты были настолько извращены, что сверив их с подлинником, «Литературная газета» отказалась статью напечатать.

Мы могли бы сообщить Вам больше фактов, но, думаем, достаточно и этих. В. Ставского в союзе поддерживают или административно зависимые от него, или властолюбивые люди типа Всеволода Вишневского, или люди чем-нибудь политически скомпрометированные, которые опасаются выступить смело и правдиво.

Если все рассказанное нами потребует каких-либо уточнений или дополнений очень просим Вас принять и выслушать нас лично. Со всей ответственностью членов партии заявляем, что в союзе у нас создано совершенно нестерпимое положение, при котором огромному большинству писателей не только очень тяжело, но и просто невозможно жить творческой жизнью.

С коммунистическим приветом

Анна Караваева. Член Правления ССП.

Валерия Герасимова. Член Правления ССП.

Москва 2/III.1938 г.

Телеф.: В 1-32-13 (Герасимова).

Д 1-78-19 (Караваева).

Ф. 17. Оп. 120. Д. 304. ЛЛ. 103—105. Машинописный текст. Подписи — автограф А. А. Караваевой и В. А. Герасимовой. Дата и номера телефонов — автограф А. А. Караваевой.

Примечание:

1. Речь идет о статье А. Толстого, А. Фадеева, А. Корнейчука, В. Катаева и А. Караваевой «О недостатках в работе Союза писателей», опубликованной в «Правде» 26 января 1938 г.

№ 12

О. С. Войтинская — А. А. Жданову
[ранее 15 марта 1938 г.]

Тов. Жданов!

Я считаю своим партийным долгом рассказать о положении, создавшемся в союзе писателей, положении, вытекающем из

того, что постановление ЦК от 23 апреля 1932 года не выполнено.

Союз писателей превращен в бесконечно заседающий департамент по делам литературы, не имеющий никакого отношения к литературно-творческим вопросам.

Дело дошло до того, что т. Ставский предложил дать Вишневному творческий отпуск, чтобы Вишневецкий мог писать. Известно, что Вишневецкий не работает в государственных учреждениях и следовательно «творческий отпуск» означает отпуск от бесконечных и никому не нужных заседаний в союзе.

Следовательно писатель должен или «работать» в союзе, т. е. заседать или писать.

Такое положение могло получиться благодаря неправильной, небольшевистской организации союза писателей.

А между тем процессы, происходящие среди писателей, требуют серьезной работы союза.

Ряд писателей, еще два-три года назад политически инертных, сейчас подтянулись к партии, кровно заинтересованы в борьбе за линию партии.

В качестве примера я могу привести настроения нескольких крупных писателей (1).

1. **Леонов** — Я понял, что есть только два пути: коммунизм и фашизм. И поэтому я иду с коммунистической партией. Мне еще многое непонятно. Я не могу ограничиться иллюстрацией газетных статей. Для того, чтобы я написал полноценное художественное произведение о социализме, мне нужна помощь.

2. **Погодин** — Я глубоко оскорблен книгой Фейхтвангера (2) и поэтому написал очерк «Товарищ Сталин». Сталин — гордость нашей эпохи.

3. **Сельвинский** — В свое время я ходил к Троцкому. Бухарин мог бы вовлечь меня. И вот сейчас я счастлив, что разоблачил шпиона, сообщил о нем в органы НКВД.

Я за партию потому, что в ином случае победит фашизм.

4. В Киеве я много разговаривала с **Тычиною**. Тычина, бывший националист, поэт, имеющий большое влияние в Западной Украине. Украинский союз писателей, занятый склоками, «не имеет времени» интересоваться Тычиною.

Я пришла к нему поговорить о состоянии украинской литературы. Тычина сказал мне: «Враги пытались поссорить нас с советской властью (он много рассказывал мне о провокационной работе Хвылевого, Сенченко и др.), но я написал книгу стихов «Партия веде», правда партии некогда нами заниматься.

Я рассказала ему о письме товарища Сталина Соболеву, письме, из которого руководство союза не сумело сделать для себя соответствующие выводы. Тычина был потрясен: «Если у такого великого человека, как Сталин, есть время заниматься нами, то, значит мы нужны».

Таких примеров, свидетельствующих о здоровом настроении основного ядра писателей, можно привести много. В «Литературной газете», посвященной выборам, основными агитаторами за кандидатов блока, за линию партии выступали крупные беспартийные писатели.

В то же время существует явно неправильное понимание свободы печати, как буржуазной свободы печати, блока, как уступки (3).

Тот же Погодин говорил: «Нам нужна своя беспартийная газета во главе с Фединым» (Федин человек правых настроений и весьма политически скользкий).

Лебедев-Кумач говорил мне: «Я понимаю так, что блок означает, что мы боремся за генеральную линию партии, а многие писатели думают, что партия пошла на уступки».

В самой редколлегии приходится выдерживать борьбу против беспартийных членов редколлегии, людей бесспорно наших, но еще много не понимающих.

Так, например, Петров мне серьезно доказывал, что «Литературная газета» не должна печатать постановлений пленума ЦК и речь товарища Молотова, так как это не имеет отношения к литературе (4).

Книга Фейхтвангера встретила большое сочувствие среди определенной группы писателей. «Фейхтвангер смог сказать то, что нам запрещено».

Все эти факты свидетельствуют о той огромной ответственности, которая ложится на коммунистов, работающих в литературе.

Речь идет о политической ответственности перед ЦК партии за настоящее большевистское влияние на беспартийных литераторов.

Я со всей ответственностью утверждаю, что Ставский, что партийная организация союза писателей настолько заняты грызней, что забыли об этой своей основной задаче.

Как раз перед выборами была затеяна «война» поэтической и критической секций по всем рапповским правилам.

Мы в «Литературной газете» выступили с редакционной статьей против беспринципной групповщины.

Я спросила секретаря парткома: «Вот вы заняты войной секций, а знает ли партийный комитет, как была встречена книга Фейхтвангера? — «мы не успели этим заняться». Ну, а каковы настроения писателей перед выборами — можем ли мы рассказать, каковы настроения Леонова или Иванова? — Мы этим не занимались».

Этот факт очень характерный, свидетельствующий о стиле работы.

Партийные организации в писательских организациях не ведут работы с беспартийными. Известно, что большинство коммунистов литераторов имеют серьезные политические взыска-

ния (парторганизация в свое время избрала Б. Ясенского в партком тайным голосованием, зная о его связях со шпионами). Между тем ничего не делается для увеличения и укрепления партийного ядра союза писателей. За последние годы ни один писатель **не вступил в партию**. Даже А. Корнейчук не член партии. А между тем в Киеве 14 коммунистов-писателей, из которых ряд людей не внушает политического доверия, казалось бы, что самый естественный путь укрепления партядра за счет честных, преданных партии людей. Отсутствие роста объясняется отсутствием работы с беспартийными. Характерно, что когда партком союза писателей в Москве пригласил беспартийных в партком — никто не явился.

Представляет большой интерес отношение беспартийных к работе партийной организации. Украинский поэт Бажан говорил мне: у нас, беспартийных писателей, на Украине очень трудное положение: мы не уважаем украинских коммунистов-писателей, потому что большинство из них было связано с врагами и мы им политически не доверяем, кроме того они ни чего не пишут.

Примерно с таким же настроением я столкнулась в Грузии. В целом ряде республик после разоблачения врагов в писательской организации нет коммунистов (в Ленинграде нет ни одного коммуниста-критика).

Коммунисты из правления союза вместо борьбы за консолидацию сил занимаются склоками.

Пресловутая борьба Ставского против Фадеева, попытка Ставского уличить всех критикующих его во всех смертных грехах объясняется непониманием или нежеланием понять существующее положение вещей. Крайне неблагоприятно с руководством национальными литераторами. Я знакома с положением в Узбекистане, Украине и Грузии.

Правление союза поддерживало и выдвигало ряд людей, оказавшихся врагами народа. На Украине до последнего момента поддерживался Микитенко, несмотря на ряд сигналов из Украины и в Москве. Корнейчук мне рассказывал, как относился Ставский к его сигналам. Была создана такая атмосфера, что моя статья о Микитенко шесть месяцев валялась в редакциях. **В Грузии** все было передоверено Пастернаку и Мирскому, тесно связанными с группой шпиона Яшвили. Примеров можно привести очень много. Дело не в ошибках, а в политической неправильной системе руководства национальными литераторами.

Все это передоверено людям второстепенным.

На президиуме ни разу не слушался доклад о творчестве национальных писателей, не было любовной заботы о судьбе писателей. Этим объясняется недопустимое равнодушие правления союза к перелому в творчестве Тычины (Тычина мог бы сыграть огромную роль в борьбе с украинскими националистами).

ми имеющую отзвук в Западной Украине), абсолютное равнодушие к творческой судьбе Корнейчука.

Талантливый драматург, рабочий А. Корнейчук сейчас пишет хуже, чем он мог бы писать, чем он писал раньше.

В союзе писателей никого не тревожит литературная судьба Корнейчука. Таких примеров можно привести очень много.

Это происходит потому, что в союзе не обсуждаются рукописи, то есть союз не делает того, что обязан делать **Писатели собираются по квартирам, чем зачастую пользуются враги.**

Нынешнее состояние работы способствует вредительской работе. Недаром так политически засорен союз писателей. Положение в союзе писателей усугубляется боязнью самокритики, боязнью, я бы сказала, возросшей политической активности беспартийных. Писатели крайне недовольны существующим положением и уже открыто об этом говорят. Было бы очень хорошо, если бы Ц. К. вызвал для беседы группу коммунистов и беспартийных писателей (5).

О. Войтинская

редакция «Литературной газеты» (6).

Ф. 17. Оп. 120. Д. 304, ЛЛ. 146—150. Машинописный текст. Последний абзац письма и подпись — автограф О. С. Войтинской.

Примечания:

1. В архиве сохранилась копия письма О. Войтинской И. Сталину из которого следует, что она выполняла задание НКВД в деле разоблачения «врагов народа» в писательской среде. Об особой роли критика говорит и этот документ, составленный в форме доноса.

2. Вероятнее всего речь идет о книге Фейхтвангера «Лже-Нерон» («Der falsche Nero». 1936 г. Русский перевод 1937 г.).

3. Имеется в виду так называемый блок партийных и беспартийных народных депутатов, выступавший едино на выборах в Верховный Совет.

4. Речь идет об октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.

5. Письма А. Караваевой, В. Герасимовой, О. Войтинской и многих других писателей на имя А. Андреева и А. Жданова, в которых содержалась критика деятельности правления ССП, способствовали решению о созыве совещания писателей в ЦК. Обсуждение положения в писательской организации проходило в ЦК на Старой площади 25, 27 марта и 8 апреля 1938 г. На совещании, которое проводили Андреев и Жданов, выступили Ставский, Фадеев, Вс. Иванов, Вс. Вишневский, Кольцов, Сельвинский, Войтинская, Леонов, Лежнев, Панферов, Е. Петров, Розенталь, Катаев, Павленко и Толстой.

6. На первом листе документа резолюция: «Тов. Молотову, Андрееву, Кагановичу. Прошу ознакомиться с письмом Войтинской о положении в Союзе писателей. Письмо представляет несомненный интерес. А. Жданов».

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О романе Мариэтты Шагинян «Билет по истории» часть 1-я — «Семья Ульяновых».
5 августа 1938 г.

п. 73 г. О романе Мариэтты Шагинян «Билет по истории» часть 1-я — «Семья Ульяновых».

Ознакомившись с частью 1-й романа Мариэтты Шагинян «Билет по истории» (подзаголовок — «Семья Ульяновых»), а также с обстоятельствами появления этого романа в свет, ЦК ВКП(б) устанавливает, что книжка Шагинян, претендующая на то, чтобы дать биографический документальный роман о жизни семьи Ульяновых, а также о детстве и юности Ленина, является политически вредным, идеологически враждебным произведением. Считать грубой политической ошибкой редактора «Красной нови» т. Ермилова и бывш. руководителя ГИХЛ (1) т. Большеменникова допущение напечатания романа Шагинян.

Осудить поведение т. Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но наоборот всячески поощряла Шагинян, давала о рукописи положительные отзывы и консультировала Шагинян по фактической стороне жизни семьи Ульяновых и тем самым несет полную ответственность за эту книжку.

Считать поведение т. Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская делала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело — составление произведений о Ленине — в частное и семейное дело и выступая в роли монопольного истолкователя обстоятельств общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал.

ЦК ВКП(б) постановляет:

- 1) снять т. Ермилова с поста редактора «Красной нови»;
- 2) объявить выговор бывш. директору ГИХЛ т. Большеменникову;
- 3) указать т. Крупской на допущенные ею ошибки;
- 4) воспретить издание произведений о Ленине без ведома и согласия ЦК ВКП(б);
- 5) книжку Шагинян из употребления изъять;
- 6) предложить Правлению Союза советских писателей объявить Шагинян выговор (2).

Из протокола № 63 решений Политбюро ЦК ВКП(б) за 23 июля — 9 сентября 1938 г.

Ф. 17. Оп. 3. Д. 1001. Л. 14. Подлинник. Машинописный текст.

Примечания:

1. Государственное издательство художественной литературы.

2. 9 августа 1938 г. Президиум ЦК ВКП(б) СССР после обсуждения принял постановление «О повести М. С. Шагинян «Билет по истории», в котором объявлялось «суровое порицание» М. С. Шагинян, в частности, за подачу «искаженного представления о национальном лице Ленина» и выговор редакции «Красная Новь» «в лице т. т. Фадеева и Ермилова».

№ 14

**Проект постановления ЦК ВКП(б) «О работе
Союза советских Писателей»
август 1938 г.**

Проект (1).

**О РАБОТЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)**

Центральный Комитет ВКП(б) констатирует значительные успехи советской литературы за последние годы. Являясь важнейшим элементом общественно-культурной жизни народов СССР, советская литература содействовала духовному формированию и расширению кругозора миллионов строителей социализма. Лучшие произведения советских писателей, написанные в духе социалистического реализма, вдохновляли народ в его созидательном труде и, продолжая славные традиции классической литературы народов СССР, обогатили их культурную сокровищницу. Советская литература оказала свое плодотворное влияние также на советский театр, кинематографию и другие виды искусства.

Союз Советских писателей, созданный по инициативе партии и при ближайшем руководящем участии великого пролетарского писателя А. М. Горького, сплотил все литературные силы страны, направил их по единому руслу общественно-ценной творческой работы и способствовал улучшению условий писательского труда. Создание Союза Советских Писателей, как добровольной творческой организации, имеющей главной целью активное участие писателей своим творчеством в социалистическом строительстве, на практике целиком оправдало себя.

Наряду с этими достижениями советской художественной литературы ЦК ВКП(б) отмечает, что в работе Союза Советских Писателей, его руководства, имели место извращения линии партии в области художественной литературы, являющиеся пережитками осужденных партией вредных навыков и «методов» работы бывшей РАПП:

а) Игнорирование в работе Союза Советских Писателей методов советской демократии, методов самокритики, ответствен-

ности и отчетности руководящих органов перед писателями, коллективности в руководстве и подмена этих методов советской демократии методами командования, администрирования и секретарского «единоначалия».

б) Подмена действительной большевистской бдительности в отношении врагов народа, проникавших в Союз Советских Писателей, огульным политическим заушением, из соображений перестраховки, ряда честных советских писателей, что породило среди писателей обстановку излишней подозрительности и недоверия друг к другу.

в) Отсутствия внимания в Союзе Советских Писателей к конкретным вопросам литературного творчества, неумение работать с каждым отдельным писателем, учитывая его индивидуальные склонности и особенности; бюрократический «валовой» подход к писателям, подмена их идейного и художественного воспитания организационной заседательской суетней, общими разговорами, резолюциями — приказами и бумажной перепиской.

г) Невнимание к делу воспитания молодых писателей, бюрократическая волокита при приеме в Союз и выдвижении в органы Союза творчески выявившегося талантливом молодняка — с одной стороны, и наличие в Союзе Советских Писателей людей, ничем творчески себя не проявивших, тормозящих воспитание и выдвижение талантливом молодняка — с другой стороны.

д) Непонимание идейно-воспитательной роли советской критики, приведшее к тому, что зачастую критика из средства воспитания превращалась в разновидность административных поощрений и взысканий.

Укрепляя свой Союз и улучшая его работу, советским писателям необходимо положить в основу деятельности Союза принципы советского демократизма, товарищеской коллективности в руководстве и в решении вопросов, дружное сотрудничество коммунистов и беспартийных. Практика единоличного административного руководства абсолютно недопустима в демократической творческой организации, каковой является Союз Советских Писателей. Вопросы творческие, помощь созданию новых полноценных произведений, улучшение их качества, продвижение их в массы должны составлять главный предмет заботы Союза и его руководства. В этих целях Союзу необходимо обеспечить благотворную атмосферу для писательской работы, учитывая индивидуальные литературные особенности каждого мастера слова.

Союз должен обеспечить повседневное руководство литературно-художественными журналами, являющимися важнейшим звеном в работе с писателями. Союз должен решительным образом бороться за поднятие качества литературных произведений, за более строгие критерии их оценки, закрывая этим дорогу

посредственным, халтурным и приспособленческим вещам. Сосредоточивая свое внимание на литературных произведениях и явлениях, Союз должен организовать их внимательное и беспристрастное обсуждение, оставив навсегда пагубную практику подмены общественных оценок бумажными резолюциями и постановлениями, административными поощрениями или выговорами. Всяким попыткам канцелярского руководства литературной жизнью путем протоколов и приказов надо положить конец. Писатель должен видеть в Союзе творческий коллектив, а не департамент мелочно-опекающий и предписывающий.

Вопросы материально-бытового обслуживания писателей должны быть сосредоточены в литературном фонде при Союзе писателей. Материальное положение работников литературного труда необходимо улучшать и в дальнейшем путем пересмотра закона об авторском праве и урегулирования системы оплаты литературного гонорара.

На Союзе писателей и его руководстве лежит ответственность за политико-общественное воспитание его членов, за тесную связь писателей с коммунистической партией, с народными массами — лучшими вдохновителями советской литературы, за постоянный творческий контакт со всеми отрядами советской интеллигенции. Крепя интернациональные связи советского народа с трудящимися и угнетенными капиталистического мира Союз Советских Писателей содействует зарубежной прогрессивной интеллигенции в ее борьбе против фашизма и войны.

На обязанности Союза лежит всемерно поднимать просветительную и воспитательную роль критики, знакомить через нее широкие массы трудящихся с лучшими произведениями классической и современной советской литературы. Критика должна ставить своей целью творческую помощь писателю и воспитание художественных вкусов читателя.

Особую ответственность несут Союз Советских Писателей и его руководство за воспитание и выдвижение молодых литературных кадров, за обеспечение серьезной деловой помощи им. Большевицкая забота и внимание к человеку особенно необходимы там, где речь идет о создании мастеров художественного слова, «инженеров душ» — советских писателей.

Укрепляя братский союз народов СССР писатели должны всемерно содействовать взаимному культурному обмену и духовному обогащению советских народов, расцвету национальных литератур союзных и автономных республик.

ЦК ВКП(б) призывает писателей СССР отразить в своих произведениях пафос борьбы и величие труда миллионов людей, строящих коммунизм. Творчество писателей СССР долж-

но явиться новым словом в художественном развитии человечества.

ЦК ВКП (6).

«...» августа, 1938 года.

Ф. 17. Оп. 120. Д. 304. ЛЛ. 32—35. Незаверенная машинописная копия.

Примечание:

1. Постановление принято не было.

№ 15

А. А. Фадеев, П. А. Павленко — А. А. Андрееву
[ранее 26 июля 1939 г.]

Дорогой Андрей Александрович!

Мы не включили в списки для награждения следующих крупных писателей, в политическом лице которых сомневаемся. Оставляем их на рассмотрение ЦК:

Бабель Исаак Эммануилович
Пастернак Борис Леонидович
Олеша Юрий Николаевич (1)
Эренбург Илья Григорьевич

С коммунистическим приветом

А. Фадеев
П. Пав[ленко]

Ф. 17. Оп. 121. Д. 1. Л. 38. Автограф А. А. Фадеева, подпись — автограф П. А. Павленко.

Примечание:

1. Правильно: Юрий Карлович.

№ 16

Проект письма [А. А. Андреева] — И. В. Сталину
[ранее 26 июля 1939 г.]

В ЦК ВКП(б) — товарищу СТАЛИНУ.

Направляю Вам проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении советских писателей, внесенных в ЦК т. т. Фадеевым и Павленко. Список представленных к награждению писателей был просмотрен т. Берия (1). В распоряжении НКВД имеются компрометирующие в той или иной степени материалы на следующих писателей:

Инбер В. М.
Исаакян А. С.

Бергельсон Д. Р.
Голодный М. С.
Светлов (Шейнсман) М. А.
Асеев Н. Н.
Бажан Н. П.
Катаев В. П.
Якуб Колас
Янка Купала
Маршак С. Я.
Новиков-Прибой А. С.
Павленко П. А.
Погодин (Стукалов) Н. Ф.
Тихонов Н. С.
Бахметьев В. М.
Лавренев Б. А.
Леонов Л. М.
Мосашвили И. О.
Панферов Ф. И.
Рыльский М. Т.
Сейфуллина Л. Н.
Толстой А. Н.
Федин К. А.
Шагинян М. С.
Шкловский В. Б.
Бровка П. У.
Герасимова В. А.
Каменский В. В.
Луговской В. А.
Сурков А. А.

Просмотрев совместно с тов. Берия эти материалы, считаю, что Инбер В. М., Исаакян А. С., Бергельсон Д. Р., Голодный М. С. и Светлов (Шейнсман) М. А. должны быть отведены из списка к награждению, как по характеру компрометирующего материала, так и потому, что за последние годы их вес в советской литературе был совершенно незначительным.

Из материалов на остальных перечисленных мной писателей заслуживают внимания материалы, компрометирующие писателей Новикова-Прибоя, Панферова Ф., Толстого А., Федина К., Якуба Коласа, Янку Купала, Сейфуллину, Рыльского, Павленко (2). Необходимо отметить, что ничего нового, неизвестного до этого ЦК ВКП(б), эти материалы не дают.

Что касается остальных кандидатур к награждению, компрометируемых в той или иной степени материалами НКВД, считаю, что они могут быть награждены, имея в виду их значение и работу в советской литературе.

Ф. 17. Оп. 121. Д. 1. ЛЛ. 39—40. Машинописный текст.

Примечания:

1. Предложение «Список...» зачеркнуто [Андреевым].
2. Фамилии Сейфуллиной, Рыльского и Павленко дописаны [Андреевым].

№ 17

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журнале «Октябрь». 4 августа 1939 г.

п. 311 г. О журнале «Октябрь».

1. Констатировать, что на страницах журнала «Октябрь» поэт И. Сельвинский под видом «лирики» протацил своеобразную арцыбашевщину — пошлые и циничные, насквозь буржуазные взгляды по вопросу об отношении к женщине. В стихотворении «Монолог критика — диверсанта ИКС» И. Сельвинский воспекает «поэзию двоедушия», идеализирует шпионов и диверсантов. Указать редакционной коллегии журнала «Октябрь», что она допустила грубую политическую ошибку, напечатав в № 5—6 журнала за 1939 г. ряд антихудожественных и вредных стихотворений И. Сельвинского.

2. Объявить выговор члену редколлегии журнала «Октябрь» В. Ильенкову, подписавшему к печати № 5—6 журнала «Октябрь» с антихудожественными и вредными стихотворениями Сельвинского.

3. Указать т. Садчикову, что работники Главлита проявили гнилой либерализм, пропустив в печать стихотворения И. Сельвинского в № 5—6 журнала «Октябрь».

Из протокола заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 20 августа 1939 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 9. ЛЛ. 70, 71. Подлинник. Машиннописный текст.

№ 18

П. Н. Поспелов — ЦК ВКП(б)
19 августа 1939 г.

О РЕДАКЦИЯХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ.

Просмотр ряда литературно-художественных журналов за 1939 год показывает, что руководство журналами поставлено неудовлетворительно. По своему содержанию журналы явно отстают от жизни, от запросов советского читателя. Журналы «Красная Новь», «Октябрь», «Звезда», «Литературная учеба» и др., являющиеся органами Союза советских писателей СССР

и периодикой современной художественной литературы, в течение шести месяцев не дали ни одного более или менее крупного художественного произведения, изображающего современную действительность советской страны. Называясь журналами художественной, общественно-политической литературы, критики и публицистики, эти журналы в течение полгода не дали ни одной серьезной статьи, освещающей основные вопросы нашей общественной жизни.

Характерно, что литературно-художественные журналы не откликнулись на такое крупное событие в жизни советской литературы и советского народа, как награждение писателей. Журналы обходят молчанием вопросы, вытекающие из решений XVIII съезда для нашей советской художественной литературы.

На страницах журналов почти отсутствует освещение вопросов коммунистического воспитания, коммунистической морали, борьбы против пережитков капитализма в сознании людей, вопросы советского патриотизма, не освещаются в публицистических статьях такие проблемы, как задачи догнать и перегнать передовые капиталистические страны и в экономическом отношении и другие проблемы, выдвинутые в исторических решениях XVIII съезда ВКП(б).

Так, например, в журнале «Красная новь» почти нет статей, посвященных решениям XVIII съезда партии, о задачах в области литературы и культуры, вытекающих из решений съезда. Художественные произведения, печатаемые в этом журнале, главным образом, посвящены прошлому. Журнал редактируется небрежно. В № 5—6 журнала «Красная новь» допущена серьезная политическая ошибка в **редакционном** примечании о поэте Низами. Как известно, поэт Низами является поэтом азербайджанского народа, который широко празднует его юбилей. Несомненно это известно редактору журнала «Красная новь» и секретарю Союза советских писателей тов. Фадееву, который вносил в ЦК проект о праздновании юбилея Низами. Между тем, в № 5—6 журнала «Красная новь» (стр. 22), в редакционном примечании Низами характеризуется как **иранский** поэт.

Журнал «Октябрь» допустил серьезный идеологический провал, напечатав на своих страницах антихудожественные и вредные стихотворения И. Сельвинского, оценка которых уже дана в решении Оргбюро ЦК ВКП(б).

Просмотр журнала «Литературная учеба» за 1939 год показывает, что в настоящее время журнал оторван от читателей и от жизни советской литературы. Журнал делается не лучшими мастерами писательского труда, а случайными людьми. Поэтому страницы журнала изобилуют странными, антинаучными положениями, вроде того, что: «Основной предпосылкой к писательской профессии является специальная биологическая ода-

ренность», что «искусство писать — это, прежде всего, искусство жить», или: «невежество имеет все преимущества перед «полузнанием», «у нас нет по сие время подлинной для писателя пригодной теории литературы» и т. д. и т. п.

Чем объясняются эти идеологические провалы журналов и их отставание?

Дело в том, что редакционные коллеги журналов не выполняют своих обязанностей и по существу нередко превращаются в пустую вывеску. Пребывание в составе редакционной коллегии рассматривается писателями, как некая почетная, но не обязывающая работать должность. Некоторые писатели состоят в нескольких редакциях (напр., тов. Панферов, являющийся редактором «Октября», одновременно состоит в редакционной коллегии журнала «Красная новь»; тов. Шолохов числится членом редакционной коллегии «Октября» и «Нового мира»). В руководстве журналами при бездеятельности редколлегий нет должного порядка и ответственности, фактически многими журналами руководят беспартийные сотрудники, зачастую политически непроверенные.

Для примера, возьмем журнал «Красная новь». Членами редколлегии этого журнала являются: Вл. Бахметьев, Ф. Березовский, Вс. Иванов, И. Луппол, Ф. Панферов, А. Фадеев, М. Шагинян. Но за полгода ни один из этих товарищей не написал для «Красной нови» **ни одной строчки**: ни художественных произведений, ни критических заметок, ни статей по общественно-политическим вопросам. За исключением т. Фадеева, который официально подписывает журнал к печати, хотя, как показывает история с редакционным примечанием о поэте Низами, т. Фадеев, видимо, прочитывает не весь материал, — другие члены редколлегии мало участвуют в редакционной работе.

В результате получилось так, что фактически главную роль в редакции журнала «Красная новь» играет беспартийный сотрудник Ступникер, секретарь журнала, который и является фактическим хозяином журнала. Ступникер ведет все дела «Красной нови»: он подбирает материалы для каждого номера, (т. е. решает вопрос о том, что печатать и что отклонить), ведет переговоры с авторами и т. д.

Кто же такой Ступникер? Вот некоторые сведения из его автобиографии. Родился 1902 г. в г. Лодзи (Польша), еврей. Отец — коммивояжер, продолжавший свою профессию коммивояжера вплоть до 1924 года, в «частных предприятиях, возникших в начале НЭПа». Ступникер вступал в коммунистическую партию, но через год, пишет Ступникер, **«резко ощущая свою неподготовленность к партийной работе, вышел из партии»**. Ступникер является по своему прошлому явно подозрительным человеком по своим связям с троцкистами. Он работал в свое время в секретариате Склянского.

Затем Ступникер пошел работать секретарем журнала

«Комсомольская летопись», где редактором был другой активный троцкист Л. Шацкин. С тех пор Ступникер стал «журналистом». Работал в «На лит. посту», в «Росте», где редактором был Киришон и т. д. В настоящее время этот политически сомнительный человек является фактическим хозяином одного из крупнейших центральных литературных журналов СССР — «Красной нови». Следует добавить, что Ступникер не имеет никакого политического и литературного образования.

Все дела другого крупнейшего журнала «Октябрь» ведет т. Чаковский, который лишь недавно подал заявление о вступлении в партию. Чаковский в качестве секретаря редакции стал подписывать журнал к печати, хотя на это имеют право только члены редколлегии. Недавно при выпуске № 5—6 «Октября», когда у работников Главлита возникло сомнение относительно печатания стихотворений Сельвинского («Лирика» и «Монолог диверсанта»), Чаковский мобилизовал все для воздействия на работников Главлита. Чаковский вместе с Сельвинским поехал в Главлит и добился опубликования в журнале вредных и пошлых стихотворений.

Чтобы ликвидировать существующие в настоящее время беспорядок и безответственность в руководстве литературно-художественными журналами, необходимо в первую очередь провести ряд организационных мероприятий (установление должности ответственного секретаря редакции, утверждение нового состава редколлегии и др.).

Проект постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) по этому вопросу прилагается.

**ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ
И АГИТАЦИИ ЦК ВКП(б)**

П. Поспелов

19/VIII.39 г.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 19. ЛЛ. 54—58. Машинописный текст.
Подпись — автограф П. Н. Поспелова.

№ 19

**Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б)
«О редакциях литературно-художественных журналов».**
20 августа 1939 г.

п. 3. О редакциях литературно-художественных журналов (т. т. Поспелов, Фадеев, Панферов, Маленков, Щербаков, Жданов)

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Констатировать, что в ряде номеров литературно-художественных и публицистических журналов: «Октябрь», «Красная новь» и др. допущены грубые политические ошибки (опубли-

кование антихудожественных и вредных стихотворений И. Сельвинского в № 5—6 журнала «Октябрь», редакционное примечание о поэте Низами в № 5—6 журнала «Красная новь»). Эти идейные провалы журналов, протаскивание идеологически сомнительных и вредных тенденций, наряду с отставанием этих журналов по своему содержанию от советской действительности и запросов советского читателя, прямо связаны с беспорядком и безответственностью в руководстве журналами, выражающимися в том, что в редакциях по существу нет лиц, отвечающих за идейно-политическое руководство журналами. Подобное же положение и крупные ошибки имеют место и в других журналах («Звезда», «Литературная учеба» и др.). Многие литературно-художественные журналы на деле ведутся беспартийными, безответственными сотрудниками, зачастую политически не проверенными, а члены редакционных коллегий не критически, без всякой проверки, штампуют материал, или даже вовсе не читают того, что публикуется за их подписью.

2. В целях устранения безответственности в редакциях литературно-художественных журналов, считать необходимым, чтобы во главе редакции журнала стоял ответственный секретарь, который должен отвечать за идейно-политическое направление и содержание журнала, за организацию авторского коллектива, работу с авторами и т. д. Ответственный секретарь должен возглавлять редакционную коллегию журнала, руководить ее работой.

3. Предложить Управлению пропаганды и агитации ЦК, совместно с Управлением кадров ЦК, в десятидневный срок представить на утверждение ЦК ВКП(б) кандидатуры ответственных секретарей редакций литературно-художественных журналов. После утверждения ответственных секретарей журналов, с их участием, провести работу по подбору и составу редакционных коллегий журналов.

4. Обязать Президиум Правления Союза советских писателей решительно улучшить руководство литературно-художественными журналами.

5. Обязать отдел печати Управления пропаганды и агитации ЦК проследить за выполнением настоящего постановления и установить систематический контроль за работой литературно-художественных журналов.

Из протокола заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) № 9 от 20 августа 1939 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 9. ЛЛ. 2, 3. Подлинник. Машинописный текст.

Часть II

№ 20

П. Н. Поспелов, Д. А. Поликарпов — А. А. Жданову
30 августа 1940 г.

СЕКРЕТАРИУ ЦК ВКП(б) — тов. ЖДАНОВУ А. А.

Председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР тов. Храпченко разрешил к постановке в театрах идеологически вредную пьесу Леонова «Метель». Тема пьесы — превращение бывшего врага советской власти в друга народа. Основой ее является фальшивая идея о мужестве и благородстве некоторых бывших врагов, способных, не в пример мелким людям советской действительности, стать подлинными патриотами отечества. Положительным героем пьесы, утверждающим благородные человеческие качества, является бывший белогвардейский офицер-эмигрант Порфий Сыроваров. В качестве отрицательного персонажа ему противопоставит родной брат, командир партизанского отряда, коммунист, директор завода — Степан Сыроваров. Первый — образец мужества и благородства, человек ясной цели, сильной воли; второй — подленький человек, готовый продать себя во имя мелких шкурных интересов.

Пьеса заканчивается тем, что белогвардеец старается искупить свою вину перед родиной участием в революционных боях в Испании на стороне республики и возвращается в СССР, а его брат, проживающий в СССР, окончательно запутывается в подлостях, добивается заграничного паспорта, чтобы удрать от ответа, но разоблачается.

По Леонову выходит, что капиталистическая действительность даже явных врагов революции перевоспитывает в друзей социализма. Другое дело советская действительность. Здесь нет возможности для исправления и перевоспитания людей, они поставлены в такие условия, что вынуждены скрывать свои пороки и для очищения совести бежать за пределы своей страны. В образе Степана Сыроварова автор пьесы обобщает это как типическое явление, как норму нашей жизни.

«Метель» — клевета на советскую действительность. Изибилюющие в пьесе, подозрительные намеки и темные места, видимо для того и служат, чтобы все показать в извращенном виде, очернить. Дело, видите ли, обстоит так, что люди друг другу не верят, подглядывают в щели и подслушивают, здесь «каждая дверь — это большое ухо», а «самое важное... мелким почерком печатают», настоящему человеку «корешки пустить некуда». Даже положительные персонажи говорят: «Нет правды на земле, но есть она выше», что «клад с золотыми монетами легче найти, чем нужного человека».

Советская действительность — это улей, «который безопаснее любить издали», люди здесь проходят «великий университет неверия».

Откуда только все это взял Леонов? В пьесе нет ни одного нормального советского человека. Или это люди с нравственным изъяном, или физические калеки, или просто недотепы. Единственный человек без изъяна — старый большевик Поташов, но и он не человек, а схема. Издевательски выведены передовые люди колхозов. Это какие-то комические персонажи, ничего общего не имеющие с людьми колхозной деревни.

Появление такой пьесы в театрах принесет только вред. Вместо того, чтобы запретить постановку фальшивой пьесы, тов. Храпченко разрешил ее. Пьеса уже принята в 20 театрах, в том числе и в таком театре, как Государственный Малый Академический театр.

Считаем необходимым отметить, что тов. Храпченко разрешил к постановке, несмотря на возражение реперткома, и другие фальшивые пьесы как, например, пьесу Глебова «Начистоту», «Когда я один» — Казакова (1), «Домик» — Катаева.

В связи с этим, возникает вопрос о правах и роли реперткома (2). В настоящее время органы репертуарного контроля подчинены Комитету по делам искусств. При этом они поставлены в такое положение, что слово реперткома о пьесе не имеет решающего значения.

Было бы целесообразно сделать их независимыми от Комитета, т. е. передать их в ведение Главлита. Это в значительной мере повысило бы качество контроля за репертуаром.

Обращает на себя внимание поведение газеты «Советское искусство». Более или менее приемлемые пьесы Леонова газета встретила резко отрицательной критикой, а фальшивую пьесу расхвалила, объявила ее значительным явлением в драматургии (3).

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) просит Вашей санкции на запрещение пьесы «Метель», а также разрешить вопрос о передаче в ведение Главлита контроля за репертуаром (4).

Зам. начальника
Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

П. Поспелов

Зав. отделом культурно-просветительных
учреждений
Управления пропаганды и
агитации ЦК ВКП(б)

Д. Поликарпов

30/VIII 1940 г.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 160. ЛЛ. 131, 132. Машинописный текст.
Подписи — автограф П. Н. Поспелова и Д. А. Поликарпова.

Примечания:

1. Правильно: Козакова.

2. Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром (1934). В ГУРК сосредоточивался предварительный и последующий контроль за репертуаром театров, кино, цирков, киноконцертов и т. п. В 1936—53 гг. ГУРК находился в ведении Всесоюзного комитета по делам искусств.

3. Речь идет о статье В. Залеского «Метель» Л. Леонова в «Казани», опубликованной в газете 18 мая 1940 г.

4. 15 августа 1940 г. Президиум Правления ССП СССР «намечил для обсуждения и возможного представления» произведения членов ССП в правительственную комиссию по сталинским премиям. Среди заявленных 24 работ была и пьеса Л. Леонова. (Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 2196. Оп. 2. Д. 83. Л. 7).

№ 21

А. А. Кузнецов — ЦК ВКП(б)
30 августа [1940 г.]

О «МЕТЕЛИ»

Драматургически пьеса сделана хорошо, ловко, — для актеров есть что играть, много сцен очень выигрышных. Но с идеологической стороны и по своему сюжету пьеса вызывает такое ощущение, как будто бы тебя насильно заставили просидеть вечер в обществе людей с ненормальной, патологической психикой и когда это кончилось и можно выйти на свежий воздух — с наслаждением распрямляешься, с облегчением глубоко вздыхаешь, бежишь скорей мыть руки и хочется чего-нибудь хорошего, светлого, чтобы поскорей забыть, как какой-то кошмар, все, что только что довелось увидеть и услышать.

Без сомнения, пьеса по своему идейному содержанию представляет из себя недостоевщину в худшем смысле этого слова. Тема не является общественно-актуальной, не выводит что-либо типичное, что может отразить нашу действительность, полна политических двусмысленностей и фальшивых положений.

Я бы предложил сделать так: пьесу издать, но к постановке в театре запретить. Это более правильно, потому что, во-первых, даст возможность подвергнуть автора серьезной литературной критике; во-вторых, покажет, что не всякая пьеса может быть на сцене (таких случаев бывало не мало и с более крупными величинами, чем Леонов, — это закономерная и очень целесообразная форма критики).

А. Кузнецов

30.VIII.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 160. Л. 136. Машинописный текст. Подпись — автограф А. А. Кузнецова.

**Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О пьесах
«Начистоту», «Домик», «Когда я один».**

14 сентября 1940 г.

п. 542 г. О пьесах «Начистоту», «Домик», «Когда я один». Запретить к постановке в театрах пьесы: «Начистоту» — автор Глебов, «Домик» — автор Катаев, «Когда я один» — автор Казаков (1), как идеологически вредные и антихудожественные.

Из протокола заседания Секретариата ЦК ВКП(б) № 53 от 4 сентября — 14 сентября 1940 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 54. Л. 96. Подлинник. Машинописный текст.

Примечание:

1. Правильно: Казаков.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О пьесе «Метель»

18 сентября 1940 г.

п. 206 г. О пьесе «Метель» (1).

1. Запретить к постановке в театрах пьесу Леонова «Метель», как идеологически враждебную, являющуюся злостной клеветой на советскую действительность (2).

2. Указать председателю Комитета по делам искусств при СНК СССР т. Храпченко, что он допустил грубую политическую ошибку, разрешив к постановке пьесу «Метель».

Предупредить т. Храпченко, что при повторении подобных ошибок он будет смещен с должности (3).

Из протокола № 20 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1940 г.

Ф. 17. Оп. 3. Д. 1027. Л. 61. Подлинник. Машинописный текст. Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 141.

Примечания:

1. Рассмотрению вопроса о пьесе «Метель» в Политбюро ЦК предшествовало постановление по данному вопросу Оргбюро ЦК от 16 сентября 1940 г. Формулировки решений этих органов полностью совпадают. Кроме того они были также продублированы постановлением СНК СССР от 18 сентября 1940 г.

2. 23 сентября 1940 г. состоялся «разбор» пьес Л. Леонова и В. Катаева на расширенном заседании президиума ССП СССР. Кроме того Леонова до этого заседания вызывали для проработки и в ЦК.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б)
«О Литературном Фонде Союза Советских Писателей
и о фондах Управления по охране авторских прав».
 21 сентября 1940 г.

п. 140 г. О Литературном Фонде Союза Советских Писателей и о фондах Управления по охране авторских прав (1).

1. Изъять из ведения Союза Литературный Фонд СССР со всеми его учреждениями и подсобными предприятиями, а также Управление по охране авторских прав, передав их в ведение Комитета по делам искусств при Совнаркомех СССР (2).

2. В соответствии с настоящим постановлением обязать Комитет по делам искусств с участием Госконтроля: а) принять в суточный срок наличные средства по Литфонду и по фонду Управления по охране авторских прав; б) прекратить с сего числа всякие выдачи из указанных фондов; в) произвести в пятидневный срок полную приемку дел Литфонда и Управления по охране авторских прав и доложить о результатах ЦК ВКП(б), а также представить в ЦК в этот же срок конкретные предложения об упорядочении расходования фондов, исключающие всякую возможность использования их для поддержки бездельников и тунеядцев (3).

Из протокола заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) № 52 от 27 сентября 1940 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 53. Л. 38. Подлинник. Машинописный текст.

Примечания:

1. В фонде А. А. Жданова сохранился проект настоящего постановления, составленный Г. Ф. Александровым, А. А. Фадеевым и Д. А. Поликарповым, на котором содержатся правки идеолога партии полностью учтенные в окончательном варианте постановления, а также его резолюция «т. Андрееву и Маленкову. Проект Александрова, Фадеева и Поликарпова считаю неудовлетворительным. Предлагаю свой проект. Вопрос прошу срочно рассмотреть. Жданов». Из проекта Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) была полностью изъята преамбула, которая наглядно демонстрировала причины принятия столь неожиданного решения: «ЦК ВКП(б) отмечает серьезные недостатки в работе Президиума Правления Союза Советских Писателей. Вместо того, чтобы сосредоточить внимание на вопросах идейного содержания литературных произведений, поднятия их художественного качества, направления творческой работы советских писателей, разработки литературных форм и методов, улучшения стиля, языка и т. п., на вопросах идеологического и литературно-художественного воспитания писательской молодежи, Президиум Правления Союза погряз в мелочных вопросах административно-хозяйственного характера, забросив свои основные задачи в области руководства литературой. Именно в этом лежит причина того, что Союз проглядел такие факты, как антисоветские произведения Авдеенко, как появление идеологически-вредных и антихудожественных произведений, вроде

пьес «Метель» Леонова, «Домик» Катаева, «Когда я один» Козакова, «Начистоту» Глебова, которые ЦК вынужден был запретить к постановке». Кроме того Ждановым были изменены сроки исполнения постановления.

2. В день принятия постановления Председатель Комитета по делам искусств М. Храпченко и ответственный Секретарь Президиума ССП А. Фадеев информировали секретарей ЦК Андреева, Жданова и Маленкова о приемке Комитетом наличных средств Литфонда и Управления по охране авторских прав. На текущем счету Литфонда имелось 138.669 руб. в кассе 5.031 руб. Всякие выдачи денежных средств были прекращены.

3. 28 сентября 1940 г. М. Храпченко направил в ЦК ВКП(б) докладную записку, в которой описывалось положение в Литфонде: «Литературный фонд в настоящее время объединяет 3.313 человек [...] Доход Литфонда составил: за 1937 г.—10,4 м. р., за 1938 г.—11,6 м. р., 1939 г.—14,9 м. р., за 8 месяцев 1940 г.—7,9, а всего за последние 3 1/2 года — 34,4 м. р. [...] За время с 1937 г. по 1 июля 1940 г. Литфонд произвел следующие расходы: выдал безвозвратных денежных пособий 7. 487 т. р., израсходовал на медицинскую помощь 1.786 т. р., выдал дотации домам отдыха и творчества — 6.375 т. р., дотации клубам — 4.571 т. р. [...] Возвратных ссуд авторам выдано 5.470 т. р., из которых не погашено 2.145 т. р. Расходование средств Литературного фонда производилось без всякого контроля и какого бы то ни было продуманного плана. В результате этого происходило открытое разбазаривание огромных государственных средств, имели место вопиющие безобразия. Крупные безвозвратные ссуды выдавались членам Литфонда, не ведущим никакой серьезной творческой работы [...] Безвозвратные пособия по нуждаемости выдавались нередко материально обеспеченным товарищам [...] Безвозвратные пособия выдавались членам Литфонда за их общественную работу [...] Правление Литфонда широко практиковало выдачу возвратных ссуд крупными суммами...Нередко без всяких оснований за давностью списывалась задолженность с отдельных членов Литфонда [...] Значительные средства расходовались на т. н. творческие командировки. Однако результаты этих поездок, целесообразность расходов никем не проверялась, отчеты по ним в большинстве случаев даже не представлялись. В 1939 году на эту цель было истрчено 482 т. р. [...] Находящиеся в ведении Литфонда дома отдыха и творчества не использовались по назначению; в течение длительного времени бесплатно или на крайне льготных условиях в них находились случайные люди [...] Существующие ставки авторского гонорара высоки по своему уровню. В результате этого, заработок отдельных писателей и композиторов в 1939 г. составил (включая налоги) у Погодина 732 т. р., Тренева 235 т. р. [...]» (Ф. 17. Оп. 117. Д. 161. ЛЛ. 86--90). От себя добавлю, что ежегодный оклад, например, начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в 1940 г. составил примерно 27.000 т. р.

№ 25

Д. В. Крупин — А. А. Жданову
25 сентября 1940 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А. А.

О сборнике стихов Анны Ахматовой

«Советский писатель» выпустил сборник избранных произведений Анны Ахматовой за 1912—1940 гг.

Переиздается то, что было написано ею, главным образом, до революции.

Есть десяток стихов (а в сборнике их больше двухсот), помеченных 1921—1940 гг., но это также старые «напевы».

Стихотворений с революционной и советской тематикой, о людях социализма в сборнике нет. Все это прошло мимо Ахматовой и «не заслужило» ее внимания.

Издатели не разобрались в стихах Ахматовой, которая сама в 1940 году дала такое замечание о своих стихах:

«...В стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...» (Сборник, стр. 42)

Два источника рождают стихотворный сор Ахматовой и им посвящена ее «поэзия»: бог и «свободная» любовь, а «художественные» образы для этого заимствуются из церковной литературы.

* *
*

«Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне». (Сборник, стр. 53)

«Клянусь ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь» (стр. 61)

«А Смоленская нынче именованница,
Синий ладан над травой стелется,
И струится пенье панихидное...» (стр. 63)

«На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: «Жду!»
Завещал мне, умирая,
Благостность и нищету». (стр. 71)

«Для того ль я, господи, пела,
Для того ль причастилась любви» (стр. 124)

«Я так молилась... Взлететь к престолу сил и славы...
Я простерта ниц: коснется ли копь небесный» (стр. 132)

«Молодые твои серафимы...
Солеею молений моих» (стр. 137)

«С той поры, как привиделся ты,
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд» (стр. 139)

«Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья апостолов я,
Слова псалмопевца читаю» (стр. 140)

«Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест...
...Звезд иглистые алмазы
К богу внесены» (стр. 142)

«Божий ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас...» (стр. 150)

О прозорливце и христовой невесте (стр. 179)

«Где венчались мы — не помним,
Но сверкала эта церковь
Тем неистовым сиянием,
Что лишь ангелы умеют,
В белых крыльях приносить» (стр. 183)

«Первый луч — благословенье бога» (стр. 210)

«Должна я ожидать последнего суда» (стр. 211)

«Мне не надо счастья малого» (стр. 215)

«Неистошима только синева
Небесная и милосердье бога» (стр. 216)

«Предо мной золотой аналой
И со мной сероглазый жених» (стр. 234)

«Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу» (стр. 243)

«Умирая, томлюсь о бессмертьи» (стр. 252)

«Протертый коврик под иконой,
Трещит лампадка» (стр. 266)

«В то время я гостила на земле» (стр. 271)

«Похороны» (стр. 292)

«Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать чужому.
И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим крошечным супостатом...» (стр. 49)

* * *

*

«...Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.
И от лености или от скуки,
Все поверили, так и живут» (стр. 200)

«Покорна я одной господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж палач, а дом его — тюрьма» (Сборник, стр. 78)

«Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста» (стр. 88)

«...Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала» (стр. 194)

«Земная слава, как дым,
Не этого я просила.
Любовникам всем моим
Я счастье приносила» (стр. 95)

«...Я только вздрогнула:
Этот может меня приручить...» (стр. 219)

«...Вся любовь утолена.
Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера...» (1) (стр. 261)

Необходимо изъять из распространения стихотворения Ахматовой (2).

25.IX.1940 г.

Д. Крупин

Ф. 17. Оп. 117. Д. 192. ЛЛ. 149—152. Машинописный текст.
Подпись — автограф Д. В. Крупина. Свободная мысль. 1991.
№ 18. С. 65—67.

Примечания:

1. Большинство цитат приведены в докладной с ошибками.

2. На первом листе документа резолюция: «Т. т. Александрову и Поликарпову. Вслед за «стихами» Чурилина «Советский писатель» издает «стихи» Ахматовой. Говорят, что редактор «Сов[етского] писателя» одновременно руководит изд[ательством] «Молодая гвардия». Просто позор, когда появляются в свет, с позволения сказать, сборники. Как этот Ахматовский «блуд с молитвой во славу божию» мог появиться в свет? Кто его продвинул? Какова также позиция Главлита? Выясните и внесите предложения. Жданов».

№ 26

Г. Ф. Александров, Д. А. Поликарпов — А. А. Андрееву,
А. А. Жданову, Г. М. Маленкову
26 сентября 1940 г.

СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б)

— тов. АНДРЕЕВУ А. А.

тов. ЖДАНОВУ А. А.

тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.

О книге Борисова «Выговор».

Челябинским областным издательством подготовлена к вы-

пуску в свет книга Н. Борисова «Выговор». Эта книга (роман) — наглая, гнусная троцкистская клевета на партию, на социализм, на советских людей. Автор лживо, клеветнически описывает положение в партии и в стране в период разгрома контрреволюционной троцкистско-бухаринской шпионской банды. В романе Борисова дело изображено так, что враги партии и народа захватили все руководящие партийные и хозяйственные посты и безнаказанно издеваются над народом, угнетают и терроризируют его. Советские люди поставлены в безвыходное положение: им закрыты все пути для честной деятельности и борьбы с врагами. Жалобы в высшие органы партии только ухудшают положение советских людей. Среди честных людей, в том числе и членов партии, царит паника и растерянность. Даже у передовых членов партии от страха появляются настроения о невозможности сопротивляться врагам. Коммунистка Вера Комлева отговаривает свою подругу Надю Аржанову, не обоснованно наказанную провокаторами, подавать жалобу. Вера говорит: «Брось. Ничего не выйдет... Во-первых, выговора с тебя не снимут, а бузы будет сколько хочешь. А если и снимут, то тебе здесь после этого не работа... Ты-то, может, и не заслужила. Но знаешь, уже лучше тебе дать выговор, чем указать на ошибку бюро».

Ход событий в книге показан так, что честная коммунистка Надя Аржанова, в конце концов, исключается из партии и умирает не доказав своей правоты.

Автор настолько обнаглел, что открыто чернит и оханвает советскую действительность, восхваляет капитализм. Доказательства преимуществ капитализма перед социализмом оказываются, по мнению автора, настолько неотразимы, что коммунистка Вера Комлева, при первом же разговоре с вредителем Орлеанским, поколебалась в своих убеждениях. В разговоре с Аржановой Вера заявляет: «А откуда мы знаем капитализм? Может быть это действительно уж не так страшно (она хотела сказать «плохо», но вовремя смягчила и сказала страшно)». (стр. 148—149).

Книга Борисова «Выговор» нагло пропагандирует контрреволюционные троцкистские взгляды.

Вот некоторые рассуждения «героев» романа «Выговор»: «Политический деятель, сколько бы ему самому не было лет, в известный момент может опереться только на молодежь», — говорит вредитель Орлеанский. Он же продолжает: «Политика удел немногих. Делают ее единицы, исполняют тысячи. А между деланием и исполнением — большая разница. Кто, бывало, делал политику? Кучка министров, часть высшего дворянства, и даже Распутин. Подумайте, Распутин. А исполняли ее? То есть, как сейчас выражаются, проводил в жизнь... Исполнители всегда найдутся... Если ты не способен делать политику сам, безропотно выполняй ее» (стр. 135—136). Тот же Орлеанский

говорит, «что колхозник остался тем же крестьянином и мечтает о возврате к старому, что лучшие люди, бывшие коммунисты, боровшиеся за советскую власть, убедились, наконец, в тщетность содеянного» (стр. 142).

Контрреволюционные рассуждения врагов партии, вредителей в романе Борисова не встречают серьезного отпора ни со стороны честных членов партии, ни со стороны беспартийных советских людей. По Борисову, врагов народа окружает серая, безвольная, подчиняющаяся им масса. О взглядах самого Борисова можно судить по следующей тираде: «В этот день они по радио услышали об аресте группы виднейших работников партии, оказавшихся шпионами иностранного государства» (стр. 124). Презренные предатели родины для Борисова остаются «виднейшими работниками партии».

Борисов не показал ни одного полноценного советского человека, большевика. В книге Борисова замалчивается, обходится роль партии в жизни страны, в разгроме и ликвидации врагов народа. Зато в романе с большой любовью поданы враги народа, смелыми, сильными, «идейными» людьми. Эти люди, правда, на последних страницах книги разоблачаются, но это не меняет антисоветского характера книги.

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) просит запретить выпуск антисоветской книги Борисова «Выговор» (1).

Начальник Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Г. Александров

Зам. нач. Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Д. Поликарпов

26/IX 40 г.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 175. ЛЛ. 33—35. Машиннописный текст. Подписи — автограф Г. Ф. Александрова и Д. А. Поликарпова.

Примечание:

1. 2 октября 1940 г. Оргбюро ЦК приняло по этому вопросу лаконичное решение: «Запретить выпуск антисоветской книги Н. Борисова «Выговор».

№ 27

Н. Н. Асеев — А. А. Жданову
{9 октября 1940 г.]

Дорогой товарищ Жданов!

Вчера, 8-го октября я был поставлен товарищем Фадеевым в тяжелое и глупое положение на Правлении ССП по вопросу о книжке Тихона Чурилина (2).

Тов. Фадеев, зная мое положительное суждение о талантлив-

ности Чурилина вообще и, не предупредив меня о том, что книжка резко осуждена вами, нашел нужным вовлечь меня в длительный спор о ней, спор, имевший очевидной целью противопоставить мою скромную литературную убежденность вашему непререкаемому политическому авторитету. В конце концов, дело здесь не в книжке Тихона Чурилина. Защищать ее в том виде, в каком она была представлена, я не собираюсь. Но судьба старого поэта не бездарного, но ведущего голодное существование, забытого всеми и поэтому несколько одиачалого в своем творчестве,— меня волновала. Тов. Фадеев решительно настаивал на полной бездарности Чурилина и ненужности его. Вот против этого я и возражал. Меня в моем мнении поддержали столь разные по вкусам люди, как К. А. Тренев, В. Б. Шкловский, С. Я. Маршак. Тогда тов. Фадеев предъявил нам ваши отметки на страницах книги Чурилина, тем самым ставя меня, да и остальных товарищей в необходимость либо спрятать в карман наше мнение, либо оспаривать ваш отзыв о книге.

Но вопрос был подменен. Книгу никто не защищал в ее настоящем виде. Защищали и высказывались писатели о человеке, в котором они видели искру таланта, несколько болезненного и искривленного, но тем более нуждающегося во внимательном к нему отношении.

Растерявшись от неожиданно предъявленных обвинений, и чувствуя подмену одного вопроса другим, я в горячке спора не нашел нужных доводов, вспылал, расстроился от этого, в результате чего получил от тов. Фадеева нравоучение о том, что нужно уважать мнение и любить своих вождей. На это я кажется ответил, что любовь свою я не привык выставлять наружу. Вообще разговор принял неприятный и постыдный для взрослых людей характер. Я не знаю для чего нужно его было переводить в такой план, возможно для того, чтобы дискредитировать мои вкусы и литературные убеждения, лишний раз показав мою непригодность к организационной работе.

Но я и не добивался никогда участия в руководстве Союзом Советских писателей. И мне очень бы хотелось не из обиды, и не из желания остаться в гордом одиночестве, а просто потому, что мне очень хочется писать стихи,— отстраниться от всякого участия в той игре страстей и тщеславий, которая кипит вокруг руководства Союзом Советских писателей и которая для меня глубоко непонятна и антипатична.

В этом я очень прошу Вас помочь мне.

Николай Асеев (2)

Проезд МХАТа, д. 2, кв. 55

Ф. 77. Оп. 3. Д. 120. ЛЛ. 83, 84. Машинописный текст. Подпись — автограф Н. Н. Асеева.

Примечания:

1. Речь идет о сборнике Т. В. Чурилина «Стихи», вышедшего в издательстве «Советский писатель» в 1940 году.

2. На письме резолюция: «т. Поликарпову. Выясните как дело было и доложите. Жданов».

№ 28

Г. Ф. Александров, Д. А. Поликарпов — А. А. Жданову
19 октября 1940 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А. А.

Справка.

Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) рассмотрен вопрос о выпуске сборника стихов Ахматовой. Книга издана в мае месяце этого года Ленинградским отделением издательства «Советский писатель» — с ведома Президиума Союза Советских писателей и при настойчивой поддержке некоторых ленинградских писателей (Тынянов, Слонимский, Саянов и др.).

Материалы проверки говорят о том, что ответственность за выпуск стихов Ахматовой должны нести директор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» тов. Брыкин, директор издательства «Советский писатель» тов. Ярцев и работник Главлита тов. Бойченко. Директор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» тов. Брыкин всячески старался ускорить издание книги, усиленно добивался разрешения Горлита (1) на выпуск ее в свет. Тов. Брыкин в объяснении, которое он дал Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), заявил, что выпуск стихов Ахматовой он считал для себя очень важным делом, т. к. выход книги ожидался писателями с особым интересом.

Тов. Брыкин не принял во внимание замечаний редакторов издательств, предлагавших исключить из сборника значительную часть стихотворений.

Директор издательства «Советский писатель» тов. Ярцев знал о содержании стихов Ахматовой, знал также, что Ленгорлит возражает против выпуска книги и, несмотря на это, разрешил издание сборника.

Недопустимую беспечность в этом деле проявил работник Главлита тов. Бойченко. Ленгорлит обратился к тов. Бойченко за указаниями о возможности издания стихов Ахматовой, высказав свои сомнения по этому поводу.

Тов. Бойченко не нашел оснований для вмешательства цензуры и санкционировал выпуск книги.

Выяснилось также, что аппарат Главлита работает слабо. Начальники отделов Главлита не руководят политредакторами, не несут ответственности за выпуск книг.

Политический контроль за выпускаемой художественной литературой передоверен в Главлите второстепенным работникам.

Следует также отметить, что стихи Ахматовой усиленно популяризирует Алексей Толстой. На заседании секции литературы Комитета по Сталинским премиям Толстой предложил представить Ахматову кандидатом на Сталинскую премию за лучшее произведение литературы. Предложение Толстого было поддержано секцией. На заседании секции присутствовал тов. Фадеев.

«Литературная газета» в номере от 10 июля с. г. поместила о стихах Ахматовой хвалебную статью Перцова (2).

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) вносит предложение о наложении партийного взыскания на т. т. Брыкина, Ярцева и Бойченко, проявивших беспечность и легкомысленное отношение к порученному им делу.

Предложения об усилении политического контроля за выпускаемой литературой будут внесены особо после тщательной проверки работы Главлита.

Начальник Управления пропаганды
и агитации ЦК ВКП(б)

Г. Александров

Зам. начальника Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Д. Поликарпов

19.IX.40 г.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 192. ЛЛ. 153—155. Машинописный текст. Подпись — автограф Г. Ф. Александрова и Д. А. Поликарпова. Свободная мысль. 1991. № 18. С. 67, 68.

Примечания:

1. Городское управление по делам литературы и издательств.
2. Речь идет о статье «Читая Ахматову».

№ 29

Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об издании сборника стихов Ахматовой».

29 октября 1940 г.

п. 284 г. Об издании сборника стихов Ахматовой.

1. Отметить, что работники издательства «Советский писатель» т. т. Ярцев и Брыкин, политредактор Главлита т. Бойченко допустили грубую ошибку, издав сборник идеологически вредных, религиозно-мистических стихов Ахматовой.

2. За беспечность и легкомысленное отношение к своим обязанностям, проявленном при издании сборника стихов Ах-

матовой, объявить выговор директору Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» т. Брыкину Н. А., директору издательства «Советский писатель» т. Ярцеву Г. А., политредактору Главлита т. Бойченко Ф. С.

3. Предложить Управлению пропаганды и агитации проверить работу Главлита и внести в ЦК ВКП(б) предложения об усилении политического контроля за выпускаемой в стране литературой.

4. Книгу стихов Ахматовой изъять.

Из протокола № 59 заседания Секретариата ЦК ВКП(б) за 21 октября — 1 ноября 1940 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 60. Л. 53. Подлинник. Машинописный текст.

№ 30

Из докладной записки Г. Ф. Александрова, А. А. Пузина —
А. А. Андрееву, А. А. Жданову, Г. М. Маленкову
18 ноября 1940 г.

СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б)

— тов. АНДРЕЕВУ А. А.
тов. ЖДАНОВУ А. А.
тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.

О состоянии литературной критики и библиографии

Управление пропаганды и агитации ознакомилось с состоянием литературной критики и библиографии. Проверка показала, что критико-библиографическая работа находится в крайне запущенном состоянии. Со страниц большинства общеполитических и отраслевых газет и журналов за последнее время почти совершенно исчезли литературно-критические материалы и рекомендательная библиография.

Явно неблагоприятно положение в области критики художественной литературы. Ряд идеологически вредных литературных произведений не только не был своевременно разоблачен критикой, но, наоборот, расхваливался и преподносился читателю как образец советского художественного творчества.

Критики всячески игнорируют советскую литературу, предпочитая заниматься историей литературы прошлых столетий и отвлеченными литературоведческими проблемами. Они оторвались от советских писателей и замкнулись в обособленную от писателей секцию критиков при союзе писателей. Эта секция выродилась в оторванную от жизни замкнутую касту. О физиономии ее достаточно ярко говорит хотя бы тот факт, что

весь нынешний год секция критиков не разобрала ни одного произведения советской литературы.

Оторванность критиков от писателей нашла также свое выражение в обособлении значительной группы критиков в специальном журнале «Литературный критик». Журнал этот занимается преимущественно историко-литературными проблемами. Из 563 статей, напечатанных в «Литературном критике» за три года (1936—1938), вопросам советской литературы посвящено лишь 8 небольших статей. По признанию самой редакции, журнал не поставил ни одного серьезного вопроса советской литературы.

Официальный орган Союза писателей «Литературная газета» не только не ведет активной борьбы с нездоровыми явлениями в литературе и критике, но и сама не занимает четкой позиции в вопросах советской литературы.

В среде критиков существует беспринципная групповщина. Одна группа критиков (Лифшиц, Лукач и др.) объединилась вокруг журнала «Литературный критик», другая (Кирпотин, Ермилов, Альтман и др.) — вокруг «Литературной газеты». В течение длительного времени эти группы занимаются взаимной травлей и пустыми окололитературными спорами.

В литературно-художественных журналах, объединяющих писателей, критики, вопреки традициям русской художественной литературы, — не участвуют. Журналы эти превратились в серые, безликие альманахи, слабо влияющие на формирование писателей. Формально существующие отделы критики в этих журналах влчат жалкое существование. Журнал «Октябрь», например, за 1940 г. поместил только 5 рецензий и критических статей. Такое же положение в «Красной нови», «Новом мире» и других журналах. Достаточно сказать, что лишь 23 проц. художественной литературы, вышедшей в 1939 г., получили отзывы в печати [...]

Общеполитическая и отраслевая печать фактически не ведет критики и библиографии. В «Известиях» и в «Комсомольской правде», например, не только не существует отдела критики и библиографии, но даже не выделен специальный сотрудник для организации критико-библиографической работы. В «Комсомольской правде» почти нет отзывов на комсомольскую литературу. «Издательство «Молодая гвардия» выпустила только за 10 месяцев текущего года 55 книг. На страницах же «Комсомольской правды» были даны отзывы лишь о 4-х книгах в издании «Молодой гвардии». В редакции весьма своеобразно объясняют это тем, что книги, издаваемые «Молодой гвардией», невысокого качества и поэтому о них не стоит писать [...]

В 1935 году было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) «О постановке критико-библиографического дела» (1). Материалы проверки показывают, что это решение, направлен-

ное на радикальное улучшение постановки критико-библиографического дела осталось невыполненным. Это относится прежде всего к нашей центральной прессе. Газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др., а также журнал «Большевик», «Партийное строительство», «В помощь марксистско-ленинскому образованию», «Спутник агитатора» не выполнили прямых указаний ЦК ВКП(б), данных в постановлении от 14 ноября 1935 года.

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разработало мероприятия, способствующие улучшению дела критики и библиографии и вносит их на утверждение ЦК ВКП(б).

Проект решения ЦК ВКП(б) прилагается (2).

Нач. Управления пропаганды
ЦК ВКП(б)

Г. Александров

Зам. нач. Управления пропаганды
ЦК ВКП(б)

А. Пузин

18/XI—40 г.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 197. ЛЛ. 206—212. Машинописный текст.
Подписи — автограф Г. Ф. Александрова и А. А. Пузина.

Примечания:

1. Речь идет о постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) 14 ноября 1935 г. в котором говорилось:

«ЦК ВКП(б) считает, что библиографическое дело в газетах («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «За индустриализацию» и других), а также в журналах — литературно-художественных, научных и массовых поставлено неудовлетворительно. Неоднократные директивы ЦК о необходимости радикально улучшить постановку библиографии в центральной прессе до сих пор не выполнены. Зачастую критики вместо внимательного разбора достоинств и недостатков отдельных книг и художественных произведений ограничиваются тем, что или огульно захваливают ту или иную книгу, или ее так же огульно охаивают, дезориентируя тем самым как читателей, так и авторов. Отмечая, что в условиях огромного культурно-политического роста трудящихся масс города и деревни критико-библиографическая работа приобретает исключительно важное значение, как серьезное орудие пропаганды и коммунистического воспитания, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Создать критико-библиографические отделы во всех центральных, краевых и областных газетах, в научных, литературно-художественных и массовых журналах.

Организовать работу критико-библиографических отделов так, чтобы читатели газет и журналов систематически своевременно информировались не только о всей уже вышедшей литературе, но и о книгах, выходящих в ближайшее время.

2. ЦК особо обращает внимание редакторов газет и журналов, а также и литературных работников на то, чтобы критика литературы велась на высоком идейном уровне, чтобы в статьях и рецензиях о книгах давалось краткое изложение содержания книги, отмечались бы положительные и, если имеются, и отрицательные стороны книги; рецензии должны писаться так, чтобы

оценка книги не навязывалась читателю предвзято и необосновано, а вытекала из изложения ее содержания. Необходимо вести борьбу с элементами недобросовестности и необъективности в критике.

Редакции газет и журналов должны широко использовать в печати отзывы о книгах массового читателя [...]» (Ф. 17. Оп. 114. Д. 508. ЛЛ. 60, 61).

2. 26 ноября 1940 г. на основании настоящей докладной было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии». Постановление было полностью опубликовано (КПСС в резолюциях. Т. 7. М., 1985. С. 181—184).

Часть III

№ 31

А. А. Пузин — А. А. Жданову
10 марта 1941 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Жданову А. А.

Отчет

О выполнении решения ЦК ВКП(б) от 20.VIII.1939 г.
«О редакциях литературно-художественных журналов».

В постановлении ЦК ВКП(б) отмечались грубые политические ошибки, допущенные литературно-художественными журналами: «Октябрь», «Красная новь» и др. Идейные провалы журналов были связаны с беспорядком и безответственностью в руководстве журналами. Управлению пропаганды совместно с Управлением кадров было поручено провести работу по подбору ответственных секретарей редакций и состава редакционных коллегий литературно-художественных журналов.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) Управлением пропаганды проведены следующие мероприятия:

Подобраны и утверждены ЦК ВКП(б) ответственные секретари журналов: «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Красная новь», а также состав редакционных коллегий этих журналов: «Октябрь» — Шамориков И. В. (ответственный секретарь), Панферов Ф. И., Ильенков В. П., Павленко П. А., Юнович М. М., Щипачев С. П.; «Новый мир» — Щербина В. Р. (ответственный секретарь), Шолохов М. А., Ставский В. П., Сурков А. А., Розенталь М. М.; «Знамя» — Соколовский М. Р. (ответственный секретарь), Вишневский В. В., Лебедев-Кумач В. И., Новиков-Прибой А. С., Луговской В. А., Исабах А. А., Тимофеев Л. И.; «Красная новь» — Ковальчик Е. И. (ответственный секретарь), Фадеев А. А., Асеев Н. Н., Бахметьев В. М., Шагинян М. С., Твардовский А. Т., Иванов В. В.

Подбором и утверждением ЦК ВКП(б) ответственных секретарей журналов ликвидирована существовавшая раньше безответственность в руководстве литературно-художественными журналами.

Несколько улучшилось руководство литературно-художественными журналами со стороны Президиума Правления союза советских писателей. Президиум ССП собирал творческий актив журналов, обсуждал планы работы журналов на 1941 год.

Большое оживление в работу литературно-художественных журналов внесло постановление ЦК ВКП(б) от 26 ноября

1940 г. «О литературной критике и библиографии». В соответствии с этим постановлением, в журналах созданы отдел критики и библиографии.

Отдел печати Управления пропаганды ЦК ВКП(б) установил систематический контроль за работой литературно-художественных журналов.

Зам. начальника Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

А. Пузин (1)

10.III.1941 г.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 19. ЛЛ. 59—60. Машинописный текст. Подпись — автограф А. А. Пузина.

Примечание:

1. На первом листе документа две резолюции: «К свед[едению] Жд[анов]» и «Считаю возможным вопрос с контроля снять». Ниже виза Д. Крупина.

№ 32

А. А. Фадеев — И. В. Сталину, А. А. Жданову,
А. С. Щербакову
7 мая 1941 г.

7 мая 1941 г.
№ 57/с

Совершенно секретно

В ЦК ВКП(б) (1)

Товарищу Сталину И. В.
Товарищу Жданову А. А.
Товарищу Щербакову А. С.

Направляю Вам для ознакомления политически небезинтересную статью Вересаева, присланную для напечатания в «Литературной газете» (2). Печатать эту статью я **не считаю возможным**.

Здесь есть две стороны вопроса.

1. Факты редакторского произвола действительно часты в практике журналов и издательств. Сплошь и рядом неумные полуграмотные люди, чувствуя за своей спиной государственный аппарат и известную безнаказанность, карежат и калечат рукописи «не взирая на лица». Случай со стилистической «правкой» рукописи Вересаева в редакции «30 дней» действительно возмутителен.

2. Но за всей статьей Вересаева чувствуется задняя

мысль,— дискредитировать редакторов, как работников на службе у советского государства, как проводников политики нашего государства, как людей стоящих на страже государственных интересов. Вересаев не может вслух сказать, что его «угнетает» контроль Главлита, политические требования наших журналов и издательств и он прикрывается вопросами стиля и вообще художественной стороной дела. А общий тон статьи — вопль о «свободе печати» в буржуазном смысле.

Вересаев здесь не одинок. Еще совсем недавно мне пришлось отклонить присланную в «Красную Новь» статью критика Дермана, написанную на ту же тему и абсолютно в таком же духе. (Кстати сказать, Дерман приятель Вересаева и тоже из меньшевиствовавших).

В «Литературной газете» мы не пустили статью критика Гурвича о фильме «Валерий Чкалов», в которой превозносилось и идеализировалось озорство Чкалова, как проявление «свободной природы» и этой свободой природы объяснялось и то, чего Чкалов достиг впоследствии, а в заключении статьи шел упрек всей советской литературе в «скованности» и «связанности».

Подобные же голоса идут из лагеря всевозможных Левидовых и, мне кажется, вряд ли нужно давать им трибуну.

А. Фадеев (3)

Ф. 17. Оп. 125. Д. 69. ЛЛ. 3, Зоб. Машинописный текст. Подпись — автограф А. А. Фадеева.

Примечания:

1. Письмо написано на бланке правления Союза Советских писателей СССР.

2. Речь идет о статье «Об авторах и редакторах», текст которой с выдержками приводится ниже:»

Это два враждебных лагеря, и столкнуться им друг с другом очень трудно [...]

Не знаю, почему, но в последнее десятилетие редакторы стали проявлять все большее стремление диктаторски исправлять и перерабатывать по своему вкусу произведения писателей. И в настоящее время стороною, притом совершенно в большинстве случаев беззащитною, являются авторы [...]

Месяца четыре назад редакция журнала «Тридцать дней» обратилась ко мне с просьбой дать журналу небольшой рассказ [...] Редакция познакомила меня с некоторыми исправлениями, которые она хочет сделать в рассказе. Исправления были преимущественно в таком роде: у меня было: «она выстрелила два раза из револьвера»; редакция поправила: «она выстрелила дважды из револьвера» [...]

Редактор, можно сказать, потрудились в поте лица. Рассказ занимает всего три страницы с небольшим, а в нем сделано по подсчету **сто сорок две правки!** [...]

Я выношу впечатление, что вообще нынешний редактор чувствует свое существование совершенно неоправданным, если не проявит своего наличия чуть не в каждой строке писателя [...]

Я печатался у Короленко, печатался у Горького. Никогда они не изменяли у меня ни одной фразы. Это происходило не потому, что в целом ряде случаев они не могли бы предложить исправлений, от которых вещь безусловно бы выиграла. Но они были люди глубоко культурные и признавали, что,

достигший известного уровня, писатель сам отвечает за себя перед читателем. Нынешний редактор эту ответственность перекладывает на себя и не стесняется делать исправления, которые только он один считает улучшающими произведение [...]

Подходило пятьдесят лет моей литературной деятельности. Издательство предоставило в мое распоряжение шестьдесят листов для «избранных сочинений». Я подобрал материал. Отдан он был на рецензию [...] О. Резнику. Резник произвел в нем полный разгром. Такой-то рассказ неинтересен,— выбросить. Такая-то повесть производит мрачное впечатление,— переделать конец [...] Рассказ «Лизар» можно поместить после тщательной обработки. А об этом рассказе вот что писал А. П. Чехов в 1903 г. Суворину: «Вы читаете теперь беллетристику, так вот почитайте кстати рассказы Вересаева. Начните с небольшого рассказа «Лизар». Мне кажется, что вы останетесь очень довольны». Кому верить,— А. Чехову или О. Резнику? Книга «Избранных произведений» так в общем и вышла по отбору, произведенному Резником [...]

У меня за плечами больше пятидесяти лет литературной работы, у меня есть некоторое имя, я имею возможность предъявлять ультиматумы,— и все-таки вот сколько приходится преодолевать препятствий, глупых и ненужных, чтобы отстоять свое право писать по-своему или добиться напечатания своей книги. С писателями же молодыми, еще не имеющими имени, многие редакторы уж совершенно не церемонятся [...]

В общем, однако, редакторы должны быть гораздо терпимее, культурнее и шире, чем большинство их в настоящее время [...]» (Ф. 17. Оп. 125. Д. 69. ЛЛ. 4—11).

3. К документу приложена машинописная записка неустановленного автора: «Все таки в письме Вересаева есть много справедливого,— хотя бы то, что нельзя монополизировать право на истину в руках небольшого круга редакторов издательств и так называемых рецензентов, которые свои личные вкусы и свой уровень требований к литературе выдают за абсолют». На тексте записки резолюция: «Передать т. Поликарпову и Пузину для ознакомления с тем, чтобы сообщить свое мнение. Жд [анов]».

№ 33

С. А. Лозовский — А. С. Щербакову

3 сентября 1941 г.

Секретно

3 сентября 1941 года

№ 362-Л

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. А. С. Щербакову.

Обращаю Ваше внимание на совершенно недопустимое отношение т. Фадеева к своим обязанностям. На протяжении всего времени его работы в Информбюро, он периодически исчезает на несколько дней, совершенно не интересуясь порученным ему делом. Вместо того, чтобы собирать вокруг Литературного Отдела писателей, привлечь наших музыкантов, кинорежиссеров, композиторов и всех работников искусства для сотрудничества в иностранных газетах и журналах, т. Фадеев растерял то, что было с самого начала организовано. Нельзя дальше терпеть такое отношение к работе, особенно в условиях военного времени. Я предлагаю:

1. Освободить т. Фадеева от работы в Информбюро.
2. Назначить Зав. литературной группой Евг. Петрова.
3. Дать ему в качестве заместителя члена партии т. Бурского.

Чем скорее мы проведем эти решения, тем лучше.

Зам. начальника
Советского Информбюро

Лозовский (1)

Ф. 17. Оп. 125. Д. 69. Л. 24. Машинописный текст. Подпись — автограф С. А. Лозовского.

Примечание:

1. На документе резолюция: «В архив. т. Щербаков ознакомлен. 7/IX. А. Крапивин».

№ 34

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О т. Фадееве А. А.» 21 сентября 1941 г.

п. 26 г. О т. Фадееве А. А.

1. Утвердить постановление Бюро КПК при ЦК ВКП(б) от 20.IX.1941 года:

«По поручению Секретариата ЦК ВКП(б) Комиссия Партийного Контроля рассмотрела дело о секретаре Союза Советских Писателей и члене ЦК ВКП(б) т. Фадееве А. А. и установила, что т. Фадеев, приехав из командировки с фронта, получив поручение от Информбюро, не выполнил его и в течение семи дней пьянствовал, не выходя на работу скрывая свое местонахождение. При выяснении установлено, что попойка происходила на квартире артистки Булгаковой. Как оказалось, это не единственный факт, когда т. Фадеев по несколько дней подряд пьянствовал. Аналогичный факт имел место в конце июля текущего года. Факты о попойках т. Фадеева широко известны в писательской среде.

Бюро КПК при ЦК ВКП(б) постановляет: Считая поведение т. Фадеева А. А. недостойным члена ВКП(б) и особенно члена ЦК ВКП(б), объявить ему выговор и предупредить, что если он и впредь будет продолжать вести себя недостойным образом, то в отношении его будет поставлен вопрос о более серьезном партийном взыскании».

2. Внести на утверждение Политбюро.

Из протокола № 94 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 6 июня 1941 г.— 8 августа 1942 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 95. Л. 9. Подлинник. Машинописный текст.

А. А. Фадеев — И. В. Сталину, А. А. Андрееву,
А. С. Щербакову.
13 декабря 1941 г.

В ЦК ВКП(б)

Товарищу И. В. СТАЛИНУ.
Товарищу А. А. АНДРЕЕВУ.
Товарищу А. С. ЩЕРБАКОВУ.

Среди литераторов, находящихся в настоящее время в Москве, распространяется сплетня, будто Фадеев «самовольно» оставил Москву, чуть ли не бросив писателей на произвол судьбы (1).

Ввиду того, что эту сплетню находят нужным поддерживать некоторые видны люди, довожу до сведения ЦК следующее:

1. Днем 15 октября я получил из Секретариата тов. Лозовского директиву явиться с вещами в Информбюро для того чтобы выехать из Москвы вместе с Информбюро.

Эту же директиву от имени тов. Щербакова мне передали работники Информбюро тов. тов. Афиногенов, Бурский и Петров.

Я не мог выехать с Информбюро, так как не все писатели по списку, составленному в Управлении агитации и пропаганды ЦК, были мною погружены в эшелон и я дал персональное обязательство тов. Микояну и тов. Швернику выехать только после того как получу указание Комиссии по эвакуации через тов. Косыгина.

Мне от имени тов. Щербакова разрешено было задержать насколько необходимо.

Я выехал под утро 16 октября после того как отправил всех писателей, которые мне были поручены и получил указание выехать от Комиссии по эвакуации через тов. Косыгина.

2. Я имел персональную директиву от ЦК (тов. Александров) и Комиссии по эвакуации (тов. Шверник, тов. Микоян, тов. Косыгин) вывезти писателей, имеющих какую-нибудь литературную ценность, вывезти под личную ответственность.

Список этих писателей был составлен тов. Еголиным (работник ЦК) совместно со мной и утвержден тов. Александровым. Он был достаточно широк — 120 человек, а вместе с членами семей некоторых из них — около 200 человек (учтите, что свыше 200 активных московских писателей находится на фронтах, не менее 100 самостоятельно уехало в тыл за время войны и 700 с лишним членов писательских семей эвакуированы в начале войны).

Все писатели и их семьи, не только по этому списку, а со

значительным превышением (271 человек) были лично мною посажены в поезда и отправлены из Москвы в течение 14 и 15 октября (за исключением Лебедева-Кумача, — он еще 14 октября привез на вокзал два пикапа вещей, не мог их погрузить в течение двух суток и психически помешался, — Бахметьева, Сейфуллиной, Мариэтты Шагинян и Анатолия Виноградова — по их личной вине). Они, кроме А. Виноградова, выехали в ближайшие дни.

Для обеспечения выезда всех членов и кандидатов Союза Писателей с их семьями, а также работников аппарата Союза (работников Правления, Литфонда, Издательства, журналов, «Литгазеты», Иностранной комиссии, Клуба) Комиссия по эвакуации при Совнаркомом СССР по моему предложению обязала НКПС предоставить Союзу Писателей вагоны на 1000 человек (в эвакуации какого-либо имущества и архивов Правления Союза было отказано).

За 14 и 15 октября и в ночь с 15 на 16 организованным и неорганизованным путем выехала, примерно, половина этих людей. Остальная половина (из них по списку 186 членов и кандидатов Союза) была захвачена паникой 16 и 17 октября. Как известно большинство из них выехали из Москвы в последующие дни.

3. Перед отъездом мною были даны необходимые распоряжения моему заместителю (тов. Кирпотину), секретарю «Литгазеты» (тов. Горелику) и заместителю моему по Иностранной комиссии (тов. Аплетину). Секретарь парторганизации тов. Хвалобнова, уезжавшая с мужем с разрешения Краснопресненского райкома, дала при мне необходимые распоряжения своему заместителю (тов. Хмара) и Зав. Секретной частью Союза (тов. Болихову).

Кирпотин моих распоряжений не выполнил и уехал один, не взглянув в Союз. Это конечно усугубило паническое настроение оставшихся. Остальные работники свои обязательства выполнили.

4. Перед отъездом Информбюро из Москвы тов. Бурский передал мне от имени тов. Щербакова указание: создать работающие группы писателей в г. г. Свердловске, Казани и Куйбышеве.

В Куйбышеве такая группа создана при Информбюро (человек 15). В Казани и Чистополе (120 человек) и Свердловске (30 человек). Остальные писатели с семьями (в большинстве старики, больные и пожилые, но в известной части и перетрусившие «работоспособные») поехали в Ташкент, Алма-Ата и города Сибири.

Организация писательских групп в Казани и Свердловске, очищение их от паникеров, материально-бытовое устройство, преодоление некоторых политически вредных настроений — вся

эта работа более или менее завершена, группы эти созданы и работают.

5. Работа среди писателей (в течение 15 лет) создала мне известное число литературных противников. Как это ни мелко в такое время, но именно они пытаются выдать меня сейчас за «паннкера».

Это обстоятельство вынуждает меня сказать несколько слов о себе. Я вступил в партию в период колчаковского подполья 2 1,2 года был участником гражданской войны (от рядового бойца и политрука пулетной команды до комиссара бригады), участвовал в штурме Кронштадта в 1921 г. и дважды был ранен.

Я делал не мало ошибок, промахов и проступков. Но на всех самых трудных этапах революции, включая и современный, я не был просто «поддерживающим» и «присоединяющимся», а был и остался активным борцом за дело Ленина и Сталина. Изображать меня «паннкером» — это глупость и пошлость.

Как и многие большевики я с большой радостью остался бы в Москве для защиты ее, и как у многих большевиков все мои помыслы и желания направлены к фронту.

Если бы мне разрешили выехать на фронт в качестве корреспондента или политработника я смог бы принести пользы не меньше других фронтовых литераторов.

А. Фадеев

13.XII.41 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 69. ЛЛ. 29—31. Машинописный текст. Подпись — автограф А. А. Фадеева.

Примечание:

1. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранилась незаверенная машинописная копия письма «писателей» от 19 октября 1941 г., в которой описывалось положение с эвакуацией членов ССП СССР: «Заместителю председателя СНК СССР тов. Косыгину. Правительством предложено было руководству Союза советских писателей эвакуирование в Казань и эвакуировать всех писателей. Четыремя партиями было отправлено около 500 человек. После этого руководящие эвакуацией товарищи панически бежали, оставив на произвол судьбы многих писателей [...] После исчезновения из Москвы руководства ССП СССР в городе остались такие писатели как Новиков-Прибой, Шагинян, Метиславский [...] Мы просим СНК СССР дать нам возможность организовано отправить оставшихся в Казань и Ташкент [...] Писатели». (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 565. Л. 158).

А. С. Мехлис — А. А. Андрееву
13 декабря 1941 г.

Телеграмма

Из Изумруд Бомба (1)
Бомба, ЦК ВКП(б) — тов. Андрееву А. А.

Писатель Фадеев прислал телеграмму с просьбой посодействовать перед ЦК ВКП(б) о направлении его на фронт в качестве корреспондента, как будто ему кто-то мешает (2).

Прошу Вас передать Фадеева на несколько месяцев в расположение ГЛАВПУРККА (3), а мы заставим его обслуживать Армию художественным словом.

№ 14470

МЕХЛИС (4)

13.XII.41 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 189. Заверенная машинописная копия.

Примечания:

1. Изумруд и Бомба — шифры-пароли.

2. Вот текст этой телеграммы: «14/12. Молния. Куйбышевская обл.— ЦК ВКП(б) Андрееву. Прошу разрешения выехать [на] западный фронт. Фадеев».

3. Главное политическое управление рабоче-крестьянской Красной армии.

4. К документу приложена рукописная записка: «т. Маханову. т. Андреев просил узнать мнение т. Щербакова по просьбе т. Мехлиса. [подпись неразборчива]». Ниже текста документа записка неустановленного автора: «Срочно. т. Маханову. Просьба переговорить с т. Щербаковым — ук[азание] т. Андреева. 14/XII.41».

№ 37

А. И. Маханов — А. А. Андрееву
15 декабря 1941 г.

О телеграмме т. Мехлиса сообщено т. Щербакову и он через т. Александрова сообщил, что откомандирование т. Фадеева в распоряжение ПУРККА нецелесообразно.

Тов. Щербаков А. С. дал указание об использовании тов. Фадеева на работе в Союзе писателей и на организации новой газеты «Литература и искусство».

Тов. Фадеев вызван Управлением пропаганды в Куйбышев.
Зам. начальника Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

А. Маханов

15/XII—1941 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 192. Машинописный текст. Подпись — автограф А. И. Маханова.

Н. А. Ломакин — А. А. Андрееву
17 декабря 1941 г.

№ 0310 сс
17/XII 1941 г.
г. Ташкент

Сов. секретно.

Секретарю ЦК ВКП(б) (1)
Товарищу Андрееву

За последнее время в г. Ташкент в порядке эвакуации прибыла группа московских писателей (Алексей Толстой, Николай Погодин, Всеволод Иванов, Николай Вирта и др.).

ЦК КП(б)Уз и СНК УзССР приняли меры по созданию для писателей необходимых бытовых условий и привлечению их к активному участию в общественной и политической жизни. Например, Алексей Толстой написал и опубликовал в республиканских газетах серьезную статью: «Клянемся не осквернить святости нашей родины» и работает над новой статьей; Николай Погодин вместе с узбекскими писателями по заданию ЦК КП(б)Уз написал музыкальную драму о мобилизации узбекских народных масс на борьбу с фашизмом; поэты Уткин, Луговской и Голодный выступают в рабочих и красноармейских аудиториях, пишут песни, работают в военной прессе и т. д.

Однако, за последнее время среди этих писателей имеют место нездоровые настроения и попытки организованно выступить против руководства Союза Советских писателей. Например, 3 дня тому назад в ЦК КП(б)Уз пришел Алексей Толстой и от имени всех московских писателей, находящихся в Ташкенте, поставил вопрос о необходимости «полной реорганизации и обновления руководства Союза Советских писателей СССР», имея ввиду получить у нас поддержку в такой постановке вопроса. Алексей Толстой заявил, что Фадеев и его помощники растерялись, потеряли всякую связь с писателями, судьбой их не интересуются и занимаются, главным образом, устройством своих личных дел в г. Чистополе. Он, в частности, высказал свое возмущение тем, что т. Фадеев, под пьяную руку, выдает безответственные мандаты отдельным писателям на право «руководить» различными отраслями писательской работы в Узбекистане. Такие мандаты, по заявлению т. Толстого, были выданы Фадеевым т. т. Кирпотину, Скосыреву, Маршаку и Ниалло.

Дело дошло до того, что группа московских писателей с участием Алексея Толстого (особое рвение проявляет Вирта) постановила на своем собрании объявить выдачу таких ман-

датов незаконным делом и немедленно отобрать их у всех перечисленных выше товарищей и, в частности, у т. Кирпотина, находящегося в Узбекистане. В результате этого, т. Кирпотин не только не оказывает никакого влияния на работу московских писателей, но и окружен нескрываемым презрением с их стороны.

В эту групповую возню за последние дни начали вовлекаться и некоторые узбекские писатели.

Явно неправильное поведение московских писателей нашло свое яркое выражение в проекте их письма в ЦК ВКП(б) на имя товарища Андреева и товарища Щербакова. В этом письме, написанном Алексеем Толстым, Николаем Вирта и Иосифом Уткины, делаются прямые намеки на необходимость отстранения Фадеева от руководства Союза писателей и ставится вопрос о создании нового «полномочного органа Союза Советских писателей с тем, чтобы он находился в одном из крупных центров СССР». В этом письме утверждается, что «организация (Союз писателей) по сути дела распалась и, не представляя из себя целостной политической группы».

Тов. Юсупов предложил т. Толстому этого письма в ЦК ВКП(б) не посылать, прекратить составление такого рода «коллективных документов», никаких собраний без ведома ЦК КП(б) Уз впредь не проводить и взяться по настоящему за привлечение всех писателей к активному участию в общественно-политической жизни под руководством ЦК КП(б) Узбекистана. Тов. Толстой согласился в этих указаниях и заявил, что письмо, написанное на имя т. Андреева и т. Щербакова, послано не будет и что он сделает все возможное, чтобы улучшить работу писателей.

Посоветовавшись между собой, мы решили проинформировать Вас об этом и просить предложить т. Фадееву решительно улучшить свое руководство и свою связь с писателями, эвакуированными в различные города Союза и, в частности, с писателями, находящимися в Ташкенте.

В целях создания условий для более плодотворной творческой работы писателей, считаем необходимым и поддерживаем ходатайство Толстого, Погодина, Всеволода Иванова, Вирта и других товарищей и перенесении в Ташкент издания одного из больших литературно-художественных журналов.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП(б) УЗБЕКИСТАНА

Н. ЛОМАКИН (2)

Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. ЛЛ. 185—187. Машинописный текст.
Подпись — автограф Н. А. Ломакина.

Примечания:

1. Документ написан на бланке Центрального Комитета КП(б) Узбекистана.

2. На письме резолюция: «Щербакову. Андрееву».

Г. Ф. Александров — А. С. Щербакову
2 июня [1942 г.]

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

тов. ЩЕРБАКОВУ А. С.

В соответствии с Вашими указаниями в связи с ошибками в газете «Литература и искусство» № 21, Управлением пропаганды проведены следующие мероприятия:

1. Дважды созывалось совещание редколлегии газеты, где были подробно разобраны ошибки и намечены организационные меры по улучшению работы газеты. Установлены дежурства членов редколлегии в типографии; все члены редколлегии должны получать заранее материал очередного номера газеты и прочитывать. Верстка газеты будет проходить за день до выпуска газеты с тем, чтобы полосы газеты без спешки просматривать в Управлении пропаганды.

2. Уволен с работы зав. редакцией газеты Письманик, по вине которого было допущено распространение значительной части тиража № 21 газеты. Намечена постепенная смена нескольких руководящих работников редакции.

3. В Управлении пропаганды проведено совещание ответственных редакторов центральных газет по вопросу об ошибках газеты «Литература и искусство».

4. Проведено собрание парторганизации Управления пропаганды с докладом о работе сотрудников аппарата Управления пропаганды в условиях отечественной войны. В докладе и прениях было обсуждено безответственное отношение работников Управления пропаганды (Лебедев, Еголин, Орлова) к порученному делу. Все трое указанных товарищей строго предупреждены мной.

5. 2-го июня созывается собрание сотрудников редакции газеты по вопросу о работе аппарата редакции в связи с допущенными ошибками.

Начальник Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Г. Александров

2/VI

Ф. 17. Оп. 125. Д. 112. ЛЛ. 136, 137. Машинописный текст.
Подпись — автограф Г. Ф. Александрова.

Часть IV

№ 40

С. А. Лозовский — А. С. Щербакову
19 мая 1943 г.

19 мая 1943 года.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) и НАЧАЛЬНИКУ
СОВИНФОРМБЮРО

тов. ЩЕРБАКОВУ А. С.

Хочу обратить Ваше внимание на то, что ленинградская писательница В. Кетлинская написала хорошую книгу о Ленинграде. Книга называется «В осаде» и дает очень интересную и яркую картину Ленинграда в первые месяцы войны. Кроме очерков Н. Тихонова, у нас ничего не было о борьбе на ленинградском фронте. Кетлинская своей книгой заполняет очень серьезный пробел, так как она рисует положение не только на фронте, но и в самом Ленинграде. Она затрагивает в своей книге ряд очень серьезных проблем, причем разрешает их политически правильно. Читая книгу, чувствуешь ленинградскую эпопею со всеми ее трудностями, героизмом и великой преданностью советского человека Советскому государству и нашей партии.

К сожалению, у Кетлинской написана только первая часть. Судя по началу, автор, очевидно, собирается написать еще две книги. Несмотря на то, что события доведены примерно до конца 1941 года, книга представляет собой самостоятельный интерес.

Я написал Кетлинской свое мнение о книге и указал, где и что нужно подправить в первой книге и какие вопросы следовало затронуть в последующих книгах.

Работа Кетлинской заслуживает того, чтобы на нее обратили внимание.

Если у Вас будет малейшая возможность прочитать эту книгу, то сделайте это, так как книга серьезная и заслуживает серьезного отношения.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
СОВЕТСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО БЮРО

А. Лозовский (2)

Ф. 17. Оп. 125. Д. 211. ЛЛ. 60, 61. Машинописный текст.
Подпись — автограф С. А. Лозовского.

Примечания:

1. На первом листе письма резолюция: «т. Александрову. А. Щерба[ков]. 24/5».

2. К документу приложена записка: «Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Щербакову А. С. Писательница В. Кетлинская вызывалась в Управление пропаганды. Ей даны указания, в соответствии с которыми она продолжает работу над рукописью «В осаде». Г. Александров. 5/VI».

№ 41

Н. Л. Рубинштейн — Г. Ф. Александрову
1 июля 1943 г.

Начальнику Управления пропаганды
и агитации ЦК ВКП(б)

тов. АЛЕКСАНДРОВУ Г. Ф.

Считаю необходимым довести до Вашего сведения, что по вине Секретаря Президиума Союза Советских Писателей тов. ФАДЕЕВА было сорвано его выступление по радио для Красной Армии, назначенное на 21 июня.

7 июня тов. ФАДЕЕВ дал согласие выступить по радио на тему «Русские писатели — патриоты нашей Родины». Текст выступления тов. Фадеев обещал сдать 17 июня.

18 июня тов. ФАДЕЕВ по телефону сообщил редактору красноармейского радиовещания майору СИРОТИНУ о том, что текст выступления сдаст 19 июня к 13 часам.

19, 20 и 21 июня все попытки связаться с тов. ФАДЕЕВЫМ оказались безрезультатными. Ни секретарь тов. ФАДЕЕВА, ни дежурный в Правлении Союза Советских Писателей, ни поэты и писатели, к которым обращались (Кирсанов, Антокольский, Катаев, Алигер, Ермилов), ни домашние, с которыми несколько раз разговаривали работники красноармейского радиовещания, не могли указать как связаться с тов. ФАДЕЕВЫМ.

20 июня мл. лейтенант ЕВСТИГНЕЕВ был послан на дачу тов. ФАДЕЕВА в Переделкино, но и там его не было.

Только 21 июня в 14 часов, т. е. за пять часов до начала выступления секретарь тов. ФАДЕЕВА, тов. КАШИНЦЕВА, сообщила, что ФАДЕЕВ болен и выступать не может.

Отношения тов. ФАДЕЕВА к выступлению тем более безответственное, что он знал заранее о том, что Политуправления фронтов и округов извещены о его выступлении специальной телеграммой и организуют коллективное слушание.

**НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА АГИТАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ
АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ ГЛАВПУРККА**
Рубинштейн

1 июля 1943 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 130. Л. 38. Машиннописный текст. Подпись — автограф Н. Л. Рубинштейна.

Г. Ф. Александров — [А. С. Щербакову]

9 июля 1943 г.

О повести А. Довженко «Победа» (1)

Повесть А. Довженко «Победа» явно неудачная его вещь. В ней есть отдельные яркие страницы, фрагменты, но в целом она сыра, составлена небрежно, изобилует фальшивыми положениями.

1. Военская часть, которую изображает автор, состоит сплошь из украинцев, что не соответствует действительности и искусственно обособляет борьбу украинского народа от борьбы всех народов СССР против немцев.

2. У автора отсутствует чувство меры в тех фрагментах, где он характеризует презрение советского воина к смерти. Местами слишком много смертей, создается впечатление, что победа достигается только смертью.

3. В повести совершенно нелепо выведен образ генерала Макара Нечипорука. Автор называет его «стратегом», «богом войны» и героем. Однако, в чем состоит героизм и стратегическое мастерство генерала — автор не показывает.

Единственный эпизод, в котором участвует генерал Нечипорук, изображен у Довженко следующим образом:

«Перед командирами стоял грозный их генерал Макар Нечипорук.

— Изменники! Так вашу так, и так, и так! Предатели! Так вашу так и так! Шпионы! Так вашу так и так, и так! Труссы! Так вашу так и так, и так и так!

Низко опустили головы командиры уснувшего полка, и тяжелые вздохи порою вырывались из их молодых грудей. Печаль и уныние охватили их сердца и слезы подступали ко многим молодым очам, и сжимались кулаки от сложных и горьких чувств. Лейтенант Вовк Микита плакал.

— Под суд отдам! Так вашу так и так, и так! Расстреляю! Так, растак, трижды перетак, нехай!

Еще ниже опустились командирские головы. Все уже согласились с речью генерала».

Или на стр. 14 генерал Нечипорук произносит:

— «Замолчи, растром, трам, трам, трам! — прорвался, наконец, генерал так громко, что полк проснулся, и командиры заволновались».

Таким образом Нечипорук показан скорее как «мастер» матерщины, а не «стратег» и «бог войны».

4. В ущерб здравому смыслу и чувству реального Довженко непомерно прибегает к гиперболам. Такова, например, картина повального бегства полка (стр. 6—7).

«Какие бежали люди! Какие бежали люди! Увлекаемые толпой жаждущих отсрочки у смерти, бежал переяславский капитан Суховий Кирилло с двумя орденами Красного Боевого Знамени. Бежал лейтенант Вовк Микита. Двести пятьдесят немецких, румынских, итальянских, венгерских, финских и прочих трупов зарублено и припечатано на боевом счету Вовка. Бежал.

Бежал, проклиная всех и вся на свете знаменитый истребитель танков бронейщик Левко Стоян из-под Каменец-Подольска. Бежали, как разъяренные львы среди потока буйволлов, великолепные пулеметчики Гарковенко Петро с Полтавщины, лейтенант Орлюк, Британ Лука и Вовкотрубенки Роман, Устин и Андрей.

Какие были люди! Всю Украину прошли с тягчайшими боями, с трудами, с гневом, с незабываемыми разлуками, профессора боев, засад и страшных нападений. Какие были люди! Бежали.

Бежал Вернигора Остап, заслуженный тракторист республики и снайпер беспощадный».

На стр. 9—10 Довженко изображает воинское «возрождение» артдивизиона капитана Кравчины, который, подобно художнику в сказке, мгновенно превращает свою растерявшуюся часть в героическую, сражающуюся до смерти.

«Неизвестно, чем бы кончился этот неравный поединок, может быть, и не удалось бы капитану Кравчине удержать смелых своих бойцов, может быть, переступили бы они через него, чтобы всю жизнь потом терзаться в памяти своей бесчестным поступком, но в это время хорошие две дюжины двухсотпятидесятикилограммовых аэропланых бомб прижали всех к земле.

— Встать! Нас проклянут, если мы отступим,— повторил Кравчина спокойно, когда минут через пять все встали.— Понятно, кто нас проклянет?

— Понятно, товарищ капитан,— сказали бойцы, оглядываясь и видя, какие тяжелые потери от бомб понесли только что отступившие.

— Боец Левко Гненный, скажи, кто нас проклянет?

— Народ! — ответил Левко, и слезы волнения подкатились к его глазам.

— К орудиям! — приказал спокойно Кравчина. Расчеты стали у орудий, и всем вдруг стало ясно, что отступления не будет, что началась совсем другая жизнь».

5. В повести много утрированных эпизодов, небрежных и двусмысленных выражений. Характеризуя одного из героев своей повести сержант Ивана Кавуна из Запорожья, Довженко пишет о нем: «Он был воин. Он был такой великий воин, что его несколько раз выгоняли из Запорожского комсомола...». Или «...вдруг получилось письмо с извещением о реше-

нии его, Ивана Кавуна, посвятить всю свою жизнь обороне родины от ярма капитализма и сделаться Героем Советского Союза. Это известие облетело мгновенно несколько улиц, и когда старый Кавун, придя с завода, узнал об этом решении своего сына, он сказал: «Ну что ж, если уж, как говорится, не годится наш Иван ни к какой работе, нехай уж хоть в герои выходит что ли».

Повесть А. Довженко в представленном виде для издания непригодна.

Г. Александров.

9/VII—43 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. ЛЛ. 1—3. Машинописный текст. Подпись — автограф Г. Ф. Александрова. Источник. 1993. № 0. С. 123, 124.

Примечание:

1. На первом листе документа виза А. С. Щербакова.

№ 43

Б. Л. Пастернак — А. С. Щербакову

16 июля 1943 г.

16/VII—43.

Дорогой Александр Сергеевич!

Я долго крепился, чтобы не прибегать к Вашей помощи. Часть того, что я Вам расскажу, я уже застал в прошлом году, когда Вы с таким великодушием отзывались на мою просьбу не о себе, а о других. Тогда я был один и мог терпеть, а теперь я привез Зин. Ник. (1) и детей и они околачиваются без угла по Трневым и Погодиным на положении иждивенцев не вполне установленной категории.

Моя квартира в Лаврушинском разгромлена до основания именно как бедная, на которой было написано, что она не знатная и за нее не заступятся.

Она необитаема, в ней не осталось обстановки. Полностью уничтожен плод давних и многолетних работ моего отца (2), академика, поныне живого и находящегося в Англии, в Оксфорде,— наброски, эскизы и такие оригиналы, увоз копий с которых из Ясной поляны попал в военные протоколы. Во всем этом виноват я сам.

Как раз пример отца и его близость со старой Москвой и большими суровыми людьми вроде Льва Толстого с детства повелительно и непобедимо сложили мой характер. По своим нравственным правилам я не мог извлекать выгоды из своих былых успехов (как на съезде писателей, за границей и пр.), которыми на моем месте воспользовался бы всякий. Но про-

шло время, сменились люди. Теперь может показаться, что моя добровольная незаметность вынуждена и на ней лежит печать чьего то осуждения.

За исключением Храпченко и Чагина, никогда не лишавших меня своего деятельного участия, ко мне с недостаточно уверенным доброжелательством относятся в Союзе и Литфонде. Мне кажется я сделал не настолько меньше нынешних лауреатов и орденосцев, чтобы меня ставили в положение ниже по отношению к ним.

Мне казалось мелким и невыносимым обращаться к Иосифу Виссарионовичу с этими страшными пустяками.

Любящий Вас
Б. Пастернак (3)

Ф. 17. Оп. 125. Д. 211. ЛЛ. 74—75. Автограф.

Примечания:

1. Зинаида Николаевна — жена Б. Л. Пастернака.

2. Пастернак Л. О.— отец Б. Л. Пастернак.

3. На машинописной копии письма две резолюции: «т. Александров. Прошу переговорить с т. Пастернак. А. Щ[ербаков] 19/VII», «В архив. Тов. Пастернак вызывался мной. 24/VII. Г. Александров».

№ 44

Г. Ф. Александров — А. С. Щербакову
22 ноября [1943 г.]

В связи с Вашими указаниями о повести Довженко «Украина в огне», Управлением пропаганды приняты следующие меры:

1. По телефону даны указания т. Литвинову (секретарь ЦК КП(б)У по пропаганде) о недопустимости опубликования повести Довженко в украинских изданиях.

2. По линии Главлита даны секретные указания Украины и цензорам всех центральных издательств, а также облкрайлитам.

3. Руководители всех центральных литературно-художественных издательств и журналов также предупреждены о недопустимости опубликования повести Довженко.

4. В Управлении пропаганды проведено совещание редакторов всех центральных газет, литературно-художественных журналов и издательств, на котором также даны соответствующие указания о повести Довженко.

Как выяснилось при проверке, Довженко разослал рукопись своей повести ряду издательств и редакций литературно-художественных журналов (Гослитиздату, издательству «Советский писатель», редакциям журналов: «Знамя», «Октябрь», «Смена» и др.). Редакции журналов и издательств критически

отнеслись к повести Довженко и не приняли ее к печати, кроме редакции журнала «Смена», которая месяц тому назад опубликовала небольшой отрывок из этой повести (журнал «Смена» № 18).

Г. Александров

22/XI

Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 65. Машинописный текст. Подпись — автограф Г. Ф. Александрова. Источник. 1993. № 0. С. 124, 125.

Примечание:

1. На первом листе документа виза А. С. Щербакова.

№ 45

**Проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б)
«Об ошибках в творчестве Сельвинского».**
[не позднее 26 ноября 1943 г.]

Об ошибках в творчестве И. Сельвинского (1)

ЦК ВКП(б) отмечает, что в стихотворениях И. Сельвинского «России», «Кого баюкала Россия» и «Эпизод» содержатся грубые политические ошибки.

В стихотворении «Кого баюкала Россия» Сельвинский клеветничает на русский народ, утверждая будто бы душа русского народа обладает какой-то «придурью» и пригревает уродов (2). В халтурном стихотворении «России» содержатся вздорные и пошлые рассуждения о нашей родине («люблю тебя, люблю тебя до стона и до бормотанья»). В пошлейшем, враждебном духу советских людей, стихотворении «Эпизод» дается клеветнически-позвращенное изображение войны.

ЦК ВКП(б) считает, что только отсутствием у Сельвинского сознания своей ответственности и забвением долга перед советским народом, можно объяснить создание столь политической вредной и пошлой стихотворений. ЦК ВКП(б) предупреждает т. Сельвинского, что повторение подобных ошибок поставит его вне советской литературы (3).

Г. Александров

Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 67. Машинописный текст. Подпись — автограф Г. Ф. Александрова.

Примечания:

1. Документ напечатан на бланке постановлений Секретариата ЦК ВКП(б).

2. Стихотворение «Кого баюкала Россия» подробно «разбиралось» Л. Фадеевым в выступлении на заседании президиума ССП СССР 6 декабря 1943 г.

3. К документу приложена рукописная записка: «Александр Сергеевич [Щербаков]! Прилагаемая записка подготовлена по поручению т. Маленкова. Он предполагал поставить этот вопрос на Секретариат. Г. Александров. 26/XI». На записке две резолюции: «т. Щербаков ознакомлен. Крапивин. 27.XI». и «Архив. Вопрос решен. 1/XII—43 г. Дьяконов».

№ 46

М. М. Зощенко — И. В. Сталину

26 ноября 1943 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Только крайние обстоятельства позволяют мне обратиться к Вам.

Мной написана книга — «Перед восходом солнца». Это — антифашистская книга. Она написана в защиту разума и его прав. Помимо художественного описания жизни, в книге заключена научная тема об условных рефлексах Павлова. Эта теория основным образом была проверена на животных. Мне, видимо, удалось доказать полезную применимость ее и к человеческой жизни.

При этом с очевидностью обнаружены грубейшие идеалистические ошибки Фрейда.

И это еще в большей степени доказало огромную правду и значение теории Павлова — простой, точной и достоверной.

Редакция журнала «Октябрь» не раз давала мою книгу на отзыв академику А. Д. Сперанскому и в период, когда я писал эту книгу, и по окончании работы. Ученый признал, что книга написана в соответствии с данными современной науки и заслуживает печати и внимания.

Книгу начали печатать. Однако, не дождав конца, критика отнеслась к ней отрицательно (1). И печатание было прекращено.

Мне кажется несправедливым оценивать работу по первой ее половине, ибо в первой половине нет разрешения вопроса. Там приведены лишь материалы, поставлены задачи и отчасти показан метод. И только во второй половине развернута художественная и научная часть исследования, а также сделаны соответствующие выводы.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я не посмел бы тревожить Вас, если бы не имел глубокого убеждения, что книга моя, доказывающая могущество разума и его торжество над нашими силами, нужна в наши дни. Она может быть нужна и советской науке.

Ради научной темы я позволил себе писать, быть может, более откровенно, чем обычно принято. Но это было необходимо

для моих доказательств. Мне думается, что эта моя откровенность только усилила сатирическую сторону — книга осмеивает лживость, пошлость, безнравственность.

Я не беру на себя смелость просить Вас ознакомиться с моей работой, либо дать распоряжение проверить ее более обстоятельно и, во всяком случае, проверить ее целиком.

Все указания, какие при этом могут быть сделаны, я с благодарностью учту.

Сердечно пожелаю Вам здоровья.

Мих. Зощенко

26 ноября 1943 г.

Москва, гостиница «Москва», № 1038. Михаил Михайлович Зощенко.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. ЛЛ. 1а, 2. Автограф. Исторический архив. 1992. № 1. С. 132, 133.

Примечания:

1. Первая часть повести была опубликована в 6—7 и 8—9 номерах журнала «Октябрь» за 1943 г. Вторая часть книги «Перед восходом солнца» под названием «Повесть о разуме» была опубликована спустя тридцать лет — в третьем номере журнала «Звезда» за 1972 г.

№ 47

Г. Ф. Александров — А. С. Щербакову

26 ноября [1943 г.]

Секретарю ЦК ВКП(б) — тов. Щербакову А. С.

Гослитиздатом прислана в Управление пропаганды подпisanная к печати новая книга стихов Николая Асеева «Годы грома» (1941—1943 гг.). В книгу включены стихотворения, написанные Н. Асеевым за время Отечественной войны.

В этом сборнике имеется ряд политически ошибочных стихотворений. В них Н. Асеев клеветнически изображает наш советский тыл. В стихотворении «Москва — Кама» Н. Асеев рассказывает о своей поездке на пароходе из Москвы в Чистополь (во время эвакуации осенью 1941 года) так:

«...На пристанях, проходящих мимо,
Человечья натура зрима.
Балансируя головоломно,
Прет взбудораженная Коломна.
Хошь оставайся, хошь — полезай.
Прет, на дыбы подымаясь, Рязань.
Люди отталкивают друг друга.
Густо теснясь, выпускают дух.
В детский плач и женскую ругань

Грузно вливает зеленый сундук.
Чьи это фикусы? На-кася, выкуси!
Кто-то с диваном, кто-то со шкафом.
Не пропадать же доброму прахом!
Люди из трюма смотрят угрюмо.
Холодом веет жестокая дума.
Обитатели верхних кают
Грозно стоят за фанерный уют.
О заслугах мужей тараторя,
Отбивают места в коридоре.
— Мой на работе! Наши на фронте
Только попробуйте, только затроньте!
Пап из Внешторга и мам в Лакокраске
Только затем и щадили фугаски,
Чтоб, разрываясь от спеси и злобы,
Криком они разрывали утробы:
«Эллочка с коклюшем, Снмочка с корью!» —
Козыряют ребячий хворью.
И далеко еще на заливах
Эхо их голосов визгливых.
**Это — люди? Это — орда,
Заливающая города.**
Сколько нужно еще столетий,
Чтобы стала дружба на свете?
Куда они едут? Вернее: откуда?
Добра не спасают, бросаясь от худа...» и т. д.

И заключается первая часть стихотворения такими строками:

«За пароходом — звенела волна,
За пароходом — **свинела война**».

Во второй части стихотворения Н. Асеев «позабывается на миг», залобовавшись «панорамой Камы», но скоро возвращается к своим размышлениям о «людской орде» и заключает стихотворение следующим выводом:

«Как пойдет по Каме сало,
уплывай, пока не стала.
Уезжай, пока не поздно,
отправляйся без обид,
покуль Кама не морозна,
пока кровь не ознобит.

.....

Так их всех умчат отсюда,
смоют с берега дожди —
**вековечная простуда
человеческой вражды.**

Одно в мозгу: домой в Москву!» (стр. 41—44).

Жизнь в нашем советском тылу представляется Н. Асееву, как «утробное существование», азиатская дикость и бескультурие. Вот, например, стихотворение «Городок на Каме». Н. Асеев так изображает этот «городок»:

«...Но если в природе,
в растительном чуде
здесь каждый облужен
и стебель и ствол,
то, кажется,—
в хмуром,
натруженном люде
еще ни единый
росток не процвел

.....
Видишь:
харкая и матерьясь,
по тротуарам мечется
плохо одетое,
скверно обутое
мужественное человечество.
Оно мчится,
мучится,
мечется,
мычит от боли,—
желая жить
по собственной воле.

.....
Какая мусть,
какая рань,
и грусть, и жуть,
и грязь, и рвань.
Остатки каких-то племен
обветшалых,
кочующие на пристанях и вокзалах,
Какое ошметье,
какое отребье,
уж не разговор,
а верчанье утробы.
И водочный дух,
и свист воровской,
и брань молодух —
вот вид городской!

.....
И день горит
огнем обид
на лицах людей
из очереди» (стр. 58—63).

Даже жизнь москвичей во время войны в изображении Н. Асеева отмечена той же печатью «утробного существования» и невероятной живучести мещанства.

«Это невероятно:
комья дорог в крови,
в прачечных ржавые пятна,
а люди — туда и обратно,
туда и обратно,
как ничего не случилось,
как муравьи!

Это — невыразимо:
взрывов в глазах столбы,
а люди — все мимо и мимо,
мимо своей незримой,
неотвратимой
судьбы.

Тел неоплаканных груди,
дум недодуманных дни, —
люди не любят чуда:
горы немойтой посуды,
суды и пересуды,
страхи да слухи одни.

Так же стригут бородки,
так же влекут кули,
так же по стопке водки
лихо вливают в глотки,
так же читают сводки,
словно война — вдали.

Хлынет волна взрывная,
стиснет и обоймет,
сталь с кирпичом равняя,
крыши домов роняя, —
а канарейки из клетки —
был такой случай редкий —

выпорхнет и поет!» (Стихотворение «Будни войны»,
стр. 39—41).

Неправильное, политически вредное и стихотворение «Надежда» (стр. 39). Здесь Асеев утверждает, что ненависть к врагу преходяща, что, только избавившись от нее, мы снова будем людьми. Вот полный текст стихотворения:

Насилье родит насилье,
и ложь умножает ложь.
Когда вас берут за горло —
естественно взяться за нож.
Но нож называть святыней
и, вглядываясь в лезвие,

начать находить отныне
лишь в нем отражение свое,—
нет, этого я не сумею,
и этого я не смогу:
от ярости онемею,
но яростью не солгу!
У всех увлеченных боем
надежда живет в любом:
мы руки от крови отмоем
и грязь с лица отскребем,
и станем опять как прежде,
не в ярости до кости:
и этой большой надежде
на смертный рубеж вести!» (стр. 39)

Книга подписана к печати редактором В. Перцовым и главным редактором Гослитиздата А. Мясниковым.

Считаю необходимым запретить издание в таком виде новых стихов Н. Асеева.

Прошу Ваших указаний.

Начальник Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Г. Александров

26/XI

Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. ЛЛ. 96—99. Незаверенная машинописная копия.

Примечания:

1. В архиве сохранился первый лист подлинника настоящего документа, в левом верхнем углу которого резолюция: «т. Маленкову. Книжка запрещена. Но для ознакомления с настроениями Асеева прошу прочесть эту записку. А. Щербаков. 30/XII».

2. Книга «Годы грома» состояла из двух разделов: «Дали и виды» и «Будни войны». Почти все стихотворения второго раздела, подвергнутые критике в 1943 г., были опубликованы в последнем прижизненном издании Н. Асеева — сборнике «Самые мои стихи» (1962).

3. Приводимые в докладной Г. Александрова стихотворения были позднее автором незначительно отредактированы, в целом же смысл их сохранен.

№ 48

Н. Н. Асеев — В. М. Молотову
2 декабря 1943 г.

Москва. 2 декабря 1943 г.

Дорогой ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ!

Горькая насмешка — называться писателем и не иметь возможности напечатать своевременно свои произведения. Лично

мне, в мои пятьдесят пять лет, приходится прийти к убеждению, что гораздо легче написать книгу, чем добиться ее издания. Даже в случае беспорной удачи и успеха произведения, дать ему настоящее распространение — вне возможности автора по каким-то неподдающимся разгадке причинам. Так, например, моя повесть о Маяковском, удостоенная Сталинской премии 1-й степени, так и не удостоилась повторных изданий, хотя первое ее издание было раскуплено буквально через несколько часов по выпуске в продажу (1).

В настоящее время мой стол завален стихами, написанными за годы войны. Но даже скромная часть их, собранная мной в небольшую книжку, вот уже полгода лежит в готовом виде, одобренная редакцией Гихла, набранная и сверстанная, никак не попадая в типографскую очередь.

Мне не объясняют причин задержки, ссылаясь на объективные обстоятельства. Создается впечатление у читателя, что я упорно отмалчиваюсь в самые трудные годы и по самым трудным вопросам. Кому и зачем нужно создавать это впечатление — я не знаю. Знаю только, что постепенно отпадает охота к дальнейшей работе, возникает чувство бесцельности и бесплодности затрачиваемых попыток. Стихи наполняются невольным чувством горечи и обреченности.

Неопубликованные стихи, как нескошенное поле, не дают место новым.

Я всей практикой своей работы привык откликаться на события. Неужто же нужно теперь переучиваться и складывать свои стихи в стол, впрок, для посмертного опубликования?

Может быть, Вы найдете возможным помочь мне протолкнуть этот остановившийся в гортань комок?

Ник. Асеев (2).

Проезд МХАТа, д. 2, кв. 55.
тел. К 3-87-38

Ф. 17. Оп. 125. Д. 211. ЛЛ. 142, 143. Машинописный текст. Подпись и адрес — автограф Н. Н. Асеева. Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 152, 153.

Примечания:

1. Речь идет о книге «Маяковский починается», тираж которой составил 300 тысяч экземпляров.

2. На первом листе документа резолюция: «Т. Щербаккову, т. Александрову. 21.XII.43 г. Молотов».

№ 49

Постановление Секретариата ЦК ВКП(б)
«О контроле над литературно-художественными журналами».
2 декабря 1943 г.

п. 98 г. О контроле над литературно-художественными журналами.

Отметить, что Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и его отдел печати плохо контролирует содержание журналов, особенно литературно-художественных. Только в результате слабого контроля могли проникнуть в журналы такие политически вредные и антихудожественные произведения, как «Перед восходом солнца» Зощенко или стихи Сельвинского «Кого баюкала Россия».

Обязать т. т. Александрова и Пузина организовать такой контроль за содержанием журналов, который исключил бы появление в печати политически сомнительных и антихудожественных произведений.

Возложить внутри Управления пропаганды контроль за журналами — «Новый мир» на т. Александрова, «Знамя» на т. Пузина, «Октябрь» на т. Федосеева. Установить, что наблюдающие за этими журналами несут перед ЦК ВКП(б) всю полную ответственность за содержание журнала.

Из протокола № 140 заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 29 ноября — 22 декабря 1943 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 140. ЛЛ. 15, 16. Подлинник. Машинописный текст.

№ 50

Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов».

3 декабря 1943 г.

п. 128 г. О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов.

ЦК ВКП(б) отмечает, что ответственные секретари литературно-художественных журналов «Октябрь» (т. Юнович), «Знамя» (т. Михайлова), «Новый мир» (т. Щербина), назначенные Центральным Комитетом для улучшения работы литературно-художественных журналов, улучшения руководства редакционными коллегами журналов и работы с авторским коллективом, плохо выполняют возложенные на них обязанности. Редакционные коллегии журналов не работают, поступающие в редакции рукописи не обсуждаются, работа с авторским коллективом поставлена неудовлетворительно. Ответственные секретари журналов не критически относятся к поступающим в редакции рукописям, не проявляют высокой требовательности к качеству публикуемых произведений, к их идейно-политическому содержанию. В результате безответственного отношения секретарей журналов к публикации художественных произведений, в печать проникают серые, недоработанные, а иногда и

вредные произведения. В журнале «Октябрь» опубликована антихудожественная, пошлая повесть Зоценко «Перед восходом солнца». В журнале «Знамя» опубликовано политически вредное стихотворение Сельвинского «Кого баюкала Россия».

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать ответственных секретарей всех литературно-художественных журналов повысить требовательность к качеству публикуемых в журналах произведений, установить такой порядок работы над поступающими в редакции рукописям, который бы полностью исключал появление в журналах антихудожественных и политически вредных произведений.

2. Предупредить ответственных секретарей литературно-художественных журналов, что они несут перед ЦК ВКП(б) персональную ответственность за руководство журналами, за их идейно-политическое направление и содержание.

Из протокола № 140 заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 29 ноября — 22 декабря 1943 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 140. ЛЛ. 20, 21. Подлинник. Машинописный текст.

№ 51

Постановление Президиума Союза советских писателей СССР «О журнале «Октябрь» за 1943 г.»

22 декабря 1943 г.

О ЖУРНАЛЕ «ОКТЯБРЬ» ЗА 1943 ГОД (1)

(Постановление Президиума ССП СССР от 22/XII—43 г.)

Президиум ССП отмечает в работе редакции журнала «Октябрь» за 1943 год крупные провалы и недостатки: 1. Наряду с произведениями высокого идейно-художественного значения — «Багратион» С. Голубова, «Пугачев» Вяч. Шишкова, «Непокоренные» Бор. Горбатова, — в журнале за 1943 год была напечатана пошлая пьеса «Синий платочек» В. Катаева и пошлая антихудожественная повесть М. Зоценко «Перед восходом солнца». Повесть Зоценко, претендуя на, якобы, «научные» изыскания, на деле уводит читателя в область узко-личных, мелких обывательских переживаний, далеких от жизни советского народа, в особенности в дни войны. Считать грубой ошибкой журнала напечатание вредной повести Зоценко.

2. В то же время на страницах журнала иногда находят место произведения нежизненные, надуманные (рассказ К. Паустовского «Струна»), или серые, недоработанные (рассказ М. Слонимского «Единство»), или шаблонные (стих. Л. Длигача «Жене»).

3. Появление на страницах журналов слабых, шаблонных, а иногда и вредных произведений объясняется отсутствием необходимой требовательности к качеству публикуемых произведений, в первую очередь, к их идейно-политическому содержанию и направлению. Объясняется это также неудовлетворительным состоянием организационной стороны дела в руководстве журналом, как, впрочем, и в других журналах («Новый мир», «Знамя»). Редколлегия журнала фактически не работает. У журнала нет авторского коллектива, который бы принимал деятельное участие в работе журнала, предварительное обсуждение принимаемых к печати рукописей систематически не проводится.

4. Несмотря на наличие некоторых ценных статей в отделе критики за 1943 год (статьи М. Гельфанда о «Радуге» Ванды Василевской, В. Перцова «Писатель и его герой в дни войны» и др.), общее состояние отдела критики в журнале следует признать малоудовлетворительным. Общие недостатки нашей критики в полной мере присущи и отделу критики в журнале «Октябрь»: отсутствует идейно-публицистическая, направляющая художественная критика, обращенная к читателю, ставящая перед литературой основные вопросы народной жизни. Обращает на себя внимание легковесность или поверхностная хвалебность многих статей и рецензий. Библиография не охватывает выходящих изданий. Особенно плохо поставлена критико-библиографическая оценка произведений братских литератур и произведений молодых авторов.

5. Редакция журнала слабо работает с молодыми авторами и недостаточно выдвигает талантливые молодые силы на страницы журнала.

6. Серьезным недостатком в работе журнала следует признать отсутствие постоянного отдела публицистики, хотя за 1943 год и были напечатаны ценные статьи К. Пигарева о Суворове, М. Галактионова о Сталинградской битве, П. Капицы о постановке научной работы. Но отсутствует публицистика по важнейшим вопросам советской культуры, восстановления культурной жизни в освобожденных от фашистских захватчиков областях, воспитания молодежи, в частности, молодого пополнения рабочего класса, работы советской интеллигенции в Отечественной войне, развития искусства и т. д.

7. Предложить редакции журнала «Октябрь»:

а) Наладить работу редакционной коллегии.

б) Организовать авторский коллектив, который участвовал бы в работе журнала, в разработке его планов и содержания отдельных номеров, в обсуждении и оценке крупнейших произведений, в собраниях и вечерах с широким обсуждением очередных вопросов и задач советской литературы. Редакция журнала должна стать творческим средоточием, центром, органи-

зующим работу писателей под знаком высокой требовательности к идейным и художественным качествам литературы, к ее воспитательной и мобилизующей роли.

в) Редакция журнала «Октябрь» должна в центре внимания поставить литературу общественно-актуальную, целеустремленную, служащую делу победы над немецко-фашистскими захватчиками, отражающую героическую борьбу и труд нашего народа в эпоху Отечественной войны. Должна быть создана творческая среда, предъявляющая писателям и критикам требования прямой, строгой, неллицеприятной критики, не взирая на лица.

г) Организовать актив критиков, постоянно участвующих в публицистическом и критическом отделах журнала, вовлечь писателей в критику, считать необходимым, чтобы ответственные секретари журнала и редакторы его отделов сами писали статьи по основным вопросам и явлениям литературы. Поставить критику смежных с литературой областей искусств — театра, музыки, живописи. Возобновить отдел публицистики с постановкой вышеназванных важнейших вопросов советской жизни и культуры. Вести на страницах журнала пропаганду научных проблем, интересующих советскую интеллигенцию.

д) Решительно улучшить работу с молодыми авторами и смелее выдвигать талантливые растущие силы на страницы журнала.

е) Организовать в журнале отдел публикации записок, мемуаров, художественных произведений участников войны.

ж) Уделить больше места печатанию лучших произведений писателей братских народов.

з) Вести, как правило, предварительное обсуждение на заседании Президиума наиболее значительных или характерных произведений перед их напечатанием в журналах. Обсуждать на Президиуме очередные номера журналов сразу после их выхода в свет (2).

Ф. 17. Оп. 125. Д. 211. ЛЛ. 133—136. Заверенная машинописная копия.

Примечания:

1. Проект постановления о журнале «Октябрь» обсуждался на заседании президиума ССП 6 декабря 1943 г.

2. Документ сопровождала записка на бланке правления ССП СССР: «Секретно. № 100-с. 23 декабря 1943 г. В ЦК ВКП(б) Товарищу Жданову А. А., Товарищу Маленкову Г. М., Товарищу Щербакову А. С. Направляю Вам для сведения постановление Президиума Союза Советских Писателей о журнале «Октябрь» за 1943 год. Приложение: постановление. Секретарь Президиума ССП СССР А. Фадеев».

Г. Ф. Александров, А. А. Пузин, А. М. Еголин —
Г. М. Маленкову
[2 декабря 1943 г.]

Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Маленкову Г. М. (1)

За последнее время в литературно-художественных журналах «Октябрь», «Знамя» и др. допущены грубые политические ошибки, выразившиеся в опубликовании антихудожественных и политически вредных произведений.

В журнале «Знамя» (№ 7—8 за 1943 год) напечатано стихотворение Сельвинского, в котором имеются такие, например, строки:

«Сама как русская природа

Душа народа моего:

Она пригреет и урода

Как птицу, выходит его.

Она не выкурит со света,

Держась за придури свои —

В ней много воздуха и света

И много правды и любви». (стр. 111)

Несколько месяцев тому назад редакция журнала «Октябрь» приняла к печати стихотворение Сельвинского «Эпизод», в котором Сельвинский цинично воспекает войну за то, что она дала ему счастье обладать молодой девушкой с Кубани:

Сидит предо мной белокурое счастье,

Казацкою силой маня;

Морские глаза ее, злые от страсти,

С презреньем ласкают меня...

Не досмотрел еще я сновиденья,

Тайны не разгадал,

Как налетело вдруг наводнение

На деревенский квартал!

Бомба! Раз — я бросился на пол,

Прямо на стекла — в кровь...

Желчью ракет небосвод закапал

В бешенстве прожекторов.

Опалена пулеметною строчкой,

Вся в озареньи войны —

Кинулась рядом хозяйкина дочка,

Голая, как из волны,

«Вы?»

Я засмеялся от счастья,

Как молодой зверолов.

Бомбы все громче. Залпы все чаще.

Выл паровозный зов...
Я целовал ее, как на свиданьи,
    В плечи, в затылок, в рот.
Она замирала, чуть задыхаясь;
    Чуть-чуть стонала она...
Она меня любит. О, этот хаос!
    Непостижима война.
Кто мог подумать? Нет, не напрасно
    Эта гремела мгла...
Только бы, только бы длилась опасность,
    Только бы ты не ушла.
Завтра ты снова наложишь «табу»
    На самый голос любви...
И вдруг, точно в душу пламя,
    И к голосу от сердца бросок.
Я ощутил под своими губами
    Мокрый от пули висок.

В стихотворении имеются также следующие пошлые строки:

«Вид имея обиженно гордый
    Расспрашивая о жене,
    Дочка
        Несла
            свое девство,

как орден,

    Коего больше нет.

А я глядел на нее из-за пара.
    Ох, хороша же ты, Русь!
Но было ясно — я ей не пара:
    Женат и не разведусь».

Управление пропаганды запретило опубликование этого стихотворения.

Ошибки редакций журналов усугубляются тем, что ЦК ВКП(б) неоднократно предупреждал об антихудожественном и вредном характере ряда стихотворений Сельвинского.

В журнале «Октябрь» (№ 2 за 1943 г.) была опубликована крайне неудачная, халтурная пьеса В. Катаева «Синий платочек». Советские люди выглядят в ней убогими, мысли и чувства их примитивны, отношения между собой — упрощены и вульгаризированы. Герои пьесы — танкисты заочно влюбляются в девушек. Советские девушки изображаются автором какими-то безликими куклами. Танкисты также не похожи на советских воинов. Это — оловянные солдатики. Советская действительность выглядит в этой пьесе в извращенном виде.

В журнале «Октябрь» (№ 6—7 и № 8—9 за 1943 г.) опубликована пошлая, антихудожественная и политически вредная повесть Зошенко «Перед восходом солнца».

Повесть Зощенко чужда чувствам и мыслям нашего народа. Зощенко декларирует, что материалы его повести «говорят о торжестве человеческого разума, о науке, о прогрессе сознания», но в действительности вся повесть построена на узко личном, обывательском восприятии мира. Зощенко рисует чрезвычайно извращенную картину жизни нашего народа. Психология героев, их поступки носят уродливый характер.

Зощенко занят только собой. Читатель все время чувствует в повести назойливое выпячивание писателем своего «я». Зощенко пытается объяснить события своей жизни, опираясь на данные физиологии, забывая о влиянии социальных факторов. Такое объяснение не только наивно, но и противоречит элементарным основам научного мировоззрения. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (Ленин).

Зощенко начинает повествование о своей жизни с годовалого возраста.

«Я старался представить себя годовалым младенцем,— пишет Зощенко,— с соской во рту, с побрякушкой в руках, с задранными кверху ножонками... После напряженного раздумья, в моем разгоряченном уме мелькнули какие-то забытые видения. Вот складки какого-то одеяла. Какая-то рука из стены. Высокая колеблющаяся тень. Еще тень. И еще рука. Какая-то белая пена. И снова длинная колеблющаяся тень» и т. д. (№ 8—9, стр. 122).

Описание младенчества занимает в повести значительное место. Этому периоду посвящены специальные главы: «С 2 до 5 лет» и «До двух лет». Нет сомнения, что эти «воспоминания» никакого интереса для советского читателя не представляют. Попытки же автора делать какие-то научные выводы на основе этих «воспоминаний» просто смешны. Зощенко с серьезным видом пытается «увидеть закон условных рефлексов, закон временных нервных связей в действии», на примерах своей младенческой жизни.

Исключительное внимание уделяет Зощенко в повести сексуальным моментам, смакуя свои многочисленные связи с женщинами. Описанию любовных походов Зощенко посвящено 17 из 63 небольших рассказов первой части повести. В одном рассказе Зощенко описывает как он целовался с девушкой в кинотеатре, в другом он рассказывает о своем посещении проститутки, в третьем — о своей связи с любовницей генерала — «здоровенной особой, почти неграмотной», руки которой «под куполом цирка выдерживали трех мужчин».

В рассказе «Спать хочется» приводится следующий эпизод:

Зощенко встречается с незнакомой женщиной. «Я сижу мрачный, хмурый. Отрицательно качаю головой.— Спать хочется? — спрашивает она.— Тогда пойдем ко мне. Мы идем в ее комнату. В комнате китайский фонарь. Китайские ширмоч-

ки. Китайские халаты. Это забавно. Смешно. Мы ложимся спать» (№ 6—7, стр. 70).

В рассказах: «Я люблю» и «Приходи завтра» Зоценко описывает свои приключения во время отпуска — встречу с невестой Надей, которую он «очень любит», и свидание с Татой Т., в часы отсутствия ее мужа:

«У зеркала Тата поправляет свои волосы. Я подхожу к ней и обнимаю ее. Она смеется. Удивляется, что я стал такой храбрый. Она обнимает меня так, как когда-то на лестнице. Мы целуемся. И в сравнении с этим весь мир кажется мне ничтожным.

...Потом она смотрит на часы и вскрикивает от страха. Говорит сейчас придет мой муж. И в эту минуту открывается дверь, и входит ее муж. Тата едва успевает поправить свою прическу» (№ 6—7, стр. 74).

В рассказе «Замшевые перчатки» Зоценко повествует о своей жизни в Архангельске в период гражданской войны. Там он сватает невесту и одновременно бывает у «остроумной и кокетливой» вдовы морского офицера:

«Я захожу к ней в назначенный час. Она не отпускает меня, и мы пьем чай в ее будуаре. Попив чай, она склоняет свою голову мне на грудь. И я ухожу от нее через три часа» (№ 6—7, стр. 78).

В рассказе «Я сам виноват» Зоценко описывает своихождения в Ленинграде с одной женщиной, у которой, как говорит он, «сложная жизнь. Ревнивый муж, очень ревнивый любовник». Весь рассказ изобилует пошлыми сценами.

Вспоминая о своей женитьбе, Зоценко пишет:

«Одна женщина, которая меня любила, сказала мне: «Ваша мать умерла. Переезжайте ко мне». — Я пошел в ЗАГС с этой женщиной. И мы записались. Теперь она моя жена» (№ 6—7, стр. 83).

Рассказы Зоценко натуралистически грубы. Описывая зверей Ленинградского зоологического сада, автор заканчивает рассказ такой сценой: «Бурые медведи яростно ходят по клетке... Рыча, самец покрывает самку» (№ 6—7, стр. 90).

Судя по повести, Зоценко не встретил в жизни ни одного порядочного человека. Весь мир кажется ему пошлым. Почти все, о ком пишет Зоценко, — это пьяницы, жулики и развратники.

«Однажды, — пишет Зоценко, — в Сочи я познакомился с одним человеком, у которого тоска была значительно больше моей... С чувством величайшего почтения я стал беседовать с этим человеком». Однако, пишет он далее, «это был недалекий человек, необразованный и даже без тени просвещения. За всю свою жизнь он прочитал не более двух книг. И, кроме денег, еды и баб, он ничем другим не интересовался... Потом

смотрю — просто дурак. Просто дубина, с которым больше трех минут нельзя разговаривать» (№ 6—7, стр. 62).

В другом рассказе, вспоминая о своем пребывании в Кисловодске, Зоценко дает лишь два образа: кассира-жулика и проститутки.

В рассказе «Чугунная тень» Зоценко рисует образ крестьянина Смоленской области после Октябрьской революции:

«Я подхожу к крестьянину. Он пожилой. В лаптях. В рваной дерюге. Я спрашиваю его, почему он содрал с себя шапку за десять шагов и поклонился мне в пояс.

Поклонившись еще раз, крестьянин пытается поцеловать мою руку. Я отдергиваю ее.

— Чем я тебя рассердил, барин? — спрашивает он... Отец, — сказал я крестьянину, — вот уже год власть у рабочих и крестьян. А ты собираешься лизать мне руку.

— До нас не дошло, — говорит крестьянин. — Верно, господа съехали со своих дворов, живут по хатам... Но кто ж его знает, как оно будет...» (№ 6—7, стр. 80).

В этом рассказе, как и во всех других рассказах повести, Зоценко говорит о людях нашего народа с нескрываемым презрением и брезгливостью, клеветает на наш народ, нарочито огляпляет его и извращает его быт. Так, например, в рассказе «Умирает старик» Зоценко рисует какую-то дикую сцену: В крестьянской избе на столе лежит умирающий старик. У изголовья стоят родственники. Они смотрят на старика не отвываясь. Внезапно

«старик открывает глаза и мутным взглядом обводит окружающих. Губы его что-то шепчут.

Одна из женщин, молодая и смуглолицая наклоняется к старику и молча слушает его бормотанье.

— Что он? — спрашивает старуха.

— Титьку просит, — отвечает женщина. И, быстро растегнув свою кофту, берет руку старика и кладет ее на свою обнаженную грудь.

Я вижу как лицо старика светлеет, нечто вроде улыбки пробегает по его губам. Он дышит ровней, спокойней.

Все стоят молча, не шевелясь. Вдруг тело старика вздрагивает. Рука его беспомощно падает вниз. Лицо делается строгим и совсем спокойным. Он перестает дышать. Он умер» (№ 6—7, стр. 80).

В рассказе «В штабе полка» Зоценко зачем-то понадобилось изобразить вызывающего отвращение прокаженного; в рассказе «Хлеб» Зоценко говорит о тупом, жадном крестьянском парне:

«Напротив меня на койке сидит молодой парень в кальсонах. Ему только что привезли из деревни два караая хлеба. Он перочинным ножом нарезает куски хлеба, мажет их маслом и посылает в свой рот. Это он делает до бесконечности.

Кто-то из больных просит:

— Свидеров, дай кусочек. Тот говорит.— Дайте самому пожрать. Пожру и тогда дам. Заправившись, он разбрасывает куски по койкам...» (№ 6—7, стр. 81—82).

Рассказывая о встрече с Горьким, о беседе Горького с писателями — «о литературе, о народе, о задачах писателя», Зоценко вспоминает лишь следующий эпизод:

«На-днях Горький ехал в машине и охрана задержала его. Он сказал, что он Горький, но один из охраны сказал:— Горький ты или сладкий— это нам безразлично. Предъяви пропуск» (№ 6—7, стр. 85).

В рассказе «Встреча» Зоценко говорит, что он взял работу переписчика во время Всесоюзной переписи населения, чтобы «увидеть как живут люди». Что-же он увидел?

— Я хожу по коридорам, кухням, захожу в комнаты. Я вижу тусклые лампочки, рваные обои, белье на веревках, ужасающую тесноту, мусор, рвань...

Я вхожу в полутемную комнату. На койке, на грязном тюфяке лежит человек...

— Где вы работаете? — спрашиваю я.

— Работают ослы и лошади,— говорит он,— лично я не работаю и не собираюсь работать. Так и запишите в ваши паршивые бумаги...

Через несколько минут я сижу на его койке и мы с ним беседуем...

— В сущности история самая пошлая,— говорит он. Ушла жена с одним прохвостом. Начал пить. Пропил все, что было. Потерял работу...» (№ 6—7, стр. 85).

В другом рассказе «Выступление» Зоценко рисует советских зрителей тупыми и грубыми:

— «Баню» давай... «Аристократку»... Чего ерунду читаешь!... Ах, если б мне сейчас пройтись на руках по сцене или прокатиться на одном колесе — вечер был бы в порядке... Я утешаюсь тем, что это зрители, которые с одинаковым рвением явились бы на вечер любого комика и жонглера» (№ 6—7, стр. 89). В рассказе «Снова чепуха» Зоценко также клеветает на наш народ.

Он пишет:

«Бог с ними,— думаю я.— Обойдусь без толстых журналов. Им нужно нечто «обыкновенное». Им нужно то, что похоже на классику. Это им импонирует. Это сделать весьма легко. Но я не собираюсь писать для читателей, которых нет. У народа пное представление о литературе...» (№ 6—7, стр. 86).

Вся повесть Зоценко является клеветой на наш народ, опощением его чувств и его жизни.

Рассматривая жизнь русских классиков, «моих великих товарищей» (как пишет Зоценко), он выписывает из их биографий «все, что относилось к хандре», стараясь показать «у них

тоску вроде моей». Зошенко односторонне нанизывает факты, один страшнее другого и создает извращенное представление о великих русских писателях. Все русские писатели у него оказываются пессимистами и упадочниками. Гоголь, — пишет Зошенко, — не находил себе места от тоски, Некрасов все время собирался утопиться, Салтыков-Щедрин — застрелиться, Л. Толстой — повеситься и т. д. И это состояние, — говорит Зошенко, — было характерно для писателей. «Я старался брать то, пишет он, — что было характерно для человека, то, что повторялось в его жизни, то, что не казалось случайностью, минутным воображением, вспышкой».

Повесть Зошенко «Перед восходом солнца», по замыслу автора, должна ответить на вопрос — почему он (Зошенко) был несчастлив большую часть своей жизни и должна дать рецепт счастливой жизни. Он хочет быть не только писателем, но и ученым исследователем. Он говорит об условных рефлексах и дает обещание проверить на практике «железные формулы» академика Павлова, с наивностью невежды утверждая: «Поведение человека можно и должно изучать с помощью собаки и ланцета».

Опубликование повести Зошенко «Перед восходом солнца» является, несомненно, грубой ошибкой.

Редакция журнала «Знамя» в конце 1942 года приняла к печати политически ошибочную и вредную повесть «Победа» (автор Довженко), в которой отчетливо выражены чуждые большевизму взгляды националистического характера. Описывая бои, которые вела и ведет Красная Армия на украинских участках советско-германского фронта, Довженко настойчиво пытается убедить читателей в том, что за Украину борются, якобы, только украинцы. В повести описываются боевые подвиги десятков бойцов Красной Армии, но среди них нет ни одного не украинского имени.

Один из героев повести, капитан Кравчина говорит:

«За что мы бьемся, за что умираем?.. Мы бьемся за то, чему нет цены в мире — за Украину... За Украину, за честный украинский народ! За единственный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле. За народ растерзанный, расщепленный!»

И дальше после путаных рассуждений о Европе и Украине, в которых, так же как и во всей повести, Украина ни разу не названа Советской Украиной, капитан Кравчина заявляет:

«Помните, на каких бы фронтах мы сегодня ни бились, куда бы ни послал нас Сталин, — на Север, на Юг, на Запад, на все четыре стороны света, — мы бьемся за Украину!»

Порочность повести «Победа» состоит также в неправильном объяснении причин отступления Красной Армии в начале войны. Причину отступления Довженко видит в том, что «не

было у нас культуры быта, отношений, нет у нас и культуры войны». В повести Довженко победа достигается ценой гибели большинства участников боя. Гибнут они из-за неумения воевать, нераспорядительности командиров и бюрократизма военных специалистов.

Управление пропаганды запретило опубликование этой повести. В новой повести «Украина в огне» Довженко допускает еще более грубые политические ошибки.

Все эти ошибки литературно-художественных журналов свидетельствуют о безответственном отношении редакций журналов к идейно-политическому содержанию и художественной ценности публикуемых произведений.

Только отсутствием строгого критического отношения ответственных секретарей журналов к поступающим в редакцию рукописям, можно объяснить опубликование в журналах таких крайне слабых произведений, как, например, рассказ Платонова «Оборона Семидворья» (журнал «Знамя» № 5—6 за 1943 г.), повесть Г. Фиша «Контрудар» (№ 12 за 1942 г.), роман Финка «Бедная Франция» (№ 4, 5—6 за 1943 г.), очерки Старостина «Десантники» (№ 9 за 1942 г.), рассказ Лукинского «Сила победы» (№ 1 за 1943 г.), Лавренева «Старуха» (№ 1 за 1943 г.), очерки Панферова «Люди Урала» (журнал «Новый мир» № 2—3 за 1943 г.), рассказ Слезкина «Старики» (№ 9 за 1942 г.), повесть Письменного «Край земли» (№№ 11—12 за 1942 г.), стихи Длигача (журнал «Октябрь» № 7 за 1942 г.).

Рассказ Платонова «Оборона Семидворья» написан плохим, вычурным языком, образы героев — советских бойцов и командиров — оглуплены. В рассказе много вздорных рассуждений, которые Платонов приписывает советским командирам и бойцам:

«Солдат должен уметь помирать навеки и всерьез, если к тому бывает нужда и от того народу польза,— говорит старшина Сычев. А то какой же он солдат? Тогда он помирать избалуется» (стр. 21).

«Мертвым человеком быть пусто и убыточно»,— заявляет боец.— «Раз я убит, раз я имею в жизни свой недожиток, то мне его полагается дожить» (стр. 14).

Пренебрегая обычным оружием, лейтенант Агеев сокрушает врага кулаком: «Если штык молодец, то кулак, считай, что родной отец...— говорит Агеев.— «Он тебе без ремонта, без припаса живет — как отрос снова, так и висит при тебе в боевой готовности». А если и отшибут — не беда...— «Отшибут — левшой будешь» (стр. 9).

Весь рассказ пестрит нелепыми изречениями: «У немца ум заводной, а у нас хоть иногда дурной, да живой...» (стр. 15) «Война, это высшее производство продукции, а именно — смер-

ти врага — оккупанта и наилучшая организация всех взаимодействующих частей...» (стр. 11).

Многие произведения, опубликованные в журналах, неряшливо отредактированы, написаны плохим языком. Так, например, в романе Финка «Бедная Франция» имеются следующие выражения:

«Господи, куда только богоматерь глаза лупила в такую минуту».

«Где я видел этот кофейник?» (речь идет о лице человека). «Мне эта рыженка приснилась... хороша морковка».

«Девочка, ходите ножками».

«Здравствуй, старая дырка».

«Скажи, она замужем? Замужем? — не знаю. Однако, по моему водил ее под уздцы Мишель».

«А нет ли у тебя в умиральной комнате людей побогаче, которые бы седлали на тот свет».

«Но когда начальник слишком наседаст на нервную систему, он вскидывал голову».

«...У Риретты был сифилис. Она давно подохла... когда черви лопали ее в могиле, их тошнило».

В журнале «Знамя» опубликован антихудожественный и фальшивый рассказ Лавренева «Старуха». Содержание его следующее: группа бойцов морской пехоты, расквартированы в опустошенной немцами деревне, где осталась одна старая женщина. После выясняется, что это была молодая женщина, но состарившаяся за 7 месяцев жизни при немцах. Вот как описывает встречу советских моряков и этой женщины Лавренин:

«Краснофлотский привет с зеленым горошком, бабушка! Вышло нам приказание стать на якорь в данном населенном пункте. Как видится, ваш дворец тут единственный, а населения тоже одна человекоединица... Принимаете жильцов? Живите, мне што», — отвечает женщина (стр. 85—86).

Матрос продолжает паясничать дальше:

«Даже странно, бабушка, слышать от вас подобный индифферентизм к бойцам... Перед вами девять несчастных морских малюток образца тысяча девятьсот сорок второго года, которые потеряли в военном урагане папу и маму. А которые женатые, те и жен потеряли. Неужто в вашем сердце вместо черствого отношения, не разыграется материнская жалость к сироткам?» (стр. 86).

Далее говорится о заботе моряков о женщине:

«Напишем бабушке в организм прибавочных ценностей, так она еще плясать с нами будет» (стр. 88).

В рассказе описывается следующая пошлая сцена:

«Эй, бабуся, — позвал Виноградов. Не в службу, а в дружбу. Намылка мне, дорогая, спину. Никак до нее не дорвусь...

Неловко милый,— сказала она,— наконец — женщина ведь я. Ну, ну,— перебил смеясь Виноградов,— не стесняйся. Какая ты женщина, коли счет годам потеряла? Я для тебя вроде грудного дитяти... Ишь ты,— заметил сам себе старшина,— застыдилась наша древность. Выходит, что баба до смерти есть баба».

Литературно-художественные журналы за время войны печатали все лучшие произведения советской литературы (журнал «Знамя» — «Падение Парижа» Эренбурга, «Русские люди» — Симонова, «Зоя» — Алигер и др.; журнал «Новый мир» — «Севастопольская страда» — Сергеева-Ценского, «Батый» Яна, «Нашествие» Леонова, «Морская душа» Соболева; журнал «Октябрь» — «Радуга» В. Василевской, «Емельян Пугачев» Шишкова, «Багратион» Голубова, «Непокоренные» Горбатова и др.) и способствовали творческому росту многих писателей. Однако, как мы видим, в журналах публикуется большое количество серых, недоработанных произведений. Наиболее слабым в художественном отношении является журнал «Новый мир», который печатает много посредственных, незначительных произведений.

Совершенно неудовлетворительно ведутся в журналах отделы критики и библиографии. Многие крупные произведения советских писателей, удостоенные Сталинской премии, до сих пор не нашли надлежащей оценки на страницах журналов. Так, например, журнал «Знамя» до сих пор не опубликовал ни одной статьи о повести Ванды Васидевской «Радуга», о пьесе Леонова «Нашествие», о романах А. Толстого «Хождение по мукам», Яна «Чингис-Хан» и «Батый», о творчестве писателей Тычина, Купала, Самед Вургун, Рыльский и др. В журнале «Октябрь» не было опубликовано статей о следующих произведениях: Сергеев-Ценский «Севастопольская страда», Симонова «Русские люди», Бажова «Малахитовая шкатулка» и др. Большинство критических статей, опубликованных в журналах, крайне общи и поверхностны, разбор художественных произведений дается часто в отрыве от их идейно-политического содержания.

Редакции журналов недооценивают значение литературной критики в развитии советской литературы и в воспитании трудящихся.

Президиум Союза Советских Писателей, органами которого являются литературно-художественные журналы, совершенно не руководит их работой. Редакционные коллегии литературно-художественных журналов не работают. Президиум ССП проходит мимо этого и не принимает мер к налаживанию их работы. Несмотря на неоднократные указания ЦК ВКП(б) о необходимости коренного улучшения постановки литературной критики, со стороны Президиума и лично тов. Фадеева не бы-

ли приняты меры к повышению роли и значения литературной критики.

Литературно-критические выступления тов. Фадеева на совещаниях писателей малосодержательны, абстрактны и нередко ошибочны. Так, например, на состоявшемся в октябре текущего года совещании писателей тов. Фадеев резко выступил против повести Горбатова «Непокоренные» и романа Голубова «Багратион». Повесть Горбатова т. Фадеев назвал «беллетризованной публицистикой», «чертежом», выбросив, таким образом, эту повесть за пределы художественной литературы.

«У нас ведь молодежь растет,— говорил он,— а мы все будем хвалить за тему, за политику, а строго не будем подходить. А молодой человек потом подрастет и обнаружит, что были на свете, кроме Горбатова и Голубова, еще и Лев Толстой, Горький и Тургенев...

В самом деле, были на свете Толстой, Леонардо-да-Винчи, а мы будем талдычить: Багратион, Багратнон, Багратион, точно это не заслуживает какой-то художественной критики».

Совершенно очевидно, что тов. Фадеев выступил здесь против той положительной оценки, которую получили произведения Горбатова и Голубова в ЦК ВКП(б).

За последние годы ЦК ВКП(б) неоднократно давал прямые указания Союзу Писателей об улучшении работы литературно-художественных журналов, а также о творческой работе писателей и критиков (беседа товарища Сталина с писателями в 1940 году (2); решение ЦК ВКП(б) «О литературно-художественных журналах» в 1939 году; решение ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» в 1940 году; решение ЦК ВКП(б) о рассказе Каплера, опубликованном в газете «Правда» в 1942 году и др. (3).

Однако, Президиум ССП и лично т. Фадеев не сделали для себя необходимых выводов из этих указаний, не ведут воспитательной работы среди писателей и не оказывают никакого влияния на их творческую работу. Творческие секции Союза писателей — поэзии, прозы, драматургии не работают. Обсуждения тех или иных произведений, изредка устраиваемые в Союзе писателей, проходят, как правило, без всякого руководства со стороны Президиума (4).

Партгруппа Президиума фактически не существует и многие вопросы, нуждающиеся в предварительном обсуждении партгруппы, выносятся прямо на заседания Президиума, которые из-за отсутствия членов Президиума чаще всего превращаются в собрания случайно пришедших людей.

Все это, несомненно, крайне отрицательно сказывается на работе писателей и литературно-художественных журналов.

Управление пропаганды считает необходимым принять специальное решение ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах (5).

Начальник Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Г. Александров

Зам. начальника Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

А. Пузин

Зав. отделом художественной
литературы

А. Еголин

Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. ЛЛ. 141—152. Машинописный текст.
Подписи — автограф Г. Ф. Александрова, А. А. Пузина,
А. М. Еголина.

Примечания:

1. На первом листе документа резолюция: «Архив. Вопрос обсужден на Секретариате ЦК с вызовом т. Сельвинского. [подпись неразборчива] 28/VII—43».

2. Имеется в виду совещание в ЦК по поводу фильма «Закон жизни» (сценарий А. Авдесенко), проходившее 9 сентября 1940 г.

3. Речь идет о постановлении Секретариата ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1942 г. «О рассказе А. Каплера «Письма лейтенанта Л. из Сталинграда», опубликованном в «Правде» 14 декабря 1942 г.

4. 6 февраля 1944 г. расширенный пленум ССП СССР избрал нового Председателя писательской организации — Н. С. Тихонова.

5. Аналогичная докладная записка была послана на имя А. С. Щербакова.

Часть V

№ 53

М. М. Зощенко — А. С. Щербакову

8 января 1944 г.

В ЦК партии А. С. Щербакову
писателя М. М. Зощенко

Заявление

Мою книгу «Перед восходом солнца» я считал полезной и нужной в наши дни. Но печатать ее не стремился, полагая, что книга эта массовая, ввиду крайней ее сложности. Высокая, единомышленная похвала многих сведующих людей изменила мое намерение.

Дальнейшая резкая критика смутила меня — она была неожиданной (1).

Тщательно проверив мою работу, я обнаружил, что в книге имеются значительные дефекты. Они возникли в силу жанра, в каком написана моя книга. Должного соединения между наукой и литературой не произошло. Появились неясности, недомолвки, пробелы. Они иной раз искажали мой замысел и дезориентировали читателя. Новый жанр оказ порочным. Соединять столь различные элементы нужно было более осмотрительно, более точно.

Два примера:

1. Мрачное восприятие жизни относилось к болезни героя. Освобождение от этой мрачности являлось основной темой. В книге это сделано не достаточно ясно.

2. Труд и связь с коллективом во многих случаях приносит больше пользы, нежели исследование психики. Однако тяжелые формы психоневроза не излечиваются этим методом. Вот почему показан метод клинического лечения. В книге это не оговорено.

Сложность книги не позволила мне (и другим) тотчас обнаружить ошибки. И теперь я должен признать, что книгу не следовало печатать в том виде, как она есть.

Я глубоко удручен неудачей и тем, что свой опыт произвел несвоевременно. Некоторым утешением для меня является то, что эта работа была не основной. В годы войны я много работал и в других жанрах. Сердечно прошу простить меня за оплошность — она была вызвана весьма трудной задачей, какая, видимо, была мне не под силу.

Я работаю в литературе 23 года. Все мои помыслы были направлены на то, чтобы сделать мою литературу в полной мере понятной массовому читателю. Постараюсь, чтобы и

впредь моя работа была нужной и полезной народу. Я заглажу свою невольную вину.

В конце ноября я имел неосторожность написать письмо т. Сталину (2).

Если мое письмо было передано, то я вынужден просить, чтобы и это мое признание стало бы известно тов. Сталину. В том, конечно, случае, если Вы найдете это нужным. Мне совестно и неловко, что я имею смелость вторично тревожить тов. Сталина и ЦК.

Мих. Зощенко

8 января 44 г.
Москва

Если потребуется более обстоятельное разъяснение ошибок, допущенных в книге — я это сделаю. Сейчас я побоялся затруднять Вас обширным заявлением. М. З. (3).

гостиница «Москва», № 1038. Мих. Зощенко.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. ЛЛ. 7, 8. Машиннописный текст. Подпись, дата и примечание — автограф М. М. Зощенко. Исторический архив. 1992. № 1. С. 133, 134.

Примечания:

1. Разгромные рецензии на первую часть повести были опубликованы 4 декабря 1943 г. в газете «Литература и искусство» (статья Л. Дмитриева «О новой повести М. Зощенко») и во втором номере журнала «Большевик» за 1944 г. «Об одной вредной повести», подписанной «ленинградскими рядовыми читателями» Горшковым, Ваулиным, Рутковской и Большаковым. Помимо негативных отзывов в печати книга Зощенко была подвергнута критическому разбору на расширенном заседании Президиума ЦСП СССР 6 декабря 1943 г. при обсуждении работы журнала «Октябрь».

2. См. документ № 44. Письмо было получено Особом сектором ЦК (секретариат И. В. Сталина) 26 ноября 1943 г. По косвенным данным можно допустить, что Сталин два первых письма М. Зощенко не видел.

3. На первом листе документа три резолюции: «т. Щербаков ознакомлен. 13.1. Крапивин», «Архив. 20.1. [Дьяконов]», «Приложить ко всем материалам о книге Зощенко».

№ 54

А. И. Маханов — А. А. Жданову

11 января 1944 г.

Товарищу Жданову А. А.

Направляю Вам статью «О вредной повести», написанную группой читателей. Статья выражает возмущение и протест против повести Зощенко «Перед восходом солнца». Прошу разрешить опубликование статьи в газете «Ленинградская правда».

11/1—44 г.

А. Маханов (1).

Ф. 77. Оп. 1. Д. 963. Л. 4. Машинописный текст. Подпись — автограф А. И. Маханова.

Примечание:

1. На документе резолюция: «1. Лучше сказать: 1. Об одной вредной повести. 2. Лучше было бы изрядно сократить раздел по защите наших великих писателей от обвинений их в отсутствии патриотизма и любви к Родине, так как к ним такое обвинение не пристанет, с тем, чтобы еще усилить нападение на Зошенко, которого нужно расклевать, чтобы от него мокрого места не осталось. 3. Это должно пойти не в «Ленинградскую правду», а в «Правду». Жд[анов].»

№ 55

А. С. Щербаков — В. Р. Щербине

8 февраля 1944 г.

Ответственному секретарю редакции журнала «Новый мир» — тов. Щербине

ЦК ВКП(б) обращает Ваше внимание на то, что в произведениях украинского писателя и кинорежиссера Довженко А. П., написанных за последнее время («Победа», «Украина в огне»), имеют место грубые политические ошибки антиленинского характера.

Ввиду этого ЦК обязывает Вас не публиковать произведений Довженко без особого на то разрешения Агитпропа ЦК ВКП(б).

Секретарь ЦК ВКП(б)

А. Щербаков

8. II — 1944 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 293. Л. 1. Машинописный текст. Подпись — автограф А. С. Щербакова. Источник. 1993. № 0. С. 125, 126.

Примечание:

1. Аналогичный текст письма был разослан в ЦК КП(б)У, редакторам газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Труд», «Литература и искусство», редакторам журналов «Октябрь», «Знамя», «Украина», «Звезда», директору Госполитиздата, директору Гослитиздата, директору издательства «Советский писатель», директору издательства «Молодая гвардия», директору Детгиза, Начальнику Воениздата, секретарям Сумы обкома КП(б)У, Днепропетровского обкома КП(б)У, Николаевского обкома КП(б)У, Черниговского обкома, Житомирского обкома КП(б)У, Запорожского обкома КП(б)У, Ворошиловградского обкома КП(б)У, Полтавского обкома КП(б)У, Харьковского обкома КП(б)У, Сталинского обкома КП(б)У, председателю Комитета по делам кинематографии при СНК СССР Большакову и начальнику Главлита Садчикову (Ф. 17. Оп. 125. Д. 293. Л. 2, 2 об).

Постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О Довженко А. П.»
12 февраля 1944 г.

Совершенно секретно

п. 50 г. **О Довженко А. П.** (1).

В произведениях украинского писателя и кинорежиссера Довженко А. П., написанных за последнее время («Победа» и «Украина в огне») имеют место грубые политические ошибки антиленинского характера. В связи с этим ЦК КП(б)У постановляет:

1. Рекомендовать Всеславянскому Комитету ввести в состав Комитета от Украинской ССР вместо Довженко тов. Рыльско-го М. Ф.

2. Рекомендовать Комитету по Сталинским премиям при Совнаркоме СССР ввести в состав Комитета вместо Довженко тов. Юру Г. П.

3. Вывести Довженко А. П. из состава редакции журнала «Украина». Вместо него утвердить членом редакционной коллегии журнала украинского писателя Андрея Малышко.

4. Освободить Довженко А. П. от обязанностей художественного руководителя Киевской киностудии.

Просить ЦК ВКП(б) утвердить настоящее постановление.

Секретарь ЦК КП(б)У

Н. Хрущев (2).

Ф. 17. Оп. 125. Д. 232. Л. 9. Машинописный текст. Подпись — факсимиле Н. С. Хрущев. Источник. 1993. № 0. С. 126.

Примечания:

1. Печатается по сохранившейся в архиве выписке из протокола № 35 заседания Политбюро ЦК КП(б)У от 12 февраля 1944 г. Вопрос решен опросом секретарей ЦК КП(б)У.

2. К документу приложена записка: «В архив. Александрову [подпись неразборчива] 22. II. Все вопросы решены. Г. Александров. 8. III.».

Циркулярное письмо Н. Г. Садчикова.
23 февраля 1944 г.

Циркуляр № 7/189
«23» февраля 1944 года
гор. Москва

Всем органам цензуры

Обязываю впредь не публиковать в гражданской и военной печати произведения украинского писателя Довженко А. П. без особого на то в каждом отдельном случае моего разрешения.

Уполномоченный СНК СССР
по охране военных тайн в печати и
Начальник Главлнта

Н. Садчиков.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 293. Л. 4. Машинописный текст. Подпись — автограф Н. Г. Садчикова. Источник. 1993. № 0. С. 125, 126.

№ 58

Д. А. Поликарпов — Г. М. Маленкову
23 февраля 1944 г.

Секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М. (1)

Информирую Вас о Пленуме Правления Союза Советских Писателей СССР, состоявшемся в Москве 5—9 февраля 1944 г. Пленум утвердил председателя и секретаря Правления и обсудил доклад тов. Тихонова на тему: «Советская литература в дни Отечественной войны». Предложение по организационному вопросу встречено писателями доброжелательно. Обсуждение доклада прошло весьма активно и деловито. В прениях выступили 54 писателя, среди которых Федин, Соболев, Шагинян, Караваева, Эренбург, Маршак, Бахметьев, Сурков, Рыльский, Прокофьев, Горбатов и другие.

Выступавшие по докладу некоторые участники Пленума остро ставили вопрос о повышении ответственности писателя перед народом за свою работу в условиях Отечественной войны. А. Сурков, например, резко критиковал тех, кто бездельничает, не помогает народу в войне. Весьма резкой критике подверг Б. Горбатов работу Союза Советских Писателей, который заявил, что Союз в современном его виде перестал быть творческой организацией, а Президиум Союза превратился в бюро по распределению продовольственных карточек и промтоварных ордеров. Большие претензии к Союзу и издательствам предъявляли писатели союзных республик за то, что Союз не знает, что делают писатели союзных республик и не руководит республиканскими Союдами; за то, что издательства не выпускают на русском языке произведения братских литератур. Особенно указывалось на неудовлетворительную работу Гослитиздата. В этом издательстве годами лежат принятые произведения армянских, казахских, киргизских писателей, из года в год они включаются в издательские планы, но не издаются. Отмечалось, что издательство, имея бумагу, без всяких оснований прекратило выпуск альманаха «Дружба народов», игравшего важную роль в ознакомлении русского читателя с

литературой народов союзных республик. Указывалось также, что в некоторых республиках (Узбекская ССР) закрыли в период войны литературно-художественные журналы. Таким образом писатели этих республик лишены возможности публиковать свои произведения на родном языке.

О недостатках в работе Пленума и нездоровых настроениях.

Доклад тов. Тихонова был обстоятельным обзором советской литературы в дни Отечественной войны, но существенным недостатком является тот факт, что докладчик не заострил внимания участников Пленума на политически вредных явлениях в литературе.

Если пошлая повесть Зоценко была предметом критики, то клеветнические стихи Асеева и Сельвинского не получили острой политической оценки. Этим в известной мере и объясняется, что выступающие на Пленуме писатели почти не касались клеветнических выпадов против советской действительности, допущенных Зоценко, Асеевым, Сельвинским, Довженко.

Более того. Сейфуллина в своем выступлении сделала попытку оправдать Зоценко, ссылаясь на то, что существующая в нашей стране свобода слова будто бы дает писателю право на опубликование в советской печати пошлой галиматии, вроде бредовой повести Зоценко. Сами авторы вредных произведений отмолчались. Член Президиума Правления Союза Советских Писателей Асеев был лишь на двух заседаниях Пленума, а А. Довженко — на одном заседании.

Обращает на себя внимание странная позиция, занятая на Пленуме украинскими писателями. Ответственному секретарю Союза Советских Писателей Украины Максиму Рыльскому были известны ошибки А. Довженко в его повестях военного времени и выпады против политики нашей партии, допущенные в сценарии «Украина в огне». Однако в выступлении Рыльский утверждал: «новое явление в нашей литературе представляют собой страстные рассказы Александра Довженко», не сказав ни слова об ошибках Довженко. Присутствовавшие на Пленуме писатели, в том числе и заместитель Председателя СНК Украинской ССР тов. Н. П. Бажан не поправили Рыльского и умолчали о политическом срыве Довженко. Неправильно, в духе ошибок Довженко, выступил на Пленуме украинский писатель П. Панч.

Не получил необходимого освещения на Пленуме вопрос о литературной критике, хотя он и был довольно остро поставлен в докладе. Речи критиков были или беспредметными и путанными, как, например, выступление Ермилова, выдвинувшего положение о «гибких эстетических критериях», или демагогическими, как выступление Дермана. В своем выступлении Дерман пытался убедить Пленум в том, что у нас нет боевой со-

ветской литературной критики, будто бы потому, что печать не публикует литературно-критических работ. Этот же Дерман жаловался на то, что критикам не дают возможности критиковать произведения, получившие одобрение народа и отмеченные Сталинскими премиями. Дерман и ему подобные, видимо, хотели бы получить неограниченную возможность разносить и охаивать лучшие произведения.

Ошибочным и оскорбительным для писателей союзных республик было выступление писателя Бородин, который в резкой форме бросил огульное обвинение по адресу литераторов братских республик, заявив, что произведения этих литераторов, какими видит их русский читатель в переводе, сделаны заново переводчиками. Если эти произведения поощряются, то правильнее было бы, заявил Бородин, чтобы поощрялись переводчики, а не авторы, имена которых стоят на книжках, так как будто бы действительными авторами произведений являются переводчики.

С. Кирсанов в выступлении на Пленуме своеобразно поставил вопрос об использовании писателей во фронтовой печати. Кирсанов, отражая настроения многих писателей, работающих во фронтовой печати, считает, что писателей используют неправильно, заставляя работать в армейских газетах, так как это будто бы превращает писателей в обычных газетных репортеров, лишая их возможности заниматься литературным творчеством.

Следует отметить, что желание уйти от работы во фронтовой печати распространено среди многих писателей на фронте. В президиум Союза обращаются с просьбами о том, чтобы Союз добивался в Главном Политическом Управлении Красной Армии творческих отпусков для писателей.

Д. Поликарпов (2).

23 февраля 1944 г.

№ 12-с

Ф. 17. Оп. 125. Д. 283. ЛЛ. 1—5. Машинописный текст. Подпись — автограф Д. А. Поликарпова.

Примечания:

1. Аналогичное письмо Д. Поликарпов в этот же день направил А. Щербакову.

2. На первом листе документа три резолюции: «Лично. т. Хрущеву. Прошу ознакомиться и обратить внимание на поведение на пленуме Союза писателей т. т. Рыльского, Бажана, Папча. 24/II. Маленков», «Лично. т. Андрееву. Прошу ознакомиться. Маленков», «Архив. Копии направлены т. т. Хрущеву Н. С. и Андрееву А. А. [подпись неразборчива] 25/II.44».

[ранее 26 февраля 1944 г.]

**ОБ АНТИЛЕНИНСКИХ ОШИБКАХ И
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИЗВРАЩЕНИЯХ В
КИНОПОВЕСТИ ДОВЖЕНКО
«УКРАИНА В ОГНЕ» (1)**

Тов. Довженко написал киноповесть под названием «Украина в огне». В этой киноповести, мягко выражаясь, ревизуется ленинизм, ревизуется политика нашей партии по основным, коренным вопросам. Киноповесть Довженко, содержащая грубейшие ошибки антиленинского характера,— это откровенный выпад против политики партии. Что это действительно так, в этом может убедиться всякий, кто прочтет повесть Довженко «Украина в огне». Довженко предпослал своей киноповести небольшое, но весьма показательное предисловие. В этом предисловии имеются такие строки: «Если в силу остроты моих переживаний, сомнений или заблуждений сердца какие-либо суждения мои окажутся несвоевременными, или слишком горькими, или недостаточно уравновешенными другими суждениями, то это, возможно, так и есть».

Нетрудно видеть с какой целью написано это предисловие. Как видно, Довженко прекрасно понимает, что в его киноповести с политической точки зрения далеко не все благополучно. Очевидно, что этой никчемной отговоркой он пытается застраховать себя на тот случай, если его ревизионистское, националистическое произведение будет разоблачено.

Прежде всего весьма странно то, что в киноповести Довженко «Украина в огне», которая должна была бы показать полное торжество ленинизма, под знаменем которого Красная Армия успешно освобождает ныне Украину от немецких захватчиков, нет ни одного слова о нашем учителе великом Ленине.

И это не случайно.

Не случайно это потому, что Довженко ревизует политику и критикует работу партии по разгрому классовых врагов советского народа. А как известно, эта работа была проведена партией в духе ленинизма, в полном согласии с бессмертным учением Ленина.

Герой киноповести Довженко Запорожец говорит партизанам, собирающимся судить за его работу старостой при немцах:

«Попривыкали к классовой борьбе, как пьяницы к самогону! Ой, приведет она нас к гибели! Убивайте, прошу вас. Убивайте, ну! Доставьте радость полковнику Краузу. Соблюдайте чистоту линии!»

«Стараемся перехитрить друг друга, да все железной метлою, да каленым железом, да выкорчевываем все один другого на смех и глум врагам. Лишь бы линия была чиста, хоть и земля пуста! Ну, потешьте немцев перевыполняйте задачу нашего са-могубства!

— Бейте его, гада!

— Помолчи, дурак!... Я не знаю сегодня классовой борьбы и знать не хочу. Я знаю отечество! Народ гибнет! Я раб немецких рабочих и крестьян! — грозно закричал вдруг Запорожец. — И дочь моя рабыня! Стреляй, классовая чистеха! Ну, чего ж ты стал?»

И так Довженко выступает здесь против классовой борьбы, он пытается опорочить политику и всю практическую деятельность партии по ликвидации кулачества, как класса. Довженко позволяет себе глумиться над такими священными для каждого коммуниста и подлинно советского человека понятиями, — как классовая борьба против эксплуататоров и чистота линии партии.

Довженко невдомек та простая и очевидная для всех советских людей истина, что без ликвидации эксплуататорских классов в нашей стране наш народ, наша армия, наше государство не были бы столь могущественны боеспособны и едины, какими оказались они в нынешней тяжелой войне против германских империалистов. Довженко не понимает того, что нынешняя Отечественная война есть также война классовая, ибо самые разбойнические и хищнические империалисты среди всех империалистов мира — немецкие империалисты напали на нашу социалистическую страну с целью ее покорения, уничтожения советского строя, порабощения и истребления нашего народа. Именно это, а не какое-либо другое обстоятельство привело к тому, что остатки разбитых эксплуататорских классов, враждебных рабочим и крестьянам, в ходе войны оказались в одном лагере с нашим лютым врагом — немецкими захватчиками. Кому-кому, а Довженко должны быть известны факты выступлений петлюровцев и других украинских националистов на стороне немецких захватчиков против украинского и всего советского народа. Эти подлые изменники родины, предатели советского народа не отстают от гитлеровцев, убивая наших детей, женщин, стариков, разоряя наши города и села. Они целиком перешли на сторону немецких злодеев, стали палачами украинского народа и активно борются против советской власти, против нашей Красной Армии. Если бы Довженко задался целью написать правдивое произведение, — он должен был бы в своей киноповести заклеить этих изменников. Но Довженко, видимо, не в ладах с правдой. Иначе как понять, что Довженко в своей киноповести не разоблачил этих презренных предателей украинского народа?

Они отсутствуют в киноповести Довженко, как будто не существуют. У Довженко нехватило духа, не нашлось слов, чтобы пригвоздить их к позорному столбу.

Довженко осмеливается, далее, критиковать политику и практические мероприятия большевистской партии и советского правительства, направленные на подготовку советского народа, Красной Армии и нашего государства к нынешней войне.

В киноповести Довженко колхозник Куприян Хуторной, обращаясь к своим сыновьям-дезертирам, говорит:

«Царя защищал, не бежал! Кому ты присягал? — обернулся он к Павлу.

— Теперь бога нет! — крикнул один дезертир.

— Брешете, есть! Отечество!

— Так про это ж разговор не был. Обучали классам. Опять же все побежали,— оправдывался Павло».

«Не пушу! Я царя защищал, не отступал, а вы свою власть отстоять не можете.

— Броня тонка, тато!»

«Броня тонка» — это выражение повторяется в киноповести Довженко несколько раз. Оно — это выражение — придумано Довженко для того, чтобы сказать: «Советское государство не подготовилось к войне и советский народ оказался безоружным».

Довженко не понимает той простой и очевидной истины, что немецкие империалисты, поставившие своей целью захватить чужие земли и поработить другие народы,— исподволь, задолго до войны, всесторонне подготавливали свое хозяйство, государство и армию к захватнической войне, перевели всю свою промышленность на военные рельсы за несколько лет до начала войны. Наше социалистическое государство не готовилось и не могло готовиться к захвату чужих земель, к покорению других народов, не готовилось и не могло готовиться к захватнической войне. Надо же уметь видеть эту разницу и при честном отношении к делу ее не трудно увидеть.

Однако, советское государство вовсе не оказалось безоружным перед неожиданным и вероломным нападением гитлеровской Германии. Это объясняется тем, что и здесь мы следовали заветам Ленина, который предупреждал нашу партию, наш народ, что рано или поздно империалистические государства нападут на нашу социалистическую страну и что поэтому мы должны быть готовы к серьезной войне за сохранение свободы и независимости нашего отечества. И мы к такой оборонительной войне готовились. Понятно, что готовясь к этой оборонительной войне, мы не могли подготовиться к ней так и в такой мере, как и в какой мере подготовилась к ней гитлеровская Германия, строившая свою армию и промышленность в расчете на завоевание всех европейских, да и не только европейских, государств. Развивая вооруженные силы нашего государства и

народное хозяйство, наша партия, советское правительство были настолько дальновидными, что сумели подготовить советское государство, советских людей к тому, чтобы в первый период войны выдержать один на-один всю силу ударов военной машины германского империализма, остановить наступление многомиллионной, хорошо вооруженной захватнической армии врага, а затем, мобилизовав силы народа и перестроив хозяйство на военный лад, успешно бить оккупантов и гнать их с нашей земли.

Уроки Отечественной войны, которая идет уже более двух с половиной лет, говорят о том, что из всех народов, не ставящих себе захватнических целей, наша страна, наш народ оказались наиболее подготовленными к войне против германского империализма, даже по сравнению с такими мощными государствами, как Англия и Соединенные Штаты Америки. Такова правда. Если бы Довженко ставил своей целью писать правдивое произведение, он должен был бы об этом сказать в своей киноповести. Но Довженко, оказывается не в ладах с правдой. Ленин далее предупредил нас, что советская республика должна быть готова к тому, что на нее нападет блок империалистических государств. Ленин, как вождь и учитель партии, как мудрый человек нашего народа и знаток законов развития общества и взаимоотношений государств, готовил партию [...] худшему [...]

В результате сложившихся исторических обстоятельств и, разумеется, прежде всего в результате правильной политики партии и правительства нам удалось вовремя сорвать намечавшийся военный блок империалистических государств, направленный против СССР, нейтрализовать в нынешней войне Японию, Турцию, Болгарию, а такие государства, как Англия и Соединенные Штаты Америки оказались не во враждебном нам лагере, как это могло случиться, а выступают ныне вместе с нами в военном союзе против германского империализма. Известно, что германский империализм — самый разбойничий, коварный, террористический, худший вид империализма. Капиталисты Англии и Соединенных Штатов Америки увидели в разбойничьем грабительском характере германского империализма явную и большую опасность для своих стран. Это обстоятельство правильно учла наша партия и своей умелой внешней политикой обеспечила создание мощного антигитлеровского блока государств. Англия и США стали в один лагерь с нами против немцев. Таким образом ленинская политика нашей партии и здесь восторжествовала.

Если бы Довженко захотел написать правду, он должен был бы написать и об этом. Но правда, к сожалению, не является особенностью творчества Довженко. Поэтому он предпочитает скрыть эту правду, более того, — он предпочитает критиковать политику нашей партии и нашего правительства.

В своей киноповести Довженко критикует политику партии в области колхозного строительства. Он изображает дело так, будто бы колхозный строй убил в людях человеческое достоинство и чувство национальной гордости, ослабил силу и стойкость советского народа. В киноповести Довженко колхозница Христя, ставшая наложницей итальянского офицера, говорит перед партизанским судом:

«Я знаю, что мне не выйти отсюда живой. Что-то мне здесь,— она прижала руку к сердцу,— говорит, что пришла моя смерть, что совершила я что-то запретное, злое и незаконное, что нет у меня ни этой, что вы говорили, национальной гордости, ни чести, ни достоинства. Так скажите мне хоть перед смертью, почему этого нет у меня? А где же оно, людоньки? Род же наш честный. Почему я выросла не гордая, недостойная и негодная. Почему в нашем районе до войны вы измеряли девичью нашу добродетель главным образом на трудодни и на центнеры. Националистка я? Какая?»

Здесь Довженко отрицает ту простую и очевидную истину, что колхозный строй укрепил советское государство как экономически, так и морально-политически, что без колхозов мы не могли бы успешно вести войну. Представьте себе, что у нас в деревне сохранился кулак, а колхозы отсутствуют. Каждому понятно, что хлеб и сельскохозяйственное сырье для промышленности в значительной мере находились бы у кулака. Он диктовал бы нам любые спекулятивные цены на продукты и сырье и оставил бы армию и рабочие центры без хлеба, без продовольствия. Кулак постарался бы задушить народ голодом и ударил бы советскую власть в спину. Если всего этого не случилось, то только потому, что кулаков, к которым, видимо, Довженко испытывает такое сильное тяготение, мы ликвидировали как класс и успешно построили колхозы. Довженко не понимает и не хочет понять, что только колхозы по настоящему раскрепостили советскую женщину. Советская женщина почувствовала себя настоящей хозяйкой, свободным, полноправным гражданином социалистического государства только благодаря колхозам. Трудодень, над которым измывается Довженко, позволил женщине стать настоящим человеком. Благодаря трудодню, колхозница перестала быть экономически зависимой от семьи, от мужа. Зарабатывая большое количество трудодней, колхозница стала экономически самостоятельным человеком. Это и есть настоящая эмансипация женщины, а не болтовня об эмансипации, которой столь усердно занимались и занимаются буржуазные политики.

Далее, националистическая пелена настолько застлала сознание Довженко, что он перестал видеть ту, для всех очевидную, огромную воспитательную работу, которую проделала наша партия в народе по развитию его политического самосознания и повышению его культуры. Только человек, рассматриваю-

щий с предвзятых, антиленинских позиций великую созидательную, прогрессивную работу нашей партии и нашего государства, может не заметить того огромного роста сплоченности, политической активности, сознания и культурности советского народа, который стал возможным на почве наших общих успехов.

Довженко пишет:

«Привыкшие к типичной безответственности, не ведающие торжественности запрета и призыва, вялые натуры их не поднялись к высотам понимания хода истории, призывающей их к гигантскому бою, к необычайному. И никто не стал им в пример — ни славные прадеды истории их, великие воины [...] ибо не умели чтить их память в селе. Среди первых ударов судьбы потеряли они присягу свою, так как слово «священная» не говорило им почти ничего. Они были духовно безоружными, наивными и близорукими».

Словами врага, немецкого офицера, Довженко так оценивает советский народ:

«У этого народа есть ничем и никогда неприкрытая ахиллеова пята. Эти люди абсолютно лишены умения прощать друг другу разногласия даже во имя интересов общих, высоких. У них нет государственного инстинкта... Ты знаешь, они не изучают историю. Удивительно. Они уже двадцать пять лет живут негативными лозунгами отрицания бога, собственности, семьи, дружбы! У них от слова нация осталось только прилагательное. У них нет вечных истин. Поэтому среди них так много изменников... Вот ключ к ларцу, где спрятана их гибель. Нам незачем уничтожать их всех. Ты знаешь, если мы с тобой будем умны, они сами уничтожат друг друга».

А затем Довженко немало потрудился в своей киноповести чтобы доказать и подтвердить правильность этой оценки.

Как мог Довженко докатиться до такой чудовищной клеветы на советский народ?

Критикуя работу нашей партии и правительства по воспитанию народа, Довженко не останавливается перед извращением истории Украины с целью оклеветать национальную политику советской власти.

В киноповести Довженко украинские крестьяне, запряженные немцами в ярмо, говорят между собой:

«Да когда-то в истории, говорят, тоже запрягали нашего брата не раз.

— Кто?

— Богдан Хмельницкий.— О, большой злодюга был! В музее в Чернигове сабля его висела перед войной. Там надпись большая написана: «Сабля известного палача украинского народа Богдана Хмельницкого, который, Богдан, придушил народную революцию в тысяча шестьсот каком-то там году». Так сабля под стеклом, а двенадцать его портретов в подвале за-

перты. Никому не показывали. Говорили, что портреты те туман наводят на людей! О!».

Герой киноповести Запорожец говорит:

«Плохие мы были историки? Прощать не умели друг друга? Национальная гордость не блистала в наших книгах классовой борьбы?».

Стоит ли говорить о том, что все это есть наглая издевка над правдой. Для всех очевидно, что именно советская власть и большевистская партия свято хранят исторические традиции и богатое культурное наследие украинского народа и всех народов СССР и высоко подняли их национальное самосознание.

Клевещет Довженко и на наш партийный, советский актив и командные кадры Красной Армии, изображая их карьеристами, шкурниками и тупыми людьми, оторванными от народа.

Довженко пишет о наших кадрах:

«Много среди них было и никчемных людей, лишенных понимания народной трагедии. Недоразвитость обычных человеческих отношений, скука формализма, ведомственное безразличие или просто отсутствие человеческого воображения и тупой эгоизм пронесли их мимо раненых на государственных резиновых колесах.

— Товарищи, пожалейте!..— просили раненые.— Стой, застрелю! — кричал раненый Роман Запорожец.

— Стой!

— Ах, что ж оно делается? Скажи мне, почему мы такие поганые? — плакался раненый юноша с перебитой ногой.— Товарищ командир, программа какая! Самая высшая в мире. А мы вот какие, гляньте! Подвезите раненых, растуды вашу мать, нехай! — заплакал.

Пролетали машины, как осенний лист».

О командных кадрах Красной Армии:

«У нас, тату, генерал пропал! Застрелился, бодай его, сыра-земля не приняла! Растерялись мы.

— Идите к полковнику!

— Не знаем, где он. Черт бы его забрал нехай!

— Идите догоняйте.

— Мосты, тату, взорваны. Плавать не умеем».

О советских работников:

«Он был большим любителем разных секретных бумаг, секретных дел, секретных инструкций, постановлений, решений. Это возвышало его в глазах граждан города и придавало ему долгие годы особую респектабельность. Он засекретил ими свою провинциальную глупость и глубокое равнодушие к человеку. Он был лишен воображения, как и всякий человек с сонным, вялым сердцем. Он привык к своему посту. Ему ни разу не приходило в голову, что, по сути говоря, единственное,

что он засекречивал, это была засекреченная таким образом его собственная глупость».

«У него не было любви к людям. Он любил себя и инструкции». Довженко говорит, что после освобождения захваченной немцами советской земли у нас «не будет уже, верно, ни учителей, ни техников, ни агрономов. Вытолчет война. Одни только следователи да судьи и останутся. Да здоровые, как медведи, да напрактикованные вернутся!».

Довженко не видит и не хочет видеть той очевидной и простой истины, что наши партийные, советские и военные кадры — плоть от плоти, кровь от крови советского народа, что они стоят в первых рядах борцов против фашистских захватчиков, самоотверженно, героически борются в рядах Красной Армии и в партизанских отрядах. Довженко и здесь не в ладах с правдой. А правда состоит в том, что советский народ доверяет нашим офицерам и генералам, партийным и советским работникам и любит их, ибо они его лучшие люди. В этом, между прочим, один из важных источников силы и незыблемости нашего советского строя.

Довженко в своей киноповести выступает против военной политики советского правительства, клеветает на наши кадры, критикует основы советского строя и колхозы,— он критикует также основные положения ленинской теории.

Довженко пишет: «Всех же учили, чтоб тихие были да смиренные... Все добивались трусости. Не бейся, не возражай! Одно было оружие — писание доносов друг на друга, трясца его матери нехай! Да ни бога тебе, ни черта — все течет, все меняется. Вот и потекли. А судьи впереди».

Откуда Довженко набрался такой смелости или нахальства, а может быть и того и другого, чтобы говорить подобные вещи? Довженко должен шапку снимать в знак уважения, когда речь идет о ленинизме, о теории нашей партии, а он как кулацкий подголосок и откровенный националист позволяет себе делать выпады против нашего мировоззрения, ревизовать его.

Довженко в своей киноповести клеветает на украинский народ. В самом деле, с давних пор известно и об этом, между прочим, говорит вся русская и украинская литература, насколько чист, поэтичен и благороден характер украинской девушки. А как изобразил Довженко украинскую девушку?

Украинская девушка Олеся обращается с такими словами к встреченному ею на дороге незнакомому танкисту:

«Слушай,— сказала Олеся,— переночуй со мной. Уже наступает ночь... Если можно, слышишь?»

Она поставила ведро и подошла к нему.— Я дивчина. Я знаю, придут немцы завтра или послезавтра, замучат меня, надругаются надо мной. Я так боюсь этого. Прошу тебя... пусть будешь ты... Переночуй со мной...»

Где Довженко видел на Украине таких девушек? Разве не ясно, что это оголтелая клевета на украинский народ, на украинских женщин.

Нетерпимой и неприемлемой для советских людей является откровенно националистическая идеология, явно выраженная в киноповести Довженко.

Так Довженко пишет:

«Помните, на каких бы фронтах мы сегодня ни бились, куда бы ни послал нас Сталин — на север, на юг, на запад, на все четыре стороны света,— мы бьемся за Украину! Вот она дымится перед нами в пожарах, наша мученица, родная земля!»

«Мы бьемся за то, чему нет цены в мире,— за Украину! — За Украину! — тихо вздохнули бойцы.

— За Украину! — за честный украинский народ! За единственный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле. За народ растерзанный, расщепленный! — Кравчина на мгновение умолк и словно не сказал дальше, а подумал вслух:

— Скажите, можем ли мы, сыны украинского народа, не презирать Европу за все эти столетия?»

Ясно, насколько несостоятельны и неправильны такого рода взгляды. Если бы Довженко хотел сказать правду, он должен был бы сказать: куда ни пошлет вас Советское правительство — на север, на юге, на запад, на восток — помните, что вы бьетесь и отстаиваете вместе со всеми братскими советскими народами, в содружестве с ними, наш Советский Союз, нашу общую Родину, ибо отстоять Союз Советских Социалистических Республик значит отстоять и защитить и Советскую Украину. Украина, как самостоятельное государство, сохранится, окрепнет и будет расцветать только при наличии Советского Союза в целом.

Довженко не в ладах с правдой, поэтому он все поставил с ног на голову. Однако свет клином не сошелся,— то чего не понимает Довженко, прекрасно понимают трудящиеся Украины. Украинцы героически бьются с врагом на всех участках нашего большого фронта. Они хорошо борются с врагом и они понимают, что бороться за Советский Союз означает бороться за их родную Украину. Они понимают то, чего не понял Довженко, а именно: все народы Советского Союза борются за Украину. В ходе этой борьбы те области Украины, которые были захвачены врагом в первый период войны, теперь освобождены. Это оказалось возможным благодаря боевому содружеству русских и украинцев, грузин и белоруссов, армян и азербайджанцев, казахов и молдаван, туркмен и узбеков,— всех народов Советского Союза.

Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов

СССР, в ней участвуют только украинцы. Значит и здесь Довженко опять не в ладах с правдой. Его киноповесть является антисоветской, ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности.

Киноповесть Довженко «Украина в огне» является платформой узкого, ограниченного украинского национализма, враждебного ленинизму, враждебного политике нашей партии и интересам украинского и всего советского народа.

Довженко пытается со своих националистических позиций критиковать и поучать нашу партию. Но откуда у Довженко такие претензии? Что он имеет за душой, чтобы выступать против политики нашей партии, против ленинизма, против интересов всего советского народа. С ним не согласимся мы, не согласится с ним и украинский народ. Стоило бы только напечатать киноповесть Довженко и дать прочесть народу, чтобы все советские люди отвернулись от него, разделали бы Довженко так, что от него осталось бы одно мокрое место. И это потому, что националистическая идеология Довженко рассчитана на ослабление наших сил, на разоружение советских людей, а ленинизм, то есть идеология большевиков, которую позволяет себе критиковать Довженко, рассчитана на дальнейшее упрочение наших позиций в борьбе с врагом, на нашу победу над злейшим врагом всех народов Советского Союза — немецкими империалистами (2).

Ф. 17. Оп. 125. Д. 293. ЛЛ. 20—35. Подлинник. Машинописный текст.

Примечания:

1. Впервые опубликован А. Латышевым в журнале «Искусство кино» (1990. № 4. С. 84—96) под заголовком «Выступление И. Сталина на Политбюро 31 января 1944 г.». Давая такое название документу, историк ссылается на изученные им подготовительные материалы к томам неизданного Собрания сочинений вождя. К сожалению, обнаружить эти документы в фонде 71, опись 10 не удалось. А. Латышев, не ссылаясь на архивные поисковые данные считает, что указанная речь должна была быть включена в 15-й том сочинений Сталина. Первоначально этот том содержал документы 1941—1945 гг., и издателями для него были отобраны материалы, отображающие исключительно военные сюжеты. Затем том сконструировали как «Краткий курс ВКП(б)». А материалы 16-го тома с некоторыми исправлениями были заимствованы из первого варианта 15-го. Это во-первых. Во-вторых, поскольку не удалось найти в документах к 15-му тому указанный материал, следует обратиться к источникам, которые позволили бы прояснить дату «выступления» Сталина. Так вот, судя по протоколу Политбюро, в повестке дня этого заседания действительно значится вопрос УПА, но только «О распределении газетной и печатной бумаги на первый квартал 1944 года» (Ф. 17. Оп. 3. Д. 1049. Л. 78). Допуская, что «выступление» могли оформить протоколом Оргбюро и Секретариата смотрим и эти бумаги. Результат сходный. Подобные вопросы не рассматривались и там. «31 января 1944 года я был привезен в Кремль. Там меня разругали на куски» записал в свой дневник Довженко год спустя. Может быть, А. Латышев руководствовался этим свидетельством? Судя по воспоминаниям Н. Хрущева, Сталин в присутствии кинорежиссера разнес его «в пух и прах», но только после «ярокурорской речи» А. Щербакова. Кроме того,

позднее этот текст был использован Щербаковым в выступлениях на пленуме МГК ВКП(б) 26 февраля 1944 г. И последнее. Первый вариант «выступления» Сталина существенно исправлен Щербаковым. Допустить подобную правку в отношении всемогущественного автора в то время никто бы не осмелился.

2. На первом листе документа резолюция: «В архив. Крапивин».

№ 60

С. А. Лозовский — А. А. Жданову

7 марта 1944 г.

Дорогой Андрей Александрович.

Хочу обратить Ваше внимание на следующий странный факт. Ленинградская писательница В. Кетлинская больше года тому назад написала первую часть книги о Ленинграде. Книга под названием «В осаде» пошла по инстанциям. Вот уже второй год, как эта книга бродит по журналам, по Гослитиздату, по партийным аппаратам и никак не может дойти даже до типографии, не только до читателя. Между тем, эта книга показывает настоящий, не сусальный героизм ленинградцев. Я знаю, есть такие редакторы в издательствах и журналах, которые, читая художественное произведение, думают главным образом о том, как бы чего не вышло. Если он выскажется против, тогда книга не выйдет и вообще ничего не выйдет; если же он выскажется за, книга выйдет, а вдруг там будет найдена какая-нибудь неправильная фраза! Я думаю, что только перестраховкой можно объяснить мытарства книги «В осаде». Сейчас осада уже снята, советские и иностранные читатели с огромным интересом читали бы такую книгу. Так как книгу затерли, то автор не пишет продолжения. Неужели ленинградцы не заинтересованы в том, чтобы была написана правдивая книга о Ленинграде? Почему нужно мариновать такую книгу, неужели у нас такое огромное богатство книг о Ленинграде, что можно пренебречь работой, которая написана кровью сердца? Насколько велик спрос на книги о Ленинграде, доказывает следующий пример. Совинформбюро послало в Англию сборник газетных статей о Ленинграде, и этот сборник вышел. Из США и из Англии у нас просят материалы о Ленинграде. Я сговорился сейчас с двумя ленинградцами, чтобы они составили сборник о Ленинграде. Сейчас можно и нужно, более того — необходимо издать за границей 10—15 книг, посвященных героической борьбе Ленинграда, который прославил себя и всю советскую страну.

Я бы просил Вас вмешаться в это дело, устранить все центропробки и дать возможность ленинградскому писателю издать хорошую книгу о Ленинграде.

А. Лозовский (1)

Москва, 7/III—1944 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 285. ЛЛ. 25, 26. Машинописный текст.
Подпись — автограф С. А. Лозовского.

Примечание:

1. На первой странице документа резолюция: «Маханову. Заняться этим делом. Жд[анов]».

№ 61

К. И. Чуковский — редакции «Правды»

14 марта 1944 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Напечатанная в «Правде» от 1-го марта статья П. Юдина о моей сказке «Одолсем Бармалея!» заставила меня внимательно пересмотреть эту сказку, и мне стала очевидна та литературная и политическая ошибка, которую я совершил (1).

Эта ошибка заключается в том, что я пытался выразить привычными для меня образами моих старых детских сказок великие события нашей эпохи и не почувствовал, что эти образы для этой цели совсем не пригодны.

Говорить о событиях всемирно-исторической важности тем же голосом, который звучал в моих сказках, написанных лет 20 назад, значило, — как я с глубоким сожалением вижу теперь, — исказить и спутать представления детей о действительности, о великом подвиге, совершаемом нашим народом.

Все это я заявляю со всей отчетливостью: сказка моя оказалась объективно плохой.

Вместе с тем я решительно отвергаю всякое предположение о том, что я мог **«сознательно»** опозлить великие задачи воспитания детей в духе социалистического патриотизма».

Вся моя многолетняя деятельность, как детского писателя, исключает возможность подобных предположений и, конечно, я приложу все усилия, чтобы дальнейшей работой вернуть себе то уважение советской общественности, без которого мне, как писателю, невозможно ни жить, ни работать.

К. Чуковский (2).

14/III—1944 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 285. Л. 31. Незаверенная машинописная копия.

Примечания:

1. Речь идет о статье П. Ф. Юдина «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского».

2. В левом верхнем углу письма резолюция: «В архив. Направлено т. Сталину, т. Маленкову. Крапивин».

П. Н. Федосеев — А. С. Щербакову

31 марта 1944 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Щербакову А. С.

О поэме А. Прокофьева «Россия»

Редакция журнала «Октябрь» включила в очередной номер журнала в качестве первого ведущего произведения поэму А. Прокофьева «Россия». Произведение это обладает несомненными поэтическими достоинствами. Но по своему содержанию она не соответствует столь важной и ответственной теме. Автор главным образом описывает природу страны. Россия, как ее изображает автор, эта страна берез и черемух, широких рек и дремучих лесов, страна сказок, песен и соловьев. Русские люди, защитники России, изображенные в поэме в лице пяти братьев Шумовых, показаны слабо.

В поэме о «России» автор по существу обошел то новое, социалистическое, что есть в нынешней России и что обеспечивает ей победу. Образ России получился односторонний и потому неправильный. Автору явно не удалось дать произведение, соответствующее значению и важности темы.

Прошу Вашего разрешения вызвать автора и договориться с ним о более полном освещении современной жизни и отечественной войны в представленной им поэме.

П. Федосеев (1).

31/III—44 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 284. Л. 19. Машинописный текст. Подпись — автограф П. Н. Федосеева.

Примечание:

1. На документе две резолюции: «Тов. Прокофьев вызывался, с замечаниями о поэме согласился и дал согласие переработать поэму. П. Федосеев. 17/IV—44 г.» и «В архив. Крапивин. 22/IV».

А. М. Еголин, М. Т. Иовчук — А. С. Щербакову

4 апреля 1944 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Щербакову А. С.

В № 1—2 журнала «Знамя» за 1944 год, представленном редакцией для утверждения в Управление пропаганды, в статьях Ю. Юзовского, Е. Усневич, Льва Озерова содержатся грубые политические ошибки.

Большая статья Ю. Юзовского «Критический дневник» (стр. 245—282) начинается с такого заявления:

«Не пора ли призадуматься над тем, что принесла война по существу, в чем сделала нас умнее и мудрее, чем мы были до войны, чтобы с этой точки зрения рассмотреть наши взгляды и некоторый наш опыт, в правоте и красоте которого мы были так уверены» (стр. 245).

Он утверждает, что во всем нашем довоенном искусстве «господствовал критерий описательства и отображательства» (стр. 216). Он обвиняет наше довоенное искусство в том, что «самодовольная, какая-то мистическая предопределенность «обязательного успеха, раз за дело берется герой, о котором известно, что он за, а не против советской власти,— рождали в нашей литературе лакировку и самоуспокоенность» (стр. 250).

На основе анализа нескольких пьес, шедших в театрах перед войной, Юзовский делает вывод о том, что наше искусство до войны не мобилизовывало, а демобилизовывало народ. В развязном тоне он пишет:

«...Помилуйте, зритель в восторге, зритель мобилизуется для будущей борьбы с фашистской Германией! Неправда. Мы свидетели. Зритель не мобилизовался, а демобилизовался. Десятки тысяч людей вышли из театра в шапкозакидательном настроении, и это называлось воспитывать для будущей войны» (стр. 252).

При этом, чтобы доказать, как было плохо с советским искусством до войны, Юзовский не постеснялся привлечь для анализа «Большой день» врага народа Киришона (скрыв от читателей наименование пьесы).

Характеризуя пьесу «Падь Серебряная» Н. Погодина, поставленную перед войной в театре Моссовета, Ю. Юзовский пишет:

«Театр представил нам своего главного героя: молодого, идеологически подкованного, красивого командира и тут же указал те цели, которых он достигнет к финалу спектакля. Это, во-первых, девушка, которая должна сдать перед его ухаживаниями, во-вторых, враг, который должен капитулировать перед его боевым опытом... Мы не успели оглянуться — как герой потрясал перед нами своими трофеями».

Далее Ю. Юзовский острит:

«Если он так легко победил противника, то что говорить о девушке, она то ведь **своя!** Она враг ему что-ли сопротивляться. Стало быть и пресловутого ухаживанья, то есть и здесь борьбы и достижения, даже в этой, казалось бы, более знакомой автору области, тоже не было. Следовательно, в обоих случаях он обрел цель только потому, что он советский персонаж, а не какой-нибудь чуждый элемент, которого, уж будьте спокойны, автор не допустит ни до победы, ни до девушки» (стр. 252—253).

Рассматривая пьесу «Батальон идет на Запад» Мдивани, поставленную Московским Камерным театром в первые месяцы войны, Ю. Юзовский совсем уже потерял чувство меры:

«Спектакль нужен был до зарезу — началась война. Пьеса имела показательно-результативное название «Батальон идет на Запад». Мы должны сказать, пусть это обидно, но поучительно, что в то время как пьеса «Батальон идет на Запад» пошла на сцену, автор ее вместе с актерами эвакуировался на восток. Мы видели спектакль. Почему батальон двигался на запад, было неизвестно, единственно разве потому, что наши были советскими гражданами, а враги не были таковыми, — от того первые побеждали, а вторые бежали, только поэтому» (стр. 253).

Ю. Юзовский многозначительно замечает, что «пьеса по объективным обстоятельствам сошла с репертуара». Он говорит о том, что такого рода пьесы нашей прессой, общественностью «поднимались на щит», всякие отрицательные отзывы о них отклонялись» (стр. 252).

Подвергнув резкой критике пьесу Ф. Панферова «Жизнь», которая якобы символизирует основной недостаток довоенного искусства — лакировку действительности, Ю. Юзовский утверждает:

«Пьеса провалилась, но в прессе она имела успех. Спектакль, как говорится, подняли на щит. Я внимательно прочел многочисленные рецензии: за что, собственно, на щит? А вот за что: — за то, что все правильно (стр. 268—269). В свете войны этот порок стал очевидным даже для тех, кто считал его добродетелью» (стр. 270). Теперь «мы в литературе и театре тоже станем в позу обличителей. Раньше следовало быть на месте! Во-время принять профилактические меры, а не ждать, когда болезнь обнаружится, и с суровым видом протягивать свои горькие пилюли» (стр. 254).

Ю. Юзовский специально подчеркивает:

«Я должен сказать, что до сих пор не изжита эта самовлюбленная хвастливая точка зрения, что раз герой советский, то обязательно именно по этой причине он одержит победу» (стр. 253).

Перейдя к нашей публицистике, Ю. Юзовский обвиняет ее в тех же пороках и грехах:

«Публицистика многих наших журналистов при всем их даровании и патриотизме очень поверхностно затрагивала чувства и разум человека. Они утверждали: «все равно нас не победишь», «все равно фашизм обречен на гибель», но эти слова были продиктованы не чувством уверенности, которое придает силы, а самоуверенности, которое ослабляло силы. Раз — как бы фриц ни старался он останется в дураках. Раз — как бы мы ни зевали мы возьмем свое...» (стр. 270).

Затем автор статьи поучает:

«Глядя правде в глаза, следовало сказать: мы можем проиграть войну, фашизм может ее выиграть, если мы это допустим, наша победа и наше поражение в наших руках, нам не на кого надеяться, кроме как на самих себя. Это реальность. От нее не отмолишься, не открестишься заклинаниями «история за нас, история против фашизма ...не спрячешься за спину этой истории, надеясь на нее, а не на себя» (стр. 270).

И первым человеком, понявшим это, по Юзовскому, был Эренбург (стр. 270).

Ю. Юзовский необосновано критикует лучшие произведения советской литературы и искусства за положительное изображение роли комиссаров в армии и их влияния на командиров, всячески принижая и охаявая комиссаров. Он считает, что «по образцу Фурманова, прекрасного, достойного, отличного героя у нас показывают героев в многочисленных произведениях, вызывая к нему симпатии, доброжелательство, согласие и одобрение, а вот этого «я хочу быть похожим» (у читателей) не вызывают» (стр. 257).

О Фурманове в картине Васильевых он говорит:

«Вы не можете отделаться от ощущения некоторой самоуверенности в его улыбке, несколько книжного предвидения им «результата». Его партийный разум не испытывался, не выковывался здесь же на наших глазах в опыте реальной жизни. И эта предначертанность художественно снизила образ Фурманова» (стр. 257).

Особенно достается от Юзовского В. Гроссману за положительную обрисовку комиссаров Богарева и Чередниченко в повести «Народ бессмертен».

Юзовский пишет:

«Почему же автор приписал Богареву преимущества, которыми он не обладает. Из любви к своему герою? Из уважения к званию комиссара? Из желания поддержать его авторитет! Откровенно говоря, разве так создается авторитет, особенно военный авторитет? ...Богарев не заработал своих преимуществ, он приобрел их по знакомству. Оттого, что он положительный герой, советский герой... знакомая схема! В дальнейшем Богарев, оставшись единоличным начальником, командует умно, верно, изобретательно, но уже поздно, мы не можем освободиться от впечатления, что каждый раз это не решение задачи, а готовый ответ, подведенный к случаю. Не творческая созидательность, а механическое согласование». (Рукопись для № 3 журнала «Знамя», стр. 41—42).

Наоборот, Юзовский восхваляет писателя Е. Габриловича за то, что в повести «Под Москвой» он изображает комиссара Турухина, как бездумного человека, который «принадлежал к сорту людей, которые столь же охотно признают свою ошибку после разъяснения высших инстанций, сколько упорно настаивают на ней до такого разъяснения». Юзовский замечает по

этому поводу: «Для Турухина предложенный план в той мере правилен, в какой он согласован с высшей инстанцией, не потому, что он в действительности правилен, а только потому, что он утвержден. И наоборот, любой предложенный план сомнителен до тех пор, пока он не санкционирован и решительно отвергнут, если его отклонили, и не потому что он сознает его по существу неверным, а потому, что его не утвердили» (рукопись стр. 27—28).

Вместе с тем Ю. Юзовский высмеивает советского офицера П. Котельникова, выведенного в повести Габриловича.

«Браво! — пишет он. — Вот герой для нашей литературы. Тип молодого деятеля, который где бы ни находился, в тылу ли, на фронте, обеими руками проложит дорогу к поставленной перед ним Родиной цели, что бы это ему ни стоило!.. У него не было выработано чувство ответственности. Возможно он вообще был лишен этого чувства, — дескать записано на скрижалях истории: «не бывать Гитлеру в Москве», — и вот он ждет, пока не исполнятся предначертания! Он надеется на «высшую инстанцию», там за него все знают, за него думают, за него решают, — «его дело маленькое», — фраза известная своей нарицательностью» (рукопись стр. 24).

Говоря об идейности нашего искусства, Юзовский заявляет:

«Идейность — это оружие, которое надо уметь пускать в ход, а не вооружившись им до зубов, вращая глазами, поражать нас своей «идеологичностью». Это бряцание оружием, — немало мы слышим этого бряцания, этой трескотни, этого шума из ничего. По форме — идейность, а по существу... по существу заданность. Не идейность, позволяющая тебе осветить и раскрыть сокровенные глубины жизни, а мертвый тезис, от которого ты танцуешь, как от печки» (стр. 247).

Статья Е. Усиевич посвящена книге Б. Горбатова «Непокоренные». В этой статье Е. Усиевич, характеризуя комсомольца Павлика, пишет:

«Павлик не был примазавшимся к комсомолу из-за карьеристских соображений юнцом. Это хороший советский парень, что показывает и то, как он пережил свои колебания, и тот героический путь, на который он вступил. В том, что война застигла его недостаточно идейно вооруженным, что он механически пребывал до нее в рядах комсомола — **не только его вина**. И это тоже должна записать и запишет в нашем сознании война. Много, много «запишет война», многое придется каждому из нас исправить, передумать из того, что он думал о мире. Глубже, мужественнее, честнее надо будет подходить к идейности. Такие выводы делает читатель из книги Горбатова, и это именно делает ее событием в нашей литературе» (стр. 292).

О настроении советских людей, временно оставшихся на территории, занятой врагом, Е. Усиевич говорит:

«Оставшимся приходится самим, в одиночестве, пережить этот первый страшный момент, момент трагического недоумения: как же так, как это могло случиться, что наша армия, наша надежда и любовь, не могла отстоять, защитить наши жизни, наш труд, всю нашу, столько лет с таким трудом и напряжением строившуюся жизнь. Это непередаваемо тяжелое, трагическое недоумение пережили миллионы простых советских людей и, изображая их героизм, их борьбу — нельзя скрывать, замалчивать этого. Замалчивать это — значило бы умалять их героизм в борьбе. Оставшимся приходится самим, без помощи, указаний, разъяснений пережить это недоумение. Им приходится самим определить и свое отношение к захватчикам, линию своего поведения по отношению к ним, обдумать свою жизнь при них» (стр. 286—287).

И далее, развивая эти мысли, Усиевич заявляет:

«Отступили не чужие, не стоящие над ним сверху и отвечающие за него люди. Нет, свои, его сыны, его дети, за которыми и он отвечает. Он одинок в этот момент самым страшным одиночеством, но он знает, что и за этот период жизни надо будет дать отчет. Перед своими людьми, перед своими детьми, перед своей, им, Тарасом, когда-то завоеванной, на него опирающейся властью, перед всеми теми, перед кем он всю жизнь отвечал и с кого он требовал и потребует ответа (разрядка Е. Усиевич).

Тарас чувствует себя хозяином всего существующего на родной земле, чувствует, что он, мастер Тарас, за все отвечает, но и перед ним должны отвечать... Это и есть... основная черта в патриотизме Тараса» (стр. 287).

Вместе с тем Усиевич необоснованно чернит всех советских людей, оставшихся на оккупированной территории, которые не вели по тем или иным причинам активной борьбы против врага в его тылу:

«Для того, чтобы под длительным господством фашизма, не вступая с ним в борьбу, сохранить физическое существование, нужно умереть нравственно, нужно самому превратиться либо в активного палача, в предателя, торгующего кровью своих братьев, каждый день своей презренной жизни покупающего десятками тысяч жизней своих бывших близких, родных, друзей, соседей, товарищей по работе, с которыми проведена и связана вся предыдущая жизнь, либо в бездушную, ко всему безразличную машину, в раба, не знающего не только стремления к свободе и тоски по ней, но забывшего о личной жизни, личных привязанностях, о семье, любви к женщине, любви к детям, и заботах о них» (стр. 284).

Е. Усиевич ополчается на точку зрения тех публицистов, которые говорят:

«Русский народ... всегда отличался храбростью, великодушием, презрением к смерти, способностью стойко переносить

лишения. Проявление всех этих, испокон веков ему свойственных и всегда себе равных черт и дает ему возможность в этой войне громить врага, с которым не могла справиться вся Европа. Такое объяснение, собственно говоря, мало что объясняет, а, пожалуй, даже кое-что запутывает, хотя им, к сожалению, удовлетворяются и некоторые советские писатели и публицисты» (стр. 285). (Усиевич не говорит, какие публицисты допускают такой антиисторический подход к оценке русского народа).

Наконец, в путаной статье Льва Озерова «Об украинской поэзии военных лет» — так определяются задачи, которые стоят сейчас перед украинской литературой:

«Мы возвращаемся на Украину. Поэзия встречается с народом, прошедшим гитлеровскую неволю, с народом, по которому она так тосковала, с новым бытом (!?), новыми характеристиками, отношениями. Это ставит перед украинской поэзией новые, еще более сложные задачи. За годы гитлеровского хозяйничанья на Украине народ пережил столько, что хроникерский подход к действительности мало что объяснит в ней. Если украинская девушка Мария стала называть себя Мартой, а чумацкий хлопчик на вопрос: «Сколько тебе лет?» отвечает: «Фир», то за этими «бытовыми» фактами стоит сложная душевная борьба, страдания, трагедия, которую в силах нам показать великий художник.

Если художник покажет этой украинской девушке, что произошло в мире и человеческом сердце за эти годы... она, украинка Мария, задумается над своей судьбой. Она захочет быть достойной того образа матери-родины, который был создан украинской поэзией» (стр. 299—300).

Понимание задач украинской советской литературы, даваемое Л. Озеровым, находится в полном противоречии с тем, как определяет задачи украинской советской литературы тов. Хрущев Н. С. в докладе «Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства Советской Украины».

Таким образом, в № 1—2 журнала «Знамя», одобренном редакцией, в ряде статей по коренным вопросам политики партии пропагандируются неправильные взгляды.

Мы считаем, что ответственный секретарь журнала «Знамя» т. Михайлова допустила политическую ошибку, приняв к печати эти статьи. Статьи Ю. Юзовского и Е. Усиевич, на наш взгляд, должны быть сняты из подготовленного к печати номера журнала; в статью Л. Озерова мы предложили внести необходимые исправления.

А. Еголин
М. Иовчук

№ 64

Б. Л. Пастернак — А. С. Щербакову

5 мая 1944 г.

5.V.1944 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Опять пишу Вам, простите. Трудно, трудно. Вот пример. В Туб. институте умирает от последствий костного туберкулеза старший Зинин сын с ампутированной ногой. Семью год как открепили от Кремл[евской] больницы, и хоть расшибись, не могу добиться у Бусалова их возвращения. И такого много, это капля в море. Но не затем обращаюсь я к Вам.

Прочтите прилагаемое стихотворение. Не представляю, чтобы оно ничего не сказало Вам. Его готовы были напечатать к 1-му мая в «Правде» и «Труде». В первой не напечатали, потому что «Труд» отказался уступить его, а в «Труде» — из обиды на то, что я просил переуступить его «Правде» (1). Со мной обошлись, как с мальчишкой. И действительно, что я для них?

Я много работаю последнее время. Писать большие вещи, драматические и в прозе, как мне бы хотелось, еще рано. Но я пишу много статей и стихов и совсем по-новому.

В лучшие годы удач я изнемогал от сознания спорности и неполноты сделанного. Это естественно. То что было крупно и своевременно у Блока, должно было постепенно выродиться и обезсмыслиться в Маяковском, Есенине и во мне. Это тягостный процесс. Он убил двух моих товарищей и невысказанно затруднил мою жизнь, лишив ее удовлетворенности. Этого не знают наши подражатели. Каково бы ни было их положение, все это литературная мелочь, не затронутая испепеляющим огнем душевных перемен, умирания и воскресений.

Все это старое я сбросил, я свободен. Меня переродила война и Шекспир. Вероятно формой я владею теперь уже во сне, и не сознаю ее и не замечаю. Я поглощен содержанием виденного и испытанного, историческим содержанием часа, содержанием замыслов.

Я ничего не прошу. Но пусть не затрудняют мне работы в такой решающий момент, ведь я буду жить не до бесконечности, надо торопиться. Актер готовится вечер из моих новых военных вещей, ему не расклеивают афиш, «Л[итература] и иск[усство]» и «Веч[ерняя] Москва» не печатают его анонсов: у меня нет вывески. Надо напомнить, что я не дармоед даже и до премии и без нее. Поликарпов и Тихонов этого не знают, а как я дохну и двинусь без них (лето, деньги, переезды, огороды)!!

Надо это напомнить Ярцеву в «Сов[етском] пис[ателе]», у которого я хочу издать для действительных читателей, а не для любительских лотерей лучшее из «Ранних поездов» и стихи, статьи и очерки этого года (в одной книжке). Хорошо было бы дать движение сборнику и переводам в Гослитиздате и в театрах, где восхищаются и плачут над моим Шекспиром, но пока без всякой пользы для меня и пр. и пр.

Простите, что занял у Вас так много времени и говорю с Вами без обиняков. Вы единственный, обращение к кому не унижает меня.

Неизменно верный Вам и
любящий Вас

Б. Пастернак (2).

Ф. 17. Оп. 125. Д. 285. ЛЛ. 46—48. Автограф.

Примечания:

1. Речь идет о стихотворении «Весна», которое было опубликовано 17 мая в «Правде».

2. На первой странице машинописной копии письма Б. Пастернака резолюция: «т. Александров. Выясните, что Пастернак хочет конкретно. А. Щербаков. 7/5».

№ 65

Из докладной записки

Г. Ф. Александрова, П. Н. Федосеева — А. С. Щербакову

5 мая 1944 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Щербакову А. С.

О контроле за выходящей литературой

В начале Отечественной войны Управление пропаганды, в целях наиболее рационального использования сократившихся фондов бумаги для издания необходимой в условиях войны литературы и предупреждения выхода в свет недоброкачественных и малоактуальных книг и статей, установило обязательное утверждение квартальных тематических планов издательств и предварительный просмотр всей выходящей политической, научной и художественной литературы и всех журналов.

В результате проведения этих мероприятий задержано и не допущено к выходу в свет много недоброкачественных и даже вредных книг. Только за 1943 год было исключено из планов центральных издательств 432 книги и брошюры, как неактуальные или неподготовленные к печати. Много плохих книг было задержано при просмотре рукописей или версток. Так, например, была задержана книга Мариэтты Шагинян «Уральский город», в которой клеветнически изображался советский Урал. Вся книга была построена на описании «чудовищного бездорожья», нехватки топлива, электроэнергии, квартир, столовых, детских садов, театров и клубов и даже воды (вместо

воды люди пьют «зеленый мутный кисель»). Автор всюду «видел» только «чудовищные недостатки» — бесплановость, отсутствие хозяйственной сметки, разумной инициативы, «отсутствие единого центра для руководства». До войны, по мнению автора, Урал был далек от социализма. Только война против немецко-фашистских захватчиков «потянула этот богатейший великий край к социализму».

Во многих задержанных книгах и журнальных статьях авторы преклонялись перед общественным строем, наукой и культурой капиталистических стран[...]

По указанию Управления пропаганды задержано было издание книги «Истощение экономических ресурсов фашистской Германии», авторы которой, освещая вопросы военной экономики фашистской Германии, не разглядели самой главной ее основы — грабежа оккупированных стран. Поражение гитлеровской Германии должно произойти, по мнению авторов, не в результате ее военного разгрома, а вследствие ее экономического истощения. Неправильно анализируя военные ресурсы фашистской Германии, авторы дезориентировали читателя и преуменьшали роль и значение Краевой Армии в деле разгрома немецко-фашистской армии. После двухкратных исправлений книга вышла, но и в данном виде не лишена серьезных ошибок.

Книга Института истории Академии наук «Очерки по истории национал-социализма» была также непригодна к печати. Авторы статей увлеклись некритическим цитированием фашистских главарей, заполнили сборник пересказом фашистских брошюр[...]

Много было задержано вредных и недоброкачественных плакатов и лубков. По издательству «Искусство» было запрещено много «шапкозакидательских» плакатов. По издательству «Художественный фонд» были задержаны антинародные рисунки Е. Соколова, по Институту санитарного просвещения было снято свыше 40 агитлисточков и агитплакатов, рисующих наш народ вшивым, грязным, некультурным до дикости.

Всего Управление пропаганды было задержано при просмотре материалов, идущих в печать, в 1942 г. — 283 книги и брошюры и 163 плаката и лубка, а в 1943 г. — 142 книги и брошюры и 215 плакатов и лубков. Также было задержано значительное число журнальных и газетных статей. Предварительный просмотр Управлением пропаганды материалов, идущих в печать, дал возможность предупредить появление в печати многих ошибочных книг и статей.

Однако, руководители издательств и редакции газет и журналов стали привыкать к тому, что книги, журналы и наиболее важные газетные статьи, как правило, предварительно просматриваются и исправляются в Управлении пропаганды. В связи с этим понизилась ответственность руководителей изда-

тельств и редакций газет за идейное качество издаваемой литературы. Редакционные работники полагают, что Управление пропаганды должно ограждать их от ошибок и не принимают мер к тому, чтобы исключить возможность повторения ошибок.

Просмотр материалов в Управлении пропаганды удлинляет также прохождение материалов в печати. Большеобъемные работы (20—40 печ. листов), находятся на просмотре от 2 недель до 2 месяцев. Кроме того, предварительный просмотр в Управлении пропаганды материалов, идущих в печать, затрудняет литературную критику. Редакции газет и журналов считают неудобным критиковать книги или номера журналов, просмотренные Управлением пропаганды.

В связи с этим Управление пропаганды просит Вашего разрешения на проведение следующих мероприятий:

1. Отменить существующий порядок обязательного предварительного просмотра в Управлении пропаганды рукописей или версток всей политической, научной и художественной литературы. Разрешить всем центральным издательствам сдавать в печать книги и брошюры после их просмотра работниками издательств и органами цензуры. Управлению пропаганды просматривать рукописи наиболее важных книг. Рукописи книг получать через органы цензуры и замечания по рукописям передавать также через органы цензуры.

Сохранить обязательный просмотр и утверждение Управлением пропаганды тематических планов издательств.

2. Изменить порядок просмотра журналов. Сохранить непосредственное получение рукописей из редакций только трех журналов: «Знамя», «Октябрь» и «Новый мир». Все остальные редакции журналов сдают материал в набор самостоятельно и получают разрешение на печать от цензуры. Управление пропаганды получает через цензуры и просматривает верстки 11 журналов (список прилагается) (1). Все замечания по содержанию этих журналов передаются только через цензуру.

3. Организовать последующий просмотр в Управлении пропаганды всей выходящей литературы (книг, брошюр и журналов). Систематически, не реже одного раза в месяц созывать директоров и главных редакторов издательств и редакторов журналов для обсуждения важнейших вопросов работы издательств и журналов.

Практиковать обзор вышедшей литературы и работы издательства в журналах «Большевик», «Пропагандист», «Партстроительство» и «Спутник агитатора».

4. В связи с тем, что центральные газеты и журналы почти прекратили публикацию критических и библиографических статей, провести в мае с. г. совещание заведующих критико-библиографическими отделами газет и журналов с докладами редакций журналов «Новый мир», «Знамя» и газет «Известия», «Комсомольская правда» о выполнении решения ЦК ВКП(б)

«О критике и библиографии». Организовать в каждом номере общеполитических, литературно-художественных и технических журналов помещение критических и библиографических материалов.

Все данные мероприятия повысят ответственность авторов, издателей и редакторов журналов и работников органов цензуры за качество изданий.

Г. Александров
П. Федосеев (2).

5/V—44 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 271. ЛЛ. 31—34. Машинописный текст. Подписи — автограф Г. Ф. Александрова и П. Н. Федосеева.

Примечания:

1. Речь шла о журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Исторический журнал», «Крестьянка», «Крокодил», «Мировое хозяйство и мировая политика», «Огонек», «Работница», «Славяне», «Смена».

2. На первом листе документа резолюция: «Вопрос решен. А. Щ[ербаков].»

№ 66

Г. Ф. Александров — А. С. Щербакову
24 июня [1944 г.]

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Щербакову А. С.

По Вашему поручению поэт Пастернак вызывался в Управление пропаганды. Он просит об издании книги его новых стихов и о заключении с Гослитиздатом договора на том переводов Шекспира. Кроме того, Пастернак просит оказать содействие к помещению его статей, стихов и очерков в «Правде» и других газетах.

Управление пропаганды дало указание т. Ярцеву (издательство «Советский писатель») о подготовке небольшого сборника новых произведений Пастернака и т. Чагину (Гослитиздат) о заключении договора на том переводов Шекспира. Что же касается опубликования стихов в газетах, то тов. Пастернаку было сообщено, что редакции центральных газет сами решают вопрос о публикации стихов, статей и очерков в зависимости от их качества. Приложенное к письму Пастернак стихотворение с некоторыми изменениями было опубликовано в «Правде».

Г. Александров (1).

24/VI

Ф. 17. Оп. 125. Д. 285. Л. 49. Машинописный текст. Подпись — автограф Г. Ф. Александрова.

Примечание:

1. В левом верхнем углу документа виза А. Щербакова.

[Протокол беседы М. М. Зощенко с агентом НКГБ
20 июля 1944 г.] (1).

25.VII—44 г.

Во время беседы М. М. Зощенко 20.VII.—с. г., ему был поставлен ряд вопросов, ответ на которые дает представление о его настроениях и взглядах.

1. Каковы были причины первого выступления против вашей повести «Перед восходом солнца»?

Ответ: «...Мне было ясно дано понять, что дело здесь не только в повести. Имела место попытка «повалить» меня вообще, как писателя».

2. Кто был заинтересован в этом? Ваши литературные враги?

Ответ: «...Нет, тут речь могла идти о соответствующих настроениях «вверху». Дело в том, что многие мои произведения перепечатывались за границей. Зачастую эти перепечатки были недобросовестными. Под рассказами, написанными давно, ставились новые даты. Это было недобросовестно со стороны «перепечатчиков», но бороться с этим я не мог. А так как сейчас русского человека описывают иначе, чем описан он в моих рассказах, то это и вызвало желание «повалить» меня, так как вся моя писательская работа, а не только повесть «Перед восходом солнца», была осуждена «вверху». Потом в отношениях ко мне был поворот».

3. Как вы относитесь к статье Еголина, напечатанной в «Большевике»? (2).

Ответ: «...Считаю ее нечестной, т. к. Еголин в отношении моей повести — до критических выступлений печати — держался другого взгляда. Юнович (ред. «Октября») может подтвердить это. Еголин одобрял повесть. Когда ее начали ругать, Еголин струсил. Он боялся, что я «выдам» его, рассказав о его мнении на заседании президиума Союза Писателей, где меня ругали (3). Видя, что я в своей речи не «выдал» его, Еголин подошел ко мне после заседания и тихо сказал: «Повесть хорошая».

4. Говорили ли вы кому-нибудь впоследствии о поведении Еголина?

Ответ: «Говорил Поликарпову».

5. Как отнесся к вашим словам Поликарпов?

Ответ: «Он необычайно заинтересовался моими словами, сказал, что у него есть и другие материалы, подтверждающие мои слова и свидетельствующие о том, что некоторые партийные руководящие работники проводят неправильную линию. Поликарпов потребовал, чтобы я не писал об этом, подал заявление о поведении Еголина».

6. Зачем он потребовал от вас письменного заявления?

Ответ: «Он сказал, что перешлет его Щербакову».

7. Подали ли вы это заявление?

Ответ: «Нет, мне стало жаль Еголина».

8. Настаивал ли все-таки Поликарпов на подаче заявления?

Ответ: «Он кричал на меня, требуя подать заявление, но я этого не сделал».

9. Как вы намерены держать себя в отношении Еголина?

Ответ: «Я напишу повесть, в которой расскажу всю историю своей повести «Перед восходом солнца». В этой повести я выведу Еголина — и выведу во всей неприглядности его поведения».

10. Узнает ли он себя в этой повести?

«Бесспорно узнает, так как я обо всем напишу откровенно».

11. Были ли еще примеры такой двурушнической оценки вашего произведения?

«Были. В частности, могу назвать Шкловского — Булгарина нашей литературы — до «разгрома» повести он ее хвалил, а потом на заседании президиума Союза ругал. Я его обличил во лжи, тут же на заседании».

12. Как оценивает вашу повесть Тихонов?

«Он хвалил ее. Потом на заседании Президиума объяснил мне, что повесть «приказано» ругать и ругал, но ругал не очень зло. Потом, когда стенограмма была напечатана в «Большевике», я удивился, увидев, что Тихонов меня так жестоко критикует. Я стал спрашивать его, чем вызвана эта «перемена фронта» (4)? Тихонов стал «извиняться», сбивчиво объяснил, что от него «потребовали» усиления критики, «приказали» жестоко критиковать, — и он был вынужден критиковать, исполняя приказ, хотя с ним и не согласен».

13. Как вы расцениваете снятие ваших рассказов в «Ленинграде»?

«Объясняется все тем, что в Ленинграде все делают с оглядкой на Москву, в данном случае на статью Еголина, не зная истинного отношения Москвы ко мне».

«14. А какое к вам теперь отношение в Москве?»

«Хорошее. Об этом я сужу на основании слов Тихонова. Когда я его видел в Москве, Тихонов сказал, что я уже вышел из штопора». Потом в последний свой приезд, он снова сказал мне, что статья Еголина — пустяки, и отношение ко мне, независимо от этой статьи, — наилучшее».

15. Речь шла об отношении писателей или об официальном отношении?

«Тихонов намекал на отношение «верхов».

16. Есть ли факты, подтверждающие слова Тихонова?

«Да, есть. В последнее время ко мне обратились «Известия» с просьбой регулярно давать острый сатирический фельетон в

моем старом плане. Ясно, что это согласовано с ЦК — иначе были бы не объяснимы ежедневные звонки с просьбой скорее дать фельетоны».

17. Какой материал вы им собираетесь дать?

«Очень острый, в моей старой сатирической манере, бичующей наши недостатки. Один из этих фельетонов — острый рассказ о начинающем писателе и плохом редакторе, портящем произведение, — стало быть, — об искусстве и его задачах».

«В рассказе этого начинающего писателя рассказывается о том, как погиб пароход, а редактор, боясь того, чтобы было сказано о гибели у нас парохода, правит рукопись и делает рассказ бессмысленным, заменяя повествование о гибели парохода рассказом о гибели лодки».

18. Пропустят ли такой фельетон?

«В Ленинграде его не пропустили бы, так как не знают еще новых установок, проводящихся в Москве: зло бичевать наши недостатки».

19. Как вы оцениваете общее состояние нашей литературы?

«Я считаю, что литература советская сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон, все пишется по шаблону. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели».

20. Как вы расцениваете партийное руководство литературой?

«Руководить промышленностью и железнодорожным транспортом легче, чем искусством. Нет зачастую у руководителей глубокого понимания задач искусства».

21. Как вы думаете о судьбе писателей в революционные годы?

«Поэты оказались менее стойкими, чем прозаики, среди поэтов много трагических смертей; Маяковский, Есенин, Цветаева — кончили самоубийством; Клюев, Мандельштам — умерли в ссылке, трагически погибли Хлебников, Блок (он выливал лекарство во время предсмертной болезни, так как ему не хотелось жить). Из молодых — Корнилов, Васильев и др. тоже кончили трагически, — не «сжились с временем».

22. Считаете ли вы ясной теперь причину смерти Маяковского?

«Она и дальше остается загадочной. Любопытно, что револьвер, из которого застрелился Маяковский, был ему подарен известным чекистом Аграновым».

23. Позволяет ли это предполагать, что провокационно было подготовлено самоубийство Маяковского?

«Возможно. Во всяком случае, дело не в женщинах. Вероника Полонская, о которой было столько разных догадок, говорила мне, что с Маяковским интимно близка не была».

24. Чья судьба кажется вам трагичной, если доведется говорить о ныне живущих писателях?

«Меня особенно волнует судьба Юрия Олеши, жившего в Ашхабаде. Он говорил, что его ждет гибель — я был прав».

25. Как вы думаете о своей дальнейшей жизни?

«Мне нужно переждать. Вскоре, после войны, литературная обстановка изменится и все препятствия, поставленные мне, падут. Тогда я буду снова печататься. Пока же я ни в чем не изменюсь, буду стоять на своих позициях. Тем более потому, что читатель меня знает и любит. Недавно я выступал на одном военном вечере, вместе с Прокофьевым и Мирошниченко. Меня встретили овацией, оглушительной овацией».

Кроме того, следует учесть, что ругали ни одного меня. Меня успокаивали, например, Леонов и Д. Бедный. Леонов говорил: «Все пройдет. Вот не печатали же меня 2 года, потом — сразу были прорваны шлюзы».

Бедный говорил: «Меня 4 года не печатали, потом все изменилось. Только вот жалко, что библиотеку мне пришлось распродать».

Что ж, только трудно будет с деньгами. Да у меня, впрочем, всегда было с ними трудно, тиражи у меня всегда ограничивали. Единственное, что облегчает — лимит».

26. Кроме «Известий» вы где-нибудь еще предполагаете выступить в печати?

«Мои рассказы приняты Голубевой в «Звезде». Она их послала в Москву, а из Москвы пока нет ответа. Впрочем, я думаю, что их не утвердят, так как Голубева их изуродовала правкой, ей хотелось привести их в такое состояние, чтобы их наверняка пропустили».

27. Считаете ли вы, что вами все было сделано для того, чтобы отстоять свою повесть «Перед восходом солнца»?

«Я сделал все, но мне «не повезло». Мы с академиком Сперанским написали письмо товарищу Сталину, но это письмо было направлено в те дни, когда товарищ Сталин уезжал в Тегеран, и попало в руки к заменявшему товарища Сталина Щербакову. А Щербаков, понятно, распорядился иначе, чем распорядился бы товарищ Сталин».

28. Как вы расцениваете нынешнее руководство в Союзе писателей?

«Странная вещь: на Фадеева раньше нападали многие, а теперь все в Москве изменилось: Фадеева Москва все-таки любит, а Тихонова — нет, т. к. Фадеев — человек любящий советскую литературу, а Тихонов — человек холодный, равнодушный».

Поликарпов — человек резкий и прямой, так видно из случая, когда он требовал от меня, чтобы я написал заявление о двурушничестве Еголина».

29. Как вы расцениваете общую политическую обстановку сегодня?

«Вести с фронтов радуют. Заявление немецкого генерала Гоффмейстера показывает, что гибель Германии близка. Сталин все видел гениально. Потрясает его уверенность в самую трудную пору, в то время, когда почти все советские люди думали, что крах неизбежен, что гибель государства близка».

30. Предполагаете ли вы, что после войны изменится политическая обстановка в литературе?

«Да. Литературе будет предложено злей и беспощадней писать о наших недостатках».

31. Предполагаете ли вы в ближайшее время съездить в Москву?

«Нет».

Таковы основные вопросы, затрагивающиеся во время беседы.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. ЛЛ. 10—16. Незаверенная машинописная копия. Исторический архив. 1992. № 1. С. 135—137.

Примечания:

1. В моей публикации в «Историческом архиве» Михаил Зошенко: «... Буду стоять на своих позициях» этот документ, исходя из содержания и характера беседы, а так же факта ее цитирования в справке МГБ 10 августа 1946 г. был определен как запись беседы М. Зошенко с сотрудником Ленинградского управления НКГБ. Из вышедшей позднее публикации в журнале «Родина» (1992. № 1), где цитировались эти же высказывания писателя, можно установить, что получены они были из агентурных источников.

2. Речь идет о статье А. Еголина «За высокую идейность советской литературы» (Большевик. 1944. № 10—11).

3. Имеется в виду расширенное заседание Президиума ЦК ВКП(б) СССР 6 декабря 1943 г., на котором состоялось, в частности, обсуждение первой части книги писателя.

4. М. Зошенко говорил о статье Н. Тихонова «Отечественная война и советская литература», опубликованной в 3—4 номере журнала, в основу которой было положено выступление председателя Правления ЦКП на IX расширенном пленуме ЦКП в начале февраля 1944 г.

№ 68

**Г. Ф. Александров, П. Н. Федосеев, Д. А. Поликарпов —
Г. М. Маленкову
7 августа 1944 г.**

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.

О журнале «Знамя»

В работе литературно-художественного журнала «Знамя» имеются серьезные недостатки. Указания ЦК ВКП(б) об улучшении работы литературно-художественных журналов плохо выполняются редакцией журнала «Знамя».

Созданная в 1940 г. редколлегия журнала «Знамя» не работает. Члены редколлегии: Ал. Иебах, В. Лебедев-Кумач,

В. Луговской, М. Соколовский не принимают никакого участия в работе журнала. За время войны они не опубликовали на страницах журнала «Знамя» ни одного своего произведения.

Ответственный секретарь журнала т. Михайлова, как показывает опыт, не в состоянии обеспечить ведение журнала на должном идейном и литературно-художественном уровне.

Управление пропаганды вынуждено было в процессе подготовки и выпуска очередных номеров журнала исправлять грубые ошибки, допускаемые редакцией журнала. Так были задержаны, подписанные редакцией к печати, политически неправильные статьи Юзовского и Усиевич. Юзовский в своем «Критическом дневнике» по существу выступает против идейности в искусстве, издевается над положительным освещением в литературе советской действительности:

«Самодовольная, какая-то мистическая «предопределенность» обязательного успеха, раз за дело берется герой, о котором известно, что он за, а не против советской власти, рождала в нашей литературе лакировку и самоуспокоенность».

В своей статье Юзовский утверждает, что наше довоенное искусство не вооружало сознание народа для предстоящей войны. Он пишет:

«Помилуйте, зритель в восторге, зритель мобилизуется для будущей борьбы с фашистской Германией. Неправда. Мы свидетели. Зритель не мобилизовался, а демобилизовался. Десятки тысяч людей вышли из театра в шапкозакидательном настроении, и это называлось воспитывать для будущей войны».

В своих рассуждениях о пьесе Мдивани «Батальон идет на Запад», Юзовский допускает такие злобные выпады:

«Спектакль нужен был дозарезу — началась война. Пьеса имела показательно-результативное название «Батальон идет на Запад». Мы должны сказать, пусть это обидно, но поучительно, что в то время как пьеса «Батальон идет на Запад» пошла на сцену, автор ее вместе с актерами эвакуировался на Восток».

Усиевич в статье о «Непокоренных» Горбатова возлагает на советскую власть ответственность за страдания наших людей, оказавшихся под господством немцев:

«Оставшимся приходится самим, в одиночестве, пережить этот первый страшный момент, момент трагического недоумения: как же так, как это могло случиться, что наша армия, наша надежда и любовь, не могла отстоять, защитить наши жизни, наш труд, всю нашу, столько лет и с таким трудом и напряжением строившуюся жизнь... Отступили не чужие, не стоящие над ним сверху и отвечающие за него люди. Нет, свои, его сыны, его, дети, за которых и он отвечает. Он (Тарас) одинок в этот момент самым страшным одиночеством, но он знает, что и за этот период жизни надо будет дать отчет. Перед своими людьми, перед своими детьми, перед своей, им, Тарасом, ког-

да-то завоеванной, на него опирающейся властью, перед всеми теми, перед кем он всю жизнь отвечал и с кого он требовал и потребует ответа. Тарас чувствует себя хозяином всего существующего на родной земле, чувствует, что он, мастер Тарас, за все отвечает, но и перед ним должны отвечать. Это и есть основная черта в патриотизме Тараса».

Редакция подготовила к опубликованию в № 5—6 журнала (майско-июньском) поэму Евг. Долматовского «Вождь», в которой неверно изображалось отступление Красной Армии в первые месяцы войны. Судя по этой поэме, Красная Армия беспрерывно отступала, не оказывая сопротивления немцам, начиная от наших границ почти до Москвы.

В журнале продолжают появляться слабые, серые в художественном отношении очерки, рассказы и повести. Так, в № 11—12 за 1943 год опубликованы пустые, манерные рассказы В. Шкловского «О разлуках и потерях», в № 11—12 журнала за 1943 год напечатаны пошлые, антихудожественные рассказы. Я. Киселева («Равный среди равных», «Его долг», «В госпитале ночью»).

Отдел литературной критики журнала «Знамя» находится в запущенном состоянии. Многие литературно-критические статьи не представляют ни публицистической, ни научной ценности, к тому же некоторые из них являются явно ошибочными. В № 9—10 журнала «Знамя» за 1943 г. была опубликована статья Л. Поляк «О лирическом эпосе Великой Отечественной войны», в которой автор протаскивает неправильные утверждения об особенностях и условиях развития советской поэзии в довоенное время. Поляк пишет: «В трудные годы начавшегося строительства существовал неписанный, никем не сформулированный, но всеми молчаливо признанный поэтический устав, накладывающий свое вето на интимно-лирические темы». И далее: «Советские поэты наших дней освободились от аскетических пут, от железных вериг, которыми они стесняли себя в недавнем прошлом». Затем Л. Поляк утверждает: «Великая Отечественная война усилила, заострила, наполнила новым содержанием патриотические чувства советского человека и тем окончательно сняла противоречия между личными, «своими» интересами и интересами нации, родины». Выходит, что до войны существовали серьезные противоречия между личными интересами советских людей и интересами общества и что противоречия эти окончательно сняла лишь война. Работникам журнала, видимо, было ясно, что эти утверждения Л. Поляка являются неприемлемыми. Поэтому редакция прикрылась оговоркой о несогласии с некоторыми положениями статьи, не сказав, однако, какие же положения она не разделяет. После опубликования статьи Л. Поляк вышли три книжки журнала, но редакция до сих пор не высказала своего отношения к ошибочным положениям статьи. В той же статье Поляк восхваляется

И. Сельвинский как поэт, который «ищет новых, но простых, настоящих полноценных слов». Писалось это уже после того, как ЦК ВКП(б) осудил ошибки И. Сельвинского и редакции журнала, опубликовавшей политически вредное стихотворение И. Сельвинского «Кого баюкала Россия». Обращает на себя внимание и восторженная статья П. Антокольского о Борисе Пастернаке («Знамя» № 9—10, 1943 г.) П. Антокольский, всячески преувеличивая и раздувая место и значение Пастернака в советской поэзии, пишет: «Пастернак, всю жизнь имея дело с «естественностью», добиваясь ее крайнего напряжения, поэт потрясающе искренний, поражал нас молниями своих догадок... Таким он живет среди нас, изумительный лирик, для которого каждая весна — мировое событие, как в ранней юности». И далее: «...Все в нем интригует, очаровывает, не дает последнего ответа, и опять и опять обещает очаровать».

Редакция журнала «Знамя» охотно публикует «критические» статьи В. Шкловского, представляющие безответственную болтовню по поводу литературы.

Редакция журнала «Знамя» не имеет плана работы, не объединяет вокруг себя писателей и не содействует появлению нужных художественных произведений на современные темы, которые бы отвечали достигнутым нашим народом успехам в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Рукописи публикуемых произведений в редакции не обсуждаются.

В результате безответственной и неряшливой работы редакции значительная часть материала сдается в типографию в недоработанном виде, что влечет за собой дополнительную правку в процессе верстки номера, дезорганизует работу типографии и срывает сроки выхода журнала. За последние месяцы наблюдается совершенно недопустимое запаздывание журнала: сигнальные экземпляры № 1—2 (январско-февральского) вышли 9 мая, тираж 12 июня; сигнальные экземпляры № 4 (апрельского) вышли 8 июля, тираж 20 июля.

В целях улучшения работы журнала «Знамя» Управление пропаганды считает целесообразным создать новую редколлегия в следующем составе: Тихонов, Вишневский, Симонов, Эренбург, Тимофеев, Твардовский, Толченев, Орлова.

Писатели Тихонов, Симонов, Эренбург и Твардовский поместили в этом журнале ряд своих произведений: Тихонов печатал здесь свои стихи, Симонов печатал стихи, очерки и повесть «Дни и ночи», Эренбург также давно связан с журналом «Знамя», до войны он напечатал здесь «Падение Парижа», а во время войны — ряд очерков, Твардовский — стихи, поэмы, Толченев может быть консультантом журнала по военным вопросам. Ответственным редактором журнала «Знамя» утвердить Вишневского В. В.

Ввиду того, что т. Михайлова не справилась с возложенными на нее задачами, освободить ее от работы в журнале. На-

значить ответственным секретарем редакции журнала т. Орлову, работающую ныне в качестве инструктора отдела художественной литературы Управления пропаганды ЦК ВКП(б).

Так как литературно-художественные журналы являются органами Правления Союза Советских писателей, передать издание журнала «Знамя» из Гослитиздата в издательство «Советский писатель».

Основной задачей журнала «Знамя» должно явиться объединение литераторов, пишущих о Красной Армии и Военно-Морском флоте. «Знамя» должно содействовать появлению художественных произведений об Отечественной войне и военной истории нашего народа, печатать публицистические статьи по вопросам военного воспитания.

Проект решения ЦК ВКП(б) прилагается.

Г. Александров
П. Федосеев
Д. Поликарпов

7/VIII—44 г.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 438. ЛЛ. 12—17. Машинописный текст. Подписи — автограф Г. Ф. Александрова, П. Н. Федосеева, Д. А. Поликарпова.

№ 69

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журнале «Знамя» 23 августа 1944 г.

п. 2. О журнале «Знамя».

ЦК ВКП(б) отмечает, что нынешний состав редколлегии журнала «Знамя» не обеспечивает ведение журнала на должном идейном и литературно-художественном уровне.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Утвердить ответственным редактором журнала «Знамя» т. Вишневого В. В. и членами редколлегии т.т. Симонова К. М., Тарасенкова А. К., Тимофеева Л. И., Тихонова Н. С., Толченова М. П.

2. Поручить редколлегии журнала «Знамя» выработать и представить на рассмотрение Президиума Союза советских писателей план работы журнала на ближайший период.

Из протокола № 168 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 23 августа 1944 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 168. Л. 2. Подлинник. Машинописный текст.

Г. Ф. Александров, П. Н. Федосеев — А. С. Щербакову

18 октября 1944 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Щербакову А. С.

Редакция журнала «Знамя» (ответ. редактор Вс. Вишневский) подготовила и напечатала очередную книгу журнала (№ 7). В этой книге опубликован ряд материалов, в которых содержатся серьезные ошибки.

В журнале на первом месте публикуются черновые записи («Из фронтовых дневников») дагестанского писателя Эффенди Капиева. Однако эти разрозненные заметки никакой художественной ценности не представляют, а отдельные записи о войне выражают чуждые настроения и взгляды, проникнуты чувством глубокого пессимизма, отчаяния и безысходности.

Вот несколько примеров: «Дорога по насыпи через болота. Высокие сухие камыши по обе стороны. Камыши стоят жесточайшей шелестящей стеной. Дорога вязкая, разбитая машинами и грязь застыла в неровных колеях, как гребни волн. Первая весенняя лягушка монотонно заливается, гиккая где-то в камышах. Кажется, что там сидит дряхлый веселый гном с бородкой веером и хохочет старчески бесстрастно — хи-ха-хо — над этой весной, над ними, над этой пустыней войны...

Хи-ха-хо — вот люди! Хи-ха-хи — ну и люди!». Нарисовав неизменную для него картину безмолвия, сумеречности пустыни («А день угасает. Пустые без окон и крыш развалины нескольких хат вдали стыннут безмолвно, осиротело...» и т. д.) Э. Капиев заканчивает запись словами: **«А лягушка одна, одна хохочет по-прежнему бесстрастно, дряблым старческим смехом. Хи-хи-хи — хо-хо-хо! Вот вам война! Вот вам весна! Ну и люди!»** (стр. 13).

Другая запись:

«Причудливые развалины огромной церкви. Кругом сожженная станица, голые деревья, пустыня. Уцелела часть купола, обнаженная, и там живописная роспись, какой-то бородастый апостол протянул руку к Христу. Кажется, он молит его снизить. И на фоне разрушенной, сожженной станицы, на фоне этой небывалой пустыни войны — эти ангелы, летящие в высь, и бородастые старики с поднятыми в мольбе руками, видные со всех сторон, огромные, в нездешних одеяниях, приобретают особый смысл. Кажется, они зывают к богу:

Оглянись, господи, что творится на земле! Уйми, господи. и покарый!». (стр. 4).

Этой записи предшествует такое стихотворение:

Ты хочешь меду, сын мой?

Так жала не страшись.

Венца победы? Смело к бою.
Ты жаждешь перлов? Так спустись
На дно, где крокодил зияет под водою.
Не бойся бог решит.

Лишь смелым он отец.

Лишь смелым — мед иль перл,
Иль гибель, иль венец». (стр. 3).

Тут же приводится следующее размышление:

«Поэт болезненно переживает чаяния народа и горит страстью, поскорее утешить его. **Но лишь истинный вождь медлитель, как бог, и знает, когда надо.** Обычно с точки зрения поэта кажется недопустимо, невозможно медленно и бесчеловечно поздно» (стр. 3).

На стр. 8-й:

«Так идут дни. Гиблые болота, камыши, блиндаж. Черные вороньи стаи, кружащиеся над нами, красная луна по ночам, треск автоматов, ракеты...

...Гром и грохот заглушают мир. Уже не видно ни вороньих стай, ни пожаров, ни островков, только косматые черно-сизые волны дыма кружат вокруг, и вся окрестность превращается в кипящий океан... Артиллерия умолкает, но дым еще стелется в тише, клубясь и застилая глаза. В это мгновение и встает во весь рост пехота.

В атаку! Вперед!

Теперь попробуй, попытайся остановить ее,— она уже не владеет собой, она заряжена электричеством и прет направо, как медведь на рогатину,— на огонь...» Те же настроения характерны и для рассказа о полевом госпитале. Э. Капиев заметил, что в госпитале истории болезни раненых записывали на страницах книжечки стихов К. Симонова «поверх печатного», в частности, на стихотворении «Ледовое побоище». Свое наблюдение Э. Капиев сопровождает рассуждением: «...Поверх истории ледового побоища, написанного стихами, пишется проза сегодняшних кровавых дней, «история болезни» рядовых солдат нашей эпохи, **«история болезни» народа!»**

Заканчивается же этот рассказ так:

«Я гляжу в черные стекла окон, в которых отражается мерцающая свеча. За окнами, за этим отражением свечи можно разглядеть только голые, черные ветви деревьев и одинокий месяц вверху... Я всматриваюсь вливаюсь в ночь, как в глубь веков.— **Ночь темна, ночь темна — и нет откровений»** (стр. 21—22).

В разделе «Критика и библиография» помещена статья Мацкина — «Эренбург в дни войны». Вместо разбора и оценки идейного содержания и литературных достоинств произведений Эренбурга, автор статьи занимается безответственной болтовней, приписывая Эренбургу **новое учение о войне**. На стр. 159 Мацкин пишет:

«Война по Эренбургу — это самоотверженность, иступление и ненависть». На стр. 158. «Он (Эренбург) считает, что война для нас необычайное состояние духа, и, как бы долго ни длилась война, она никогда не станет бытом». Или на стр. 158—159: «Тут мы подходим к существенной стороне творчества Эренбурга, к его пониманию характера современной войны» и задач литературы. Отвергая войну как рыцарский поединок, как кровавый матч, он горячо отстаивает свою моральную концепцию — только большая ненависть к низкому врагу оправдывает войну. Нельзя воевать бесстрастно, нельзя убивать равнодушно... Война без ненависти нечто бесстыдное, как сожительство без любви». Далее сообщается, что публицистика Эренбурга в дни войны «выступила с программными» и полемическими требованиями. Она напоминала литераторам, что война в жизни народа — это не пауза, что в войне много злого и темного, но в ней есть такое самозабвение, какое не увидишь среди мира и счастья...» (стр. 160—161).

В постановлении ЦК ВКП(б) новому составу редколлегии журнала поручалось составить план работы, а Президиуму Союза советских писателей, чьим органом журнал является, предлагалось рассмотреть этот план. Однако редакция журнала «Знамя» и Президиум Союза советских писателей несерьезно подошли к подготовке очередного номера журнала.

Считаем необходимым:

1. Задержать распространение № 7 журнала «Знамя».
2. Обязать Президиум Союза писателей обсудить № 7 журнала «Знамя».
3. Поручить редколлегии переработать № 7 журнала «Знамя».

Просим Ваших указаний.

Г. Александров
П. Федосеев

18/Х—44 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 284. ЛЛ. 161—163. Машинописный текст. Подписи — автограф Г. Ф. Александрова и П. Н. Федосеева.

№ 71

В. В. Иванов — А. А. Жданову

20 ноября 1944 г.

СЕКРЕТАРЮ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРКОМА ВКП(б)
тов. Жданову А. А.

СПРАВКА

на письмо т. Лозовского об издании романа В. Кетлинской «В осаде».

Роман писательницы В. Кетлинской «В осаде» вызвал резкую критику со стороны прежней редакции журнала «Звезда» (Голубева, Авраменко, Тихонов).

Редакция не нашла в романе почти никаких литературных достоинств и отрицательно отнеслась к изображению событий лета и осени 1941 года. Редакция Гослитиздата отказалась принять книгу В. Кетлинской к печати до тех пор пока не будет закончена вторая часть романа. Критические замечания, относящиеся главным образом к описанию отступления наших войск летом и осенью 1941 года, были сделаны также в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), где книгу прочел т. Иовчук.

В настоящее время новая редакция журнала «Звезда» приступила к работе над произведением совместно с автором. Ленинградское отделение Гослитиздата включило роман в план издательства на 1945 год и предложило автору произвести необходимые доработки. Таким образом В. Кетлинская имеет полную возможность издать свой роман в 1945 году (1).

Секретарь Ленинградского горкома
ВКП(б) по пропаганде

В. Иванов

20.XI.1944 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 285. Л. 27. Машинописный текст. Подпись — автограф В. В. Иванова.

Примечание:

1. Роман В. Кетлинской «В осаде» вышел в 1948 г. в издательстве «Красное знамя».

Часть VI

№ 72

Н. С. Тихонов, Д. А. Поликарпов — А. А. Жданову,
Г. М. Маленкову
9 января 1945 г.

Секретарям ЦК ВКП(б)

Товарищу Жданову А. А.
Товарищу Маленкову Г. М.

Президиум Союза советских писателей СССР просит ЦК ВКП(б) разрешить провести 5 апреля 1945 г. очередной пленум Правления Союза с участием руководителей местных союзов советских писателей. Со времени последнего пленума ССП СССР прошел год. В истекшем году осуществлена организационная перестройка республиканских союзов писателей. К руководству союзами пришли новые товарищи, многие из которых ранее не участвовали в руководстве организациями писателей.

Весьма необходимо обсудить итоги года в области литературы и обменяться мнениями по практическим вопросам руководства творческой работой республиканских Союзов советских писателей.

На пленуме намечается обсудить доклад Н. С. Тихонова на тему: «Советская художественная литература в 1944 году», с содокладами: А. Суркова — о поэзии, Н. Погодина — о драматургии и С. Маршака — о детской литературе.

В составе Правления Союза Советских Писателей СССР за минувшие годы произошли значительные изменения. Из общего количества членов Правления в 101 человек, избранных первым съездом советских писателей, выбыло по разным причинам 49 членов Правления, осталось 52.

Представляется необходимым пополнить в порядке кооптации состав Пленума Правления новыми товарищами, успешно проявившими себя в литературе за годы Отечественной войны.

Просим ЦК ВКП(б) разрешения на предстоящем Пленуме Правления Союза Советских Писателей избрать в порядке кооптации 25 человек новых членов Правления.

В целях привлечения к руководству творческой жизнью Союза Советских Писателей товарищей, успешно проявивших себя в литературе, необходимо также увеличить состав Президиума Союза Советских Писателей до 21 человека, вместо 15 в настоящее время. Это необходимо и потому, что некоторые старые члены Президиума Союза не проявляют активного

участия в жизни Союза, к тому же, в результате творческих неудач и допущенных ими идейно-политических ошибок они потеряли свой прежний авторитет среди писателей.

Просим ЦК ВКП(б) разрешения установить количество членов Президиума ССП СССР в 21 человек и провести довыборы членов Президиума на предстоящем Пленуме Правления.

Н. Тихонов
Д. Поликарпов (1)

9 января 1945 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 366. ЛЛ. 4, 5. Машинописный текст. Подписи — автограф Н. С. Тихонова и Д. А. Поликарпова.

Примечание:

1. На первом листе документа резолюция: «Тов. Александрову. 1). На заключение и внесение предложений. 2). Мне кажется неправильным устанавливать лимиты по кооптации в члены Правления и Президиум ССП. Считаю, что здесь должен быть персональный, а не количественный подход. Жданов. 14/1.45».

№ 73

Д. А. Поликарпов — редколлегии журнала «Знамя»

9 февраля 1945 г.

ЧЛЕНАМ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ЗНАМЯ»

Дорогие товарищи!

Редколлегия журнала «Знамя» намерена опубликовать в первом номере за 1945 год «Ленинградский дневник» В. М. Инбер.

Убежден, что редколлегия совершит ошибку, опубликовав названную работу.

В связи с этим вынужден обратиться к членам редколлегии с просьбой еще раз обсудить вопрос о публикации дневника В. М. Инбер. Ленинградский дневник Веры Инбер («Почти три года») не представляет и не может представлять широко общественного интереса как в литературно-художественном, так и в идейном отношении. Совершенно несомненно, что опубликование дневника в «Знамени» вызовет недоумение многих читателей и естественное раздражение тех, кто хотел бы, прочитав свыше десяти листов печатной прозы известной писательницы, посвященной Ленинграду, прежде всего почувствовать героическую атмосферу — трудовую и военную — славного города, выдержавшего блокаду немцев, пережить настроение и мысли рядовых ленинградцев.

Между тем, в дневнике трудовые и боевые дни Ленинграда показаны камерно, мелко. Для тех, кто когда-либо будет за-

ниматься творческой историей «Пулковского меридиана» Веры Инбер, этот дневник несомненно будет интересен. Он дает представление о тех бытовых трудностях, в обстановке которых Вера Инбер — как и все ленинградцы — жила и работала, но искажает представление о действительной жизни ленинградцев в осажденном городе.

«Хозяйство отнимает все больше времени. Печка, чайник, мытье посуды, разогревание супа или каши, штопка и мелкая стирка берут половину дня», — пишет В. Инбер в записи от 29 января 1942 г.

К сожалению, описание личного хозяйства писательницы — занимает центральное место в дневнике, примерно 2/3 его, и заслоняет, отодвигает на задний план отдельные ценные штрихи и наблюдения над жизнью и борьбой осажденного города.

Бесстрастное протоколирование событий и фактов мелких и больших, значительных и незначительных звучит бестактно.

«С нежностью вспоминаю свое глубокое кожаное кресло у окна больничного сада в Ленинграде. Очень беспокоюсь за Илью Давыдовича. Получила телеграмму от Жанны, в которой она, бедное дитя, мечтает о моем приезде в Чистополь, или своем ко мне. Мои литературные дела хороши, но 24-го в Ленинграде был большой налет и это мучает меня. Вчера была у Эренбургов. Припомнился мне далекий, далекий, молодой Париж. Номер гостиницы, машинка, уют «неоседлости»...»

Таких выдержек можно было привести десятками. Писательница подряд регистрирует и свои литературные дела и свои семейные заботы и трудности ленинградской жизни, но в результате получается, что большое заслоняется, а не то что большое раскрывается через малое.

Вера Инбер как бы наблюдает жизнь Ленинграда из глубины своего кожаного кресла, из окна своей квартиры на Песочной улице, квартиры, где «не увядаемые Елизаветинские и Екатерининские розы», «николаевские синие с золотом», где «серобелый фаянс, хрупкое хозяйство».

Она цитирует разговоры со своей уборщицей Ефросиньей Ивановной, со своими знакомыми, но из всего этого ни широкой картины ленинградской жизни, ни глубокого ее постижения не получается.

Страстность в голосе писательницы появляется тогда, когда она рассказывает о своем «Пулковском меридиане». Тут дневник начинает изобиловать восклицательными знаками.

«Наконец-то! Я себе не верю и однако все сделано. Четвертая глава кончена, вернее, почти вся переписана заново, дополнена, сокращена.

Но это была геройская работа. Я совсем было решила уже отложить главу. И вдруг решила: сожгла все свои корабельки, оставила стихи и кинулась на главу. Но как!..» (27 октября 1942 г.).

Работа автора над «Пулковским меридианом» описана в дневнике довольно детально и кропотливо, а ведь читатель хотел бы сквозь призму дневника почувствовать и осознать исполнинский размах и внутреннюю напряженность героической работы более широких кругов ленинградского населения. Но этого как раз не передает дневник.

Нотки самолюбования все явственнее и явственнее чувствуются в дневнике, и это становится бестактным, потому что писательница тут же говорит о смертях, регистрирует страшные сцены блокированного Ленинграда.

«Я сплю так неглубоко, так поверхностно, что стоит мне только наполовину проснуться, как я уже нахожу в своем сознании строку или даже строфу. Они как бы стоят ночью у двери и ждут, чтобы их впустили и как только намечается малейшая щелочка — они уже тут. Наташа видела у входа в какую-то из клиник два обнявшихся трупа. Уже достоверно известно, что Лапин и Хащевин погибли в Киеве». Получается уж очень поверхностно и неглубоко, когда писательница говорит подряд в одной и той же записи о двух строках или строфе, не дающих ей заснуть, и о двух обнявшихся трупах.

Хочет того или не хочет Вера Инбер, но это умаляет облик советского художника-общественника, таким каким он складывается в глазах широких читателей.

В другом месте дневника, рассказывая как она готовилась поехать на литературное совещание, Вера Инбер пишет:

«Снова началось великое штопанье шерстяных чулок и ва-режек и накапливание продуктов».

Независимо от того, пишет ли Инбер с иронией или без иронии о «великом штопанье чулок», оно действительно имеет тенденцию производить впечатление великого потому, что в дневнике все эти детали занимают центральное место, все касающееся личного (бытового и литературного) хозяйства В. Инбер выпячивается на первый план.

Дурную услугу окажет Вере Инбер редакция журнала «Знамя», опубликовав ее дневник, где интимные, личные, узколитературные детали заслонили большую тему. Читатель полюбил Веру Инбер за ее «Пулковский меридиан» — эту поэму, где в необычайно сжатой и точной форме передана атмосфера осажденного Ленинграда. Зачем же нужно излишним размазыванием бытовых и психологических комментариев к этой поэме портить впечатление от хорошей работы, которую уже сделала Вера Инбер. На основе богатого опыта своего пребывания в блокированном Ленинграде Инбер могла бы написать и хорошую книгу художественной прозы о героическом городе Ленина в дни войны. Если это сырые заготовки к такой книге — возможной и желаемой, нужно ли их преждевременно опубликовывать и ими подменять такую книгу?

Советская общественность помнит то дурное впечатление, то чувство недоумения и раздражения, которые некогда вызвали преждевременно опубликованные дневники другой известной писательницы. Повторить этот опыт с дневниками, неотработанными и хаотичными, посвященными такой ответственной теме, как тема Ленинграда в дни Отечественной войны — недопустимо.

Д. Поликарпов

9/II—1945 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 459. ЛЛ. 3—6. Заверенная машинописная копия.

№ 74

А. К. Тарасенков — А. А. Жданову

22 февраля 1945 г.

22.II.45.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. А. А. Жданову.

Многоуважаемый Андрей Александрович!

В августе 1944 года по Вашей инициативе в ЦК ВКП(б) было созвано совещание о положении в литературных журналах и создана редколлегия журнала «Знамя», в число членов которой вошел и я. Ответственным редактором был назначен т. Вишневский, я — его заместителем. Весь груз повседневной практической работы естественно лег на меня. Прошло полгода работы. Они были настолько тяжелы для журнала во всех отношениях, что я считаю своим партийным долгом рассказать Вам обо всем.

Я не буду подробно касаться трудностей чисто производственных, хотя они очень велики (отсутствие тока, бесконечные простои типографий, отсутствие транспорта для перевозки бумаги и т. д. и т. п.)

Трудности цензурного порядка превосходят их много. Контролирует журнал по-прежнему бесчисленное количество инстанций. Во-первых, сверстаный номер посылается в 4-х экземплярах в Главлит. Читает его уполномоченный Главлита, читают и старшие начальники. Но сами они разрешения печатать номер не дают. Ждут когда дадут свое мнение работники Управления пропаганды и агитации, — т.т. Еголин, Орлова, которые тоже читают номер. Параллельно номер читает ответственный секретарь Союза советских писателей т. Поликарпов и, конечно, вносит свои замечания.

Помимо этого, все вещи, затрагивающие военные вопросы, — идут на визу в Военную цензуру, все вещи имеющие отношение к зарубежной тематике, — на визу в Отдел печати Наркоминде-

ла, вещи о флоте — в Военно-морскую цензуру. В результате получается такой многоступенчатый контроль, который буквально замораживает журнал. Часто бывает, что произведение, пропущенное Военной цензурой, снимает Главлит, а произведение, одобренное НКВД, — вызывает возражение со стороны Управления пропаганды и агитации и тоже снимается.

Бывает и так, — номер уже выпущен, его начинают перечитывать и предлагают сделать выдержку из уже готового тиража журнала. Так было, например, с превосходными фронтовыми записями покойного писателя Эффенди Капиева и со статьей критика А. Мацкина об Эренбурге. После того, как номер 7—8 с этими произведениями вышел, т. Г. Ф. Александров вызвал т. т. Николая Тихонова, Поликарпова и меня и «посоветовал» выдрать из готового номера эти вещи.

— «Иначе вы подвергнитесь крупным неприятностям» — сказал т. Александров.

В произведении Эффенди Капиева им была почему-то усмотрена «мистико-трагедийная трактовка войны», а статья об Эренбурге была вырвана из готового номера потому, что Мацкин «не так и не за то», по словам т. Александра, хвалит Эренбурга.

Процесс выдерки и вклейки нового материала занял свыше месяца и обошелся во много тысяч рублей.

В следующем номере журнала по настоянию отв. секретаря Союза советских писателей т. Поликарпова были сняты рассказы писателя Л. Успенского о ленинградской блокаде.

Много трудностей (до сего дня неразрешенных) вызвал № 11, в котором мы напечатали первую половину превосходного романа английского писателя-коммуниста Джеймса Олдриджа «Морской орел» (о борьбе греческого народа против фашизма в 1940 году).

Сначала Главлит и Управление пропаганды и агитации дали разрешение печатать роман. Затем спохватились и потребовали визы НКВД. Хотя номер был отпечатан, визу НКВД мы испросили и получили. Разрешение печатать роман дал т. Лозовский. Казалось бы, что все благополучно. Однако через две недели после выхода номера в свет т. Вышинский потребовал роман Олдриджа для нового контроля. Ему послан уже вышедший в свет № 11 и верстка № 12. Вопрос с этим романом, а следовательно, и с двумя номерами журнала, висит в воздухе.

В № 12 мы печатаем пьесу И. Сельвинского «Ливонская война» (об Иване Грозном). Тов. Еголин из Управления пропаганды и агитации через 3 недели после того, как № был разрешен Главлитом к печати, потребовал в пьесе дополнительных поправок. Ему показалось недопустимым, что Иван Грозный в припадке гнева грызет цепь и употребляет татарское ругательство «Шайтан-джана». Одновременно т. Еголин снял из

номера статью проф. Зильберфарба «Прогерманский неопацифизм». Эта статья, одобренная т. Лозовским, была направлена против английского журналиста Бресфилда, защитника немцев. Тов. Еголин заявил, что после Крымской конференции статья устарела, хотя основной ее смысл — борьба за окончательный морально-политический разгром фашизма — мне кажется актуальной и сегодня.

Большие трудности встретились и с № 1 1945 года, в котором мы решили печатать дневник Веры Инбер за весь период Ленинградской осады. Этот дневник не понравился т. Поликарпову. Он предложил его нашей редколлегии снять, ибо счел вещь слишком камерной, личной. Редколлегия, не согласившись с т. Поликарповым, вторично вынесла решение печатать дневник В. Инбер. Тогда т. Поликарпов вызвал Веру Инбер к себе и посоветовал ей самой отказаться от печатания дневника. Вера Инбер не уступила. Тов. Поликарпов обжаловал это в Управление пропаганды и агитации. Там держали верстку нашего номера свыше 2-х недель, читали и перечитывали и, наконец, дали разрешение печатать дневник В. Инбер с купюрами.

Подобных примеров за время полугодовой работы новой редколлегии журнала «Знамя» набралось много десятков.

В результате производство каждого номера занимает 3—4 месяца. Позорный факт опоздания журнала превратился в хроническую болезнь. Сейчас конец февраля, а до сих пор не отпечатан декабрьский номер прошлого года.

Я убедительно прошу Вас, Андрей Александрович, вызвать меня, чтобы я мог более подробно рассказать Вам о положении в журнале и о той системе бесконечной перестраховки и перекрестного контроля, которая так тормозит работу нашего журнала. Ведь в августе 1944 г. создана действительно авторитетная и действительно работоспособная редколлегия. Она могла бы даже при всех производственных трудностях выпускать интересный, боевой литературный журнал, выходящий своевременно. В портфеле редакции есть ряд сильных и ярких литературных произведений, но когда они увидят свет при существующем положении вещей — абсолютно неизвестно.

Я убедительно прошу Вашей помощи, Андрей Александрович.

С товарищеским приветом

Зам. отв. редактора
журнала «Знамя»

Ан. Тарасенков (2)

Служебный телефон: КО 52.93

Домашний тел. ДЗ-10-20, добав[очный] 241.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 366. ЛЛ. 20—25. Машинописный текст.
Подпись — автограф А. К. Тарасенкова.

Примечания:

1. Только в июле 1945 г. Управление пропаганды и агитации внесло свои «предложения», направив в секретариат А. Жданова следующую записку: «...В письме на имя товарища Жданова заместитель редактора журнала «Знамя» тов. Тарасенков сообщил о том, что производство каждого номера журнала «Знамя», из-за плохой работы типографии и длительного нахождения в органах цензуры, занимает непомерно большое время — три-четыре месяца. Управление пропаганды провело по этому вопросу совещание работников редакции журнала, Гослитиздата и 18-ой типографии ОГИЗа, где печатается журнал. Разработан твердый график, по которому производство журнала — от сдачи в набор до отпечатания всего тиража — занимает тридцать дней. Номер журнала за текущий месяц будет выходить в свет 15 числа этого же месяца. Зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) П. Федосеев. 5/VII—45 г.» (Ф. 17. Оп. 125. Д. 366. Л. 26).

2. На первом листе документа резолюция: «**тов. Александрову.** Заявление т. Тарасенкова, видимо, заслуживает серьезного внимания. Что можно предложить, чтобы поправить существующую практику? Жданов. 28/II.»

№ 75

И. Г. Эренбург — И. В. Сталину

15 апреля 1945 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мне тяжело, что я должен занять Ваше время в эти большие дни вопросом, касающимся лично меня. Прочитав статью Г. Ф. Александрова, я подумал о своей работе в годы войны и не вижу своей вины. Не политический работник, не журналист, я отдался целиком газетной работе, выполняя свой долг писателя. В течение четырех лет ежедневно я писал статьи, хотел выполнить работу до конца, до победы, когда смог бы вернуться к труду романиста. Я выражал не какую то свою линию, а чувства нашего народа, и то же самое писали другие, политически более ответственные. Ни редакторы, ни Отдел печати мне не говорили, что я пишу неправильно, и накануне появления статьи, осуждающей меня, мне сообщили из изд[ательст]-ва «Правда», что они переиздают массовым тиражом статью «Хватит» (2).

Статья в «Правде» говорит, что непонятно, когда антифашист призывает к поголовному уничтожению немецкого народа. Я к этому не призывал. В те годы, когда захватчики топтали нашу землю, я писал, что нужно убивать немецких оккупантов. Но и тогда я подчеркивал, что мы не фашисты и далеки от расправы. А вернувшись из Восточной Пруссии, в нескольких статьях («Рыцари справедливости» и др.) я подчеркивал, что мы подходим к гражданскому населению с другим мерилom, нежели гитлеровцы. Совесть моя в этом чиста.

Накануне победы я увидел в «Правде» оценку моей работы, которая меня глубоко огорчила. Вы понимаете, Иосиф Виссарионович, что я испытываю. Статья, напечатанная в ЦО (3),

естественно, создает вокруг меня атмосферу осуждения и моральной изоляции. Я верю в Вашу справедливость и прошу Вас решить заслужено ли это мной.

Я прошу Вас также решить должен ли я довести до победы работу писателя-публициста или в интересах государства должен ее оборвать.

Простите меня, что Вас побеспокоил личным делом и верьте, что я искренно предан Вам (4).

И. Эренбург (5).

15 апреля 1945 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 347. ЛЛ. 16, 17. Незаверенная машинописная копия.

Примечания:

1. Речь идет о статье Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», опубликованной в «Правде» 14 апреля 1945 г.

2. Статья «Хватит» вышла 11 апреля 1945 г. в газете «Красная звезда».

3. Центральный орган печати ЦК партии.

4. История, связанная с публикацией статьи Г. Александрова описана Эренбургом в книге «Люди, годы, жизнь». (Эренбург. И. Г. Собрание сочинений в 9-и томах. Т. 9. М., 1967. С. 441—443).

5. На первом листе документа пометка: «Тов. Маленкову. П[оскребышев]».

№ 76

**Н. С. Тихонов, Д. А. Поликарпов — Г. М. Маленкову,
А. А. Жданову**
12 июля 1945 г.

Секретарям ЦК ВКП(б)

Товарищу Маленкову Г. М.
Товарищу Жданову А. А.

В редакционной коллегии журнала «Октябрь» сложилась крайне нездоровая обстановка, мешающая работе.

Между членами редколлегии нет взаимопонимания. Ответственный секретарь редакции тов. Юнович не проявляет желания содействовать оздоровлению обстановки в редакции. Более того, она своим нелояльным отношением к членам редколлегии усугубляет разлад. Юнович не считается с мнениями писателей — членов редакционной коллегии.

Мирится далее с таким положением дел в редакции нельзя. В целях наведения необходимого порядка в работе редакции журнала «Октябрь», просим ЦК ВКП(б) утвердить тов. Панферова Ф. И. редактором журнала и новую редакционную коллегию в составе т.т. Панферова Ф. И., Полевого Б. Н. (Зам. Отв. редактора, Ильенкова В. П., Лукина Ю. Б., Павленко П. А., Первенцева А. А., Щипачева С. П.

Председатель Правления
Союза Советских Писателей СССР

Н. Тихонов

Секретарь Правления
Союза Советских Писателей СССР

Д. Поликарпов (1)

12 июля 1945 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 366. Л. 190. Машинописный текст. Подписи — автограф Н. С. Тихонова и Д. А. Поликарпова.

Примечание:

1. На первом листе документа резолюция: «т. **Александрову**. На рассмотрение с внесением предложений в ЦК. **Жданов**».

№ 77

М. М. Юнович — А. А. Жданову

14 июля 1945 г. .

Дорогой Андрей Александрович!

Разрешаю себе беспокоить Вас по вопросу о положении в котором находится сейчас журнал «Октябрь».

Решение ЦК ВКП(б), обязывающее ответственных секретарей литературно-художественных журналов улучшить работу редакционных коллегий, не выполняется сейчас в журнале «Октябрь».

В его редакционную коллегию входят следующие товарищи: В. П. ИЛЬЕНКОВ, П. А. ПАВЛЕНКО, Ф. И. ПАНФЕРОВ, И. В. ШАМОРИКОВ, С. П. ЩИПАЧЕВ, М. М. ЮНОВИЧ. Из них: тов. Шамориков с начала войны до настоящего времени находится в рядах Красной Армии, тов. Павленко не принимает участия в работе с осени 1944 года и привлечь его не представлялось возможным, так как тов. ПАНФЕРОВ, который к тому времени вернулся в Москву и включился в работу редколлегии, условием своего участия поставил — исключение тов. Павленко из руководства журналом.

Я должна была, таким образом, наладить работу с оставшимися членами редакционной коллегии: тов. Ильенковым, Панферовым, Щипачевым. Этого удалось достигнуть лишь в области поэзии — с тов. Щипачевым, который хорошо помогает в организации, оценке, обсуждении поэтических произведений. Но с т.т. Ильенковым и Панферовым мне не удалось сработать, ввиду резкого расхождения в оценках многих произведений и решении ряда принципиальных вопросов. Приведу некоторые примеры.

Редакционная коллегия распалась после обсуждения романа А. Коптяевой «Воспитание чувств» и воспоминаний С. Сергеева-Ценского об И. Репине. Т.т. Панферов и Ильенков настаивали на печатании романа Коптяевой. Содержание его —

семейная драма, измена мужа жене и разрешение конфликта. Эта трудная тема в наиболее ответственных моментах разработана настолько беспомощно, что роман дает искаженное представление об умственном и моральном уровне нашей интеллигенции и местами производит впечатление пошлого произведения. Его печатание означало бы снижение литературно-художественного уровня журнала. Тов. Панферов настаивает на печатании воспоминаний С. Сергеева-Ценского о Репине. В этих воспоминаниях есть прямые контрреволюционные высказывания: о революции 1905 г., о писателях-белоэмигрантах — Шмелеве, Зайцеве, Ремизове, Чирикове и других, о которых сказано, что с отъездом их за границу «пустовато стало в литературе». Репин представлен взбалмошным стариком, художником, который писал свои картины, как птица поет песни — бездумно, без какого бы то ни было общественного замысла. Нужно ли доказывать, что подобное изображение Репина — клевета на великого художника, и в неприглядном свете выставляет самого Сергеева-Ценского.

Тов. Панферов с моими доводами не согласился и после обсуждения произведений Коптяевой и Сергеева-Ценского в редакцию журнала не приходит, задерживает решение неотложных вопросов, что приносит делу немалый вред.

Я привела лишь некоторые примеры, не желая затруднять Ваше внимание, не останавливаясь на многих других примерах беззаботного отношения тов. Панферова к рукописям молодых авторов, которые он рекомендует к печати, не спрашивая с них соответствующей обработки.

Получив осенью 1944 года указание сработаться с существующей редколлегией, я приложила к тому все старания. Я много работала над романом самого тов. Панферова «Война за мир», стараясь исправить идейно-политические ошибки, довести до сколько-нибудь приемлемого литературного уровня тягело и небрежно написанное произведение.

Т. т. Панферов и Ильенков заявляли, что они «хозяева» журнала, я же «служащая» и должна подчиняться их решениям. Но выполнение их решений означало бы появление в печати вредных произведений и резкое снижение литературно-художественного уровня журнала, — следовательно, нарушение существа в указаниях ЦК ВКП(б). Здесь нельзя было уступать, такой ценой нельзя было достигать согласия и показного мира.

Я обращалась за поддержкой в Союз советских писателей, но тов. Тихонов ни разу не говорил со мной о положении в журнале, а тов. Поликарпов отделивался ничего не значащими фразами, в последнее время также не счит нужным говорить со мной о работе редколлегии. А нельзя ответственному секретарю журнала быть постоянно в роли неуживчивого челове-

ка и просителя — чересчур часто обращаться в Президиум Союза советских писателей за разрешением журнальных конфликтов. О разногласиях в редакционной коллегии я сообщала в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) — т. т. Еголину и Федосееву.

Однако, журнал имеет свой авторский коллектив, и многие известные и молодые наши писатели подружились с журналом, охотно посещают его собрания и печатаются в нем: Леонид Соболев, Вал. Катаев, Арк. Первенцев, Ф. Гладков, Вас. Гроссман, В. Каверин, Бор. Горбатов, В. Василевская, Вад. Кожевников, В. Овечкин, С. Маршак, С. Михалков, Мих. Исаковский, Анат. Софронов, Арк. Кулешов, М. Рыльский, С. Чиковани; из военных очеркистов — Б. Полевой, В. Величко; из критиков — Л. Субоцкий, В. Перцов, М. Гельфанд, В. Александров, Д. Заславский, М. Розенталь, Е. Усиевич и друг. Обещал журналу свое новое произведение Мих. Шолохов. У журнала есть связи с учеными, с выдающимися деятелями советской техники; конструкторами А. С. Яковлевым и В. Г. Грабиным.

Журналу трудно жилось и живется: мы ютимся в двух комнатах, в то время, как редакцию журнала посещает множество литераторов. У нас нет типографии, что тяжело сказывается на выходе журнала в свет, но есть залог возможных успехов — дружная работа коллектива журнала с писательским коллективом.

Мною была допущена грубая ошибка — печатание повести М. Зощенко «Перед восходом солнца», в работе журнала немало недостатков. Только убеждение в неправильности оценок т. т. Панферова и Ильенкова — в том, что подчинение их решениям может привести к еще большим ошибкам и отбросить назад журнал, — позволяет мне обратиться к Вам, Андрей Александрович. Не найдете ли Вы возможным дать указание ознакомиться с материалами, послужившими причиной расхождений, и создать новую редколлегию «Октября» из того авторского коллектива, который соорганизовался в последние годы вокруг журнала и полюбил его?

Примите, дорогой Андрей Александрович, горячий привет и пожелания доброго здоровья.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ЖУРНАЛА

М. ЮНОВИЧ (1)

«14» июля 1945 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 366. ЛЛ. 191—194. Машинописный текст. Подпись — автограф М. М. Юнович.

Примечание:

1. На первом листе документа резолюция: «тов. Александрову. Жданов. 21/VII—45».

А. М. Еголин — Г. М. Маленкову

3 августа 1945 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.

По Вашему поручению представляю материал по художественной литературе, в связи с докладом издательства «Советский писатель» на Оргбюро ЦК ВКП(б).

Советские писатели, подавляющее большинство их, вместе со всем народом приняли участие в войне. Во время Отечественной войны появились значительные, отвечающие мыслям и чаяниям народа произведения. Советские люди за время войны духовно выросли, морально закалились, обогатился и жизненный опыт советских писателей. Ряд писателей работает сейчас над крупными произведениями. Шолохов пишет роман «Они сражались за родину», Фадеев заканчивает повесть «Молодая гвардия», В. Гроссман пишет роман «Сталинград», Л. Соболев публикует роман «Зеленый луч». В литературу входят сейчас новые, доселе неизвестные люди: Калинин (роман «На юге»), Овечкин (повесть «С фронтовым приветом»), поэты Захарченко, Гудзенко, Николаева и др.

Есть все основания ожидать нового подъема, расцвета советской литературы. На состоявшемся после окончания войны пленуме советские писатели заявляли, что они полны впечатлений и надеются воплотить свой опыт в художественном творчестве. Но было бы ошибочно думать, что только в результате непосредственного опыта, эмпирических наблюдений может быть создана большая народная литература. Без глубокого исторического понимания событий Отечественной войны в их связи, в их многосторонности, развитии могут быть написаны лишь поверхностные, неполноценные произведения. Только художник, вооруженный методом социалистического реализма, способен проникать в сущность жизненных явлений, видеть истоки и перспективу их движения и развития.

Между тем идеологическая отсталость, философская малограмотность некоторых писателей приводит их к созданию надуманных, вредных, ненаучных «теорий». Так, недавно (6.IV—45 г.) писатель-коммунист И. Сельвинский, выступая на всероссийском совещании по вопросам искусства, заявил, что существует противоречие между методом социалистического реализма и теми задачами, которые стоят сейчас перед искусством, что современному искусству тесно в рамках социалистического реализма, поэтому социалистический реализм надо заменить социалистическим символизмом. Обосновывая свою точку зрения, этот писатель объявил всех русских классиков символистами, причем Пушкин, по утверждению новоявленного

«теоретика», — «вершина символизма». Автор «теории» социалистического символизма установил далее «кризис современной советской драматургии». Причина кризиса состоит якобы в том, что драматурги скованы узкими рамками социалистического реализма, который ограничивает их творческие способности. Несомненно, что такая попытка пересмотреть самые основы нашей эстетики глубоко ошибочна и реакционна. Советские писатели должны в правдивых и тем самым реалистических образах показать нашему народу и всему миру истоки нашей победы.

К сожалению, некоторые наши писатели оказались не на высоте этих задач. Вместо того, чтобы представляя передовую часть советского общества, морально укреплять народ, звать его к победе, в труднейшие периоды войны они сами поддавались панике, малодушествовали. Одни, испугавшись трудностей, в 1941—1942 годах опустили руки и ничего не писали. Так К. Федин, Вс. Иванов, В. Луговской в эти годы не опубликовали ни одного художественного произведения, «отсиживались». Другие — создавали такие произведения, которые усугубляли и без того тяжелые переживания советских людей. Н. Асеев, М. Зощенко, И. Сельвинский, К. Чуковский создали безыдейные, вредные произведения. В стихотворениях Асеева клеветнически изображался наш советский тыл, жизнь труженников показывалась как «утробное существование», «азнатская дикость» и «бескультурие». В наиболее тяжелые периоды войны эти писатели забыли о своем писательском долге, забыли о своей ответственности перед народом.

Некоторые из советских писателей отошли от нашей идеологии, стали пересматривать советские взгляды на действительность, на общественные отношения. В годы, когда вся Украина была оккупирована немцами, Довженко в киносценарии «Украина в огне» и в повести «Победа» обвинял советскую власть за политику борьбы с классовыми врагами, которая якобы разъединила народ и привела его к забвению национального чувства и национальной идеи. Писатель Н. Шпанов в пьесе «Медальон» пытался идеализировать высшие круги офицерства царской армии, призывал советских командиров учить ся долгу и чести у старых офицеров.

В ненапечатанном варианте пьесы В. Вишневского «У стен Ленинграда» изображен бывший белогвардеец и князь, а теперь командир запаса. Он приходит к советскому офицеру-коммунисту, когда немцы находились уже у стен Ленинграда. Он называет себя «русским, ошибавшимся как и многие другие, в том числе и гораздо более крупные люди». Бывший белогвардеец выглядит у Вишневского честным, благородным патриотом. Он обучает большевиков ненависти к немцам, которая у него, видимо, более органична, чем у большевиков, так как все его предки боролись с немцами. «Покойный батюшка мой,

князь Сергей Васильевич, говорил, «Смотрите за Германней, смотрите». И в ответ на разглагольствования и поучения бывшего князя, 25 лет жившего под чужим именем, офицер-коммунист говорит: «Почему вы к нам не пришли еще в двадцатом году? Чудак вы».

В издательстве «Советский писатель» в 1945 г. вышла идейно порочная книга Е. Рысса «У городских ворот».

Издательству «Советский писатель» своевременно указывалось на необходимость существенной переработки повести Евгения Рысса «У городских ворот», но оно ограничилось лишь мелкими исправлениями. Книга Евг. Рысса отражает панические настроения автора в первый период войны, Герой книги пятнадцатилетний рабочий-подросток наделен психологией на смерть перепуганного интеллигента: «До сих пор я помню то чувство мучительной, бесконечной тоски, которое не отпускало меня ни на минуту» (стр. 28); «...тоска доводила меня почти до тошноты, до физического чувства слабости и головокружения» (стр. 30) и т. д. В минуты опасности герой Евг. Рысса ведет себя как жалкий трус: бросает товарища на пустынном поле во время обстрела; больше всего на свете боится того, что во время раздачи оружия ему тоже дадут винтовку; в момент немецкой атаки ему «все равно, что будет дальше» и т. д. Образ этого пятнадцатилетнего хлюпика, который в самые напряженные дни войны бездельничает и предается мрачным предчувствиям, не имеет ничего общего с действительной психологией нашего юношества. Евг. Рысс с наслаждением ковыряется в душах своих героев в моменты трусости, страха, паники и теряет к ним всякий интерес, как только они преодолевают эти чувства. В главах «Немецкая карусель» (стр. 129—141) автор тщательно выписывает малейшие оттенки животного страха, который охватывает бойцов рабочего батальона во время налета немецкой авиации. По описанию Евг. Рысса, люди в момент бомбежки превращаются в стадо баранов. Литейщики покидают траншеи, «не думая, не рассуждая, не в силах противиться желанию убежать» (стр. 136). «Мы не понимали, что немцы пошли в атаку. Но если бы мы даже поняли это, все равно мы были так бесконечно слабы, что могли только бессмысленно и тупо ждать» (стр. 139). «Я увидел лица, бледные и равнодушные, руки, бессильно опущенные, мутные, невидящие глаза. Я встал. Мне было все равно, что будет дальше... Равнодушно я подумал о том, что сейчас немцы перейдут реку, перепрыгнут через траншею, займут город... Дальше фантазия моя не шла, мысли мои шевелились вяло и мне было все равно...» (стр. 140). Автор чрезвычайно словоохотно и красочно расписывает, как человек под влиянием страха вдавливаясь в землю, теряет облик человеческий. Но он совершенно не раскрывает того, какие силы помогают тем же людям подняться с земли и отразить атаку врага. Если верить Евг. Рыссу, бойцами руководит в

этот момент только чистый автоматизм движений, да командирский окрик: «Живо, живо,— говорил Калмыков,— нечего разлеживаться» (стр. 139). «И опять прошел Калмыков, почему-то ругаясь. И люди становились к гнездам и клали винтовки на брустверы» (стр. 141). В первом периоде Отечественной войны Евг. Рысс видит лишь неупорядоченность, растерянность, анархичность.

В Ленинградском литературно-художественном журнале «Звезда» печатался ряд стихотворений местных поэтов: Владимира Лившица, Михаила Дудина, Всеволода Рождественского, Ольги Берггольц, проникнутых мотивами страдания, смерти, обреченности. Так, в № 3 журнала «Звезда» за 1944 г. было напечатано стихотворение В. Лившица «Противотанковый ров»:

«Во рву, где закончена стычка,
Где ходят по мертвым телам,
Из трупов стоит перемычка
И делит тот ров пополам.

И пули на воздухе резком,
Как пчелы, звеня без числа,
С глухим ударяются треском
В промерзшие за ночь тела...

Не встав при ночной перекличке,
Врагам после смерти грозя,
Лежат в ледяной перемычке
Мои боевые друзья!

В обнимку лежат они. Вместе
Стучит по телам пулемет...
Я тоже прошу этой чести,
Когда подойдет мой черед!

Чтоб ночью по рву пробираясь,
Ты смог изготовиться в бой,
Чтоб ты уцелел, укрываясь
За мертвой моею спиной» (стр. 38).

Другой поэт, М. Дудин, во вступлении к поэме «Костер на перекрестке» (журнал «Звезда», № 1, 1944 г.) размышляет о нашей советской молодежи, ее судьбах в дни Отечественной войны. Он рисует мрачную безысходную картину:

«На косогор взбирается тропа,
В сырой траве желтеют черепа,
Чертополохом заросли окопы,
В воронках рваных ржавая вода,—
Здесь юности печальной навсегда
Переплелись и оборвались тропы.

. . . . .

Я знаю все. Я ел солдатский хлеб.
Я видел столько горя. Я ослеп.
Я разучился в воскресенье верить.
Гнилую накипь желчи и тоски
До гробовой не струганной доски
Мне никакою меркой не измерить.
Друзья мои, товарищи мои!
Для вас уже окончились бои!
Вы рассчитались полностью. Вы квиты.
Лишь совесть говорит мне «Не туши
Горячий свет обугленной души,
Ты здесь один». Плакучие ракиты
Не шелестят листвой среди могил
О, как мне этот тихий воздух мил!
И я его покоя не нарушу» (стр. 15).

Теми же настроениями проникнуто и стихотворение молодого поэта А. Межирова «На рубежах», посвященное блокаде Ленинграда (журнал «Знамя», 1945 г. № 5—6). А. Межиров утверждал в этом стихотворении, что во время Отечественной войны

«Из Леты выплыли обрывки слов,
таких,
«как проституция,
туберкулез,
блокада».

Далее настойчиво несколько раз повторяется один и тот же мотив:

«В каком сражении я умру?
Какая примет меня земля?
Ночь блокадная!

Расскажи,
В каком сражении я умру
Какие российские рубежи
Костьми

Укрепит

Мой труп?» (стр. 28, 30).

Маргарита Алигер написала большую поэму «Твоя победа». Отрывки из нее были прочитаны по радио, в полном виде поэма намечалась к напечатанию в журнале «Знамя» № 5—6 за 1945 год. В поэме имелся целый ряд серьезных политических ошибок, и она к печати не разрешена. Например, М. Алигер о своих настроениях и переживаниях во время лета 1942 года писала следующее:

«...Мой хороший народ, мой смелый
Как же так, почему такое?
Я хочу ответа простого,
Причитающегося по праву,

Я хочу не сдавать Ростова,
На Дону не сдать переправу.
Тяжко мне от смутной погоды,
Что придумать? Еще не поздно.
Как же быть? Минеральные воды...
Разве это возможно? Грозный...»

Далее М. Алигер негодует против мнимого, выдуманного ею, безучастного отношения, равнодушия советского народа, в частности москвичей, к происходящим событиям:

«...Все, что было полями хлеба,
Стало нынче полями боя.
Почему это терпит небо?
Для кого оно голубое?
**Чем мы живы и чем мы будем
Отвечать грядущим столетьям?
Почему это терпят люди?
Как живут они рядом с этим?
Ведь они беспрестанно слышат
Вой снарядов, стоны, проклятья.
А они обедают, дышат,
Шутят, спорят, меняют платья.
Уживаются понемногу,
Переносят даже такое.
Хоть бы дали в Москве тревогу!
Нет тревоги и нет покоя».** (стр. 33).

Здесь М. Алигер перекликается со стихотворениями Н. Асеева, который, как известно, в книге «Годы грома», осужденной всей нашей общественностью, оклеветал советский народ.

Весьма характерна и другая сцена. Маргарита Алигер, прежде всего, сообщает:

«Я осенью псехала на Каму,
В татарский отдаленный городок.
Туда эвакуировали маму,
и я с ней не видалась долгий срок».

Затем она, как и Н. Асеев, путешествовавший тем же маршрутом, рассказывает о своих путевых впечатлениях:

«...Я помню, я проснулась в Камском устье.
Из Волги в Каму вышел пароход.

Веселая возня на пароходе,
На пристани галдеж и суета.
Продымленные, выдавшие виды,
От вражеской неправды и обиды
Ища защиты у родной земли,
На отчий берег сходят инвалиды,
Еще нетвердо ставя костыли.
А им навстречу, в здравии и в силе

Идут ребята в самом цвете лет.

И вдруг на берегу заголосили,

Протягивая руки им вослед».

Такое «наблюдение» М. Алигер сопровождает следующим рассуждением:

«О, связь времен, великая, прямая,

Ничем не истребимая в веках.

С угрюмых дней Чингиза и Мамаю,

На этих самых камских берегах,

Из рода в род крепки и смуглолицы,

И в песне и в работе хороши,

На той же ноте плачут голосницы,

Связав обряд с порывами души.

Из века в век пологий камский берег,

Не изменяя выраженья глаз,

Творит обряд и голосит и верит —

На этот раз уже в последний раз.

И это все, что людям остается, —

Прощаться, верить, лепетать слова...

И это все историей зовется,

И на поверку лишь она права». (стр. 25).

Вспоминая первые пятилетки М. Алигер заявляет:

«Что знали мы? Авралы да тревоги,

да сердца переполненного стук,

мобилизации дальние дороги

и горькое предчувствие разлук.

Да песенные наши расставанья,

транзиты, пересадки, поезда

на русские большие расстоянья,—

над белым полем чистая звезда.

.....

Так торопилось наше поколение

Навстречу неминуемой войне». (стр. 13—14).

В заключительной части поэмы М. Алигер пишет о том, что ждет советскую молодежь после победы над врагом. Она утверждает:

«**Впереди сплошная масса буден,**

Нужно много сил и долгий труд.

Нужно много веры и отваги

для свершенья этого труда.

Музыка умолкла, никнут флаги...

новая надвинулась страда...

...Впереди еще и зной и холод

Тысячи ранений и обид...» (стр. 38).

И заканчивается поэма «Твоя победа» так:

«Праздник продолжительным не будет,

Мы его отложим на года.

Мы в пути, в походе, в наступлении.
Полыхают дальние огни.
Собирайся, наше поколенье,
Надолго затягивай ремни» (стр. 38).

Недавно Н. Асеев передал в редакцию журнала «Знамя» для опубликования свою поэму «Пламя победы», написанную в 1942—1944 годах. Автор рассказывает в поэме о многом: о довоенной жизни советского общества, о первых месяцах войны, битве за Москву, Сталинградской эпопее, рассуждает об Америке, о послевоенном мире. Н. Асеев смотрит на все события глазами обывателя. Мирную, довоенную жизнь он оценивает по концертам, футбольным матчам, ателье мод и т. д. Асеев разгром немцев под Москвой воспринимает как чудо, совершенное с помощью суровой зимы. Он преклоняется перед Америкой, с пафосом описывает ее демократические порядки, мечтает о какой-то будущей вздорной библейской жизни, где «будет создан один производственный план для сотрудничества всех стран».

О причинах войны Асеев пишет:

«И нужна же была какая-то малость,
Какого-то сумасшедшего дикий прыжок,
Чтоб жизнь эта яблонной веткой сломалась,
Чтоб жар пожаров ей кожу жег!» (стр. 9).

6 и 7 главы поэмы («Разговор материков без взаимных резких слов») посвящены Америке и начинаются словами: «Хорошо в Соединенных Штатах...» Н. Асеев восторгается Линкольном, Рузвельтом и Черчиллем, Атлантической хартией:

«С той поры
эта песня грозна
врагам:
«Мы идем за тобою,
Отец Авраам!»
Светлеют лица
при этом имени,
ополчаясь
в вольнолюбивом
гимне.
Года прошли
обгоняя годы,
а в памяти жив
поборник свободы» (стр. 54—55).

«Много было написано од
в честь самых разнообразных
свобод:
свобода собраний,
свобода решений,

свобода дерзаний,
свобода свершений.
Но ваши слова:
о свободе от страха,—
мертвых заставят
подняться из праха». (стр. 59).

«Два вечных события
этой войны
равно благородно
отражены.
Одно —
Атлантической хартии
блеском
сияет алмазом
в миллионы карат,
другое —
в моем государстве
Советском
короткий суровый
Октябрьский парад». (стр. 60—61).

«Бешено рвался
противник лютый
все под стальную
махиной смять;
Рузвельт и Черчилль
вошли в каюту
миру решение передать». (стр. 61).

«...будто друг другу
руки пожали
гении,
подвиги соверша». (стр. 62).

Будущий мир Н. Асеев представляет так:

«У вас — Авраам,
у нас — Иосиф;
от сердца к сердцу
мост перебросив
над смертью,
над тленом,
над мраком,
и гибелью,
давайте построим
новую библию.

Чтоб мир сиял
в безоблачном блеске
двух патриархальных
имен библейских». (стр. 55—56).

«Будь же незыблемо
это решенье
вместе поднять
небывалый груз,
наша победа —
людей соглашенье,
переходящее
в вечный союз».
«Будет создан один
производственный план
для сотрудничества
всех стран...» (стр. 62).

В заключение считаю уместным сказать, что среди писателей немало ведется разговоров о притеснениях их со стороны цензоров и редакторов, дающих разрешение на выпуск художественных произведений в свет. Пьеса, прежде чем окажется напечатанной или поставленной на сцене, должна пройти такие инстанции: репертком, Комитет по делам искусств, республиканское управление, издательство «Искусство», Главлит, военную или морскую цензуру. Каждая из этих организаций вносит свои поправки или требует от автора изменения текста.

Иногда вместо принципиального суждения об идейной сущности художественного произведения работники органов цензуры или издательств вносят поправки, имеющие характер мелочной опеки над автором. Некоторые цензоры пытаются пьесу или роман править как резолюцию, не считаясь с тем, что это художественное произведение и что изменения могут нарушить его целостность, снижать силу эмоционального воздействия. Несомненно в какой-то части своих замечаний по адресу цензуры и редакторов писатели правы. У нас есть, к сожалению, редакторы, подходящие грубо и невежественно к вопросам литературного творчества. Но разве это может служить основанием к таким развязным выступлениям, какие позволил себе на пленуме Союза писателей т. Вишневский, член партии, редактор журнала «Знамя». Тов. Вишневский чрезвычайно бестактно выступил на пленуме, требуя по сути дела буржуазной свободы слова. Тов. Вишневский заявил:

«Я выступал в Москве этой зимой и весной несколько раз на различных собраниях Москвы и в своих речах касался насущной для всех нас свободы слова. Тысячи и тысячи людей поняли верно то, что я говорил, что отстаиваю, что думаю и чем живу. А я говорил о положении Сталинской Конституции».

И дальше В. Вишневский чрезвычайно путано стал объяснять, что он имеет ввиду, говоря о «свободе слова». Свобода слова «это высшее требование к самому себе. Выступай, борись сам с собой, если тебе трудно. Спорь сам с собой, но выкладывай все, что у тебя на душе и на сердце — это наше тре-

бование. И уважай и глубоко уважай слова товарища, мысли и чувства товарища своего писателя, творца, художника. Думай, чего ему стоило создать его произведение, его труд. Старайся понять его всегда по доброму, по хорошему. Пойми это и тебе будет хорошо».

Выступлению В. Вишневского на пленуме предшествовало заседание президиума Союза писателей, на котором В. Вишневский держал себя вызывающе и твердил: «мы воевали, мы боролись, дайте нам свободу слова». Хотя на Пленуме Союза писателей этому выступлению был дан дружный отпор, однако демагогия Вишневского оставила определенный след в литературной среде.

Таковы некоторые факты, характеризующие настроения советских писателей в последние годы.

А. ЕГОЛИН

3/VIII—45.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 366. ЛЛ. 210—221. Машинописный текст. Подпись — автограф А. М. Еголина.

№ 79

Н. Г. Ликовенков — Г. М. Попову

23 августа 1945 г.

Секретарю МК и МГК ВКП(б)

тов. Попову Г. М.

Справка

О выступлении т. Шагинян М. С. на партийном собрании
Союза Советских писателей

21-го августа 1945 г. проходило партийное собрание Союза Советских Писателей: об итогах V-го Пленума РК ВКП(б) «О результатах приема в ВКП(б) за первое полугодие 1945 года и воспитательной работе с коммунистами в Краснопресненской Районной партийной организации».

На этом собрании в прениях выступила член ВКП(б) с 1942 года ШАГИНЯН М. С., которая, не останавливаясь на работе партийной организации, высказала следующее:

«Внимание! Я расскажу жуткие вещи, что у нас творится?! Я была на Урале, там 15 000 рабочих Кировского завода взбунтовались, бунт самый настоящий, потому что плохие условия. Об этом узнали Райкомы и Обком ВКП(б) только тогда, когда наехали во время бунта. Директор на заводе не был два месяца. После этого бунта он отпустил 2 млн. рублей на благоустройство. Инвалидов Великой Отечественной войны кормят болтушкой. Они голодают.

На заводах работает много детворы, детвору эксплуатируют, истощают, обрекают» (мысли не кончает); обращается к собранию: «Вы видите, что делается?» Продолжая дальше, говорит: «Я была на Алтае, а там, что делается, ужас. Обкомы, Райкомы обжираются, жрут пайки рабочих, а рабочие голодают, ходят как тени, усталые, истощенные. Где же ленинское учение, где Сталинская конституция?»

Продолжая далее, она говорит:

«Я была по Куйбышевской дороге. Покажу возмутительные дела, что делают генералы. Называет станцию, говорит: «Входит в мягкий вагон генерал в сопровождении другого военного. Вы ведь знаете, что мы — писатели ездим в мягких вагонах; проверяя документы, видят молодую женщину и предлагают ей освободить место для генерала. Разве это терпимо? Рядом сидел раненый подполковник, освобождает место генералу.

Где это видно, что это делается? Генералы наши разъезжают, разгуливают, а им почет и уважение.

Вот какие у нас порядки, вот что у нас делается.

При этом при всем у нас много пишут похвалы. Вот куда надо смотреть, вот о чем надо писать нам — писателям».

Возмутительное и непартийное выступление ШАГИНЯН вместо осуждения находит поддержку у некоторой (небольшой) части коммунистов, которая ей аплодирует.

После ШАГИНЯН выступил Лев НИКУЛИН, который выступление Шагинян обошел молчанием.

Выступившая т. Зорич отнеслась сочувственно к выступлению Шагинян.

Выступление т. Поликарпова, показавшего недостатки в работе парторганизации и отдельных коммунистов, особенно в работе над собой, по изучению теории и истории большевистской партии, и давшего оценку выступлению Шагинян, как неправильному и непартийному, не нашло единодушной поддержки всей парторганизации. Некоторая часть коммунистов осталась при своем мнении, разделяя точку зрения Шагинян.

О чем говорит выступление после т. Поликарпова коммуниста Родова, который говорит:

«Выступление Шагинян является призывом к нам — писателям, как писать и о чем писать, а т. Поликарпов ее неправильно понял».

Всего на собрании выступило 8 человек. Большинство выступающих говорило не конкретно, а вообще. Не касаясь жизни партийной организации.

О чем довожу, Георгий Михайлович, до Вашего сведения.

ПРИМЕЧАНИЕ: Выступление приведены не полностью.

Выступления не стенографировались.

Подробно о партийной организации, если разрешите, расскажу лично.

СЕКРЕТАРЬ КРАСНОПРЕСНЕНСКОГО
РАЙКОМА ВКП(б)

Ликовенков (1)

23.VIII.1945 года.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. ЛЛ. 28—30. Машинописный текст.
Подпись — автограф Н. Г. Ликовенкова.

Примечание:

1. На первом листе документа резолюция: «Только лично т. Александрову. Направляю для ознакомления согласно договоренности. 23/VIII. Г. Попов».

№ 80

Г. Ф. Александров, А. М. Еголин — Г. М. Маленкову
[позднее 23 августа 1945 г.]

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.

**О выступлении тов. Шагинян М. С. на собрании партийной
организации Союза советских писателей СССР.**

21 августа с. г. на собрании партийной организации Союза советских писателей СССР обсуждался вопрос об итогах V-го пленума Краснопресненского райкома ВКП(б). Доклад о решениях пленума по вопросу «О результатах приема в ВКП(б) за первое полугодие 1945 года и воспитательной работе с коммунистами в Краснопресненской партийной организации» сделал т. Резник.

В прениях выступила член ВКП(б) с 1942 г. писательница Шагинян М. С.

В начале своего выступления она предупредила собрание, что желает откровенно поделиться своими наблюдениями и будет говорить о фактах, которые не решилась бы сказать нигде, кроме партийной организации. Затем указала, что печать и писатели показывают действительность часто в розовых красках, в то время как долг писателей — показывать правду. Тов. Шагинян сообщила, что, находясь в командировке на южном Урале, она узнала о «жутких фактах». На Кировском заводе недавно забастовало 15 000 рабочих, протестуя против плохих бытовых условий жизни. В забастовке принимали участие и коммунисты. Руководство завода оторвалось от рабочих, директор два месяца не был на предприятии. Рабочие плохо питаются, живут в не оборудованных бараках. Лишь после «бунта» (как сказала Шагинян) было отпущено 2 миллиона рублей на благоустройство жилищ.

Применение во время войны в промышленности детского труда т. Шагинян назвала «эксплуатацией малолетних» и указала, что это изматывает силы молодежи, среди которых много

больных и инвалидов. Она сообщила, что была свидетельницей «возмутительных случаев» на Куйбышевской ж. д. Железнодорожная администрация пыталась высадить из мягкого вагона женщину-врача только потому, что нужно было обеспечить место генералу. Тов. Шагинян, ссылаясь на беседы с проводниками вагонов, утверждала, что подобного рода «проверки» пассажиров на этой дороге проводятся каждую ночь, так как в поезд на ст. Куйбышев садится много генералов, возвращающихся от своих семей, проживающих в городе.

В Алтайском крае,— говорила т. Шагинян,— райкомовцы в ряде районов съели весь отпущенный по нарядам хлеб, а инвалиды Отечественной войны и население голодает. За подобные извращения было снято с работы 40 секретарей райкомов ВКП(б).

О всех этих фактах она говорила в возбужденном, повышенном тоне. В заключение своего выступления т. Шагинян сделала вывод, что «мы мало думаем о народе», «писатели не видят правды».

Выступление т. Шагинян было правильно сценено как вредное и антипартийное в речах т. Поликарпова и секретаря РК ВКП(б) т. Ликовенкова.

Выступившие же на собрании т. т. Л. Никулин и Зорич на речь т. Шагинян никак не реагировали, а т. Родов даже стал ее защищать, утверждая, что ничего неправильного в ее выводах нет. Часть коммунистов, присутствующих на собрании, по окончании выступления т. Шагинян, аплодировала ей.

В принятом собранием постановлении о V пленуме райкома ВКП(б) никакой оценки выступлению т. Шагинян не было дано.

Все эти факты говорят о наличии крупных недостатков в идейно-политической работе в партийной организации Союза советских писателей.

О вышеизложенном сообщается на Ваше рассмотрение.

Г. Александров
А. Еголин

Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. ЛЛ. 31—32. Машинописная копия.

№ 81

О. С. Резник — Г. М. Маленкову

1 декабря 1945 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Г. М. Маленкову.

Дорогой товарищ Маленков!

Обращаюсь к Вам,— одному из руководителей нашей партии, по вопросу, как мне кажется, назревшему и наболевше-

му, — о состоянии литературной критики. Хотя я имею в виду, главным образом, литературу, но думается, что многие соображения в известной мере относятся и к положению критики в других областях искусства (театра, кино, живописи).

О неблагоприятии с критикой твердят уже много лет, и в упреках ей установилась некая формула, дескать, литература в целом (или в данный момент какой-либо отдельный жанр) отстает от жизни, а критика отстает от литературы. Даже не оспаривая оценки, можно заметить принципиальную порочность логического ее построения. Это необходимо, ибо такое суждение укоренилось как некая аксиома, стало ходячим предрассудком. А между тем, в основе этой «формулы» лежит неверный взгляд на существо и роль критики. Настоящая критика — не подсобная отрасль литературы, а самостоятельный и сложный ее жанр. Поэтому она должна быть не производно, а непосредственно соотнесена с жизнью, как и само искусство.

Набившие оскомину разговоры о том, что появлению Белинского мешает отсутствие Пушкина или Льва Толстого — не больше, чем полемический трюк, возникший в извечном споре писателя с критиком. Писатель, обижаясь на ту или иную статью (явление весьма распространенное), никогда не признается, что он вообще против критики, но неизменно сетует на отсутствие Белинского. Критики, в порядке ответного удара, огрызаются: «Дескать, сами вы не пушкины». Эта словесная перепалка, в сущности, невесома. Известно, что корифеи русской критики умели писать живо, интересно и талантливо даже о третьестепенных явлениях литературы. Они умели ставить в обычной, проходной рецензии большие, общественнозначимые вопросы и выдвигать некие требования и законы развития искусства. А наша критика, даже в трудах о крупнейших советских писателях (В. Маяковском, Ал. Толстом, Мих. Шолохове), остается описательной, цитатной, бескрылой. Тут уж виновно не художественное творчество, как бы серьезно порой ни были его несовершенства, а сама критика. Беда не в том, что она не поспевает за литературой, а в том, что критики обходят в своих суждениях наиболее сложные противоречия действительности, отраженные в том или ином произведении, т. е. они отказываются от боевого публицистического вмешательства в процессы изображения жизни словом.

Вялость и нейтральность критики, несомненно, препятствуют развитию искусства, хотя иные художники, в запальчивости твердят, что их творчество связывает критическая опека. Однако, крупные художники великолепно понимают, что это не так. Алексей Толстой в день его шестидесятилетия, выступая в Союзе советских писателей, говорил, что он стосковался по серьезной, умной критике, что она необходима писателю. Конечно, Алексей Толстой имел в виду не похвалы или разносы, а то, что делает критику искусством.

Такой критики у нас действительно нет. Разобраться в причинах этого положения и выправить его немислимо без авторитетного напоминания о задачах и целях критики, с одной стороны, без решительного перелома в требованиях и отношении к ней, с другой, наконец — без организационного вмешательства в постановку дела.

Цель нашей критики — борьба за качество советского искусства. Идейность, правдивость, устремленность вперед, значительность темы, познавательная ценность, художественная выразительность, нравственный пафос — все эти свойства литературы в центре внимания критика. Но как бы ни верна была подобная схема, формальное следование ей само по себе не дает еще благоприятного результата. Зачастую рецензенты пишут отзыв, как рецепт, с отметками по вышеприведенным пунктам: тема — отлично, идейность — хорошо, язык — удовлетворительно и т. п. В этом случае они поступают, как дегустаторы или браковщики. А ведь призвание критики — ставить задачи искусству, создавать общественное мнение о художественных произведениях, воспитывать вкус, утверждать в сознании читателей передовые политические идеи и эстетические принципы. Критик должен уметь рассматривать искусство, как художественное отражение народной жизни, его истории, общественных отношений, моральных принципов, психологии людей. Ко всему этому у критика должно быть свое собственное отношение. И тут не следует бояться субъективности, которая так пугает наших журнальных и газетных редакторов. Субъективность в подходе к явлениям искусства, индивидуальный стиль критика, характер и уровень его вкусов вовсе не отмечают **объективности в оценке явлений искусства**. Критик опирается на те же основы мировоззрения, какие руководят художником, когда он рисует жизнь такой, как она видится ему, окрашивая все в произведении своим отношением к теме, герою, действительности. И критик в своих статьях должен изображать жизнь такой, как он ее видит и хочет увидеть в искусстве.

Но в критике исчез индивидуальный почерк. Его избегают авторы статей не без поощрения редакций.

Все эти предварительные рассуждения — не нарочитое предисловие, а, мне кажется, — необходимая предпосылка для того, чтобы перейти к анализу состояния нашей критики в настоящее время. Надо сказать, что решение ЦК ВКП(б) о состоянии критики и библиографии, принятое в 1940 году (1), где отмечены существенные недостатки постановки этого дела, до сих пор целиком сохраняет свое значение. Но само это обстоятельство говорит о том, что за пять лет наши газеты и журналы не сделали, или не сумели практически осуществить, выводов, диктуемых решением ЦК. За последний год после разделения газеты «Литература и искусство» на два самостоятель-

ных органа — плацдарм для критической деятельности расширился. Но кардинального перелома это не дало. Тот факт, что все записанное в решение ЦК в 1940 году и по сей день отвечает положению вещей и в 1945 году, говорит, что в критике возникла многолетняя пауза и, как всякая остановка, особенно в условиях нашей действительности, это — движение назад.

Наиболее существенные недостатки в нашей критике следующие:

1. Унификация мнений. Как правило, о большинстве произведений появляется одна рецензия или статья. Но даже в том случае, если их несколько, они представляют собой вариацию одного и того же суждения. Нет споров о произведении, нет дискуссий, нет попытки выйти за рамки изложения содержания с небольшим комментарием, использовать произведение для обобщения процессов, происходящих в искусстве, для постановки новых вопросов.

Говоря о дискуссии, мы имеем в виду отнюдь не политический спор. Ведь и при общем мировоззрении, несомненно, может и должна возникнуть публицистическая и эстетическая полемика.

2. Критика, как правило, перестала выполнять самую основную свою задачу — создание общественного мнения о явлениях искусства. Рецензенты, главным образом, не столько создают это мнение, сколько пытаются угадать оценку произведения со стороны крупных писателей, руководящих государственных деятелей с тем, чтобы, собрав эти мнения, преподнести их в некоем сводном виде.

Речь идет вовсе не о том, что критик обязательно должен противопоставить свое суждение о произведении или творчестве писателя суждениям общественности. Оно может их выражать и совпадать с ними. Дело вовсе и не в каком-то оскорбленном первородстве, а в том, что такой метод работы неверен. В нем ощущается инерция перестраховки, боязни попасть не в лад и не в тон. Это лишает статьи оригинальности. Это заставляет критика отказываться от целого ряда догадок. Это порождает, наконец, недоверие к своим собственным силам, не способствует выработке вкуса, завоеванию того внутреннего авторитета, который дается честным, смелым и глубоким проикновением в суть искусства.

3. В том, что критика измельчала, что все меньше и меньше появляется серьезных проблемных статей, несомненно, сказывается установившееся в последние годы неравенство отношений общественности к художникам и критикам. В отношении писателей существует большая поощрительная благожелательность, переходящая порой в некую неприкосновенность персон. Характерно, что когда газета или журнал вступаются за писателя, по их мнению несправедливо оцененного критиком, то о писателе всегда говорится уважительно — писатель

такой-то, а фамилия критика, если она упоминается, сопровождается словечком «некто». При этом дается понять, что этот «некто» как бы не смеет критиковать такого-то. На деле это приводит к нежелательным явлениям. Так, например, до сих пор в печати не отмечены существенные недостатки исторической концепции последних романов Сергеева-Ценского. Не получили должной оценки заблуждения и неверные мотивы в лирике Симонова. Не была с достаточной глубиной и принципиальностью раскрытикована книга Федина о Горьком.

Меньше всего я имею в виду, приводя эти факты, сетовать на то, что кого-то недоругали. Мне кажется, что настоящему критику чуждо желание развенчать художника, поколебать заслуженный его авторитет. Но именно потому, что критика — не раздача оплеух или премий, а рассмотрение процессов искусства, его движения с точки зрения развития общественной жизни, всякое замазывание ошибок или заблуждений мешает поставить важные и симптоматичные для искусства вопросы, снижает воспитательную, идейно-публицистическую критики.

4. Весьма существенной помехой развитию критики является ее догматизм. Критик пытается каждое свое суждение огрadyть частоколом цитат в несколько рядов. Это, кстати говоря, весьма поощряется редакциями журналов и, наоборот, все, что в тексте статьи непривычно ложится на слух, выходит за рамки вариации уже не раз сказанного и утвержденного в общественном мнении, вызывает не только настороженность, но и прямую боязнь.

В редакциях нередко такие рассуждения: «Лучше бы этого не надо». Возможность домысла, выдумки, фантазии всячески вытравляется из статей. Они приглаживаются, очищаются от всякой полемической остроты. В результате получаются статьи и рецензии рекламно-назидательные. По существу это — переложение содержания с оценкой: «хорошо», «плохо». При чем, «хорошо» выражается обилием восхвалительных эпитетов, а «плохо» — нагнетанием отрицательных.

Догматизм сказывается и в более серьезном — в искусственном замалчивании противоречий, находящихся свое выражение в литературе. Как правило, редакции стремятся к тому, чтобы критик брал частный случай, не обобщая, не сопоставляя различные явления искусства. И уже стало тривиальным повторять, что многие большие по размеру статьи и даже монографии превратились в список писательских благодеяний, где все народны, демократичны, талантливо. Словом, где «все кошки серы». Такая апологетика мешает понять своеобразие исторического процесса, породившего художника, мешает понять его эволюцию, а зачастую и увидеть в ней силу воздействия передовых революционных идей. Так, например, критики, писавшие об Ал. Толстом, избегают упоминания о сложном его творческом пути, об эмигрантском его периоде. А ведь Алексей Тол-

стой встретил революцию уже зрелым художником, имевшим множество книг, выработавших свое мировоззрение и отношение к искусству. Разве не особенно интересно и важно то, как изживал свои художнические заблуждения Алексей Толстой, как люди, подобные ему, пришли к подлинному советскому патриотизму? Как известно, Ал. Толстой порвал с эмиграцией одним из первых, прошел очень сложный путь в осмысливании исторических судеб русского народа, что сказалось, например, в его работе над темой Петра, начиная от повестушки «На дыбе» и кончая историческим романом «Петр Первый».

Это лишь один частный пример. Можно было бы говорить и об эволюции Маяковского. Настоящий анализ творчества больших писателей и художников, взятого во всех его противоречиях, показал бы глубину и силу победы, одержанной советским строем и его идеологией. И это не только не было бы выражением какого-то неуважения к художнику, принижением его заслуг, а, наоборот, показывало бы силу, самобытность, яркость дарования, чуткость к зову народной жизни, умение проинкать в сердцевицу общественного процесса, угадывать и воспринимать в нем самое важное и передовое. Ведь никому же не придет в голову упрекать великого ученого, сделавшего мировое открытие, за то, что он некогда начинал с азбуки или ошибался в первых опытах.

5. Стремление представить все готовеньким, стопроцентно законченным, положительным до последней пуговицы — следствие догматической сухости и отхода от подлинных задач критики.

Критика наша не сумела разобраться в одном из коренных вопросов — о внутренней мере художественной правды в изображении нашей текущей действительности.

Между тем, многие писатели, стремясь выразить силу советского строя, отстраняют острые коллизии и конфликты, порожденные жизнью.

В прозе, поэзии и драматургии нередко царит умиленное благополучие. Сюжет становится вялым, герои ходульными. А писатель в свое оправдание выдвигает теорию бесконфликтной драматургии — как знак нашего времени, морально политического единства народ.

В пьесе К. Симонова «Так и будет» все герои в равной мере чутки и благородны, сознательны и внутренне непогрешимы — от инженера-полковника до управдома. Та же внутренне уравнилельная тенденция в повести «Третья палата» и многих других произведениях.

Создается впечатление, что борьба вовсе снята. А ведь на самом-то деле она происходит хотя и в других формах, чем несколько лет назад.

Есть борьба передового с отсталым, благородного с мелким себялюбием, самоотверженного с пассивным и т. д.

Есть конфликты серьезные, острые, но особенность нашего общественного строя делает их разрешимыми, обеспечивает конечную победу передового и благородного.

Об этих реальных преимуществах советской системы перед буржуазным обществом, наша литература должна заявить громче и выразительней.

А критике нашей надлежит помочь писателю и читателю разобраться в этом и показать, что настоящая сила советского искусства не в том, чтобы избегать показа трудностей, а в том, чтобы правдиво показать их преодоление народом, благодаря нашему строю, мировоззрению, воспитанию, нравственным основам.

Но критики, пока, и здесь в стороне. Отчего все это происходит? Нам думается, что здесь есть ряд причин, связанных и с характером развития литературы, а кое-что идет от инерции.

Известно, что в рапповские времена критика приобрела самодовлеющую роль и не в меру орудовала дубинкой, держа писателей в постоянном напряжении и даже страхе. Это породило настороженность ко всякому критическому суждению. Но рапповские времена давно прошли, ошибки РАППа были исправлены партией и в рамках единого Союза писателей дело обстоит уже совсем не так. Но кое-что продолжается по инерции и критику склонны рассматривать, как дополнительный вид цензуры внутри писательской организации. Такой взгляд пора рассеять и отместить.

Однако, это не главное препятствие, а как бы психологический оттенок. Более важным является некое смещение сопутствующих жанров — литературоведения, критики и журналистики. Развитие критики немыслимо без роста литературной науки. Критик, помимо всего прочего, должен обладать широким и всесторонним литературно-политическим образованием. Серьезная критическая работа должна представлять научную ценность. Все это так. И все-таки, литературное исследование, учебное пособие требуют совершенно иного подхода и метода в рассмотрении литературного процесса, нежели работа критика.

Некоторые товарищи недоумевают по поводу того, что Союз писателей насчитывает около двухсот членов, числящихся под рубрикой критиков, а порой бывает трудно наскрести десять журнальных статей в месяц. Слов нет, критики работают еще плохо и малоинтенсивно. Но, с другой стороны, большинство людей, зачисленных в критические кадры, людей полезных и нужных в вузах и научных институтах, не могут оказать существенного влияния на развитие критики.

Критика требует особого склада ума и таланта, а не одной лишь научной эрудиции. Критик — особое призвание, связанное с живым, взволнованным интересом ко всем явлениям современной жизни, ко всем тенденциям ее развития. Критик — не компилятор, хотя бы самый добросовестный, не системати-

затор научных материалов, исследований и суждений, а в какой-то мере изобретатель, новатор, открыватель новых свойств, черт, особенностей произведения. Человек, умеющий видеть и оценивать существо отражения действительности в искусстве и ставящий перед ним все новые и новые задачи, конкретно, зримо, убедительно. Свои воззрения критик должен утверждать средствами искусства, включающими научную логику, но и выходящими за ее пределы. Вот почему нельзя смешивать критику с литературоведением, а в равной мере и с журналистикой.

У нас статьи о литературе стали как бы одним из газетных жанров. Оценка литературы в газете — явление абсолютно закономерное и весьма полезное. Но она не может заменить собою критику, ибо имеет специфические функции, главным образом информационно-пропагандистские. Чем выше авторитет той или иной газеты, тем большим доверием встречает читатель напечатанный в ней отзыв о произведении. Но сама специфика газетной работы и объем газетного листа дают возможность высказать только общий вывод, исключая, как правило, детальный анализ. Вот почему порой, если речь идет не о простой информации, а о рекомендации, возможно, что суждения наиболее авторитетных газет должны подводить итог критическим оценкам, а не предварять их.

Я сошлюсь на два примера для того, чтобы со всей ясностью и остротой поставить этот вопрос. За последний год в «Правде» отмечены два новых произведения, появившихся в журналах, — повесть Овечкина «С фронтовым приветом» и повесть Б. Леонидова «Третья палата». В обоих случаях рецензенты т. т. Златова и Лукин положительно расценивают произведения, рекомендуя их широкому читательскому вниманию. Однако в обеих рецензиях нет никакой аргументации в защиту положительных свойств, кроме ссылки на значительность тем. У читающего эти рецензии, (впрочем, как и многие другие в газетах), создается впечатление об абсолютном творческом однообразии написанных вещей, как будто пишутся они все одним и тем же автором. В газетных рецензиях выпадает специфика художественных оценок, нет в них суждения о произведениях, как явлениях искусства.

Все настолько общее, что читая после рецензии само произведение, порой не находилось и сотой доли приписанных ему достоинств. Так, мне думается, выходит с повестью Б. Леонидова, где взята очень важная жизненная тема, но во многом засахарена до приторного, неправдоподобная. Но ведь появление отзыва в такой авторитетной газете, как «Правда», приобретает характер общественного признания, и обычно пресекает возникновение всякой серьезной литературной полемики.

Мне доводилось не раз, присутствуя на читательских обсуждениях и конференциях, слышать гораздо более широкий и

многосторонний анализ произведений, нежели тот, который дает газетная критика. И надо прямо сказать, что этот анализ меняет по существу своему, и порой весьма справедливо, самую оценку произведения.

Газетные рецензии, весомостью их авторитета определяя вкус читателя, вместе с тем абсолютно не воспитывают его и поэтому не могут заменить критики. Одновременно жанр газетного отклика создает впечатление о том, что писать об искусстве простое, легкое дело, не требующее никакого особенного призвания или дарования. Может быть, этим отчасти объясняется полное отсутствие притока в критику новых кадров. Характерно, что в то время, как за последние годы в различных высших учебных заведениях защищено свыше сотни диссертаций по советской литературе, за которые присуждены ученые степени, не видно, однако, новых имен в нашей критике. Молодые люди, очевидно, не видят здесь широкого и заманчивого творческого поприща. Только так можно это объяснить. Было бы заблуждением предполагать, что наша страна, талантливый народ, выдвигающий во всех областях науки, культуры и искусства новые дарования, не таил в себе людей способных к самобытному, яркому выражению в этой сфере искусства. Что же тогда мешает?

Тут следует перейти и к тому, что критика за последние годы как бы лишена государственного поощрения. Критик для успешной деятельности должен обладать тем внутренним чувством доверия и сознания важности своей общественной миссии, каким обладает писатель, как государственный деятель, в нашей стране. Этого нет. Больше того, мы все ощущаем какой-то холодок в отношении к нашей профессии. Он не поощряет профессионализацию, и даже порождает среди некоторых критиков настроение и желание переключиться на другую работу, чаще всего на литературоведческое поприще, где и спокойнее, и проще, и результаты работы весомее. Всем известно, что новую книгу о Лермонтове, Чехове или Горьком встречают известным вниманием.

Отсутствие государственного поощрения и заботы о развитии критического жанра сказывается во многих проявлениях. Как известно, за все существование советской литературы ни один критик не награжден орденом за литературно-критическую деятельность. В художественных советах при Комитете по делам кинематографии, Комитете по делам искусств, в Комитете по Сталинским премиям, где представлены деятели различных отраслей, жанров, вкусов и направлений в искусстве, критики отсутствуют. Не жалуют их и в редколлегиях наших литературных журналов. Считается наиболее целесообразным и правильным, чтобы журналами или литературными отделами важнейших газет руководили писатели. А между тем именно творческое содружество писателей и критиков издавно было

источником наиболее плодотворных основ и направлений классической, а затем и советской русской литературы.

Я говорю обо всем этом не в порядке жалобы или упрека, а лишь для того, чтобы правдиво и объективно представить существующее положение, о котором нередко взволнованно ведут разговоры между собой критики. Нельзя умолчать и о том, что снижение авторитета нашей критики сказывается и на отношении к ней писателей. Зачастую это носит оттенок пренебрежения, когда писатель прямо заявляет, что он не намерен считаться с критикой, а в «дружеском» разговоре с тем или иным критиком объясняет свое нежелание так: я, писатель, могу писать то, о чем думаю, как чувствую, а вы этого сделать не можете, поэтому я ориентируюсь не на критику, а на начальство. Как бы ни претил нам подобный цинизм, нельзя за ним не увидеть какой-то доли истины, связанной с положением критики и с приглушенным ее звучанием. Вот почему думается, что простое расширение площади в журналах или газетах для публикации критических статей и рецензий само по себе не может внести коренного перелома в дело развития критики. Для того, чтобы он произошел, необходим целый ряд серьезных руководящих мероприятий.

Прежде всего, необходим обстоятельный откровенный разговор в Центральном Комитете партии по всем коренным проблемам развития нашего искусства. Острую потребность в нем испытывают не только критики, но и писатели. Важно было бы участие в таком разговоре руководителей газет и журналов. Результатом подобного совещания, могли бы явиться принципиальные, практические решения.

Я далек от мысли, что мне удалось затронуть все существенные и наиболее важные вопросы. Я чувствую, что не сумел подытожить все размышления над затронутыми здесь проблемами. Их можно развить шире, возможно — убедительнее. Но хочется думать, что и эти беглые замечания в какой-то части пригодятся для рассмотрения вопроса и пойдут на пользу делу (2).

О. Резник (3)

1/XII—45 г.

Резник Осип Сергеевич
Москва, ул. Герцена, д. 54, кв. 31
тел. К4-81-23

Ф. 17. Оп. 125. Д. 459. ЛЛ. 77—91. Машинописный текст.
Подпись и адрес — автограф О. С. Резника.

Примечания:

1. Речь идет о постановлении ЦК от 26 ноября 1940 г. «О литературной критике и библиографии».

2. На корреспонденцию Резника обратили внимание. Автора вызвали в ЦК для беседы. «Некоторые правильные соображения письма,— писал А. Еголин в Техсекретариат Оргбюро ЦК,— учтены и включены в подготов-

ляемую отделом художественной литературы записку о состоянии литературно-художественных журналов».

3. На первом листе документа резолюция: «т. Александрову. Маленков».

№ 82

Д. А. Поликарпов — редколлегии журнала «Знамя»

24 декабря 1945 г.

В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ЗНАМЯ»

Я ознакомился с рукописью В. Пановой «Спутники» («Санитарный поезд»), принятой Вами для опубликования, кажется в первом номере журнала в 1946 г.

Считаю это произведение ошибочным, извращающим действительную картину быта и семейной жизни советских людей.

В романе В. Пановой преобладают мелкие люди, запутавшиеся в семейно-бытовых неурядицах. По существу говоря, все это — несчастные люди, у которых война выбила почву из-под ног. Намеченная автором галерея персонажей представляет собой убогих в духовном отношении людей.

Публикация произведений в таком виде была бы грубой ошибкой. Я категорически возражаю против опубликования романа В. Пановой и настанваю на проведении специального заседания редколлегии с участием автора и моим заявлением об этом произведении.

Д. Поликарпов (1)

24.XII—45 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 459. Л. 2. Заверенная машинописная копия.

Примсчание:

1. На документе надпись [Г. М. Маленкова]: «Мало соблаговолил разрешить печатать хорошее произв[едение]. От руков[одителя] требуется больше! Менее любовное отношение к тому, что не в стихах написано».

Часть VII

№ 83

А. К. Тарасенков — Г. М. Маленкову

19 марта 1946 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ

Москва, 19 марта 1946 г.

Многоуважаемый товарищ Маленков!

Мне в качестве заместителя редактора журнала «Знамя» пришлось проработать свыше полутора лет в очень близком общении с ответственным секретарем Правления Союза Советских Писателей тов. Поликарповым. За эти полтора года у меня непрерывно крепло убеждение в том, что тов. Поликарпов неверно, не по большевистски руководит Союзом писателей. За последнее время это чувство настолько обострилось, что я считаю своим партийным долгом написать Вам это письмо.

Во всей жизни Союза Писателей тов. Поликарпов ведет себя так, как будто он — полновластный диктатор. Председатель Союза — всем известный писатель Н. С. Тихонов — держится в стороне, он явно боится Поликарпова, считая его, очевидно, каким-то особенно доверенным комиссаром. Возражать Поликарпову Тихонов, беспартийный человек, боится. А Поликарпов, забыв все установки партии о том, что к писателям надо подходить чутко, бережно, — все более усваивает тон командования, окрика, приказа. Служащие из аппарата Союза Писателей бояться слово пикнуть, ходят на цыпочках. Да, что служащие, — известные всей стране писатели почти никогда не решаются сказать слово против Поликарпова, — все равно заранее известно, что они будут публично высечены...

Несколько раз Поликарпов в грубой форме пытался декретировать свои вкусы редакции журнала «Знамя», где я работаю. Он запрещал нам печатать Ленинградские дневники Веры Инбер. Только мое письмо в ЦК спасло эту талантливую рукопись. Товарищи Еголин, Иовчук прочли эту вещь и дали разрешение ее печатать. Вторично Поликарпов попробовал запретить нам печатать талантливую патриотическую повесть молодой писательницы Веры Пановой «Спутники». Он прислал в «Знамя» такое письмо:

«Членам редколлегии журнала «Знамя». Я ознакомился с рукописью В. Пановой «Спутники» («Санитарный поезд»), принятой Вами для опубликования, кажется в первом номере журнала в 1946 г. Считаю это произведение ошибочным, извращающим действительную картину быта и семейной жизни

советских людей. В романе В. Пановой преобладают мелкие люди, запутавшиеся в семейно-бытовых неурядицах. По существу говоря, это — несчастные люди, у которых война выбила почву из-под ног. Намеченная автором галерея персонажей представляет собой убогих в душевном отношении людей. Публикация произведений в таком виде была бы грубой ошибкой. Я категорически возражаю против опубликования романа В. Пановой и настаиваю на проведении специального заседания редколлегии с участием автора и моим заявлением об этом произведении. С уважением. Д. Поликарпов. 24.XII.1945 г.»

В разговоре со мной Поликарпов заявил:

— Дойду до секретарей ЦК, но не дам Вам печатать эту вещь. Редколлегия журнала «Знамя» собиралась, в присутствии Поликарпова подтвердила решение печатать вещь В. Пановой. Снова при помощи т. т. Иовчука и Еголина мы все таки опубликовали эту талантливую, патриотическую книгу, очень положительно встреченную писательской общественностью.

Но мы в «Знамени» пробуем бороться с Поликарповым. К сожалению, большинство писателей предпочитают махнуть рукой и в драку с Поликарповым не ввязываться, хотя и очень резко выражаются о нем в «кулуарах». В «Литературной газете» Поликарпов установил режим террора. Все, что не совпадает с его вкусом, беспощадно режется, снимается, запрещается. Зам. редактора «Литературной газеты» тов. Ковальчик много раз говорила мне и другим товарищам, что она возмущена поведением Поликарпова, но ничего сделать не может.

Особенно возмутительно ведет себя Поликарпов на партбюро Союза Советских Писателей, на партсобраниях, на заседаниях правления ССП. Везде — его слово, его тон непререкаемы. Личный вкус, личные оценки произведений становятся законом. Вот вчера. Поликарпов проводит заседание правления с активом. Обсуждается выдвижение произведений на сталинские премии. Поликарпов заранее подготовил список. Если ораторы говорят не то, что угодно ему, он начинает кричать, прерывать их грубейшими репликами, лишать слова. Возмущенный Твардовский, на которого Поликарпов позволил себе прикрикнуть как на мальчишку, покидает собрание. Прения Поликарпов прерывает тогда, когда ему это угодно, кричит, цыкает на писателей, известных всей стране, как жандарм. Нет, право, такой обстановки не было даже при пресловутом Авербахел!..

Асеев, Антокольский, Қирсанов и я выставили кандидатом на сталинскую премию «Избранные стихи» Пастернака, вышедшие в Гослитиздате в 1945 г. Поликарпов буквально сорвал обсуждение этого предложения, заявив, что в сборник включены стихи прежних лет и что поэтому обсуждение незаконно, дескать. Он просто прекратил собрание, заявив, что этот вопрос обсуждению не подлежит.

Асеев, Кирсанов (беспартийные поэты) после этого говорят: «— Ну, зачем мы выступали? Все равно, наверно, Поликарпов все заранее согласовал наверху... Это только вывеска демократии... Нечего было и обсуждать...»

Такими методами Поликарпов внушает и партийным и беспартийным писателям только отвращение к работе в Союзе Писателей, в редакциях. Союз Советских Писателей буквально террорезирован его самодурством. Все это, по-моему, приносит прямой политический вред и противоречит политике партии в области литературы.

Я знаю, что очень похоже на то, что я вам пишу, товарищ Маленков, думают многие литераторы. Я мог бы назвать критиков Субоцкого, Бровмана, Ковальчик, поэтов Алигер, Асеева, Твардовского, Кирсанова. Но большинство боится поднять голос против политики Поликарпова. Но, по-моему, лучше прямо сказать то, что наболело на душе: Поликарпов вреден нашей литературе, он глушит все новое, свежее, под флагом ортодоксии он глушит молодые дарования, не дает развиваться принципиальной литературной критике, насаждает подхалимаж, угодничество в литературной среде. По-моему, пора убрать Поликарпова из литературы и поручить руководство Союзом писателей группе известных народу партийных и беспартийных писателей, которые вполне смогут обойтись без устрашающей поликарповской нагайки (1).

Простите, что я отнимаю у вас время этим письмом, но я считаю своим долгом написать вам правду и только правду.

Заместитель редактора журнала «Знамя»,
член Союза советских писателей

Ан. Тарасенков

телефоны — служебный К 0-52-93, домашний Д 2-08-76

Ф. 17. Оп. 117. Д. 599. ЛЛ. 29—31. Машинописный текст.
Подпись и приписка — автограф А. К. Тарасенкова.

Примечание:

1. Поликарпов был снят с поста оргсекретаря ССП СССР по постановлению Оргбюро 3 апреля, которое было утверждено на заседании Политбюро 9 апреля 1946 г. Письмо А. Тарасенкова было приложено к постановлению Оргбюро ЦК от 3 апреля.

№ 84

Н. Н. Маслин — Г. М. Маленкову

2 апреля 1946 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.

На днях проходило закрытое собрание парторганизации Союза советских писателей, посвященное ходу выполнения ре-

шения ЦК ВКП(б) о литературной критике 1940 года. Доклад сделал писатель т. Чаковский. В прениях (27 марта и 1 апреля) выступило 17 критиков и писателей-коммунистов. Окончание собрания намечено на 8 апреля.

В докладе сделаны правильные выводы о низко идейном уровне литературной критики, не ставшей до сих пор серьезным орудием пропаганды и коммунистического воспитания, как этого требует решение ЦК ВКП(б). Однако, докладчик не вскрыл и не проанализировал причины, определяющие неудовлетворительное состояние критики. Бесспорный по своим выводам, но скудный по материалу «цитатный» доклад не мог явиться основой широкого обсуждения наболевших вопросов современной литературной критики. Выступавшие в прениях говорили, главным образом, по поводу недостатков доклада, а не по существу работы критиков. На втором заседании (1 апреля) этот недостаток был частично восполнен в выступлениях критиков и писателей — Лежнева, Чарного, Шагинян, Субоцкого и др. Были отмечены вредные тенденции ряда критических работ: вульгаризация ленинского понимания творчества Л. Толстого (в работах Мейлаха), эстетство и формализм (в статьях о поэзии и театре Зелинского и Юзовского).

На собрании подверглась острой критике работа Правления союза советских писателей за административные методы руководства литературой и критикой. Практика администрирования связывалась докладчиком и выступавшими в прениях с именем секретаря Союза писателей т. Поликарпова.

Докладчик привел в качестве примера одно из заседаний Правления, на котором обсуждалась работа редколлегии «Литературной газеты». На этом заседании т. Поликарпов, отвечая на требование развернуть в газете широкую дискуссию по творческим вопросам, заявил: «Литературная газета» — газета не направленческая, а правленческая». Тов. Тарасенков говорил в своем выступлении о фактах «административного нажима» т. Поликарпова на редакцию журнала «Знамя». Вопреки единодушной положительной оценке редколлегией «Ленинградских дневников» В. Инбер и повести В. Пановой «Спутники» т. Поликарпов категорически требовал отвергнуть эти произведения. Он вызывал по этому поводу работников редакции, писал письма, пытаясь навязать свое мнение. После опубликования в журнале, «Ленинградские дневники» В. Инбер отдельным изданием все же не вышли. По словам выступившей на собрании В. Инбер, издательство «Советский писатель» забраковало рукопись так же под нажимом т. Поликарпова.

Другая группа критиков-коммунистов, прямо не говорившая на собрании об администрировании и грубом окрике т. Поликарпова, по существу солидаризировалась с товарищами, ост-

ро поставившими этот вопрос. Так т. т. Нусинов и Субоцкий, имея в виду т. Поликарпова, требовали от Правления Союза писателей широкого, умного и квалифицированного подхода в деле руководства литературой и критикой.

На собрании выступил также т. Воложенин, отметивший непристойность тона выступлений против т. Поликарпова. Он заявил, что т. Поликарпов направлен на руководящую работу в Союз писателей Центральным Комитетом партии. Других выступлений в защиту т. Поликарпова не было.

Зав. сектором Управления
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Н. Маслин

2/IV—1946 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 459. ЛЛ. 8, 9. Машиннописный текст. Подпись — автограф Н. Н. Маслина.

№ 85

Г. Ф. Александров — А. А. Жданову

30 апреля 1946 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. ЖДАНОВУ А. А.

В очередном третьем номере журнала «Октябрь» редакция наметила опубликовать статью писателя Ф. Панферова под названием «О черепках и черепашках».

В этой статье т. Панферов характеризует состояние советской литературы и пытается определить ее задачи в настоящий момент. Он касается в ней таких вопросов, как художественная правда, тематика, язык современных художественных произведений, воспитание молодых писателей и т. д.

Отдельные соображения т. Панферова о художественном творчестве и его особенностях, хотя и элементарны, но не вызывают существенных возражений. Однако, основное место в статье занимают вредные и ошибочные рассуждения, общий смысл которых сводится к тому, что советская литература якобы отдана во власть литературных чиновников, людей невежественных и неквалифицированных. Автор именует их «черепками» и «черепашками».

Тов. Панферов считает, что в настоящее время «черепками» беспрепятственно насаждаются в литературе губительные и глупые взгляды. Так он утверждает, что «черепки» требуют от писателей лакировки действительности, призывают показывать Отечественную войну как «победоносное шествие нашей Красной Армии, да еще под «уря», да еще с песенками, да еще с приплясом...» (стр. 2—3). Они против показа в литературе каких-либо трудностей, лишений, рекомендуют писателям при

изображении событий Отечественной войны забыть о том, что на первом этапе войны Красная Армия отступала. Критикуя эту точку зрения, т. Панферов берет под сомнение даже тот факт, что Красная Армия, отступая, изматывала врага (стр. 2). Литературные чиновники, по мнению т. Панферова, не дают возможности писателям индивидуализировать язык литературных героев, стесняют писателей в выборе тем, неправильно ориентируют их в вопросе об изображении фашистов, дают неверные советы молодым, начинающим авторам и т. д.

Тов. Панферов подчеркивает, что эти «черепки» и «черепушки» находятся у корней искусства и лишают его живительных соков. «Корни дуба, — пишет т. Панферов, — использовав все питательные вещества над черепком, не в силах проникнуть через черепок вглубь, перестают питать дерево, и дерево начинает сохнуть с верхушки» (стр. 1). «Черепки», по мнению т. Панферова, являются преградой «между... писателем, актером, художником и народом, жизнью, партией...» (стр. 1). Ф. Панферов заявляет, что на заводах, фабриках, в колхозах такие чиновники были бы немедленно изгнаны, а в литературе их не трогают и они «проводят линию», стремятся в свои маленькие, мизерные формулы «усадить писателей, как в детские тазики. И если писатель сопротивляется, не уместается в таком тазике, они начинают его лупить и в хвост, и в гриву» (стр. 4). Следовательно, «черепки» представляются т. Панферовым как очень влиятельная сила, которая задает тон в литературе и определяет ее направление. Таким образом, статья т. Панферова является ничем иным, как скрытой попыткой подвергнуть критике партийное руководство художественной литературой.

Вряд ли уместно и то, что свои путанные и ошибочные высказывания т. Панферов пытается подкрепить ссылками на неопубликованные высказывания товарища Сталина о художественной литературе (стр. 5, 8, 9, 10).

По просьбе т. Панферова его статья дважды просматривалась в Управлении пропаганды. Однако, автор не нашел нужным сколько-нибудь серьезно переработать ее и настаивает на опубликовании статьи.

Считаю возможным разрешить печатание статьи т. Панферова в «Октябре» с тем, чтобы журнал «Большевик» или газета «Правда» выступила с обстоятельной критикой ее (1).

Прошу Ваших указаний.

Г. Александров (2)

30.IV.46 г.

Послано: т. Жданову А. А.
т. Маленкову Г. М.

Ф. 17 Оп. 125 Д. 461. ЛЛ. 4, 5. Машинописный текст. Подпись — автограф Г. Ф. Александрова.

Примечания:

1. 24 июня 1946 года в «Правде» была опубликована статья О. Кургапова и А. Колоскова «Об «исповедях» и «проповедях» в журнале «Октябрь».

2. К документу приложена машинописная записка: «В Техсекретариат ОБ ЦК ВКП(б). По поводу статьи Ф. Панферова «Черепки и черепушки» («Октябрь», № 5, 1946 г.) была напечатана в «Правде» статья, подвергшая критике вредные взгляды т. Панферова. Рукопись «Черепки и черепушки» возвращена автору...»

№ 86

Г. Ф. Александров, А. М. Еголин — А. А. Жданову

7 августа 1946 г.

СЕКРЕТАРИО ЦК ВКП(б) товарищу ЖДАНОВУ А. А.

**О неудовлетворительном состоянии журналов
«Звезда» и «Ленинград».**

Литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно. В этих журналах за последние 2 года опубликован ряд идеологически вредных и в художественном отношении очень слабых произведений.

В 1945 году в «Звезде» помещались, главным образом, исторические романы. О жизни советского народа в журнале напечатано очень мало произведений. На страницах «Звезды» культивируются упаднические, ущербные настроения. Особенно ярко это выражено в стихах А. Ахматовой, И. Садофьева, М. Комиссаровой (№ 1 за 1946 г.).

Стихотворение А. Ахматовой «Вроде монолога» полно пессимизма, разочарования в жизни. Действительность представляется Ахматовой мрачной, зловещей, напоминающей «черный сад», «осенний пейзаж». Звуки города воспринимаются поэтессой, как услышанные «с того света» ... «чуждые навеки». Симпатии и привязанность Ахматовой на стороне прошлого.

Ахматова пишет:

«Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки,
Там был фонтан, зеленые скамейки,
Громада парка царского вдали,
На масляной — блины, ухабы, вейки,
В апреле — запах прели и земли,
И первый поцелуй...»

Стихи И. Садовьева насыщены тем же чувством безысходной тоски, как и стихи Ахматовой. В стихах М. Комиссаровой «Голосом сердца» основными мотивами являются скорбь о прошлом, предчувствие смерти. Комиссарова пишет:

«Уснет печаль, пройдет любовь,
Цветы уснут в лугу туманном...

Мой сад снегами заметет,
В нем все уснет и станет тихо...

Зароют в землю голос мой,—
И ничего я не услышу...»

В поэме «Всадник» С. Спасского (№ 2—3 за 1946 год) советский патриотизм характеризуется неправильно. Из содержания поэмы следует, что любовь советских людей к своей Родине ничем не отличается от патриотических чувств русского человека в прошлом. Эта ошибочная точка зрения привела автора к идеализации образа Петра I и даже к превращению его в символ советской страны. Автор поэмы пишет о Петре I:

«Навек он сросся с Ленинградом,
Стал сердцем бронзовым его...
Я вижу: он — сама Россия,
Ее он воплощеньем стал».

В ряде произведений тема Отечественной войны, героической обороны Ленинграда дается безответственно, на низком художественном уровне. Круг людей, показанных в этих произведениях крайне узок, он ограничен изображением преимущественно эстетствующей интеллигенции, не являющейся типичной для советской действительности. Авторы наделяют нашу интеллигенцию нехарактерными для нее чертами, показывают ее оторванной от жизни страны.

Так, в повести Г. Гора «Дом на Моховой» главным героем является художник, которого в дни войны тревожит только судьба его картин. Другой герой этой повести — ученый садовод озабочен лишь сохранением своих кактусов. В рассказе А. Штейна «Лебединое озеро» выведен летчик, интересующийся не столько авиацией, сколько балетом, о котором он непрестанно вспоминает.

Подлинные герои обороны Ленинграда на страницах журнала не показаны.

В повести В. Кнехта «На Невской позиции» (№ 2 за 1945 г.) борьба ленинградцев с фашистами в условиях блокады является только фоном для авантюрного сюжета. Центральное место в повести занимают не бойцы и офицеры Красной Армии, а образы фотографа-художника и коллекционера икон. Георгий Победоносец в этой повести провозглашен символом русского воинства. Герой повести говорит так: «Георгий Победоносец — излюбленная русская тема»; «в Георгии Победоносце черты легендарного русского воина».

К произведениям, посвященным военной теме, относится и пьеса Л. Малюгина «Старые друзья» (№ 5—6 за 1946 г.). Дей-

ствующими лицами в ней являются советские юноши и девушки, пережившие блокаду в Ленинграде. Созданные Л. Малюгиным образы не являются типичными, характерными для нашей молодежи. В этой пьесе молодежь показана идейно обедненной. Некоторые из девушек работают в госпиталях, юноши были на фронте, но судьба родины мало волнует их, война не оставила в их сознании почти никаких следов. Они продолжают жить бездумно, легкомысленно относиться к жизни. Юноша Владимир Дорохин, как он сам заявляет, на войне только нравственно огрубел. Одному из товарищей по школе Дорохин рассказывает:

«...были не только огонь и земля, было много и хорошего. И романы были, черт побери! Вернее не романы, а новеллы. Тебе могу сказать — были. Только я тебя прошу — Тоне ни гу-гу. Бабы этого не понимают и не прощают. Я, например, не ревнивый. А женщину скорее встретишь лысую, чем не ревнивую. Было всякое... Знаешь, Шурка, жизнь тяжелая, солдатская. Радостей — никаких. Сегодня — здесь, завтра — там, а может, на том свете, да еще выпьешь с тоски и думаешь, — пропади все пропадом... Тут одна чудачка привязалась — просто жалко было расставаться...»

В рассказах Д. Острова «Мир» и «Побег» (№ 1 за 1946 г.) подчеркивается стойкость немецких офицеров и солдат. В рассказе «Побег» описывается упорное сопротивление немецких частей, окруженных войсками Красной Армии. Стойкость немцев объясняется тем, что они имели у себя большой запас вина и им регулярно на самолетах доставляли... проституток.

Герой этого рассказа полковник Саулин говорит об окруженных немцах: «Если вы подумаете, что они трясутся от страха, вы глубоко ошибетесь. Им сейчас горы по пояс, а море по колено. Представьте себе, что у этих обреченных три тысячи бочек французского вина, и не какого-то там дерьма собачьего, а настоящего, выдержанного вина. Попробуйте выпить его несколько бокалов и вы запоете песню даже в могиле... Потом, говорю, я бы не стал церемониться и с проститутками. Вам ведь хорошо известно, что из организованного в Пскове публичного дома немцы ежедневно сбрасывают на парашютах по двадцать девиц для поддержания духа окруженных своих соотечественников. Почему мы с ними церемонимся? Почему, говорю, наша зенитная артиллерия бьет только по самолетам, а не по этим крылатым кралям?»

Задачу советского командования, руководящего разгромом окруженной вражеской группировки, автор сводит к уничтожению немецких винных складов и проституток, обслуживающих немецких солдат.

В № 5—6 журнала «Звезда» под рубрикой «Новинки детской литературы» напечатан рассказ М. Зощенко «Приключенная обезьяна». События, описанные Зощенко, происходят в ты-

ловом городе в период войны. Во время бомбардировки города обезьяна убежала из зоопарка и, попав на городские улицы, переживает ряд приключений. Описание походов обезьяны автору понадобилось только для того, чтобы издевательски подчеркнуть трудности жизни нашего народа в дни войны (недостаток продовольствия, очереди и т. д.). Обезьяна проголодалась и начинает искать пищу. Зоценко это описывает так:

«В городе, где она может покушать? На улицах ничего такого съестного нет. Не может же она со своим хвостом в столовую зайти. Или в кооператив. Тем более — денег у нее нет. Скидки нет. Продуктовых карточек она не имеет. Кошмар... Заскочила она в... магазин. Видит — большая очередь. Нет, в очереди она не стала стоять. И не стала расталкивать людей, чтобы пробиться к прилавку. Она прямо по головам покупателей добежала до продавщицы. Вскочила на прилавок. Не спросила, почем стоит кило морковки, а просто схватила целый пучок морковки и, как говорится, была такова. Выбежала из магазина довольная своей покупкой. Ну — обезьяна. Не понимает что к чему. Не видит смысла оставаться без продовольствия».

В конце рассказа автор цинично заявляет, что обезьяна, обученная и быстро привыкшая вытирать нос платком, чужих вещей не брать, кашу есть ложкой, может быть примером для людей.

Рассказ Зоценко является порочным, надуманным произведением. В изображении Зоценко советские люди очень примитивны, ограничены. Автор оглуляет наших людей.

На страницах «Звезды» ведется пропаганда идеалистических взглядов на искусство. Повесть Л. Борисова «Волшебник из Гель-Гью» (№ 4, 5—6 за 1946 г.) сплошь заполнена призывами уйти от действительности в область «сладостных легенд», «в мир фантастики и чистой выдумки». Образ писателя Грина, являющегося героем этой повести, идеализируется как образ мечтателя, человека «не от мира сего», погруженного в свои бесконечные фантазии. Той же пропаганде идеалистической эстетики объективно служат многие критические статьи «Звезды». С. Спасский в статье «Письмо о поэзии», говоря о ряде советских поэтов, обходит полным молчанием идейное содержание их творчества и рассматривает художественные произведения исключительно с формальной стороны. Формалистическая тенденция этой статьи очевидна.

*   *
*

Литературно-художественный журнал «Ленинград» заполняется случайно подобранным материалом. За последние годы в журнале не было опубликовано ни одного полноценного ху-

дожественного произведения. Нередко печатаются отрывки из романов, не представляющие, вследствие своей разрозненности, никакого интереса для читателей.

В «Ленинграде» печатаются малохудожественные и идейно порочные произведения. В журнале помещено немало произведений об Отечественной войне, но мужественная борьба советского народа с фашистами не нашла на его страницах достойного художественного изображения. Ряд рассказов на эту тему, напечатанных в «Ленинграде» за последние два года, являются надуманными, искажающими и опошляющими образы бойцов Красной Армии.

В рассказе С. Варшавского и Б. Реста «Случай над Берлином» («Ленинград» № 3—4 за 1946 г.) показан сержант Коротков, который, вылетая на самолете для выполнения боевого задания, берет с собой бутылку пива. Затем описывается, как эта бутылка пива, спрятанная Коротковым в комбинезоне, во время полета лопается и осколки стекла впиваются ему в ногу. Перепуганный сержант, думая, что он ранен, сообщает об этом командиру. Когда самолет возвратился на аэродром, «раненого» отвезли в госпиталь и лишь там разъясняется все недоразумение.

В рассказе «На заставе» М. Слонимского (№ 3—4 за 1946 г.) образ советского офицера дан чрезвычайно обыденным. Описан такой случай. Покидая в 1941 году вместе с отходящими войсками пограничную заставу, офицер спрятал в подвале здания бутылку вина, надеясь распить ее по возвращении. Как сообщает автор, надежды эти не осуществились — офицер вернулся по окончании войны на заставу, но бутылка оказалась разбитой. К чему все это рассказано — неизвестно.

В журнале печатается много стихов, но художественный уровень большинства их очень низкий. В стихотворении «Севастополь» (№ 1—2 за 1946 г.) И. Сельвинский описывает свои впечатления от посещения города-героя после освобождения его Красной Армией. Но поэт ничего не говорит о мужественных защитниках города; он вспоминает лишь о том, как когда-то в дореволюционные годы он встретил на улице девушку. В пошлом тоне описывается внешность этой девушки:

«Вам нравятся ли девушки с

загаром

Темнее их оранжевых волос?

С глазами, точно две морские

бухты

В полнейшую бунацию?

С плечами

Пошире бедер? а?

И востроносость?»

В № 1—2 за 1946 г. помещена пародия А. Флита «Мой Некрасов», в которой автор пытается высмеять повесть Е. Катерли

о Некрасове, опубликованной в журнале «Звезда». Однако, пародия сама является ничем иным, как глумлением над великим поэтом. «Некрасов, — пишет А. Флит, — проснулся с отрыжкой и поздно. Мучила изжога и царская цензура. Всю ночь снились моченые яблоки и цензор Никитенко. Ныло под ложечкой. На душе было кисло. Икалось с вечера — Что мне сказать мужику!? — мрачно подумал Николай Алексеевич, затягиваясь дорогой душистой папиросой. Мучила совесть и пощечики-крепостники. Некрасов вяло сунул изможденные желтые пятаки в стоптанные туфли и поплелся к окну. Мутило от сознания бессилия перед царем и его приспешниками и от выпитого накануне французского коньяка. Некрасов увидел в окне парадный подъезд и толпу мужиков, вздохнул, желтой рукой обмакнул вставочку в чернила и, нехотя позевывая и почесываясь, написал: «Размышления у парадного подъезда». Захотелось к Тургеневу, но он был за границей. Некрасов лег на диван и повернулся помятым лицом к облезлой стене. Уснуть, он не мог. Давило крепостное право».

В десятом номере журнала за 1946 год в отделе пародий помещены стихи, сочиненные А. Хазиним под названием «Возвращение Онегина. Глава одиннадцатая. Фрагменты». В этих стихах с злой издевкой и зубоскальством описан быт современного Ленинграда. Хазин пишет о Евгении Онегине, будто бы посетившем Ленинград:

«В трамвай садится наш Евгений.
О, бедный, милый человек!
Не знал таких передвижений
Его непросвещенный век.
Судьба Евгения хранила,
Ему лишь ногу отдалило,
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: «Идиот»!
Он, вспомнив древние порядки,
Решил дуэлью кончить спор,
Полез в карман... но кто-то спер
Уже давно его перчатки...»

Совершенно неудовлетворительно поставлен в журнале отдел критики. Рецензии на произведения ленинградских писателей носят почти исключительно хвалебный характер.

В номерах журнала за 1946 год произведения В. Рождественского, И. Авраменко, Рахманова всячески расхваливаются и поднимаются на щит, и в то же время такое произведение, как «Ленинградский дневник» В. Инбер, подверглось грубому осмеянию (№ 13—14 за 1945 год, пародия А. Флита).

О недостатках в журналах «Звезда» и «Ленинград» было в печати опубликовано несколько критических статей (журн. «Знамя» № 11 за 1945 г., № 2—3 за 1946 г., «Литгазета» за

8 сентября 1945 г.) (1). Однако, и после этих сигналов качество журналов не улучшилось, что указывает на неспособность редакций «Звезды» и «Ленинграда» справиться с возложенными на них задачами.

Правление Союза советских писателей СССР и Ленинградское отделение ССП отдали журналы на откуп группе литераторов, не руководили их работой и не оказывали им никакой помощи.

Ленинградский горком ВКП(б) не уделяет достаточного внимания литературно-художественным журналам, не замечает крупных идейных ошибок в содержании произведений, опубликованных в «Звезде» и «Ленинграде», не руководит работой редакций.

Необходимо утвердить новый состав редакционной коллегии журнала «Звезда», способной коренным образом улучшить работу журнала.

Что же касается журнала «Ленинград», то дальнейшее его существование следует признать нецелесообразным.

Проект постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» прилагается.

Г. Александров
А. Еголин

7.VIII.46 г.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 628. ЛЛ. 10—17. Машиннописный текст. Подписи — автограф Г. Ф. Александрова и А. М. Еголина.

Примечания:

1. Имеются в виду статьи Л. Крупеникова «Обзор журнала «Ленинград» (№ 1—12. 1945), Б. Соловьева «История и современность» (журнал «Звезда» № 1—9. 1945) и Г. Бровмана «Ленинградская тема в журнале «Звезда».

№ 87

**Стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу
«О журналах «Звезда» и «Ленинград».**

9 августа 1946 г.

СТЕНОГРАММА

ВЫСТУПЛЕНИЙ ПО ПЕРВОМУ ВОПРОСУ

ПОВЕСТКИ ДНЯ ЗАСЕДАНИЯ ОРГБЮРО ЦК ВКП(б)

от 9.VIII—1946 г. (1)

САЯНОВ. (Начало не стенографировалось) (2). Вина моя большая, что я, очевидно, не понял, насколько к нашему журналу приковано внимание партии и страны.

СТАЛИН. Этот ваш журнал для детей издается?

САЯНОВ. Нет.

СТАЛИН. А почему в детский журнал не поместили?

САЯНОВ. Это печаталось из-за детей.

СТАЛИН. У вас требовательности элементарной нет. Это же пустяковый рассказ.

САЯНОВ. Теперь это видно.

СТАЛИН. У всех получается, что потом оказывается, что ничего не видели, и получается, что мелочи пишут. Вы рассказ читали? (З)

САЯНОВ. Да.

СТАЛИН. Это же пустейшая штука, ни уму ни сердцу ничего не дающая. Какой-то базарный балаганный анекдот. Непонятно, почему, безусловно, хороший журнал предоставил свои страницы для печатания пустяковой балаганной штуки. У вас нет требовательности к своим писателям, а читатели будут требовать.

САЯНОВ. Мне кажется, что здесь дело зависит от того, что мы недостаточно вели идейно-воспитательную работу среди писателей, и что некоторое ошибочное представление имеется в писательской массе, что иногда писатели недостаточно понимают значение принципиальной критики, что у некоторых писателей была слишком большая оглядка на западно-американскую литературу, что они иногда недооценивали тех творческих богатств, которые есть в наследии нашей русской и советской литературы, что иногда в некоторых писательских кругах есть этакое увлечение современными западными писателями. Это объясняется тем, что у некоторых писателей было суждение о том, что роль идеологической актуальной темы снижена.

Несколько вещей мы возвращали, вещей, идеологически искажающих наше правильное представление. Мы указывали авторам на их ошибки, но у некоторых писателей было суждение такое, что вот война кончилась, теперь они отдохнут и теперь надо развлекать советского читателя, надо дать ему такие произведения, которые он с удовольствием будет читать. Наша вина, что против таких настроений мы не сумели отдалить передовую писательскую часть, что мы с ними не сумели понастоящему работать. Вот мне кажется, то основное, что следовало сейчас сказать.

ЛИХАРЕВ. Совершенно справедлива была статья в газете «Культура и жизнь» и даже слишком мягкая, которая упрекала журнал «Ленинград», что он является журналом, еще не имеющим своего профиля, страдающим безликостью среднего журнала. Мы это ощущаем и сами в своей редакционной коллегии и мы стремились и стремимся принимать всяческие меры к тому, чтобы журнал у нас стал интереснее, чтобы он, носящий такое большое название, соответствовал этому названию. Этого нам пока что сделать не удается.

Наш журнал — тонкий журнал, он должен строиться главным образом на основном жанре рассказа. Это очень сложно.

С этим жанром в литературе обстоит не совсем благополучно. Наш журнал «Ленинград» всю блокаду выходил, он выходил во все время войны, а сейчас нам стало вдруг несколько сложнее. Тогда у нас был маленький коллектив. Тогда были единицы писательские, но большие творческие писатели, с большими возможностями. Сейчас дело несколько шире стало, вернулись товарищи с других фронтов, это наш большой актив, но они неспособны осмыслить то, что было в Ленинграде, они были на других фронтах и тему Ленинграда не восприняли в должной мере, и это им не дает возможности дать те произведения о Ленинграде, которые нам хотелось бы увидеть.

Какие же меры в связи с этим мы должны принимать? В-первых, мы беседовали с нашими писателями, и нашли язык, который доходил до сердца писательского. Затем мы обратились к газетным нашим работникам, которые неотрывно следят за пульсом города. Они представляют нам посильную помощь, потому что наш журнал очерковый и этот журнал должен показать сегодняшний Ленинград в очерке. Мы видим, что наш профиль сейчас уже более наполнен, чем было прежде.

В отношении тех промахов, на которые нам совершенно справедливо указывал т. Александров. Я, действительно, не в состоянии более подробно...

СТАЛИН. А Вы читали, что написано? Как же пропустили это?

ЛИХАРЕВ. Я сейчас скажу, почему так получилось. Артист Райкин привез в Ленинград это произведение. Два месяца читал в театре, передавали по радио это. Главрепертком утвердил.

СТАЛИН. Кто утвердил?

ЛИХАРЕВ. Главрепертком, здесь в Москве.

СТАЛИН. Главрепертком утверждает для печатания или для чтения?

ЖДАНОВ. Это эстрадный номер?

ЛИХАРЕВ. Да. Мы совершили ошибку. Мы забыли о том, что печатное слово звучит сильнее, чем слово произнесенное. В отношении Некрасова. Это пародия на произведение о Некрасове (4).

АЛЕКСАНДРОВ. Если бы Вы прочитали вслух эту пародию, Вас стащили бы со сцены. Получилась пародия на Некрасова.

СТАЛИН. Вы утверждаете, что эта пародия на пародию?

ЛИХАРЕВ. Такая книжка есть, она дурная книжка.

СТАЛИН. Это уловка, автор прикрывается.

ЛИХАРЕВ. У нас много есть таких вещей, я мог бы продолжить.

ЖДАНОВ. У Вас тоже много произведений Зощенко, например, «Путешествие на Олимп» (5), это то же, что и «Путешествие обезьяны»?

СТАЛИН. У вас перед заграничными писателями ходят на цыпочках. Достойно ли советскому человеку на цыпочках ходить перед границей. Вы поощряете этим низкопоклонные чувства, это большой грех.

ЛИХАРЕВ. Напечатано много переводных произведений.

СТАЛИН. Вы этим вкус чрезмерного уважения к иностранцам прививаете. Прививаете такое чувство, что мы люди второго сорта, а там люди первого сорта, что неправильно. Вы ученики, они учителя. По сути дела неправильно это.

ЛИХАРЕВ. Я хочу только одно отметить...

СТАЛИН. Говорите позубастее. Вы что смешались или вообще согласны с критикой?

ЛИХАРЕВ. Сейчас попробую.

СТАЛИН. Что попробуете, надо сильнее говорить.

ЛИХАРЕВ. «В Севастополе» Сельвинского есть вывод, он вспоминает свою юность в Севастополе, вспоминает девушку, которую там видел, которая назвала его милым. Это ему запомнилось на всю жизнь. Вот его стихотворение.

СТАЛИН. Это уловка.

ЛИХАРЕВ. Я люблю наш журнал и мне хочется, чтобы этот журнал сохранился.

СТАЛИН. Журнал должен руководить писателями или он должен плестись в хвосте у них?

ЛИХАРЕВ. Должен руководить.

СТАЛИН. Руководить может или нет?

ЛИХАРЕВ. Он должен и будет.

СТАЛИН. Пока не выходит этого.

ЛИХАРЕВ. Я хотел заверить товарищей, что можем это делать, если нам доверят. Со следующего номера журнал будет иным. У меня есть вещи по-новому осмысленные, но ведь нам не так легко работать.

СТАЛИН. Вы хотите, чтобы все было по-хорошему. Я это вижу. Но надо суметь сделать, чтобы все было по-хорошему.

ЛИХАРЕВ. Необходимо сделать.

СТАЛИН. Да, необходимо сделать.

ЛИХАРЕВ. Оставить город без журнала очень больно. Мы должны сохранить его. Остаться без журнала этого нельзя.

СТАЛИН. Все требуют, чтобы мы улучшили качество продукции: ширпотреба, металла и прочее. Однако следует, чтобы и качество продукции литературной было улучшено, мы хотим, чтобы лучшие произведения печатались, на качество хотим нажать.

ПРОКОФЬЕВ. Надо учесть, товарищи, что ленинградский отряд советских писателей был в исключительном положении, что из большого количества (сейчас этот ленинградский отряд советских писателей насчитывает 274) из них действительных писателей, т. е. непосредственно творящих советскую литературу насчитывается, приблизительно, половина.

СТАЛИН. У вас что принято печатать только ленинградских писателей, иногородних можно?

ПРОКОФЬЕВ. Обязательно. Я считаю, что наши журналы являются также как и город Ленинград союзными журналами и поэтому я считаю, что замыкаться только в ленинградские рамки нельзя.

СТАЛИН. Уральцев будете печатать?

ПРОКОФЬЕВ. Печатаем, печатаются стихи сибирских товарищей и уральцев. Мы также думаем привлечь и московских писателей, потому что надо поднять значение наших ленинградских журналов.

СТАЛИН. Только своих писателей не хватает, видимо, произведений мало?

ПРОКОФЬЕВ. Если мы возьмем хорошие произведения московских или уральских писателей, то можем поступиться нашим ленинградским патриотизмом и потеснить ленинградских писателей на второй план.

СТАЛИН. Кто у вас Ягдфельд, ленинградец?

ПРОКОФЬЕВ. Я не знаю, он недавно в Союзе писателей.

СТАЛИН. Вам что, нравятся его произведения, можно поставить на сцене их?

ПРОКОФЬЕВ. Когда я их читал, я считал, что это романтические произведения.

СТАЛИН. Это детские произведения, это не оформившийся писатель, а школьник. Вы должны, чтобы на ваш журнал смотрели и учились у него.

ПРОКОФЬЕВ. Очевидно у нас не хватало и вкуса.

СТАЛИН. И произведений, видимо, не хватало, чтобы помешать, вот вы и вывалили в одну кучу.

ПРОКОФЬЕВ. Журнал у нас не мусорная куча, мы хотим, чтобы наш журнал был достоин нашего города, но, очевидно, не получилось этого.

СТАЛИН. Материала, видимо, не хватает, и поэтому, видимо, в «Звезде» иногда появлялись замечательные вещи, прямо бриллианты, а наряду с бриллиантами — навоз.

ПРОКОФЬЕВ. На Вашу реплику отвечаю, половина или 3/4 вины нашей с нас складывается (смех), потому что, все-таки наша работа не прошла впустую. Мы давали и хорошие вещи.

СТАЛИН. Безусловно.

ПРОКОФЬЕВ. Я этому очень рад. Я считаю, что недостатки ленинградского отряда писателей, они не являются присутствующими только Ленинграду.

СТАЛИН. К сожалению, нет, есть и больше.

ЖДАНОВ. Это вас не может успокаивать.

СТАЛИН. Он все-таки внутренне рад.

ПРОКОФЬЕВ. Если бы мы знали, что нас призовут к ответу, мы не допустили бы таких ошибок в 5 и 6 номерах. Мы

не знали, что будем на таком собрании. Я считаю, что цель настоящего собрания, цель такая, чтобы нашему журналу «Звезда» и «Ленинград», оказали помощь. Нам нужна помощь, Иосиф Виссарионович. Я думаю, что эта помощь должна быть реальная и действенная. Я считаю, что ленинградские журналы должны быть поставлены в одинаковые условия с московскими журналами. Какой же хороший писатель пойдет в журнал, когда тираж «Звезды» был 10 тыс. экземпляров, если журнала «Звезда» и «Ленинград» принесли убыток государству около 1 млн. рублей.

СТАЛИН. Из этого, видимо, исходили, что товар плохой. (Смех).

ПРОКОФЬЕВ. На прилавках наших журналов нет.

СТАЛИН. Бумаги что ли не давали?

ПРОКОФЬЕВ. Да. Если взять журнал «Октябрь», то у него штаты такие: кроме 5 зав. отделами, кроме литературного консультанта, зав. массовым отделом и т. д. имеется 7 членов редколлегии. У нас — один редактор и он, как говорится, прислуга на все руки. Дальше идет: литературный консультант, машинистка, зав. редакцией. Я считаю, что мы должны быть поставлены в равные условия.

СТАЛИН. Насчет журнала «Ленинград» ничего не расскажете?

ПРОКОФЬЕВ. Журнал «Ленинград» имеет больше традиции. Он возник из журнала «Резец», этот журнал был органом рабкоровским и из него впоследствии стал журналом «Ленинград». Мы его мыслили как массовый журнал, журнал, который должен ориентироваться на короткий рассказ, в частности, редакция журнала допускала, когда из больших произведений выбирались куски.

СТАЛИН. Вы это одобряете?

ПРОКОФЬЕВ. Нет. Союзу советских писателей надо обратить внимание на рассказ. Жанр рассказа у нас очень не в большом почете у писателей. Мы обсуждали оба журнала наших в Союзе писателей не раз и не два, но критика наша не была столь суровой как сейчас. Очевидно у нас опять не хватает мужества в ряде случаев сказать правду, имея в виду, что люди, с которыми мы работаем, они находятся рядом с нами и будут обижены, а обида эта не прощается во веки веков. У нас некоторые очень болезненно обиды принимают.

СТАЛИН. Мнительные и чувственные люди?

ПРОКОФЬЕВ. Да и даже иногда небольшая критика оставляет глубокую царапину.

СТАЛИН. Этого бояться не следует. Как же иначе людей воспитывать без критики.

ПРОКОФЬЕВ. Критика была, но она не была такой действенной.

СТАЛИН. Боялись, что обидно будет. Обиды бояться нельзя.

МАЛЕНКОВ. И обиженных приютили. Зошенко критиковали, а вы его приютили.

ПРОКОФЬЕВ. Тогда надо обратить внимание на другое. Сейчас у Зошенко третья комедия идет.

СТАЛИН. Вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал. Пишет он чепуху какую-то, прямо издевательство. Война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни против, а пишет всякие небылицы, чепуху, ничего не дающую ни уму, ни сердцу. Он бродит по разным местам, суется в одно место, в другое, а вы податливы очень. Хотели журнал сделать интересным, и даете ему место, а из-за этого вам попадает, и не могут быть напечатаны произведения наших людей. Мы не для того советский строй строили, чтобы людей обучали пустяковине.

ПРОКОФЬЕВ. Я хочу поставить следующий вопрос об утечке людей из Ленинграда. Около 20 человек убыло.

СТАЛИН. Вы предъявите счет в Москву, может быть вернуться люди. Уходят, что ж поделать, они не крепостные. В Москве, видимо, дело получше обстоит.

ПРОКОФЬЕВ. Больше возможностей, если говорить по-человечески, для писателя, чем в Ленинграде. И сейчас, если Центральный Комитет примет предложение Агитпропа ЦК относительно сокращения журналов Ленинграда, то я не знаю, в каком положении очутится отряд ленинградской литературы. Нельзя вместе с водой выплескивать и содержание. Я считаю, что для такого города, как Ленинград, нельзя оставлять [только] такой журнал как «Звезда». Надо сделать все возможное, чтобы эти оба журнала заработали по-настоящему. Для этого у нас найдутся силы и люди, чтобы эти оба журнала существовали.

Я считаю, что наши ленинградские журналы могут по-настоящему, глубоко и со знанием ленинградской темы, темы громадного мирового звучания, поднять. Мы все были в Ленинграде и видели с ленинградцами все беды, и наша задача, задача ленинградского отделения Союза советских писателей и обоих журналов сделать, чтобы эта тема звучала по-настоящему. Мы не имеем произведений достаточно больших и широких, где бы эта тема звучала. У нас имеются «Черты советского человека» Тихонова и «Эта было в Ленинграде» Чуковского, но я не нахожу произведений, которые поднимали бы эту тему по-настоящему. Но такая попытка у нас в Ленинграде делается. Вот, Иосиф Виссарионович, Саянов написал первую часть трилогии о Ленинградском фронте. Я думаю, что это будет произведение с большим охватом событий.

МАЛЕНКОВ. Чего же расхваливаете заранее, если не читали.

ПРОКОФЬЕВ. Я говорю о теме. Писатели Ленинграда берутся за эту тему. Вера Кетлинская написала роман о Ленинграде. Когда я с ней познакомился, я сказал, что ей нужно много работать, но факт, что писатели это начинают делать.

СТАЛИН. Это делает вам большое преимущество. Материала очень много, но вы плохо используете эти преимущества. «Приключение обезьяны», что это о Ленинграде, поднимает авторитет Ленинграда?

ПРОКОФЬЕВ. Нет. Несколько возражений на критику. Мы с опаской подходили к повести Борисова «Волшебник из Гель-Гю». Мы первую часть напечатали с выдержками. Когда «Литературная газета» опубликовала статью Л. Рахманова, рекомендующую эту повесть, мы считали, что это неправильно (6). Сейчас Борисов пишет 3-ю часть. Мы на собрании в горкоме сказали, что не надо писать 3-ю часть, хватит одной.

СТАЛИН. Как писатель, Борисов хорошо, изящно пишет, литературным языком владеет. Это не Ягдфельд.

ПРОКОФЬЕВ. Тема, которую он берет, на Грина хватит. Это мое убеждение.

Относительно стихов. Я считаю, что не является большим грехом, что были опубликованы стихи Анны Ахматовой. Эта поэтесса с небольшим голосом и разговоры о грусти, они при-суши и советскому человеку.

СТАЛИН. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?

ПРОКОФЬЕВ. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение «Первая дальняя» о Ленинграде.

СТАЛИН. 1—2—3 стихотворения и обчелся, больше нет.

ПРОКОФЬЕВ. Стихов на актуальную тему мало, но она поэтесса со старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

СТАЛИН. Тогда путь печатается в другом месте где-либо, почему в «Звезде»?

ПРОКОФЬЕВ. Должен сказать, что то, что мы отвергли в «Звезде» печаталось в «Знамени».

СТАЛИН. Мы и до «Знамени» доберемся, доберемся до всех.

ПРОКОФЬЕВ. Это будет очень хорошо. Я хочу просить Вас и секретарей ЦК, чтобы наш «Ленинград» был оставлен у нас, не надо закрывать наш «Ленинград» и чтобы мы поставили эти журналы должным образом, чтобы было больше бриллиантов в «Звезде», чтобы был уничтожен мусор.

Вс. ВИШНЕВСКИЙ. Меня сегодняшняя беседа очень волнует и очень интересует. Никто не забыл о нас и Ленинград сейчас требует помощи серьезной в литературном отношении. Нет только ленинградской литературы. Есть единая русская и советская литература. Одним из уроков сегодняшнего совеща-

ния является то, что все мы редактора должны искать авторов и апробировать их, но апробировать, брать молодежь, среднее поколение везде, по всей стране. Эти авторы будут из москвичей, ленинградцев, киевлян и т. д. Для себя лично я делаю такой вывод: работать и искать всюду в стране напряженно, не щадя сил и не боясь выдвигать молодых товарищей. Это первое.

Второе. Надо ставить перед писательским отрядом определенные задачи. Мы только выбрались из войны, во многом мы сами еще не сумели разобраться. К нам приходят новые люди. К нам в журналы приходит много рукописей, к нам приходит много людей, с каждым надо поговорить. А приходят люди интересные. На-днях пришел ко мне молодой поэт. Ясные хорошие глаза у него. Я смотрю на него и думаю, что ему нужно? Оказывается о судьбе молодого поколения он думает, просит разъяснить значение ряда слов, говорит, что он был ранен и не попал на Запад и поэтому не мог ощутить победы. Тысячи вопросов ставят люди. Приходится с ними работать, приходится объяснять. Я думаю, что товарищи ленинградцы, все мы, и Прокофьев, и Саянов, и Левоневский, и Лихарев, они должны еще актуальнее вести эту работу, выходя из рамок Ленинграда. Ленинград не останавливался, когда нужно было помогать по другим направлениям, он помогал. Надо ставить перед писателями задачу собирать и беседовать с мелкими группами и большими группами людей, конференции собирать, смотреть, что делается в низах. Мы не знаем хорошо читательских отзывов. Это большое преступление нашей критики. Чем скорее наша печать возьмется за это дело и заставит авторов читать отзывы людей, которые знают жизнь, которые смогут сказать настоящее слово о работе писателей, без этого работать нельзя.

О маленьком рассказе. Если мы этот вопрос должны решать, то надо сказать, что в рассказ надо вложить столько сил, труда, энергии, что просто трудно сказать. Рассказ нужно печатать не больше 10 страниц, рассказ должен быть помещен в центральной печати, по радио передан...

СТАЛИН. Хороший рассказ, вроде чеховского, передадут по радио, с удовольствием будут его слушать.

ВИШНЕВСКИЙ. Товарищ Сталин, сколько дают премий Вашего имени, и хотя бы один рассказ отметили.

СТАЛИН. Неохотно пишут рассказы.

ВИШНЕВСКИЙ. Потому что есть и экономическая сторона. 10 страниц, это 1 тыс. с небольшим рублей для писателя, который является инженером человеческой души.

СТАЛИН. Оплата плохо дифференцирована?

ВИШНЕВСКИЙ. Да. Я хочу привести следующую справку. У нас 8 тыс. 600 авторов, работающих для театра, кино, эстрады, клубов и т. д. 93% из них получают 1 тыс. рублей и ниже. Это не инженерская ставка, это не ставка профессора, об этом

надо подумать. Дальше, если разобраться во всех моментах, глубже разобраться во всем, то я должен сказать, что у меня лежат материалы с первого дня блокады Ленинграда. Могу я их сразу пустить в работу? Нет не могу, потому что надо продумать ряд вещей. Когда Вера Инбер выступила со своим «Дневником», что вы сделали? Вы дали пародию на Веру Инбер, на человека, который стоял всю блокаду с вами, а вы ее так шарахнули, что она едва устояла на ногах. Сейчас у нее есть премия, теперь ее никто не будет критиковать, но это тоже неверная постановка.

СТАЛИН. Правильно.

ВИШНЕВСКИЙ. Пресса должна первая показать пример и начать настоящее, широкое, народное обсуждение вещей. Это будет иметь большое воспитательное значение. В 1943 году был подан сигнал Зоценко о том, что он написал, по поводу исповеди «Перед восходом солнца». Этот человек, который до грязного белья разделся и раздел всех своих близких. Когда я этот рассказ прочитал, я написал анализ этой работы. Человек этот начал писать в 1923—24 гг. У него везде персонажами являются пьяные, калеки, инвалиды, везде драки, шум. И вот ~~возьмите его~~ последний рассказ «Приключения обезьяны», ~~возьмите~~ и сделайте анализ его. Вы увидите, что опять инвалиды, опять пивные, опять скандалы...

СТАЛИН. И баня.

ВИШНЕВСКИЙ. Баня, совершенно правильно. У него получается так. Вот вы меня критиковали, и вот получайте уважаемые. Здесь нужен был очень глубокий и серьезный разговор, сказать ему, что ты дальше думаешь делать.

СТАЛИН. Он проповедник безыдейности.

ВИШНЕВСКИЙ. Он последние вещи дал без мысли, без фабулы.

СТАЛИН. Злопахательские штуки.

ВИШНЕВСКИЙ. В 1942 г. люди на ногах плохо стояли от дистрофии, первый номер буквально на руках несли наши товарищи, когда я приехал в Ленинград и посмотрел, что там делается, то увидел, в каких условиях выпускался этот журнал. Надо сказать, что бесконечно дороги эти журналы нам, ленинградцам, и я лично просил бы учесть и этот момент и момент привязанности нас к этому журналу, а также настоящие проблемы и традиции, не нужно закрывать эти журналы.

СТАЛИН. Это дело Зоценко.

ВИШНЕВСКИЙ. Зоценко и других надо посмотреть, но сам журнал надо сохранить. Я думаю, что ленинградцы смогут, напрягая все силы, имея нашу московскую поддержку, исправить положение.

Я хотел задать вопрос, где должны назначить новое руководство, в частности журнала «Звезда». Я считаю, что мы хозяева, Союз советских писателей. Это наш журнал, и ленин-

градцам надо с нами считаться. Я думаю, что в этот журнал должны быть включены: Прокофьев, Кетлинская, Берггольц, молодежь должна быть. Нужно сделать боевую коллегия. Можно и москвичей включить, это будет для связи полезно.

Я думаю, что вы учтете уроки сегодняшнего совещания и двинитесь вперед.

Здесь насчет «Знамени» прохаживались. Наше «Знамя» дает народу около 1 млн. рублей прибыли, а у тебя около миллиона убытка. Возьми эту справку и запиши.

Общий литературный процесс идет медленно. Когда описывали гражданскую войну, мы подходили к решению этой задачи в 1928—1929 гг., сейчас этот процесс идет быстрее. Рукописи приходят больше, они шире. Мы видим это. Вот некоторые цифры. Союз советских социалистических республик давал 3.600 художественных названий, а Америка давала до 1.800. Мы в два раза больше даем художественных названий. Этот процесс будет, несомненно, усиливаться.

Я прошу журнал «Ленинград», бесконечно нам дорогой, оставить, только сделать новый подбор рабочей силы в редколлегии, помочь ему. Это одна из наших первых радостей.

СТАЛИН. Если журнала не станет, Ленинград останется.

ПОПКОВ. Несколько замечаний. Первое. Я считаю, что критика, которая здесь была дана в выступлении Александрова и целого ряда товарищей в адрес ленинградских журналов правильная. В чем причины недостатков работы журналов? Я бы считал необходимым отметить следующее. Главная причина в том, что не было [над] этими журналами руководства и со стороны горкома партии, и со стороны Союза советских писателей. За это полугодие мы, горком партии, не удосужились ни разу поставить отчет или доклад редакционной коллегии и посмотреть план работы. Я имею в виду бюро горкома партии, план работы редакции как «Звезды», так и «Ленинграда», ни разу не ставили. Это само за себя говорит. Со стороны Союза советских писателей. Я, товарищ Сталин, должен дать справку. Последний журнал вышел с грифом, что это орган не Союза советских писателей, он выходил с грифом, что это орган Союза ленинградских писателей. Все номера 1946 года вышли с грифом Союза ленинградских писателей, а не Союза советских писателей. Как это получилось, что был орган Союза советских писателей, а потом неожиданно стал органом Ленинградских писателей? Кто в этом деле виноват и какое это имеет значение? Я считаю, что мы виноваты, что проглядели это. Во-вторых, кто здесь был инициатором? Инициаторами были т. Тихонов и Саянов, но они об этом ничего не сказали, а это имеет очень существенное значение. В результате получилось так практически, что Союз советских писателей от этого журнала ушел в сторону и перестал им руководить, и перестал ему помогать. Это с точки зрения руководства.

Почему изменили, об этом были сведения из ЦК партии, в частности, я дал задание установить, как получилось и по чьей инициативе это произошло. Я давал по этому поводу справку т. Кузнецову, почему и с каких пор литературный журнал «Звезда» стал журналом Союза ленинградских писателей? Оказалось, что никакого решения по этому поводу нет, а по разговору между Саяновым и Тихоновым он был назван органом Союза ленинградских писателей. Это первая причина, почему именно так крепко упало значение этого журнала.

Вторая причина. Я считаю, что [виновата] редакционная коллегия и, в частности, т. Саянов и тот состав редакции, который был. У них у всех очень большой авторитет имеет Зоценко, между прочим, никто не сказал об этом, а, к сожалению, это на сегодняшний день так. Когда обсуждали последний состав редакции, я не был, но они все рекомендовали Зоценко. Ведь почему появились последние произведения Зоценко в журнале «Звезда»? Потому что они, никто из членов редакции не осмелился сделать этого, так как вы считаете, что это царь и бог, и что даже, если он пишет ерунду, вы не считаете своей честью и своим долгом писателя одернуть его. Никто этого не сделал, никто нигде и никому не говорил об этом. Хорошо т. Вишневский выступает сейчас, а до того как в «Правде» появилась хорошая рецензия на него, до этого никто не говорил, и даже не критиковал.

В отношении Ахматовой. Здесь тоже получилось, что это такая величина, такая поэтесса, как же мы можем не печатать ее в нашей «Звезде». Ведь в этом дело, товарищ Сталин. Они преклоняются перед ними и боятся сказать в полный голос. У них самокритики или критики настоящей нет, и они, по существу говоря, этот журнал превратили в такой свой узкий круг людей, которых, якобы, критиковать нельзя. И из-за этого получилось, что у нас ни в этом журнале, ни в журнале «Ленинград» по-настоящему критики, вскрывающей недостатки того или иного произведения, не было.

Голос. «Ленинградская правда» похвалила Германа.

ПОПКОВ. Правильно, это было, хвалить хвалили, а критиковать — не критиковали, почему так и получается у нас.

МАЛЕНКОВ. Зачем Зоценко утвердили?

ПОПКОВ. Я должен взять вину на себя, а это решение горкома партии проглядел, без меня это было, проводил заседание товарищ Капустин (7). Я не снимаю ответственности с себя, но я слишком поздно узнал, только на-днях. Мы договорились с т. Ш[ироковым] о том, чтобы создать бригаду и проверить работу журналов, и внести этот вопрос на бюро горкома партии. Бригада такая работает, но Центральный Комитет в этом вопросе опередил горком партии и это я должен сказать со всей ответственностью. И второе, почему на бюро горкома редакцию стали утверждать, ведь это не дело горкома

партии. А почему получилось так, потому что журнал начал выходить с грифом Союза ленинградского Комитета писателей. Мы, в горькоме партии, не имели права утверждать редакцию, мы могли вносить на рассмотрение и утверждение ЦК партии, а это получилось потому, что он стал органом Союза ленинградских писателей.

И последнее насчет журнала «Ленинград». Я считал бы необходимым, как предлагает т. Александров, в целях того, чтобы поднять на должную высоту журнал «Звезда», «Ленинград», как журнал, ликвидировать и оставить в Ленинграде один журнал с тем, чтобы в нем дать больше возможностей шире участвовать писателям и печатать в этом журнале более квалифицированные с художественной точки зрения статьи.

И последнее. Андрей Александрович, я считаю необходимым решить серьезно вопрос насчет редактора журнала «Звезда». Кого же назвать можно было бы? Если из наших писателей ленинградских, я, например, считаю, что наиболее подходящей кандидатурой из наших писателей будет т. Прокофьев.

ЖДАНОВ. А Саянов как?

ПОПКОВ. Он очень культурный, знающий дело человек, но безвольный человек. Я прямо должен сказать, что он старается такое положение занимать, чтобы никого не обидеть и мне кажется, что интересы журнала из-за этого проигрывали очень много, и в результате в такое положение пришла наша «Звезда». Считал бы необходимым дать в редакцию журнала в качестве заместителя одного из наших партийных работников, скажем из нашей «Ленинградской правды» или из журнала «Пропаганда и агитация», как организатора для работы в этой редакции.

МАЛЕНКОВ. Германа надо оставлять?

СТАЛИН. Он хороший писатель, но они думают, что писатели политикой не занимаются, проповедают аполитичность.

ВЫСТУПЛЕНИЕ тов. ТИХОНОВА НА ЗАСЕДАНИИ
ОРГБЮРО ЦК ВКП(б) 9.VIII—1946 г.
ПО ВОПРОСУ О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И
«ЛЕНИНГРАД»

Журналы Ленинграда, конечно, не журналы провинциального города, маленького города. Эти журналы, действительно, должны быть журналами мирового значения.

Мы все отвечаем за советскую литературу и в первую очередь за ленинградские журналы, потому что мы не можем отделить наш ленинградский отряд советских писателей от наших остальных отрядов писателей. И когда я вспоминаю блестящий период ленинградской литературы, откуда выходили

прекрасные произведения, оставшиеся в истории советской литературы, это была общая радость, и сейчас больно видеть, что наши ленинградцы имеют такие большие ошибки, а главное, что они не являются средоточием того нового и того действенного начала, которое было в них даже в период осады. Может быть, тогда было труднее, они были слабее, но тогда они были, действительно, идеологическими, были крепче. Мы отвечаем за то, что получилось там. Непонятно, почему жанр детского рассказа попал в этот журнал. Если анализировать это среди детских вещей, то они непоказательны для того, чтобы ввести в особую рубрику журнала.

Что касается особого положения ленинградских писателей, то там создалось такое положение. Часть писателей погибла. Погибло 35 писателей. Это большая потеря, которую мы ощущаем. Среди погибших были талантливые люди, которые много обещали. Кроме того, много писателей уехало из Ленинграда, оставшаяся часть была в эвакуации. Когда они вернулись и перед ними поставили тему Ленинграда, они растерялись, они стали говорить — как же мы будем писать о том, чего мы не знаем. Давайте, мы подумаем. Они растерялись. Тогда каждый из них начал продолжать свою линию, которой шел раньше. Возьмем Борисова. Я считаю Борисова талантливым человеком, но последняя его вещь написана зря, потому что Грин, которого он берет, не нуждается в этом, так как он сам написал свою автобиографию лучше. И Грин настолько хорошо читаем, что его даже не нужно повторять. Борисов мог бы написать очень хорошую вещь, если бы над этим подумал.

Ахматова Анна, это особая статья, это не только Ленинград. Молодое поколение думало, что она умерла и вдруг увидело писательницу, которая давно выполнила свою политическую линию. Если она, несмотря на свой возраст, написала стихотворения, о которых говорил Прокофьев, это не значит, что после этого она может начинать возрождать старое положение. Нового Ахматова ничего не может дать. Поэтому мы думаем, что не нужно устранять то, что не является апофеозом такого порядка, на который она не может рассчитывать.

Это положило начало, которое привело к другому ошибочному положению, когда стали смешиваться традиции Ленинграда, когда от броневика начали двигаться к Медному всаднику.

Поэтому все эти ошибки вытекают из направления расслабленного состояния. Если даже взять этическую сторону, то есть очень слабые вещи. Кроме того, имеет место увлечение иностранщиной. Это есть. Слава богу, сейчас это начинает исчезать, люди начинают понимать, что недопустимо слепо следовать Пристли, который в последнее время занял у нас все журналы и сцены. Но это сейчас понятно писателям, что Пристли не великое литературное имя, а порождение быстро-

го, легкого литературного меркантилизма, который возник. Это сейчас уже выяснено.

Журналы делали также ошибку, когда выдвигали Бальзака и других иностранных писателей. Конечно, наши рассказы начинающих авторов не выдерживают критики, но все-таки нельзя этого было делать.

Мне кажется, что журналам Ленинграда надо помочь. То, что здесь идет обсуждение и критика их, это высокая честь и это налагает гораздо большую ответственность и не только на журналы ленинградские, но и другие. Журналы должны стать отрядом настоящей литературы большой политической жизни.

СТАЛИН: Они должны воспитывать нашу молодежь.

ТИХОНОВ: Поэтому надо резко укрепить работу редколлегий. Надо подкрепить их политическими работниками, может быть, даже работниками философского плана, которые были бы ответственным редактором, или заместителем, или секретарем. Но несомненно, это дело должно быть поднято. А журнал «Ленинград» закрывать нельзя, потому что это потеря в нашем литературном балансе. Это значит, что мы не оставим этот «пяточок», как мы говорили раньше — особый участок ленинградской обороны, пусть малый, но имеющий большое значение. Если мы потеряем журнал «Ленинград», это будет означать, что мы потеряли кусочек советской культуры.

ВЫСТУПЛЕНИЕ тов. ШИРОКОВА НА ЗАСЕДАНИИ
ОРГБЮРО ЦК ВКП(б) 9.VIII—1946 г.
ПО ВОПРОСУ О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И
«ЛЕНИНГРАД»

Тов. Александров дал правильную оценку журналам «Звезда» и «Ленинград». Нельзя не согласиться с этой оценкой. Почему журналы «Звезда» и «Ленинград» оказались в таком неприглядном виде? Объяснить это можно двояко: общими причинами слабой работы редакций журналов и недостаточным руководством журналами со стороны отдела пропаганды Ленинградского горкома партии. Редакционные коллегии журналов не организовали авторского коллектива. В работе редколлегий отсутствует плановое начало. Материал в редакции поступает в значительной мере самотеком. Редколлегии получают материал не тот, который они должны заказывать, а тот, который приносят в редакции. В редакциях журналов либерально относятся к авторам. При отборе материала руководствуются не принципиальными соображениями, а тем, как бы кого не обидеть, как бы не нарушить дружеских отношений с товарищами. Это мешает в работе и очень мешает.

Тов. Саянов выступил здесь правильно, указал, что одной из серьезных причин крупнейших недостатков в работе журна-

лов является недостаточно высокий идейно-политический уровень писателей. Этим можно объяснить и тот печальный факт, что многие писатели, большая часть, уходят от советской темы.

Если человек недостаточно вооружен передовыми идеями марксизма-ленинизма, он слабо ориентируется в сложной послевоенной обстановке, поэтому он не уверен в успехе своей работы на современную жгучую тему, он боится провала, боится критики.

В результате слабой работы редколлегий на страницах журналов часто мирно уживаются рядом и хорошие произведения и плохие. Я не могу сказать, что в журналах «Звезда» и «Ленинград», печатаются только плохие произведения. Имеются и хорошие рассказы. Вот, например, в номере 4 журнала «Звезда» за 1946 год напечатан неплохой рассказ Соловьева «Тетя Нюша — мореплаватель». Героиней рассказа является ленинградская женщина, которая принимала активное участие в борьбе за Ленинград. Рядом с этим рассказом напечатан другой рассказ Дмитрия Островского «Лили Марнет». Героиней этого рассказа является публичная женщина. Или взять номер 5—6 журнала «Звезда» за 1946 год. На страницах этого номера журнала помещен рассказ Соколова-Микитова «Водолазы». Речь идет об участии эпроновцев в борьбе за Ленинград. На мой взгляд, неплохой рассказ. Рядом с этим рассказом идет [рассказ] Зощенко «Приключения обезьяны». Тут уже дали оценку этому рассказу. Правильно. В этом рассказе опошляется военная тема. Советские люди военного времени изображаются бездельниками. Вот такое сочетание на страницах журналов плохого и хорошего, оно объясняется в значительной мере тем, что материал не организован редакциями, идет в значительной мере самотеком и в результате журналы теряют свое лицо. Если материал не планируется, то лицо журнала, направление его определяет не редколлегия, а случайные авторы. Это очень опасно.

Я не могу сказать, что отдел пропаганды Ленинградского горкома не уделял никакого внимания журналам, не занимался журналами. Мы занимались, мы, конечно, не сумели вскрыть всех тех серьезных недостатков и ошибок, которые здесь отмечались, но мы ряд ошибок и недостатков сумели вскрыть сами и эти недостатки обсуждали на совещании редколлегий журналов «Звезда» и «Ленинград» в мае месяце в отделе пропаганды и агитации горкома. В июне месяце отдел пропаганды и агитации горкома созвал совещание писательского актива. На этом совещании также обсуждались вопросы о работе ленинградских писателей в целом, но больше всего внимания было уделено вопросам работы над журналами. Мы говорили о недостатках этих журналов. Что не было сделано отделом пропаганды Ленинградского горкома партии и за что отдел несет ответственность? Мы не сумели организовать в ленинград-

ских газетах критики недостатков наших журналов. Наша печать ленинградская мало уделяла внимания журналам. Мы не сумели своевременно решить вопрос о составе редакций. Редакции работают слабо. Скажем, в редколлегии журнала «Звезда» работают два человека — это Саянов и Прокофьев.

СТАЛИН: Не умеют поставить работу. Не может быть, чтобы в Ленинграде людей не было.

ШИРОКОВ: Есть люди, но плохо организована работа. В этом основная вина. Редакционная коллегия журнала «Ленинград» по своему составу многочисленная, но она составлена неправильно по принципу представительства: там и художники, там и писатели, там и архитекторы, а работают два человека — Лихарев и Левоневский. Я должен сказать, что Лихарев работает мало, он в значительной мере передоверяет работу Левоневскому. Я не могу сказать ничего плохого о Левоневском, он энергичный работник, но ответственный за журнал Лихарев.

ЖДАНОВ: Левоневский секретарь?

ШИРОКОВ: Секретарь, но по существу тянет работу на своих плечах. Что нужно сделать отделу пропаганды Ленинградского горкома партии для того, чтобы помочь журналу? Это лучше организовать и в больших масштабах идейно-политическую подготовку писателей. Мы в этом отношении пока сделали мало. Правда, мы организовали при университете марксизма-ленинизма отделение для работников искусства, в том числе и для писателей, но прямо должен сказать, что писатели туда не всегда охотно идут на это отделение учиться. Сейчас мы проводим набор на первый курс университета, должны принять 300 человек. Нам необходимо больше предоставить возможностей писателям попасть в университет марксизма.

СТАЛИН: Чтобы в школу их таскать. Это трудно будет, они взрослые люди. Дать им пособия, они прочитают, сами поймут. Зачем в школу таскать?

ШИРОКОВ: Не получается у них это.

СТАЛИН: Заинтересуются, будут читать.

ШИРОКОВ: И надо решить вопрос о составе редакционных коллегий журналов «Звезда» и «Ленинград».

МАЛЕНКОВ: Кто редактор сейчас?

ШИРОКОВ: Саянов.

МАЛЕНКОВ: Было решение о составе редакции?

ШИРОКОВ: О новом составе редколлегии было решение.

СТАЛИН: Кого выдвинули редактором?

ШИРОКОВ: Выдвинули молодого писателя Капица. Из каких соображений мы исходили, может быть и ошибались. Мы исходили из следующих соображений. Тов. Саянов известный человек среди писателей, но он мало обладает организатор-

скими способностями, мало предъявляет требований к писателям.

СТАЛИН: Что-то не слышали о таком писателе.

ШИРОКОВ: Капица молодой писатель, у него сейчас вышла работа «В открытом море».

МАЛЕНКОВ: Писатели его признают?

СТАЛИН: Авторитет будет у него среди писателей?

ШИРОКОВ: В Ленинграде, когда обсуждали вопрос о редакторе, среди писателей ленинградских возражений не было.

СТАЛИН: Может быть подошли так, что слабого бояться нечего. В старое время царем сажали чужака, слабого человека, чтобы легче было нажимать на него. Может быть так обстоит дело?

ШИРОКОВ: Я не думаю.

МАЛЕНКОВ: Но что же, эта редакция действует или старая?

ШИРОКОВ: Пока старая.

МАЛЕНКОВ: Два месяца тому назад назначили новую редакцию, а действует старая.

ШИРОКОВ: Номер 6 очередной готовила старая редакция и решили, чтобы она довела до конца начатое дело.

ЖДАНОВ: В свое время места мокрого не оставили ленинградцы от Зошенко.

СТАЛИН: А такие, как Зошенко, они имеют власть над журналом. Это что же ленинградский журнал или журнал Союза Советских писателей?

ШИРОКОВ: Нет, не ленинградский.

СТАЛИН: Вы хотите, чтобы было подтверждено ваше решение?

ЖДАНОВ: Вы оформили новую редакцию, или обе существуют?

ШИРОКОВ: Мы решение приняли у себя.

МАЛЕНКОВ: Приняли решение утвердить редакцию и ввели Зошенко.

СТАЛИН: Ленинградский комитет осведомлен о вашем решении о новой редакции?

МАЛЕНКОВ: Это ленинградский комитет решил.

СТАЛИН: Вы что же требуете, чтобы мы утвердили это?

ШИРОКОВ: Судя по тому, как вопрос ставится в ЦК, по видимому, редактором «Звезды» надо утвердить более серьезного человека, которого не только в Ленинграде, но и в стране знают. Капицу знают в Ленинграде, но страна не знает.

СТАЛИН: Агитпропу не было известно намерение закрыть?

ШИРОКОВ: Нет.

Ф. 17. Оп. 117. Д. 1032. ЛЛ. 45—67. Незаверенная машинописная копия.

Примечания:

1. В заседании 9 августа принимали участие члены Оргбюро ЦК ВКП(б): Александров, Андрианов, Булганин, Жданов, Кузнецов А., Кузнецов В., Маленков, Мехлис, Михайлов, Патолочев, Попов, Родионов, Сталин, Сулов. Члены ЦК: Вахрушев, Задниченко, Поскребышев, Поспелов. Кандидаты в члены ЦК: Гусаров, Жаворонков, Кафтанов, Попков, Сторожев. Председатель Центральной ревизионной комиссии ЦК Владимирский. Член ЦРК ЦК Игнатьев. Заместители начальников управлений ЦК: Андреев Е., Еголин, Иовчук, Кузаков, Павленко, Федосеев. Управляющий делами ЦК: Крупин. Помощники секретарей ЦК Ведерников, Кузнецов, Шварев. Секретарь ЦК ВЛКСМ: Иванов. Редакторы газеты «Известия»: Ильичев, Ицков. Секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Широков. Писатели: Вишневыский, Левоневский, Никитин, Капица, Лихарев, Ниллин, Прокофьев, Саянов, Тихонов, Фадеев. Кинематографисты: Калатозов, Луков, Пырьев, Савченко.

2. Вероятнее всего, не стенографировалось только выступление Г. Ф. Александрова.

3. Рассказ М. М. Зошенко «Приключения обезьяны» опубликован в 5—6 номере журнала «Звезда».

4. Речь идет о романе Е. Катерли «Некрасов».

5. Правильно: «Проншествие на Олимпе» (Ленинград. № 3—4).

6. Имеется в виду статья Л. Рахманова «Три повести», помещенная в «Литературной газете» 1 июня 1946 г.

7. Речь идет о следующем постановлении Ленинградского горкома ВКП(б) от 26 июня 1946 г.: «п. 2. О журнале «Звезда» (т. т. Широков, Кожемякин, Капица, Саянов, Прокофьев). В целях улучшения качества работы журнала «Звезда» бюро горкома ВКП(б) постановляет: 1. Утвердить редколлегия журнала «Звезда» в следующем составе: т. т. Капица П. И. (ответственный редактор), Герман Ю. П., Груздев И. А., Зошенко М. М., Мейлах Б. С., Никитин Н. Н., Прокофьев А. А. и Саянов В. М. 2. Обязать новый состав редколлегии в области художественной прозы уделять больше внимания советской тематике, не увлекаясь чрезмерно историческими сюжетами, в ущерб актуальным вопросам советской действительности».

№ 88

В. С. Абакумов — А. А. Кузнецову

10 августа 1946 г.

Герб СССР
МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Экз. № 1
№ 1392/А
гор. Москва

10 августа 1946 г.

Совершенно секретно

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

товарищу КУЗНЕЦОВУ А. А.

При этом направляю справку по имеющимся в МГБ СССР материалам на писателя ЗОЩЕНКО М. М.

ПРИЛОЖЕНИЕ: — по тексту.

В. АБАКУМОВ

СПРАВКА

на писателя ЗОЩЕНКО Михаила Михайловича

ЗОЩЕНКО Михаил Михайлович, 1895 года рождения, уроженец г. Полтавы, беспартийный, русский, из дворян, быв. штабс-капитан царской армии, член Союза Советских писателей, орденосец. Постоянно проживает в гор. Ленинграде.

В своей автобиографии ЗОЩЕНКО пишет, что он родился в семье художника, отец его происходит из дворян.

В 1913 году окончил гимназию, поступил на юридический факультет университета; в начале 1915 года ушел из университета на фронт, где и пробыл вплоть до весны 1919 года — сначала в царской армии, потом в гражданскую войну в Красной Армии. На фронте был ранен и отравлен газом. В апреле 1919 года вследствие болезни сердца был освобожден от военной службы, после чего в течение 3-х лет переменял до 10 профессий. Был агентом Уголовного розыска — Ораниенбаум, инструктором по кролиководству и куроводству — Маньково. Смоленской губернии, телефонистом пограничной охраны, милиционером (Лигово) и т. д. В 1921 году начал писать рассказы. Первый рассказ был напечатан в декабре 1921 года в Петербургском Альманахе.

На протяжении ряда лет ЗОЩЕНКО характеризуется как писатель с антисоветскими взглядами, критикующий политику партии в области искусства и литературы.

ЗОЩЕНКО до последнего времени в своей творческой деятельности остается в стороне от советской действительности, не принимая участия в создании литературных произведений, отражающих нашу современность.

В прошлом (1921 г.) ЗОЩЕНКО являлся членом литературного содружества «Серапионовы братья» — группировки вредной по своему идеологическому характеру. В выпущенном в 1921 году «Манифесте» этой группы говорилось:

«В эпоху регламентаций и установления казарменной жизни, создания железного и скучного устава, мы вынуждены организоваться. Нас атакуют и справа и слева. У нас спрашивают с кем мы — с монархистами, с эсерами или большевиками?

Мы — ни с кем, мы просто русские... Нас ни одна партия в целом не удовлетворяет. Искусство не имеет общественной функции. Общественная функция убивает искусство, убивает талант. Мы пишем не для пропаганды...»

В этот период ЗОЩЕНКО являлся автором антисоветских рассказов, которые читались в близких ему литературных кругах.

ЗОЩЕНКО постоянно высказывает свое враждебное отношение к советской цензуре, жалуясь на невозможность заниматься творческой работой.

Еще в 1927 году он заявил:

«Мы беззубые юмористы, нам не позволяют трогать существенные вопросы. Всякая критика запрещена. Непременное требование идеологии лишает возможности объективно отражать быт и жизнь».

В 1940 году по этому вопросу ЗОЩЕНКО говорил:

«Я совсем не знаю, о чем я должен и могу писать, напишешь резко — не пропустят, а написать просто — мне трудно. Я вижу сплошные неполадки вокруг... Рабочие и служащие не заинтересованы в своей работе, да и не могут быть заинтересованы, так как для этого им должны платить деньги, на которые они могли бы существовать, а не прикреплять их к работе... Вообще впечатление такое, точно мозг всех учреждений распался, так как большинство хороших руководящих работников изъято, а новых нет».

В 1942 году, во время наступления немецких войск, ЗОЩЕНКО высказывал неверие в победу Советского Союза в войне с Германией.

В 1943 году ЗОЩЕНКО была написана книга «Перед восходом солнца», в которой показал советскую действительность в вульгарно-обывательских тонах. Советские люди изображены им, как нравственно уродливые, мелкие и корыстные. Это произведение было осуждено литературной критикой и общественностью, как идеологически вредное.

ЗОЩЕНКО М. М. считал, что критика и осуждение его повести «Перед восходом солнца» были направлены не против книги, а против него самого.

«Мне было ясно дано понять, что дело здесь не только в повести. Имела место попытка «повалить» меня вообще, как писателя, так как вся моя писательская работа, а не только повесть «Перед восходом солнца», была осуждена «вверх».

ЗОЩЕНКО рассказывал, что его повесть, якобы, вызвала всеобщее восхищение, ее одобряло руководство Союза Советских писателей; академик СПЕРАНСКИЙ и психиатр ТИМОФЕЕВ согласились с «научными» выводами ЗОЩЕНКО. Некоторые работники аппарата ЦК ВКП(б) разрешили ее печатать, а во время «проработки» большинство этих лиц «продали» его и выступили против книги.

В этой связи ЗОЩЕНКО давал следующую оценку состоявшая советской литературы:

«Я считаю, что советская литература сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели. Нет зачастую у руководителей глубокого понимания задач искусства».

«Творчество должно быть свободным, у нас же — все по указке, по заданию, под давлением».

По вопросу о своих планах на будущее ЗОЩЕНКО заявляет:

«Мне нужно переждать. Вскоре после войны литературная обстановка изменится и все препятствия, поставленные мне, падут. Тогда я буду снова печататься. Пока же я ни в чем не изменюсь, буду стоять на своих позициях. Тем более потому, что читатель меня знает и любит».

В 1944 году ЗОЩЕНКО возвратился в Ленинград на постоянное местожительство. Здесь им был написан цикл рассказов «О войне», по содержанию политически ошибочных. Внешне подчеркивая стремление перестроить свое творчество на актуальные темы, ЗОЩЕНКО продолжает писать и выступать перед слушателями с произведениями, отражающими его пацифистское мировоззрение (рассказы «Стратегическая задача», «Ши» и др.).

Творчество ЗОЩЕНКО в последний период времени ограничивается созданием малохудожественных комедий, тенденциозных по своему содержанию: «Парусиновый портфель», «Очень приятно».

В настоящее время ЗОЩЕНКО продолжает критиковать строгость цензурного режима, отсутствие условий для подлинного творчества. ЗОЩЕНКО имеет довольно обширный круг связей среди писателей Москвы и Ленинграда.

По Ленинграду близок с писателями СЛОНИМСКИМ, КАВЕРИНЫМ, Н. НИКИТИНЫМ (бывшими членами литературной группировки «Серапионовы братья»).

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА 2-го ГЛАВ. УПРАВ.
МГБ СССР

ШУБНЯКОВ

«10» августа 1946 года

Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. ЛЛ. 18—21. Машиннописный текст. Подпись — автограф Шубняка. Исторический архив. 1992. № 1. С. 137—139.

№ 89

М. И. Щербаков — А. А. Кузнецову

12 августа 1946 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. КУЗНЕЦОВУ А. А.

В библиотеке журнала «Огонек», где должны публиковаться лучшие произведения советских писателей, выпущен сборник рассказов Михаила Зощенко тиражом 100 тысяч экземпляров. В этот сборник включен пасквильный рассказик «При-

ключения обезьяны», уже осужденный в ЦК ВКП(б) при разборе ленинградских журналов и подвергнутый справедливой критике в последнем номере газеты «Культура и жизнь». (1)

В остальных рассказах сборника в той или иной степени встречаются те же мотивы пошлой пародии на советскую действительность, что и в «Приключении обезьяны».

В рассказе «Через тридцать лет» рассказывается о том, как автор приехал к своей родной сестре и

«подарил ее детям каждому по сто рублей на игрушки. И мужу ее — санитарному врачу — отдал свой портсигар, на котором золотыми буквами было написано «Будь счастливым». Потом я дал на кино и конфеты еще по сто рублей ее детям».

Мораль рассказа: «Надо любить и жалеть людей, хотя бы тех, которые хорошие».

Каждому читателю становится ясно, что, по мнению Зощенко, в Советском Союзе не любят и не жалеют людей — не только плохих, но и хороших. И чтобы сделать всех счастливыми — надо дарить всем подарки.

В рассказе «Кочерга» рассказывается «забавное происшествие» о том, как у истопника на шесть печей была ... только одна кочерга. Этой кочергой он обжег одну служащую. Тогда возникла мысль — иметь кочергу на каждую печку. Составили заявку, но ... на складе кочерег не оказалось.

Этот рассказец может быть напечатан в любой иностранной газете, как образец антисоветской пропаганды: даже кочерга стала дефицитной в Советском Союзе!

Столь же надуманным является и рассказ «Фотокарточка». В нем рассказывается о мытарствах автора, который в течение восьми дней не мог сфотографироваться и упал в обморок. Помимо фотографии для пропуска, бедному автору

«Нужно еще сниматься для проездного документа, для членского билета и для посылки фотокарточки моим родственникам».

В рассказе «Пчелы и люди» Зощенко следующим образом пишет о нашем железнодорожном транспорте:

— Скажите, уважаемый, долго ли будем стоять на Вашей станции?

— Право, не знаю, может быть, и до вечера постоим.

...Ну, некоторое количество пчел успело все-таки вскочить на ходу. А большая часть осталась в полях и роще.

...Пчелы и звери абсолютно не переносят равнодушия к их судьбе. Вы же с ними поступили так, как, вероятно, поступаете с людьми...

Из приведенных примеров видно, что весь сборник Михаила Зощенко — балаганная обывательщина, отражающая советскую действительность в кривом зеркале.

Пошлые безыдейные антихудожественные рассказы М. Зощенко нашли себе покровителей и в Москве и изданы под ре-

дакцией поэта А. Суркова в библиотеке «Огонек» тиражом в 100 тыс. экземпляров.

Зав. отделом Управления
кадров ЦК ВКП(б)

М. Щербаков

12 августа 1946 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. ЛЛ. 35, 36. Машинописный текст.
Подпись — автограф М. И. Щербакова.

Примечание:

1. Имеется в виду статья Вс. Вишневского «Вредный рассказ Мих. Зо-
щенко», опубликованная в газете 10 августа 1946 г.

№ 90

А. М. Еголин — А. А. Жданову.

14 августа 1946 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А. А.

СПРАВКА

О М. М. Зощенко

Родился в 1895 году в Петербурге, в дворянской семье. Учился в Петербургском университете, неокончил. В царской армии был офицером. В годы гражданской войны служил в Красной Армии. В дальнейшем Зощенко переменил ряд профессий: работал делопроизводителем, был следователем уголовного розыска, инструктором по птицеводству и кролиководству и т. д. С 1921 года начал печатать рассказы. Состоял членом литературной группы «Серапионовы братья», пропагандировавшей аполитичность в литературе, независимость писателя от общественной жизни.

В годы НЭПа Зощенко выступил как автор пустых юмористических рассказов, главным героем которых был мещанин, обыватель. Рассказы Зощенко не имели серьезного обличительного характера и представляли собой пошлое зубоскальство, часто переходившее в глумление над советским человеком (рассказы «Баня», «Аристократка» и др.). Юмор Зощенко носит безыдейный, примитивно-грубый характер, чуждый традициям русской сатирической литературы, как классической (Салтыков-Щедрин, Чехов), так и советской.

Ничего ценного не создал Зощенко и в последующие годы. Продолжая оставаться писателем безыдейным и аполитичным Зощенко ничего и дальше не увидел положительного в развитии советской жизни. В своих рассказах Зощенко и по сей день настойчиво пропагандирует мысль, что за годы советской власти в облике советского человека никаких изменений не

произошло и что в нем сидит мещанин и обыватель (см., например, рассказы: «Фотокарточка», 1944 г.; «Если ему пятьдесят лет», 1946 г. и др.) В годы Отечественной войны Зоценко написал пошлую повесть «Перед восходом солнца» и несколько идеологически вредных рассказов о войне, в которых бойцы Красной Армии изображаются как ограниченные и примитивные люди (рассказы «Учительница», «Плохая земля» и др.).

В последнем своем рассказе «Приключения обезьяны» Зоценко окончательно разоблачил себя как писателя реакционного направления, как человека чуждого советской литературе.

А. Еголин

14.VII.46

Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. ЛЛ. 73, 74. Машинописный текст.
Подпись — автограф А. М. Еголина.

№ 91

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»

14 августа 1946 г.

п. 1 г. О журналах «Звезда» и «Ленинград».

ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале «Звезда» за последнее время наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зоценко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зоценко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зоценко «Приключения обезьяны» («Звезда» № 5—6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зоценко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зоценко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.

Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зоценко, тем более недопустимо, что редакции «Звезды» хорошо известны физиономия Зоценко и

недостойное поведение его во время войны, когда Зошенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца», оценка которой, как и оценка всего литературного «творчества» Зошенко, была дана на страницах журнала «Большевик».

Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой, безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декаденства — «искусства для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе.

Предоставление Зошенко и Ахматовой активной роли в журнале, несомненно, внесло элемент идейного разброда и дезорганизации в среду ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада. Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни (стихи Садофьева и Комиссаровой в № 1 за 1946 г. и т. д.). Помещая эти произведения, редакция усугубила свои ошибки и еще более понизила идейный уровень журнала.

Допустив проникновение в журнал чуждых в идейном отношении произведений, редакция понизила также требовательность к художественным качествам печатаемого литературного материала. Журнал стал заполняться малохудожественными пьесами и рассказами («Дорога времени» Ягдфельда, «Лебединое озеро» Штейна и т. д.). Такая неразборчивость в отборе материалов для печатания привела к снижению художественного уровня журнала.

ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зошенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой. Как и редакция «Звезды», редакция журнала «Ленинград» допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. Журнал напечатал ряд ошибочных произведений («Случай над Берлином» Варшавского и Реста, «На заставе» — Слонимского). В стихах Хазина «Возвращение Онегина» под видом литературной пародии дана клевета на современный Ленинград. В журнале «Ленинград» помещаются преимущественно бессодержательные, низкопробные литературные материалы.

Как могло случиться, что журналы «Звезда» и «Ленинград», издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности? В чем смысл ошибок редакций «Звезды» и «Ленинграда»? Руководящие работники журналов и, в первую очередь, их редакторы т. т. Саянов и Лихарев, забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи, и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя — его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплеизма и безыдейности.

Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, «искусства для искусства» чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах.

Недостаток идейности у руководящих работников «Звезды» и «Ленинграда» привел также к тому, что эти работники поставили в основу своих отношений с литераторами не интересы правильного воспитания советских людей и политического направления деятельности литераторов, а интересы личные, приятельские. Из-за нежелания портить приятельских отношений притуплялась критика. Из-за боязни обидеть приятелей пропускались в печать явно негодные произведения. Такого рода либерализм, при котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодежи приносятся в жертву приятельским отношениям и при котором заглушается критика, приводит к тому, что писатели перестают совершенствоваться, утрачивают сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед партией, перестают двигаться вперед.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что редакции журналов «Звезда» и «Ленинград» не справились с возложенным делом и допустили серьезные политические ошибки в руководстве журналами.

ЦК устанавливает, что Правление Союза советских писателей и, в частности, его председатель т. Тихонов не приняли никаких мер к улучшению журналов «Звезда» и «Ленинград» и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов.

Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах. Более того, зная отношение партии к Зощенко и его «творчеству», Ленинградский горком (т. т. Капустин и Широков), не имея на то права, утвердил решением горкома от 26.VI—с. г. новый состав редколлегии журнала «Звезда», в который был введен и Зощенко. Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку. «Ленинградская правда» допустила ошибку, поместив подозрительную хвалебную рецензию Юрия Германа о творчестве Зощенко в номере от 6 июля с. г.

Управление пропаганды ЦК ВКП(б) не обеспечило надлежащего контроля за работой ленинградских журналов.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать редакцию журнала «Звезда», Правление Союза советских писателей и Управление пропаганды ЦК ВКП(б) принять меры к безусловному устранению указанных в настоящем постановлении ошибок и недостатков журнала, выправить линию журнала и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных.

2. В виду того, что для издания двух литературно-художественных журналов в Ленинграде в настоящее время не имеется надлежащих условий, прекратить издание журнала «Ленинград», сосредоточив литературные силы Ленинграда вокруг журнала «Звезда».

3. В целях наведения надлежащего порядка в работе редакции журнала «Звезда» и серьезного улучшения содержания журнала, иметь в журнале главного редактора и при нем редколлегию. Установить, что главный редактор журнала несет полную ответственность за идейно-политическое направление журнала и качество публикуемых в нем произведений.

4. Утвердить главным редактором журнала «Звезда» тов. Еголина А. М. с сохранением за ним должности заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б).

5. Поручить Секретариату ЦК рассмотреть и утвердить состав редакторов отделов и редколлегии.

6. Отменить решение Ленинградского горкома от 26 июня с. г. о редколлегии журнала «Звезда», как политически оши-

бочное. Объявить выговор второму секретарю горкома тов. Капустину Я. Ф. за принятие этого решения.

7. Снять с работы секретаря по пропаганде и заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома тов. Широкова И. М., отзывав его в распоряжение ЦК ВКП(б).

8. Возложить партруководство журналом «Звезда» на Ленинградский обком. Обязать Ленинградский обком и лично первого секретаря Ленинградского обкома и горкома тов. Попкова принять все необходимые меры по улучшению журнала и по усилению идейно-политической работы среди писателей Ленинграда.

9. За плохое руководство журналом «Ленинград» объявить выговор тов. Лихареву Б. М.

10. Отмечая, что журнал «Звезда» выходит в свет со значительными опозданиями, оформляется крайне небрежно (обложка имеет неприглядный вид, не указывается месяц выхода очередного номера), обязать редакцию «Звезды» обеспечить своевременный выход журнала и улучшить его внешний вид.

11. Возложить на Управление пропаганды ЦК (т. Александрова) контроль за выполнением настоящего постановления ЦК.

12. Заслушать на Оргбюро ЦК через 3 месяца отчет главного редактора «Звезды» о выполнении постановления ЦК.

13. Командировать т. Жданова в Ленинград для разъяснения настоящего постановления ЦК ВКП(б) (1).

Из протокола № 274 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 28 августа 1946 г.

Ф. 17. Оп. 116. Д. 274. ЛЛ. 7—11. Подлинник. Машинописный текст.

Примечание:

1. Полностью текст постановления публикуется впервые. В августе 1946 г. в печати и в дальнейших изданиях помещался с изъятием последних девяти пунктов этого решения ЦК.

№ 92

Записка [А. М. Еголина] о М. М. Зощенко [ранее 15 августа 1946 г.]

К числу писателей Ленинградского отделения Союза советских писателей, состоящих в близких взаимоотношениях с Зощенко, можно отнести: Саянова, Прокофьева, Слонимского, Каверина и Никитина. Взаимоотношения с Зощенко Саянова и Прокофьева заключаются в том, что они, встречаясь периодически друг у друга на квартирах, обсуждают работу Ленинградского отделения Союза советских писателей, сопровождая эти беседы, как правило выпивками.

Взаимоотношения Лихарева с писателем Зощенко неизвестны. Необходимо отметить, что Прокофьев и Саянов всячески поддерживают Зощенко, главным образом в продвижении его литературных трудов.

Руководство Ленинградского отделения Союза советских писателей всячески поддерживает Зощенко в творческой работе как писателя, работающего над современными темами. Несмотря на целый ряд грубых политических ошибок в произведениях Зощенко и низкое качество художественного содержания, они все-таки всячески способствуют выпуску произведений Зощенко в свет.

В 1943 году Зощенко была написана книга «Перед восходом солнца». Эта книга по своему содержанию, как идеологически вредная, нашла резкое осуждение со стороны литературной общественности и печати.

В беседах среди своего близкого окружения по поводу осуждения своей книги Зощенко заявил следующее: «Нельзя централизовать литературу. Это можно сделать на производстве, но не в литературе. Это не правильная система, она приведет к тому, что у нас не будет настоящей литературы. Бороться тоже нельзя, слишком сильный противник Щербаков. (Тов. Щербаков дал отрицательную оценку книге). Никто не хочет в себя взглянуть до конца. Все филистеры. В этой книге я задел много людей и вот результат».

В 1944 году по возвращении из Москвы в Ленинград Зощенко написал цикл рассказов о войне с целью завоевать положительный авторитет со стороны руководящих советских и партийных органов после провала книги «Перед восходом солнца». Написанные же им вновь рассказы о войне по своему содержанию также страдали целым рядом политических ошибок. В этих рассказах автор и герой относились слишком либерально к немцам, развивали чрезвычайно слабую ненависть к немцам со стороны русских людей.

Творчество Зощенко за последний период времени ограничивается созданием малохудожественных комедий, тенденциозных по содержанию, таких как «Парусиновый портфель» и «Очень приятно».

Хорошие взаимоотношения между Зощенко, Слонимским и Кавериним относятся еще к 1926 году, к периоду существования созданной этими лицами группы «Серапионские братья», представляющей собой идеологически и политически вредную оппозицию в писательской среде. (О «Серапионских братьях» смотри Малая советская энциклопедия, Том 7, стр. 805—806) (1).

Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. ЛЛ. 33, 34. Машинописный текст.

Примечание:

1. В конце текста документа приписка [А. М. Еголина]: «Журнал свой издавали Тихонов, Зощенко, Никитин и Слонимский. Искусство для искусства».

Тезисы доклада А. А. Жданова на собрании писателей
в Ленинграде

[ранее 16 августа 1946 г.]

КОНСПЕКТ
доклада на собрании писателей

ЦК принял решение о журналах «Звезда» и «Ленинград». Мне поручено разъяснить это решение в Ленинграде. Разрешите его огласить. **О недостатках журнала «Звезда».**

Грубейшей ошибкой является предоставление страниц журнала Зоценко.

Зоценко «Приключения обезьяны». Людей представляет бездельниками, уродами. Копаются в быту. Нет ни одного положительного типа.

Обезьяна выступает в роли судьи порядков. Читает мораль. «В клетке спокойнее жить».

Кто такой Зоценко? Его физиономия. «Серапионовы братья». Пошляк. Его произведения — рвотный порошок. В его лице на арену восходит ограниченный мелкий буржуа, мещанин.

Возмутительная хулиганская повесть «Перед восходом солнца».

Этот отщепенец и выродок диктует литературные вкусы в Ленинграде. У него рой покровителей.

Пакостник, мусорщик, слякоть.

Зоценко во время войны.

Человек без морали, без совести.

Ему не нравятся наши порядки. Он вздыхает по другим.

Что же, нам приспособлять свой строй, быт, мораль к Зоценковс[кой] обезьяне. Пусть сам приспособливается. Если не хочет, — пусть убирается прочь из советской литературы.

Вторым персонажем, «персона грата», стала Ахматова. Представитель чуждой советской литературы, пустой, безыдейной поэзии.

Горький говорил, что десятилетие 1907—1917 гг. заслуживает имени самого позорного и самого бесстыдного десятилетия в истории русской интеллигенции.

Ахматова является представительницей буржуазно-дворянской поэзии.

Взбесившаяся барыня. Тематика ее поэзии — между будауаром и моленной.

Поэзия верхних 10.000.

Губы, да зубы, груди, да колени.

Тоска. Одиночество. Зоологический индивидуализм. Искусство для искусства.

Ковыряние в своих эмоциях. Внутреннее опустошение.

Не откликнулась ни на одно явление современности и стояла в стороне от народа. Она соратница...

Ее поэзия — выражение упадка, заката буржуазной и дворянской культуры.

Перепуганные грядущей революцией акменсты провозгласили своим лозунгом «не вносить никаких поправок в бытие и в критику последнего не вдаваться».

Отравляет сознание. Популяризация Ахматовой недопустима.

У нас не частное предприятие.

3) Отравили и других.

4) Пропаганда безыдейности стала равноправной. Зощенко стал руководящей литературной силой в Ленинграде.

5) Не случайно увлечение буржуазной литературой Запада. Стали рассматривать себя как учеников.

6) Удаление от современной тематики.

7) Журнал «Ленинград». Та же Ахматова, тот же Зощенко. Пародия на Онегина.

Пародия на пародию о Некрасове.

Заграничный анекдот.

8) Снижение художественного качества произведений. Ягдтфельд (1) «Дорога времени». Штейн «Лебединое озеро» и т. д.

9) Все это означает, что в «Звезде» и «Ленинграде» свили себе прочное гнездо представители безыдейной литературы, проповедники пустой, бессодержательной поэзии, усталости, пошлости.

10) Ленинизм исходит из того, что наша литература должна быть партийной, что она должна быть могучим средством воспитания советских людей в интересах народа, государства, партии.

Советская литература сложилась как самая передовая литература в мире на основе своего служения народу, социализму.

За ней признано огромное преобразующее значение.

Наши писатели названы инженерами человеческих душ.

Ленин о литературе как партийной.

Наша литература впитала лучшие традиции русской литературы. Народность. Искусство как служение народу.

Белинский, Чернышевский. «Письмо к Гоголю».

Добролюбов.

Руководители журналов забыли основное положение ленинизма.

Мы требуем, чтобы руководствовались политикой.

Советский строй не может терпеть воспитания наших людей в духе безыдейном. Если бы мы же воспитали наших людей в духе веры в свое дело, то и немцев не разбили бы.

Наши журналы есть журналы народа и не имеют права приспособливаться к вкусам людей, которые не хотят признавать наших задач нашего развития.

У нас интересы одни: воспитать молодежь в духе веры в свое дело, бодрости.

11) Приятельские отношения и критика. Либерализм за счет народа. Без критики ничего не выйдет. Без критики можно загнить. Болезнь пойдет вглубь. Только так можно совершенствоваться.

12) Ликвидировать безответственность. Не поймешь кто отвечает.

13) **Народ вырос.** Изголодался по культуре. Требования повысились.

Не всякий товар проглотят.

Нажать на качество.

14) Восстановить славные традиции Ленинграда.

15) Растить идейно и художественно. Не отставать.

Современная тематика.

Когда о ней будут писать?

Только еще войну осмысливают, а через два года будут осмысливать восстановление.

16) Роль советской литературы. Наша литература сроднилась с народом. Каждый ваш успех — праздник для народа. Каждая неудача — горька и обидна.

Безыдейные люди хотят лишить наше искусство смысла и назначения, отнять у искусства его преобразующую роль, превратить его в самоцель или развлечение.

Это — возвращение к каменному веку.

Это — возврат к дикости и варварству.

Это — маразм и растление.

Вы стоите на передовых линиях идеологии.

Где вы найдете такой народ и страну как у нас?

Вы призваны развивать у наших людей лучшие качества.

Вы призваны показывать нашим людям какими они должны быть завтра.

Ведь мы уже не те, что были.

Русские стали другими.

О футбольном матче.

Что надо ликвидировать.

Утверждение и воспевание социализма.

О качестве, о мастерстве, о работе над производением.

Тяжелейший кризис и упадок буржуазной культуры.

Гангстеры, герлс.

Не учиться, а учить.

Наступать, а не обороняться.

Мы хотим не удаления литературы от вопросов современности, а активн[ого] вторжения литературы во все сферы формирования общественного сознания советского человека.

Чтобы она укрепляла морально-политическое единство нашего народа.

Чтобы она выполняла свою историческую миссию.

Мы хотим изобилия духовной культуры, расцвета и богатства советской культуры — авангарда общечеловеческой культуры.

Мы хотим, чтобы Ленинград восстановил свою роль расадника передовых идей.

Мы уверены, что эта задача вам по плечу.

Ф. 77. Оп. 1. Д. 978. ЛЛ. 111—118. Машинописный текст. Правка в тексте — автограф А. А. Жданова.

Примечание:

1. Правильно: Ягдфельд.

№ 94

М. М. Зощенко — И. В. Сталину

27 августа 1946 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я никогда не был антисоветским человеком. В 1918 году я добровольцем пошел в ряды Красной армии и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск. Я происходил из дворянской семьи, но никогда у меня не было двух мнений — с кем мне надо идти — с народом или с помещиками. Я всегда шел с народом. И этого никто от меня не отнимет.

Мою литературную работу я начал в 1921 году. И стал писать с горячим желанием принести пользу народу, осмеивая все то, что подлежало осмеянию в человеческом характере, сформированном прошлой жизнью.

Нет сомнения, я делал ошибки, впадая иной раз в карикатуру, каковая в двадцатых годах требовалась для сатирических листков. И если речь идет о моих молодых рассказах, то следует сделать поправку на время. За четверть столетия изменилось даже отношение к слову. Я работал в советском журнале «Бузотер», каковое название в то время не казалось ни пошлым, ни вульгарным.

Меня никогда не удовлетворяла моя работа в области сатиры. Я всегда стремился к изображению положительных сторон жизни. Но сделать это было нелегко, так же трудно, как комическому актеру играть героические роли.

Однако шаг за шагом я стал избегать сатиры и, начиная с 30-го года, у меня было все меньше и меньше сатирических рассказов.

Я это сделал еще и потому, что увидел, насколько сатира опасное оружие. Белогвардейские издания нередко печатали мои рассказы, иной раз искажая их, а подчас и приписывая мне то, что я не писал. И к тому же не датировали рассказы, тогда как наш быт весьма менялся на протяжении 25 лет.

Все это заставило меня быть осмотрительней и, начиная с 35 года, я сатирических рассказов не писал, за исключением газетных фельетонов, сделанных на конкретном материале.

В годы Отечественной войны, с первых же дней я активно работал в газетах и журналах. И мои антифашистские фельетоны нередко читались по радио. И мое сатирическое антифашистское обозрение «Под липами Берлина» играли на сцене Ленинградского театра «Комедия» в сентябре 1941 года.

В дальнейшем же я был эвакуирован в Среднюю Азию, где не было журналов и издательств и я поневоле стал писать киносценарии для студии, находящейся там (1).

Что касается моей книги «Перед восходом солнца» (начатой в эвакуации), то мне казалось, что книга эта нужна и полезна в дни войны, ибо она вскрывала истоки фашистской «философии» и обнаруживала одно из слагаемых в той сложной сумме, которая иной раз толкала людей к отказу от цивилизации, к отказу от высокого сознания и разума.

Я не один так думал. Десятки людей обсуждали начатую мной книгу. В июне 43 года я был вызван в ЦК и мне было указано — продолжать эту мою работу, получившую высокие отзывы ученых и авторитетных людей.

Эти люди в дальнейшем отказались от своего мнения и поэтому я не считал возможным усиливать их трусость или сомнения своими жалобами. А если я сейчас сообщаю об этом, то отнюдь не в плане жалобы, а с единственным желанием показать, какова была обстановка, приведшая меня к ошибке, вызванной, вероятно, каким-то моим отрывом от реальной жизни.

После резкой критики, которая была в «Большевике», я решил писать для детей и для театров, к чему всегда у меня была склонность.

Этот маленький шуточный рассказ «Приключения обезьяны» был написан в начале 45 года для детского журнала «Мурзилка». И там же он и был напечатан. А в журнал «Звезда» я этого рассказа не давал. И там он был перепечатан без моего ведома.

Конечно, в толстом журнале я бы никогда не поместил этот рассказ. Оторванный от детских и юмористических рассказов, этот рассказ в толстом журнале несомненно вызывает

нелепое впечатление, как и любая шутка или карикатура для ребят, помещенная среди серьезного текста.

Однако в этом моем рассказе нет никакого эзоповского языка и нет никакого подтекста. Это лишь потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла. И я даю в этом честное слово.

А если бы я хотел сатирически изобразить то, в чем меня обвиняют, так я бы мог это сделать более остроумно. И уж во всяком случае, не воспользовался таким порочным методом завуалированной сатиры, методом, который вполне был исчерпан в 19 столетии.

В одинаковой мере и в других моих рассказах, в конх усматривался этот метод — я не применял сатирической направленности. А если иной раз люди стремились увидеть в моем тексте какие-либо якобы затушеванные зарисовки, то это могло быть только лишь случайным совпадением, в котором ничего моего злого умысла или намерения не было.

Я ничего не ишу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Мне весьма тяжело быть в Ваших глазах литературным пройдохой, низким человеком или человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров. Это ошибка. Уверю Вас.

Мнх. Зошенко (2)

27 августа 1946 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. ЛЛ. 76—78. Незаверенная машинописная копия. Исторический архив. 1992. № 1. С. 139—141.

Примечания:

1. М. Зошенко находился в эвакуации в Алма-Ате с осени 1941 г. по весну 1943 г.

2. На первой странице документа в левом верхнем углу резолюция «Тов. Жданову. Поскребышев». Ниже резолюция А. Жданова: «Ознакомить вкруговую с-рей ЦК т. Кузнецова А. А., т. Патолычева Н. С., т. Попова Г. М., т. Александрова Г. Ф. Читал Жданов».

№ 95

Б. Н. Пономарев — А. А. Жданову

21 сентября 1946 г.

№ 25

21 сентября 1946 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А. А. (1)

В зарубежной прессе появляются враждебные нам комментарии постановлений Центрального Комитета ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров и кинофильме «Большая жизнь» (например: «Эджи-

шен газетт», выходящие в Вене союзнические газеты, лондонская газета «Дейли Мейл», «Право Лиду» в Праге и другие) (2).

С другой стороны, сочувствующие СССР органы печати пытаются дать на свой страх и риск разъяснения в духе положительных оценок этих постановлений.

Американский журнал «Нью Массес» прислал нам телеграмму следующего содержания:

«Нам требуется немедленно подробная статья на тему: «О советской критике ленинградских журналов, театра и других искусств».

Таким образом дружественная нам пресса нуждается в нашей информации по этому вопросу и в наших комментариях с тем, чтобы дать отпор враждебным выпадам.

В виде опыта Совинформбюро поручило написать статью писателю Всеволоду Вишневскому.

Прошу дать указания о том, следует ли освещать в зарубежной печати этот вопрос, дать отпор соответствующим выступлениям в духе положений, содержащихся в статье В. Вишневского.

Приложение: Статья В. Вишневского.

Заместитель начальника Совинформбюро

Б. Пономарев (3)

Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. ЛЛ. 88, 88 об. Машинписный текст. Подпись — автограф Б. Н. Пономарева.

Примечания:

1. Документ написан на бланке Совинформбюро.

2. В информации от 3 октября 1946 г. представителя Совинформбюро во Франции Б. Михайлова, например, сообщалось о начавшейся во французской печати кампании в связи с постановлениями ЦК о ленинградских журналах, о кинофильме «Большая жизнь», о репертуаре драматических театров. По сведениям Михайлова «по этому вопросу напечатано свыше 80-ти статей и заметок... выступило... 35 газет в Париже и 16 газет в провинции».

3. На первом листе резолюция: «т. Александрову. Жданов». Ниже пометка: «В архив. Г. Александров. 25/II—47».

№ 96

Прокст интервью В. В. Вишневского для журнала «Нью Массес»

[ранее 21 сентября 1946 г.]

В СОВИНФОРМБЮРО

Передаю здесь свой текст интервью для американского левого журнала «Нью Массес».

Ваш журнал, известный среди литераторов СССР своими серьезными и интересными выступлениями, по вопросам куль-

туры и литературы в частности,— просил меня дать интервью относительно современного положения дел в советской литературе. Я делаю это весьма охотно, особенно потому, что в некоторые американские реакционные газеты, как и английские, информируют читателей весьма необъективно, а зачастую совершенно ложно. Мне пришлось на днях читать подобные высказывания в некоторых нью-йоркских, лондонских и даже каирских газетах. Не знающие СССР, нас, нашей длительной работы; нашей жизни, наших интересов корреспонденты или обозреватели стряпают варево относительно «преследований интеллигенции», о «декретах», которые все искусство наше превращают будто бы в пропаганду и тому подобное. Вся эта противная болтовня может вызвать лишь протест со стороны советских писателей. Любой, пишущий на эти темы, обязан прежде всего знать наше мнение.

Я в своей краткой статье коснусь четырех пунктов: 1) что сделано советской литературой во время Великой Отечественной войны и какие задачи стоят ныне, в послевоенный период, и как они связаны с традициями русской классики.

2) Что даст решение ЦК советской литературе? Что оно дало лично мне?

3) Каковы задачи, стоящие перед новым руководством Союза советских писателей СССР?

4) Какова моя личная литературная работа в 1946—47 гг.? Итак отвечаю:

1) В период Отечественной войны 1941—45 гг. Союз советских писателей выделил до тысячи писателей в ряды Красной Армии и Военного флота. Это составило треть наличного числа членов Союза писателей.— Из этой «тысячи», как мы называем ушедших на фронт и в море — было убито 242 человека. Ранено и контужено 137 чел. Отмечено боевыми наградами 475 человек. Работавшие на войне писатели обслуживали все военные газеты, журналы, давали материал для радиопередач Москвы, осажденного Ленинграда, вели личные записи и непрерывно корреспондировали из передовых пунктов Сталинграда, писатели пьесы на темы непримиримой борьбы с немецким фашизмом, выпускали брошюры, подытоживавшие опыт боев, составляли листовки и воззвания к армиям неприятеля и успешно опрокидывали пропаганду Гебельса... Мы насчитали после войны десятки форм участия писателей в вооруженной борьбе. Не раз писателям приходилось командовать отдельными полками, батальонами или вести работу в крупных штабах. Приведенные выше цифры, я полагаю, показывают, что работа была напряженной и опасной.

Писатели далее публиковали свои романы, повести, дневники, корреспонденции в столичных журналах и газетах. Даже в осажденном Ленинграде с весны 1942 года было возобновлено издание беллетристических книг, пьес и иллюстрированных ли-

тературных журналов. Я замечу здесь мимоходом, что общий уровень изданий, их численность в СССР велики. В канун войны, например, в 1940 году, у нас в стране было издано 3600 различных книг художественной литературы. Полагаю, что вы сами знаете свою американскую статистику в этой же области.

Напряженность, темп, масштабы работы во время великой войны не падали. Помимо тысячи интенсивно работали в тылу и две трети остальных советских писателей. Они освещали жизнь и труд Москвы, Урала, Сибири, Кавказа, Средней Азии, Дальнего Востока и Севера. Общие итоги, анализ и оценка всей проделанной писателями работы проводятся ныне... Мы лишь недавно — в мае 1946 года, — смогли провести первую встречу писателей-фронтовиков и наметили методологию изучения разностороннего опыта 1941—1945 гг.

Называть здесь сотни и тысячи названий романов, повестей, рассказов, пьес, дневников и проч. — я не буду. Этим займется критика. Я, однако, сообщу американским друзьям, что лишь за последний год в нашей стране вышло 70 книг, принадлежащих поэтам, участникам войны. Сейчас мы заняты, среди прочих дел, обсуждением всех этих книг. Идет широкая дискуссия о путях советской поэзии, о влиянии войны на стилевые и тематические стороны поэзии и пр. Споры достигают хорошего, здорового накала... Люди, прошедшие от Волги до южной Балтики, до Баварии — имеют что сказать.

Наши литературные журналы полны нового материала. Журнал, который я редактирую в Москве — «Знамя», за последние три месяца получил 700 рукописей. Непрерывно выделяются новые и новые авторы. До 50% печатающихся поэтов, — в нашем журнале, молодежь, прошедшая войну. Они несут новые ощущения, новые мысли...

Перед всей советской литературой встали в полный рост задачи суммарного изображения эпохи Ленина и Сталина. — За нами 30 лет непрестанной борьбы, очень сложной и трудной... Вы можете представить себе ее некоторые черты по романам «Тихий Дон» Шолохова, «Хождение по мукам» Алексея Толстого, лучшим нашим фильмам и т. д. Советские писатели, выдержавшие много трудностей, ставят себе целью в новых послевоенных условиях еще более широко раскрыть перед страной, перед всем миром опыт русского строительства, новые психологические черты советского общества, наши нравы и обычаи, внутренний духовный мир наших людей, их интеллектуальный уровень, их сходства и их различия — при сравнении с людьми мира зарубежного. Я полагаю, что в ближайшие годы вы прочтете ряд интереснейших книг, вскрывающих особые черты советского общества. Вы уже знаете книгу К. Симонова о людях Сталинграда. Вы скоро прочтете более широкую, более глубокую книгу А. Фадеева «Молодая гвар-

дия» о нашей молодежи, борющейся в подполье против немцев. Я недавно виделся с М. Шолоховым. Он не отрывается от романа «Они сражались за родину». Роман этот задуман широко... Опубликовано только шесть печатных листов,— и уже по ним можно судить о некоторых замыслах автора. Он изображает и рабочих, и крестьян, и интеллигентов в самом суровом испытании, когда-либо выпадавшем на долю России: во времена летних битв 1942 года — в знойных степях юга.

Я чувствую, что меня тянет рассказывать вам все больше и больше. Если бы я был среди вас,— наша беседа без сомнения шла бы весь вечер и всю ночь... У меня был такой опыт не так давно в Нюрнберге, когда американцы и французы сидели с нами, русскими писателями, часов 12 подряд, слушая о России, ее борьбе, ее жизни...

Однако, объем телеграфной статьи надо сжимать. Поверьте, что трехтысячный отряд советской интеллигенции, отряд писателей, сумеет много еще дать своему народу и зарубежным читателям... Мы полны устремленности вперед, полны энергии, которая заметно расширилась в последние годы. Во время войны мы до самых сокровенных глубин почувствовали свою кровную, органическую связь с нашими предшественниками — со старыми известными писателями России, с нашими отцами и дедами, которые передали нам литературное наследство... Мы знали Горького,— ведь каждого почти из нас,— я говорю о 45—50-летних советских писателях, ныне стоящих в первом ряду, Горький сам вводил в литературу. Мы лично знали Маяковского, который при всем своем неукротимом революционном порыве не утерял ничего из драгоценного опыта классической русской поэзии. И с глубоким ощущением преемственности мы продолжаем свою работу.

2) Решение ЦК ВКП(б) для нас имеет историческое значение. Суммарно ясно, конкретно в трех документах ЦК вскрыл процессы, которые мешали развитию нашей литературы и искусства. Были показаны вредные, регрессивные тенденции, которые могли сбить, спутать некоторых из писателей... У нас любят говорить напрямик, отчетливо, прямо... Для нас неопровержимо, что «судят и победителей»... Это после войны сказал Сталин. И в нужную минуту мы занялись таким судом, таким разбором своих дел. Под шум войны некоторые отсталые и вредные литературные элементы стали, осторожно озираясь, воскрешать никчемные идеи «искусства для искусства», идеи ухода от борьбы, мистицизма и пр. Весь этот сор, вся эта декадентщина были выметены из русской литературы уже давно. Нелепо, ведь, наблюдать минорные религиозно-сексуальные стихи, или подражания Э. Т. А. Гофману в среде писателей, идущих верным, реалистическим путем, писателей, которые изображают жизнь такой, какая она есть. Эти частные рецидивы некоторых писателей к вкусам и «модам» 1907 года

(период реакции после первой русской революции 1905 г.) — и были вскрыты в решении ЦК.

Толкуют о Зощенко... Кто он такой... Офицер царской армии, человек, который перепробовал ряд профессий, без удач и толка, и начавший в 1922 г. писать сатирические рассказы... Они в ту пору били мешан, обывателей... Но потом в стране произошли грандиозные изменения. Страна в 9 раз удвоила свой индустриальный потенциал. Страна произвела небывалую аграрную революцию — коллективизацию, — равную по значению Октябрьской революции... Страна породила новую 10-миллионную интеллигенцию. Страна воспитала такое молодое поколение, о грудь которого разбили все танковые армии Гитлера... А Зощенко, замкнутый, угрюмый, стареющий, все продолжал писать свои сатиры, год за годом повторяя приемы 1922 г. Это надоело. Он продолжал. Это раздражало, критика указывала ему на его сумбур, путаницу, на незнание им реальной жизни... Зощенко продолжал свое... Когда началась война, он бросил Ленинград, уехал за 5 тысяч километров и стал писать свою «исповедь»... Это одна из самых мрачных и грязных книг, которые я когда-либо читал. Это нудное и циничное самораздевание, раздевание своих близких... Но буду продолжать... Осажденный Ленинград, прочтя первую часть этой «исповеди» возмутился. Дело было в 1943 году.

Ленинград выступил с протестом против клеветника, пасквилянта... Рабочие Радиозавода, работавшие 730 суток под огнем немцев — написали решительное письмо-протест (1). Я сам всю войну был в осажденном Ленинграде и это дело знаю хорошо. С некоторыми рабочими с Радиозавода я знаком, они приходили ко мне. Казалось бы, протест боевых настоящих людей должен был бы повлиять на Зощенко... Но он опять угрюмо, индивидуалистически отвернулся. Он не понял или не захотел понять возмущения читателей. Он клеветал в своей повести на Ленинград, — и Ленинград сам ему ответил... Зощенко продолжал свои писания. Он дошел в своем падении до того, что не дал ни одной строки о великой войне. Он игнорировал величайшие муки и жертвы своего же народа. И мне вспомнились некоторые детали его биографии. В 1922 г. он и его друзья сами называли себя «авантюристами»... Они говорили о бесцельности жизни, о безразличии к политической борьбе, и о том, что литература ценится ими лишь как игра... Но играть, клеветая на Россию, на свой родной Ленинград, непоколебимо стоявший с сентября 1941 года по январь 1944 года в немецком окружении, — это свыше всяких мер и сил... И с этим старым клеветником, несоветским человеком мы расстались. Устав Союза советских писателей, который мы разрабатывали с Горьким в 1934 году, — говорит, что членами Союза советских писателей являются писатели, стоящие на советской платформе и участвующие в социалистическом строительстве. Зощенко

больше чем нарушил устав, принятый единогласно. Думаю, что мне нечего прибавить к сказанному.

Избавление литературы от регрессивных элементов, глубокий анализ вековых революционно-демократических традиций литературы России, изучение реакционных корней декадентов, символистов, разъяснение молодому поколению вреда, который приносят Зощенко, Ахматова и прочие — вот те ценные приобретения, которые мы делаем сейчас.

Как никогда напряжена мысль писателей. Как никогда горячи, откровенны разговоры. Как никогда активизируются все наши силы. Как никогда продумывается весь опыт отечественной литературы. Нужно видеть, слышать все собрания, которые идут среди писателей, кинематографистов, работников театра, художников, идут по всему СССР, чтобы понять как здраво, благодарно восприняты указания и советы ЦК. Да, поистине, это глубокий переход от военной практики к задачам послевоенного периода. Да, поистине, критически рассматривая весь свой опыт, говоря об успехах и вскрывая ошибки, мы сможем идти вперед еще более уверенно, чем шли.

Мы не хотим, чтобы рядом с испытанным, революционным направлением в литературе, рядом с направлением, за которое отдал жизнь великий Горький, рядом с направлением, украшенным именем Маяковского, рядом с направлением боевым, народным, — существовали какие бы то ни было «направления» пасквилянтов, клеветников на революцию и народ, или «направления» старых 60-летних поэтов, обращающих свои взоры к царским паркам, озерам, лебедям и разной архангелской чепухе и мистике. Мы не хотим, чтобы подобные «направления» возникали за нашей спиной, чтобы их создавали люди, трусливо сбежавшие из смелых городов, которые, не моргнув глазом, приняли чудовищные удары Германии, и не только приняли, но и отбили... Помните, что ленинградцы шли в первых рядах штурмующих Берлин войск. Эта честь выпала и мне...

Теперь сжато по пунктам 3 и 4-му. Задачи, стоящие перед новым руководством Союза советских писателей, велики. Мы активизируем Союз, введем сюда десятки активных высококвалифицированных критиков, референтов и проч. Мы координируем работу писателей. И будем неустанно читать, читать, читать, выдвигать наиболее способных, выдвигать вперед талантливую молодежь. И мы будем продолжать свою личную писательскую работу, используя для этого каждый возможный час. Мои личные планы: начать обработку своего дневника. Я вел дневник с первого дня войны и по сей день. Накопилось 45 книг. Это осажденный Ленинград, штурм Выборга, Таллина, Риги, это поход на Данциг, это взятие Штеттина, это штурм Берлина, — это Москва в дни победы, это Нюрнбергский процесс, это встречи с людьми США, это возвращение с войны и жизнь, мысли, дела советских людей в 1946 году.

Я заканчиваю. Благодарю вас за внимание, с которым вы прочли мое сообщение. Жму крепко руки американских читателей (2).

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. ЛЛ. 90—97. Незаверенная машинописная копия.

Примечания:

1. Речь идет о статье в журнале «Большевик» «Об одной вредной повести», которую подписали два инженера, рабочий-слесарь и учительница.

2. К документу приложена машинописная записка: «Тов. Федосееву П. Н. Статья Вс. Вишневого, в частности касающейся критики произведений Зошенко, не удовлетворительна. Те факты, что Зошенко — «офицер царской армии», что он «перепробовал ряд профессий без удач и толка», что он «замкнутый, угрюмый, стареющий» человек, вряд ли убедят в чем-либо того читателя, к которому адресована статья Вс. Вишневого. В настоящем виде статья не выполняет своего назначения. Консультант Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Сергиевский».

№ 97

Г. Ф. Александров — А. А. Жданову

[позднее 21 сентября 1946 г.]

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А. А.

В письме на Ваше имя заместитель начальника Совинформбюро т. Пономарев просит разрешение опубликовать в американском журнале «Нью Массес» статью Вишневого по поводу постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Статья Вишневого далеко не охватывает содержания постановления ЦК ВКП(б), но написана она живо и при некоторых исправлениях и добавлениях могла бы быть с пользой опубликована в иностранной прессе. В серьезной переработке нуждается пункт 2 статьи, где автор пытается разъяснить значение решений ЦК ВКП(б). Здесь нужно более отчетливо, связно и содержательно сказать о том, как понимают советские писатели свое назначение в общественной жизни, о реакционной сущности теории «искусства для искусства» и о том, что передовая русская общественность и до революции относилась с презрением к символистам, имажинистам, акменстам, декадентам всех мастей, как к представителям мракобесия и ренегатства в политике и искусстве.

Требует исправления также то место статьи, где автор говорит о Зошенко. Нельзя писать, что сатирические рассказы Зошенко в 1922 г. «били мещан, обывателей... Но потом в стране произошли грандиозные изменения». Напротив, нужно сказать о том, что Зошенко клеветнически изображал советских людей — героических строителей социализма — глумился

над советским бытом, советскими порядками, копался в мелочах быта.

Совинформбюро следовало бы, не ограничиваясь статьей Вишневого, опубликовать за границей еще несколько статей и интервью наиболее видных советских писателей, которые, ознакомившись с иностранной прессой, дали бы достойный ответ враждебным высказываниям.

Г. Александров (1)

Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. Л. 89. Машинописная копия.

Примечание:

1. В левом верхнем углу документа резолюция: «т. Иовчуку. Переговорить с Пономаревым в духе записки. Кстати, надо выяснить как Сов[информбю]ро распространяет доклад т. Жданова». Ниже пометка М. Иовчука: «В архив. Указание передано т. Пономареву. М. Иовчук. 20/IX.46».

№ 98

[25 сентября 1946 г.]

ВЫСКАЗЫВАНИЯ РАБОТНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА О ДОКЛАДЕ ТОВАРИЩА ЖДАНОВА (1)

Писатели, деятели театра и кинематографии горячо одобряют доклад товарища Жданова, как важнейший программный документ, четко определяющий пути дальнейшего развития советского искусства и литературы.

Писательница **А. Каравеева** говорит: «Доклад товарища Жданова большевизирует нашу мысль. Его выступление имеет огромное значение. Очень важно, что впервые раздеты «Серапионы», вскрыта их сущность. Необходимо издать доклад большим тиражом».

Писатель **Ф. Панферов**: «Принимаю доклад душой, сердцем и разумом. Этот доклад — надолго. Нам надо на основе его разработать положительную программу перестройки всей нашей работы, всей работы Союза советских писателей, литературно-художественных журналов и т. д.»

Критик **Л. Субоцкий**: «В докладе поставлены коренные вопросы литературы, раскрыты ее специфические задачи. Доклад дает направление нашей литературной критике. Писательскую общественность воодушевило то, что партия уделяет сейчас так много внимания литературе».

Критик **О. Резник**: «До сих пор у нас не было столь глубокого научного анализа вопросов советской литературы. Мы, критики, работающие в области советской литературы, обязаны заново осмыслить всю свою работу, как литературную, так и лекционную, преподавательскую».

Литературовед профессор **Д. Благой**: «Доклад исключительно полноценный. Для нашей историко-литературной науки осо-

бенно важны те оценки реакционных течений в литературе прошлого, которые даны в докладе».

Народная артистка СССР **Яблочкина**: «Мы раньше не знали, как высказать наши мысли о театре, о литературе. Товарищ Жданов сформулировал наши общие мысли и чувства. Нам редко приходится играть советские пьесы о советских людях. Не один десяток лет я играю Мурзавецкую. Надоело. Хочется сыграть роль советской женщины, но я не могу это сделать, хотя и страстно хочу».

Народная артистка СССР **Пашенная**: «Прочитала я доклад товарища Жданова и подумала: мы готовим к сезону «Золотую Карету» Леонова. Если мы поставим ее — мы провалимся. Это — совсем не то, о чем говорит товарищ Жданов и не то, что требует сейчас партия».

Кинорежиссер **Г. Александров**: «Доклад товарища Жданова поражает своей глубиной и предельной ясностью в разборе советской литературы и перспектив ее развития. Доклад является образцом принципиальной критики в области искусства. Он оттеняет убожество и примитивность критики последних лет. Доклад надо изучать, а главное — рассматривать его, как эталон для уровня критических статей и анализа художественных произведений».

Кинооператор **Екельчик**: «Доклад может быть помещен в учебниках по истории советской литературы. До сих пор ни разу не было дано такого серьезного и принципиального анализа литературных течений, не сделано таких четких выводов о задачах литературы в жизни советского государства».

Кинорежиссер **В. Петров**: «Доклад товарища Жданова — плод многих бессонных ночей. Товарищ Жданова, видимо, работал над ним особенно тщательно, готовя его к печати».

Кинорежиссер **А. Давидсон**: «Доклад товарища Жданова великолепен и по содержанию и по форме. Я никогда не подозревал, что он так глубоко знает и понимает литературу. Я читал и перечитывал доклад много раз. Его нужно не только читать, а изучать, и прежде всего — нашим «горе-критикам».

Сценаристы **Е. Помещиков** и **Н. Рожков**: «Если бы наша кинокритика была бы на том же уровне, что и доклад товарища Жданова, то никаких решений по «Большой жизни», «Нахимову», «Грозному» и другим фильмам делать не пришлось бы, так как этих ошибок совершенно не было бы. У нас в газетах помещается часто просто пересказ фильма, и это выдается за рецензию. Ожидай, после этого помощи от критики! Все приходится делать на свой риск и страх. Доклад замечательный, и теперь критики закричат, трудно им будет писать».

Режиссер **Н. Пырьев**: «Доклад товарища Жданова разрешает все недоуменные вопросы. Я читаю и перечитываю его. Он должен стать настольной книгой каждого художника. По-

ражает тонкое знание истории литературных течений, знание специфических вопросов искусства. Доклад — подлинная научная диссертация».

Наряду с приведенными высказываниями, имеются и другие, свидетельствующие о том, что некоторые работники литературы и искусства не сделали должных выводов из доклада товарища Жданова, заняли «выжидательную» позицию.

По сообщению редактора «Правды» по литературному отделу В. Кожевникова, писатель **Н. Паустовский** (2), в ответ на обращенную к нему просьбу написать статью, ответил: «Я изучаю сейчас историю партии и долго буду ее изучать»; писатель **Н. Погодин** сказал: «Сейчас разгорелся пожар, но так как пьеса — это бумага, я не хочу растапливать ею этот пожар»; писатель **Л. Славин** заявил, что он «не будет писать до тех пор, пока не установится порядок». По словам В. Кожевникова, некоторые писатели выжидают, «пока пройдет кампания массовой порки».

Заведующий отделом литературы и искусства «Комсомольской правды» В. Жданов отмечает, что «те из молодых поэтов, которые склонялись к публицистической поэзии Маяковского, встретили доклад товарища Жданова с горячим одобрением, те же, которые склонялись к чистой лирике — очень смущены».

По сообщению ответственного секретаря газеты «Советское искусство» И. Адова, некоторые драматурги чувствуют себя «попавшими в тяжелое положение». Так, **Н. Гладков, братья Тур** говорят, что они «ничего давать в театры не будут, так как слишком высоки требования»; писатель **В. Катаев** сказал: «Что я дам в театр? «Белеет парус» дал. Эта вещь прошла все испытания. А больше ничего. Подождем пока все успокоится»; театральный критик Бояджиев заявил: «Сейчас писать рецензии о пьесах трудно. Бить по маленьким людям неинтересно, а критиковать больших — вряд ли поместят» (3).

Ф. 17. Оп. 125. Д. 459. ЛЛ. 21—23. Подлинник. Машинописный текст.

Примечания:

1. Речь идет о «сокращенной и обобщенной стенограмме докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде», состоявшихся 15 и 16 августа. «Стенограмма» была опубликована в «Правде» 21 сентября.

2. Скорее всего имеется в виду К. Г. Паустовский.

3. К документу приложена машинописная записка: «Товарищу Жданову А. А. Посылаю сводку некоторых высказываний работников литературы и искусства о докладе на собрании партийного актива и писателей Ленинграда. П. Федосеев. 25/IX—46 г.».

28 сентября 1946 г.

ИНФОРМАЦИЯ

О высказываниях работников театра, литературы, кино, науки и др. о докладе товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Решения ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь» и опубликованный в печати доклад тов. Жданова А. А. вызвали у работников искусства, литературы и науки особый интерес и живейшее их обсуждение.

В Москве проведены: общее городское собрание писателей, в ряде театральных коллективов прошли партийные собрания, а затем собрания работников театров, на которых обсуждались задачи, вытекающие из решений ЦК ВКП(б).

В многочисленных выступлениях и беседах писатели, артисты, режиссеры и художники обращаются к тому анализу деятельности театров, кино и писательских организаций, который дан в решениях ЦК ВКП(б) и докладе товарища Жданова.

Постановления ЦК ВКП(б) и доклад тов. Жданова восприняты как программа улучшения деятельности театров, студий по воспитанию советской молодежи, по активному отражению художественными средствами литературы, театра и кино советской современности.

Характерной чертой этих выступлений и высказываний, особенно после опубликования доклада тов. Жданова, является искреннее желание трезво проанализировать положение в театре, литературе и кино, сознание ответственности перед партией и народом за идейное содержание советского искусства и литературы.

Большое внимание в прениях уделялось указаниям тов. Жданова, изложенным в его докладе, подчеркивалась необходимость быстрее устранения недостатков в работе театров и достижения высокого идейного уровня в деятельности творческих работников.

Выступавшие зачитывали отдельные выдержки из доклада тов. Жданова, отмечая большую глубину и ясность поставленных им вопросов.

Приводим наиболее характерные высказывания:

Заслуженный деятель искусств, лауреат Сталинской премии Баратов (беспартийный) в своем выступлении на партийном собрании заявил: «Доклад тов. Жданова я прочитал с большим волнением. Действительно своевременно ЦК партии

принял ряд исторических решений, которые выправят линию искусства. Выполняя решение ЦК партии, мы окажем нужное влияние на формирование мышления нового советского человека. А это мы можем выполнить, создавая высокохудожественные спектакли,—где воспевались бы самые благородные чувства человеческого сознания. Работники театра должны повседневно повышать свой идейно-политический и культурный уровень. Доклад тов. Жданова — есть программа работы и жизни советского художника».

Народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии Барсова В. В. в своей речи сказала: «Постановление ЦК нашей партии вскрыло ряд грубых ошибок в области искусства, эти ошибки имеются и у нас. Мы успокоились на достигнутых успехах и не думаем о нашем молодом зрителе. Тов. Жданов указывает нам — деятелям искусства — правильный путь, по которому должно развиваться советское искусство. У нас в репертуаре нет ни одной советской оперы, которая могла бы служить идеалом новому поколению.

Мы обязаны создать советскую оперу. Мы это можем сделать и это сделаем. Необходимо потребовать от художественного руководства театра, чтобы оно создало новое, а не жило старыми заслугами театра. Я надеюсь, что в ответ на решение ЦК партии мы создадим советскую оперу, которая будет отвечать нашей героической эпохе».

Заслуженный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии Батулин А. И. сказал: «Доклад тов. Жданова заставляет нас по-новому взглянуть на весь творческий путь, улучшить свою работу, поднять искусство до уровня политических задач воспитания нашего советского народа. Нам нужно не бояться критики малых и больших мастеров».

Режиссер балетмейстер, лауреат Сталинской премии Захаров заявил: «Доклад тов. Жданова взволновал меня до глубины души. Мы действительно иногда забываем, что в мире борются две идеологии — коммунистическая и капиталистическая. Мы, деятели советского искусства, недопонимали это. ЦК партии и тов. Жданов указывают нам на нашу близорукость и дают в руки программу действий. Доклад тов. Жданова также показывает нам, как мы отстали и как много нам нужно работать, чтобы не оказаться в хвосте общественного развития».

Заслуженная артистка РСФСР Катульская в своем выступлении указала: «Доклад тов. Жданова показывает как, мы обязаны служить своему народу, повышать его культуру, вкус, звать народ к высшему идеалу коммунистического общества. Мы должны создавать советские, возвышенные оперы о героизме и самопожертвовании во имя интересов народа. Это наша обязанность и долг перед народом».

Работники театра говорят о докладе тов. Жданова, как о большом событии в области искусства, ценном научном труде об искусстве, который нужно серьезно и глубоко изучать.

Разговаривая в кулуарах театра, артистка балета Голубкова сказала: «В такой серьезный момент нашей жизни большие люди находят время глубоко и серьезно заниматься вопросами искусства. Тов. Жданов не является работником искусства, а с каким знанием он дает анализ искусству и определяет путь по которому оно должно идти». Артист оркестра т. Гуревич заявил, что: «Доклад тов. Жданова должен нас заставить учиться, а то мы подчас замыкаемся в свою профессию и часто дальше ее ничего не видим и не знаем».

Варламов — артист балета говорит: «Прочитав этот доклад, стыдно становится за себя, что ты так мало знаешь».

Крылова — артистка балета утверждает: «После доклада т. Жданова и решений ЦК ВКП(б) становится ясно, что так работать, как работали мы до сих пор, нельзя. Надо работать по-новому. Поймет ли это руководство театра? Изменит ли оно стиль своего руководства?».

24 и 25 сентября на собрании артистов Малого театра обсуждалось постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению».

В прениях выступали народные артистки, лауреаты Сталинской премии Яблочкина, Пашенная, народный артист РСФСР Зубов, заслуженные артисты РСФСР Анненков, Межинский, Царев и другие. Ораторы отмечали огромное политическое значение доклада тов. Жданова, зачитывали отдельные выдержки из доклада.

Заслуженный артист РСФСР Межинский до собрания в беседе с секретарем парторганизации Малого театра сказал: «Я не предполагал выступать на собрании, но после прочтения доклада тов. Жданова решил выступить. Доклад тов. Жданова по своей глубине, по своей значительности произвел на меня огромное впечатление и взволновал. Многие мне стало совершенно ясным».

Народная артистка Союза ССР, лауреат Сталинской премии Яблочкина заявила: «Это огромной силы документ! Мудрое, справедливое и нужное, очень нужное всем нам, работникам театра, постановление! За 29 лет советской власти я не исполнила ни одной положительной роли советской женщины. В этом году я начала шестьдесят первый сезон своего служения искусству и начала его опять в роли Мурзавецкой в пьесе Островского «Волки и овцы», а в советском репертуаре ничего не играю. Я хочу подчеркнуть основное: Центральный Комитет партии сказал о нашем театре суровую правду осуждения. И наш долг принять ее и сделать все, чтобы как можно скорее исправить свои ошибки и выполнить то, чего требуют от нас партия, наш советский народ, наша Родина».

Народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии Пашенная сообщила: «Подобно воину пограничнику, защищающему нашу Родину, мы должны средствами искусства охранять интересы нашего социалистического государства. Эта мысль пронизала меня целиком. В трех решениях ЦК ВКП(б) по вопросам литературы, кино, театра, в речи тов. Жданова я нашла мудрый ответ на все жгучие вопросы, давно волновавшие каждого из работников идеологического фронта. Воспитать молодежь, которая увидит зарю коммунизма — вот одна из задач нашей работы».

Народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии Зубов К. А. в своем выступлении отметил: «Решения ЦК и доклад тов. Жданова мало знать, их надо осознать с тем, чтобы воспринять их органически потому, что они освещают дорогу каждому работнику театра, требуют от каждого тщательной проверки и пересмотра его творческих дел».

Заслуженный артист РСФСР Царев М. И. указал: «Нечего греха таить, многие из нас, деятелей театра, самоуспокоились, перестали искать новые пути, перестали добиваться таких побед в искусстве, которые, по меткому сравнению тов. Жданова, можно было бы сопоставить с крупными победами на военном и хозяйственном фронтах».

Доклад тов. Жданова все эти дни является предметом серьезных бесед творческих работников МХАТ. То и дело за кулисами, в кулуарах в перерывах между репетициями собираются группами актеры и режиссеры и стихийно возникают беседы по отдельным вопросам, поставленным тов. Ждановым в его докладе.

Делясь своими впечатлениями о докладе тов. Жданова, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии Качалов сказал: «Я внимательно прочитал доклад. Оценил серьезность и глубину, с которой тов. Жданов подходит к явлениям художественной литературы; доклад дает толчок к мыслям о роли искусства в жизни страны, народа к большой перспективе; заставляет мыслить об искусстве крупно, а не только по отдельным частным поводам. Я воспринял этот доклад, как руководящий, указывающий верный путь в творческой работе».

Народный артист РСФСР Ершов после прочтения доклада т. Жданова сообщил: «Доклад тов. Жданова меня глубоко взволновал и я гораздо острее, чем раньше, понял необходимость идейной вооруженности советского артиста. Я теперь начал ежедневно и систематически читать основные произведения по вопросам марксистско-ленинской теории».

Художественный руководитель МХАТа М. Н. Кедров сказал: «Сейчас больше, чем когда-либо, ставится вопрос о качестве спектаклей, о глубине новых произведений, создаваемых театрами. Каждый новый спектакль может быть принят народом, если он отвечает его настроениям, если он говорит о вели-

кой советской действительности, о замечательных делах советских простых людей. Что же сейчас самое главное? На указания партии надо отвечать делом, а то мы много говорим и много заседаем. Мы сейчас должны очень много работать и только делом отвечать на заботу и внимание партии и правительства».

Народный артист РСФСР Таиров на открытом партийном собрании театра указал: «Доклад тов. Жданова замечательный документ, раскрывающий перед работниками искусства пути перестройки всей нашей работы в театре». Одновременно т. Таиров А. Я. подробно остановился на собственных ошибках и вредных декадентских увлечениях в своей работе руководимого им театра в период 1910—1922 гг. Тов. Таиров говорил, что Октябрьская Социалистическая революция спасла Камерный театр от вырождения и гибели, направив творчество Московского Камерного театра по пути социалистического реализма — по пути служения интересам великого советского народа.

Заслуженный деятель искусств, лауреат Сталинской премии Горчаков в своем докладе на партийном собрании заявил: «Доклад тов. Жданова с предельной ясностью вскрывает крупные ошибки, допущенные в развитии советской литературы, театра и кино и вообще советского искусства и намечает пути их устранения. Доклад тов. Жданова — это теоретический документ, философского, глубокого учения о развитии социалистической культуры и искусства. Это программа действий для каждого художника и деятеля культуры и искусства в их повседневной работе по коммунистическому воспитанию народа. Он поможет нам в создании высокого по идейности и полноценного в художественном отношении спектакля».

Заслуженный артист РСФСР Краснянский подчеркнул: «Доклад тов. Жданова совершенно современен, это документ исключительной политической важности и теоретической глубины. Мы должны практически ответить на доклад тов. Жданова высокохудожественными спектаклями большой идейной значимости по воспитанию советской молодежи».

На творческой секции киностудии «Мосфильм» в своем выступлении режиссер Г. Александров, одобрав решение ЦК, одновременно заявил, что факты, приведенные в решении о Художественном Совете Министерства Кинематографии, в равной степени относятся и к Художественному Совету киностудии «Мосфильм». «Часто на заседании Художественного Совета, — заявил т. Александров, — мы были вынуждены относиться к обсуждаемым фильмам несколько либерально, поскольку не все наши товарищи по творческой работе принимали критику доброжелательно. Многие из них в ответ на здоровую критику хлопали дверями, уходили с Совета, и это вынуждало нас в последующем более мягко подходить к оценке картин. Эта об-

становка создала такое положение, при котором критика подменялась либерализмом».

Режиссер М. Ромм говорит о наметившейся тенденции мастеров кинематографии к уходу от современных острых политических тем. Так, например, бр. Васильевы хотели поставить «Пиковую даму», И. Пырьев — «Воскресенье» по Толстому и «Идиот» по Достоевскому, Юдин — «Лев Гурыч Синичкин», Барнет — «Волки и овцы».

Все это, по словам т. Ромма, является результатом того, что творческие работники ошибочно считают, что наступил период мирного времени и после тяжелой войны народу надо дать просто отдохнуть. Отсюда — потребность в легких, развлекательных фильмах.

Работник киностудии мультипликационных фильмов т. Карпенко заявил: «Доклад тов. Жданова, вскрывший отставание идеологической работы в среде работников культуры, имеет прямое отношение к нам. У нас был подготовлен халтурный фильм «Заяц во хмелю». В процессе его подготовки мы молчали. И только тогда, когда фильм был готов, на конечном просмотре он был забракован нами. Тов. Жданов правильно ставит задачу об идейном воспитании творческих работников».

Лауреат Сталинской премии, художник, профессор Богородский указал: «Доклад тов. Жданова поможет многим мастерам изобразительного искусства в создании высокохудожественных картин, отражающих благородные идеи и чувства советских людей. Тов. Жданов внес большую ясность в вопросы искусства. Хочется некоторые положения доклада выписать и поместить на видном месте, как лозунги».

Лауреат Сталинской премии скульптор Манизер сказал: «В нашей работе также имеются крупные недостатки. Хорошо, если бы ЦК нашей партии принял бы решение по изобразительному искусству. Мы очень хотим, чтобы нас собрали и поговорили о судьбах изобразительного искусства. Сейчас некоторые товарищи растерянно оглядываются назад и не показывают свои произведения, дожидаясь другого времени».

Народный художник РСФСР, лауреат Сталинской премии Иогансон утверждает: «Я вчитываюсь в доклад тов. Жданова и вижу, что это целое философское, теоретическое учение, помогающее нам многое осмыслить».

Писатель Голубов говорит: «Меня обрадовало, что доклад тов. Жданова проникнут знанием специфики литературного дела, глубоко и всесторонне показывает связь Зощенко и Ахматовой с их прошлым буржуазным литературным грузом» и далее ставит вопрос: «Будут ли иметь право на существование исторические романы? Не надо ли писателям, работавшим над историческими романами, поворачивать на советскую тематику?»

Писатель Горбатов сказал: «Доклад тов. Жданова перед нами, писателями, развернул новые горизонты для творчества, он показал нам, что писатель должен видеть вперед, идти вперед, идти вперед, видеть перспективу».

Писатель Твардовский заявил: «Доклад тов. Жданова является глубоким проникновением в характер творчества; требования к писателям, предъявляемые тов. Ждановым, исключают использование литературы приспособленцами для протаскивания безыдейной и аполитичной халтуры».

Писатель Вишневский говорит: «Доклад тов. Жданова имеет большое международное значение. Он исчерпывающе раскрывает всю суть литературного процесса, выражает позицию нашей партии. Речь тов. Жданова является вкладом в теорию и историю советской литературы. Речь тов. Жданова — пламенная, яркая речь о развитии советской культуры».

Писатель Вишневский далее сообщает, что некоторые писатели задают вопросы и связывают критику тов. Ждановым «Желтой кофты» непосредственно с именем Маяковского и полагают — нет ли тут пересмотра позиции Маяковского в литературе.

К. В. Успенская, выступая на партийном собрании Московской Государственной консерватории, отмечала: «Мне кажется, что основной документ, который все мы, работники идеологического фронта на ближайшее будущее должны руководствоваться — это замечательный доклад тов. Жданова. Он дает теоретическую основу нашей творческой деятельности».

Доклад тов. Жданова вызвал также живейшие отклики и среди работников промышленности и науки.

Профессор Петров, начальник кафедры электротехники МЭМИИТ сказал: «Доклад тов. Жданова выходит за рамки литературы и искусства, речь идет о принципах и уровне идеологической работы в нашей стране. Хотя мы и не работаем в области искусства и литературы, но в этом докладе речь идет об идейности и принципиальности, о целеустремленности и честности в работе. Такие выводы делает каждый из нас».

В Институте истории естествознания Академии Наук СССР — т. Поляков заявил: «Постановление ЦК ВКП(б) и доклад тов. Жданова, хотя и относятся к области литературы, тем не менее имеют прямое отношение к работникам научно-исследовательских институтов. Тематика научно-исследовательских институтов должна быть проникнута большевистской идейностью. Доклад тов. Жданова вскрыл недостатки на идеологическом фронте, но и мы должны извлечь уроки и все наши научно-исследовательские работы проводить в соответствии с задачами, стоящими перед нашей Родиной».

Директор средней школы № 318 т. Мальцев сказал: «Доклад тов. Жданова поднимает перед нами — воспитателями ряд

серьезных задач по пересмотру учебно-воспитательной работы и учебных пособий».

Сотрудник Почвенного института Академии Наук СССР — доктор наук т. Ковда в беседе сообщил: «Последнее решение ЦК ВКП(б), а также доклад тов. Жданова говорят о том, что сейчас требования к литературе, искусству, а значит и к науке не те, что год или полтора назад. Сейчас, после войны, начался новый этап развития Советского Союза, который требует, чтобы идейный уровень нашего искусства, науки и партийной жизни был поднят на новую, более высокую ступень. Тот, кто этого не понимает и не перестраивает своей работы, тот отходит от интересов народа».

Конструктор завода № 451 тов. Кушнер, член ВКП(б), указал: «Произведения Зощенко есть ни что иное, как злое, враждебное высмеивание и ругань. Мне непонятно почему он был принят членом Союза Советских писателей. Тов. Жданов правильно сказал, что только политически близорукие руководители допускали писания Зощенко на страницах ленинградских журналов. По поводу стихотворений Ахматовой могут сказать одно, что это выжившая из ума «барынька», осколок старой гнилой интеллигенции, совершенно не видит настоящей жизни и от безделья вздыхает по прошлому, мешая работать другим. Постановление ЦК партии и доклад тов. Жданова своевременно разоблачили этих вредителей и пошляков в нашей литературе».

Главный инженер фабрики «Буревестник» тов. Зенюк сказал: «Помню стихи Ахматовой по дореволюционному периоду. Это поэтесса декадентской школы с неверием и обреченностью в стихах. Но и теперь, когда я увидел в журнале снова ее стихи, они остались такими же сугубо индивидуальными и носят характер пессимизма как и в прошлом. За последнее время я прочел несколько пьес, в которых не нашел глубокого идейного содержания. Наши драматурги до сих пор очень мало дали пьес, правдиво отображающих нашу эпоху и не раскрыли всей полноты тех исторических событий, пережитых нашими предками. Постановление ЦК ВКП(б) по вопросам литературы безусловно послужит стимулом советским писателям к перестройке их работы и укреплению идеологического фронта».

Тов. Пятницкая, член ВКП(б), Железнодорожный район, говорит: «С большим удовлетворением прочтала доклад тов. Жданова об ошибках в журналах «Звезда» и «Ленинград». Тов. Жданов убедительно показал всю пошлость произведений Зощенко и Ахматовой. Совершенно правильно поступил ЦК ВКП(б), своевременно разоблачив клевету на советских людей в нашей литературе».

Хорошо, что также взяты под наблюдение наши театры, кино, куда вместо искусства стала нередко проникать и халтура.

Не мешало бы взяться и за художников, а то в «Огоньке» рисуют вместо женщин уродов и выдают это за искусство.

Наряду с этим есть отдельные неправильные высказывания. В своей речи на партийном собрании Союза писателей Сельвинский вел рассуждения о том, что принципиально нового в решении ЦК о литературе нет, это тактика, а не стратегия и т. д.

Аспирант Физического факультета МГУ тов. Баженова, член ВЛКСМ, в группе студентов, восхищавшихся докладом тов. Жданова, сказала: «На меня доклад не подействовал. Я любила и буду любить произведения Ахматовой. А вы слишком быстро перестраиваетесь, ведь совсем недавно вы вместе со мной увлекались ими».

Режиссер Инденбом, работавший вместе с режиссером Эйзенштейном по картине «Иван Грозный» (2-я серия) в своем выступлении сказал: «...Однако, ведь, сценарий был просмотрен и одобрен и, если у нас нехватило идейности в преодолении формализма Эйзенштейна, этой же идейности нехватило кое у кого вовне».

В частных беседах отдельные крупные режиссеры, в частности, т. Пырьев, относятся с некоторой издевкой к той части решения ЦК ВКП(б), где говорится о списании в тираж недобросовестных работников искусства. Они считают, что в отношении кинорежиссеров этого сделать нельзя, потому что для них нет подходящей замены.

Некоторая часть кинорежиссеров, в частности, режиссер Столпер, расценивают решение ЦК ВКП(б) как «кавалерийский налет на творческих работников» и как «временное явление».

На фоне острых, критических выступлений работников искусств, поднимавших на партийных и общих собраниях в театрах важные вопросы, вытекающие из решений ЦК ВКП(б) и доклада тов. Жданова — выступления художественных руководителей и директоров театров — оказались значительно ниже общего уровня прений.

Как правило, директора, художественные руководители и режиссеры пытаются в своих выступлениях обойти острые моменты, характеризующие неблагополучие с репертуаром в их театре, оправдать свое невнимание к работе над советскими пьесами.

Необходимо также отметить, что деятельность Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР подвергалась на собраниях резкой и справедливой критике за отсутствие борьбы по повышению идейного уровня актеров, режиссеров и за внедрение в репертуар театров пьес западной драматургии.

Среди работников театров, кино, литературы и науки столицы развертывается дальнейшее обсуждение и изучение решений ЦК ВКП(б) и доклада тов. Жданова А. А.

ЗАМ. ЗАВ. ОТДЕЛОМ ПРОПАГАНДЫ и
АГИТАЦИИ МГК ВКП(б)

Н. Силантьев (1)

28 сентября 1946 г.

Ф. 17. Оп. 121. Д. 451. ЛЛ. 60—69. Машиннописный текст.
Подпись — автограф Н. П. Силантьева.

Примечание:

1. К документу приложена машинописная записка: «В ЦК ВКП(б). Московский городской Комитет ВКП(б) направляет Вам информацию о высказываниях работников театра, литературы, кино и науки о докладе тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Секретарь МГК ВКП(б) В. Павлюков. 28 сентября 1946 г.».

№100

М. М. Зощенко — А. А. Жданову

10 октября 1946 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. ЖДАНОВУ А. А.

от Зощенко

Дорогой Андрей Александрович!

Более 25 лет я писал юмористические рассказы, считая, что этим я приношу пользу и радость советскому читателю. У нас не было критики, которая бы правильно ориентировала писателя, и поэтому мое мнение о пользе моей работы я подтверждал следующими доказательствами:

1. А. М. Горький писал мне (13 октября 30 г.): «Юмор Ваш я ценю высоко, своеобразие его для меня, да и для множества грамотных людей бесспорно, так же, как бесспорна и его социальная педагогика».

2. У меня сохранилось несколько тысяч читательских писем. Слова благодарности почти в каждом письме утверждали мое представление, что работа моя не только социально полезна, но и приносит радость.

3. В 1939 году за литературные заслуги я был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Союз писателей, представляя меня к награде, разделял, стало быть, мнение Горького и читателей.

4. Множество сатирических журналов (до 12, в которых я работал) и массовые тиражи моих книг говорили мне о том, что сатирический жанр нужен и поощряется.

Все это утверждало мое представление о полезности моей работы. Да я и сам полагал, что, работая в своем жанре, я помогаю вскрыть недостатки, помогаю бороться с пережитками прошлого.

Мне очень трудно сейчас определить, в чем же именно заключаются мои ошибки. Но я допускаю, что сатирический жанр уводил меня иной раз к шаржу. Хотя мне всегда казалось, что такой прием законен и он в традиции литературы (Щедрин, Гоголь, Свифт). Тем более, что я писал об отрицательных явлениях. И некоторый шарж был необходим для того, чтобы вызвать у читателя смех, улыбку, для того, чтобы ярче подчеркнуть написанное.

И, пользуясь таким приемом, я никаких злых намерений не имел. Да и злоба никогда не питала мою литературу.

Напротив, мне всегда казалось, что полезней и радостней изображать положительные стороны жизни и светлые черты характеров. И к такой положительной теме я постоянно стремился. Хотя осуществить такой переход было крайне нелегко, так же нелегко, как комическому актеру перейти на героические роли. Тем не менее с 30-х годов я стал пробовать свои силы в иных жанрах. И мне удалось написать ряд повестей и рассказов на положительную тему.

Я очень подавлен тем, что случилось со мной. Я с трудом возвращаюсь к жизни. Но у меня еще есть некоторые силы для того, чтобы работать.

Совестно признаться, но до постановления ЦК я не совсем понимал, что требуется от литературы. И сейчас я бы хотел заново подойти к литературе, заново пересмотреть ее.

Я прошу Вас и Центральный Комитет позволить мне представить на рассмотрение новые мои работы, начатые недавно. В течение года я бы мог закончить две большие работы. При этом я, конечно, не прошу каких-либо льгот или снисхождения в моем трудном и сложном положении. Мне единственно нужно Ваше хотя бы молчаливое согласие на это, для того, чтобы у меня была некоторая уверенность, что новые мои работы будут рассмотрены.

Я понимаю всю силу катастрофы. И не представляю себе возможности реабилитировать свое имя. И не для того я буду работать. Я не могу и не хочу быть в лагере реакции.

Прошу Вас дать мне возможность работать для советского народа. Я считаю себя советским писателем, как бы меня ни бранили.

М. Зощенко

10 октября 1946 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. ЛЛ. 80, 81. Заверенная машинописная копия. Исторический архив. 1992. № 1. С. 141—142.

В. С. Абакумов — А. А. Жданову

23 октября 1946 г.

Герб СССР
Министерство
Государственной
безопасности

Сов. Секретно

Экз. № 1

23 октября 1946 г.
№ 8546/А

Центральный Комитет ВКП(б)

товарищу Жданову А. А.

Цензурой МГБ СССР зарегистрировано 109 писем, исходящих от военнослужащих частей, непосредственно подчиненных штабу Группы Советских оккупационных войск в Германии, с откликами на доклад товарища ЖДАНОВА о журналах «Ленинград» и «Звезда» (1).

Представляю выдержки из наиболее характерных писем.

В. Абакумов

Ф. 17. Оп. 121. Д. 547. Л. 31. Машинописный текст. Подпись — автограф В. С. Абакумова.

Совершенно секретно.

ВЫДЕРЖКИ

Из писем военнослужащих частей, непосредственно подчиненных штабу Группы Советских Оккупационных войск в Германии, с откликами на доклад товарища Жданова о журналах «Ленинград» и «Звезда».

27.IX—46 г. «...Доклад товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» заставил меня призадуматься. Подумай только, большинство из нас, учившихся в высших учебных заведениях, не могут составить своего личного мнения по тому или другому вопросу, не говоря о книгах. Нас в большинстве интересует фабула рассказа. А разве можно человеку в 20 и больше лет так жить, разве это представитель передовой молодежи, разве это коммунист или комсомолец. Постановление вынесено не зря, пора поднять наш идеологический уровень. Об этом раньше только говорили, но ничего не делали. Попробуй воспитать человека на этой дешевой прозе и поэзии. Я не читал последних произведений Зощенко, но я знаю его и знаю еще тысячи таких же писателей».

29.IX—46 г. «...Прочел доклад товарища Жданова. Как прав он в оценке роли и задач литературы. Изучи эти постановления и доклад, прочувствуй и продумай. Будь требовательна к своему стиху и прежде всего к его содержанию. Всегда спрашивай себя: «Чему служит это стихотворение?» Народу, государству нашему боевому, чудесному нашему будущему должно служить твое творчество. Песня хороша только тогда, когда она проста, умна, красива, народна и, прежде всего, здорова, полнокровна, темпераментна, зовущая вперед».

5.X—46 г. «...Читал ли ты доклад товарища Жданова? Между прочим, очень сильно и верно, я вполне с ним согласен, особенно насчет Зошенко, я давно уже думал, почему допускают такого безыдейного типа в нашу литературу».

24.IX—46 г. «...Доклад товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» мне очень понравился, ибо действительно за последнее время очень много было в современной литературе безыдейного. На литературную арену полезли даже такие люди, которые начали высказывать чуждые нашему строю взгляды».

25.IX—46 г. «...Прочитал доклад товарища Жданова о журналах «Ленинград» и «Звезда», об их идейной бедности и опущенности. Некоторые писатели отстали от современности, а история ушла вперед, новые события заслонили все старое и открыли широкий горизонт. Поэтому показ пошлых мешанских сторон жизни людей компрометировал бы то великое дело, которое сделал народ для победы и будущего. Сейчас нужен горячий призыв вперед, освещение яркими красками будущего и современности. Время этих писателей прошло, не сумели перестроиться — бросай перо».

29.IX—46 г. «...Сейчас очень большие изменения в литературе и они совершенно правильны. Доклад товарища Жданова настолько ясно объясняет все, что наше дело теперь выполнять указания и не воспитывать молодежь на пошлых западно-европейских легких вещичках, которые часто давались в наших клубах. Необходима большая перестройка. Есенин со своей потасканной моралью: «Мне нужна прибыль, а без денег ничего у нас не будет», — нам не нужен».

26.IX—46 г. «...Здорово разделал товарищ Жданов Зошенко. Последний никогда не вызывал у меня большого интереса. У него все односторонне, он действительно не освещал то хорошее, что есть у нас. Вот с какой позиции и как критически нужно подходить к литературе. Очень хорошо осветил товарищ Жданов задачи нашей литературы».

29.IX—46 г. «...Прочитал доклад товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Очень своевременно поставлен вопрос. У Зошенко скоро жизнь придет к концу, а он ни одной строки не имеет хорошей. Не может быть, чтобы у нас

не было хороших тем для произведений. Я у него много статей читал, и все они какие-то базарные».

23.IX—46 г. «...Война — генеральная проверка всей жизни, она внесла прогрессивные поправки в жизнь. Постановление ЦК ВКП(б) относительно ленинградских журналов — тон выравнивания отклонений, допущенных на идеологическом фронте, тон, показывающий силу разума, общечеловеческой правды, нашей непоколебимой логики».

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА «В»
МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СССР

М. ГРИБОВ (2)

Ф. 17. Оп. 121. Д. 547. ЛЛ. 32—34. Машинописный текст.
Подпись — автограф М. Грибова.

Примечания:

1. Так в тексте.
2. При публикации документа были «сняты» фамилии и адреса отправителей и получателей писем.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов В. С. (1908—1954) — в 1946—51 гг. министр государственной безопасности СССР. — 215, 254
- Авдеенко А. О. (р. 1908) — писатель. — 25, 49, 104
- Авербах Л. Л. (1903—1939) — критик, публицист. — 9, 10, 18, 24, 186
- Авраменко А. И. (1934—1974) — писатель. — 148, 196
- Агол И. И. — писатель. — 17
- Агранов Я. С. (1893—1939) — в 1930 г. начальник секретного отдела ОГПУ. — 138
- Адов И. О. — в 1946 г. ответственный секретарь газеты «Советское искусство». — 242
- Азарх Р. М. (1897—1971) — писательница. — 21
- Александров В. Б. (1898—1954) — литературный критик. — 160
- Александров Г. В. (1903—1983) — кинорежиссер. — 241, 247
- Александров Г. Ф. (1908—1961) — в 1940—47 гг. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (далее УПА). — 5, 49, 53, 55, 57—59, 61, 68, 74—77, 79—83, 87—89, 93, 104, 108, 111, 132, 135, 140, 144, 145, 147, 154, 156—158, 160, 173, 174, 184, 189—191, 197, 199, 207, 209, 211, 215, 225, 232, 233, 239, 240
- Алигер М. И. (р. 1915) — поэтесса. 76, 102, 165—167, 187
- Альтман И. Л. (1900—1955) — литературовед, театралный критик. — 60
- Ангаров А. И. (1898—1939?) — заместитель заведующего отделом культурно-просветработы ЦК ВКП(б). Приговорен к расстрелу в 1937 г. «за участие в организации «правых» и проведение вредительской деятельности в области литературы и искусства». — 16, 20—23, 25
- Андреев А. А. (1895—1971) — член Политбюро ЦК ВКП(б) — 7, 14, 16, 20, 22, 23, 25—27, 33, 38, 49, 50, 53, 59, 68, 71—73
- Андреев Е. Е. (1908—?) — в 1946 г. заместитель начальника Управления кадров — 215
- Андрианов В. М. (1902—1978) — в 1946 г. член Оргбюро ЦК — 215
- Анненков Н. А. (р. 1899) — артист Малого театра. — 245
- Антокольский П. Г. (1896—1978) — поэт, переводчик. — 76, 143, 186
- Аплетин М. Я. (1885—1981) — критик. — 69
- Арцыбашев М. П. (1878—1927) — писатель. — 40
- Асеев Н. Н. (1889—1963) — поэт. — 6, 24, 39, 55, 56, 63, 83—88, 110, 162, 167—169, 186, 187
- Афиногенов А. Н. (1904—1941) — драматург. — 10, 17, 24, 68
- Ахматова А. А. (1889—1966) — поэтесса. — 6, 50, 51, 53, 57—59, 191, 204, 208, 210, 222, 224, 228, 238, 248, 250, 251
- Бабель И. Э. (1894—1940) — писатель. Репрессирован. — 19, 38
- Бажан Микола (1904—1983) — поэт — 32, 39, 110, 111
- Баженова — аспирант МГУ. — 251
- Бажов П. П. (1879—1950) — писатель. — 102
- Байрау Д. — профессор Франкфуртского университета. — 4
- Баратов Л. В. (1895—1964) — главный режиссер Ленинградского театра оперы и балета, Большого театра, Московского музыкального театра. — 243
- Барнет Б. В., (1902—1965) — кинорежиссер. — 248
- Барсова В. В. (1892—1967) — певица. В 1920—1948 гг. солистка Большого театра. — 244
- Батурич А. И. (1904—1983) — певец Большого театра. — 244
- Бахметьев В. М. (1885—1963) — писатель. — 39, 42, 63, 69, 109
- Бедный Демьян (1883—1945) — писатель. — 14, 139
- Безыменский А. И. (1898—1973) — поэт. — 13, 14
- Белинский В. Г. (1811—1848) — литературный критик, публицист, философ. — 175, 228
- Белый Андрей (1880—1934) — писатель. — 9
- Беляев С. М. (1883—1953) — писатель. — 16

- Бергельсон Д. Р. (1884—1952) — писатель. Репрессирован. — 39
- Берггольц О. Ф. (1910—1975) — писательница. — 164
- Березовский Ф. А. (1877—1952) — писатель, партийный работник. — 42
- Берия Л. П. (1899—1953) — в 1939 г. нарком внутренних дел — 38, 39
- Беспалов И. М. (1900—1937) — критик. Репрессирован. — 18
- Благой Д. Д. (1893—1984) — литературовед. — 240
- Блок А. А. (1880—1921) — поэт. — 131, 138
- Богородский В. А. (1895—1959) — живописец. — 248
- Бойченко Ф. С. — в 1940 г. политредактор Главлита. — 57—59
- Болихов А. А. — заместитель секретаря Президиума ЦСП, заведующий секретной частью ЦСП СССР. — 69
- Большаков И. Г. (1902—1980) — председатель Комитета по делам кинематографии. — 107
- Большеменников А. П. (1892—1951) — н. о. директора ТИХЛа — 34
- Большаков — 106
- Борисов Л. И. (1897—1972) — писатель. — 204
- Борисов Н. — писатель. — 53—55
- Бородин С. П. (1902—1974) — писатель. — 111
- Бояджиев Г. Н. (1909—1974) — театровед, критик, педагог. — 242
- Бресфилд — английский журналист. — 155
- Бровка П. У. (1905—1980) — поэт. — 39
- Бровман Г. А. (1907—?) — литературный критик. — 187, 197
- Брыкин Н. А. (1895—1979) — писатель. В 1937—41 гг. и 1946—47 гг. директор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель». — 57—59
- Буанидзе М. (1905—1937) — критик, литературовед. Репрессирован. — 10
- Булгакова З. Ф. (р. 1914) — в 1940-е гг. актриса Московского и Новосибирского ТЮЗА. — 67.
- Булганин Н. А. (1895—1975) — в 1946 г. член Оргбюро ЦК ВКП(б). — 215
- Булгарин Ф. В. (1789—1859) — писатель, журналист. — 137
- Бурский М. И. (1903—1951) — в 1941 г. редактор отдела в литературной группе Совинформбюро — 67—69
- Бусалов А. А. (1903—1966) — в 1938—1947 гг. начальник Лечебного санитарного управления Кремля. — 131
- Бухарин Н. И. (1888—1938) — член Политбюро ЦК ВКП(б). Репрессирован. — 4, 12—14, 24, 30
- Варламов А. А. (1920—1978) — артист балета Большого театра в 1938—59 гг. — 245
- Варшавский С. П. (1906—1980) — писатель, драматург. — 195, 222
- Василевская В. Л. (1905—1964) — писательница. — 91, 102, 160
- Васильев П. Н. (1909—1937) — поэт. Репрессирован. — 21, 138
- Васильевы (однофамильцы, псевдоним — братья Васильевы) — кинорежиссеры и сценаристы. 1. Васильев Г. Н. (1899—1946). 2. Васильев С. Д. (1900—1959) — 127, 248
- Ваулин Г. — слесарь. — 106
- Вахрушев В. В. (1902—1947) — в 1946 г. член ЦК, министр угольной промышленности восточных районов СССР. — 215
- Вегман В. Д. (1873—1938) — красавец, литератор, историк. Репрессирован. — 18
- Ведерников В. Н. (1908—?) — помощник секретаря ЦК. — 215
- Величко В. А. (1908—1987) — писатель. — 160
- Вересаев В. В. (1867—1945) — писатель. — 64—66
- Виноградов А. К. (1888—1946) — писатель. — 69
- Вирта Н. Е. (1906—1976) — писатель. — 24, 28, 72, 73
- Вишневский В. В. (1900—1951) — писатель. — 25, 26, 28—30, 33, 63, 143—145, 153, 162, 170, 171, 204—206, 208, 215, 220, 233, 239, 249
- Владимирский М. Ф. (1874—1951) — в 1946 г. член Оргбюро ЦК, председатель ЦК ЦК ВКП(б). — 215
- Войтинская О. С. (1905—1968) — литературовед, критик. — 29, 33

- Воложенин А. П. — критик. — 189
- Воронский А. К. (1884—1943) — критик, писатель. Репрессирован. — 17, 20
- Ворошилов К. Е. (1881—1969) — член Политбюро ЦК ВКП(б). — 19
- Вургун Самед (1906—1956) — поэт. — 102
- Вышинский А. Я. (1883—1954) — в 1945 г. заместитель Наркома иностранных дел СССР. — 154
- Габрилович Е. И. (р. 1899) — писатель, сценарист. — 127, 128
- Галактионов М. — 90
- Геббельс Иозеф (1897—1945) — с 1933 г. во главе пропагандистского аппарата Германии. — 234
- Гельфанд М. С. (1899—1950) — критик. — 91, 160
- Герасимова В. А. (1903—1970) — писательница. — 26, 27, 29, 33, 39
- Герман Ю. П. (1910—1967) — писатель, киносценарист. — 208, 209, 215, 224
- Гладков Ф. В. (1883—1958) — писатель. — 160, 242
- Глебов А. Г. (1899—1964) — драматург. — 46, 48, 50, 242
- Гололь Н. В. (1809—1852) — писатель. — 99, 228, 253
- Голодный М. С. (1903—1949) — поэт. — 39, 72
- Голубкова — артистка балета. — 245
- Голубева А. Г. (1899—1989) — писательница. — 139, 148
- Голубов С. Н. (1894—1962) — писатель. — 90, 102, 103, 248
- Гор Г. С. (1907—1981) — писатель. — 192
- Горбов Д. А. (1894—1967) — литературовед, переводчик. — 20
- Горелик И. Г. (1907—1961) — писатель, очеркист — 69
- Горбатов Б. Л. (1908—1954) — писатель — 90, 102, 103, 109, 128, 141, 160, 149
- Горчаков Н. М. (1898—1958) — режиссер и педагог. — 247
- Горшков В. — инженер. — 106
- Горький А. М. (1868—1936) — писатель. В 1934—36 гг. генеральный секретарь ССП СССР — 12, 14, 35, 65, 98, 103, 178, 182, 236—238, 252
- Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) — писатель романтик. — 236
- Гоффмейстер — немецкий генерал. — 140
- Грабин В. Г. (1899/90—1980) — конструктор. — 160
- Грибов М. — в 1946 г. начальник отдела «В» МГБ СССР. — 256
- Грин А. С. (1880—1932) — писатель — 204, 210
- Гронский И. М. (1894—1985) — критик, редактор «Нового мира» в 1932—37 гг. — 9, 11, 12, 16, 17, 20—22
- Гроссман В. С. (1905—1964) — писатель — 127, 160, 161
- Грудская А. Я. — писательница. — 10, 17, 18
- Груздев И. А. (1892—1960) — критик, литературовед — 215
- Гудзенко С. П. (1922—1953) — поэт. — 161
- Гурвич А. С. (1897—1962) — литературный и театральный критик. — 65
- Гуревич — музыкант. — 245
- Гусаров — в 1946 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). — 215
- Давидсон А. Г. (1912—1978) — кинорежиссер. — 241
- Дерман А. Б. (1880—1952) — литературовед. — 65, 110, 111
- Джавахишвили М. С. (1880—1937) — писатель. Репрессирован — 9
- Динамов С. С. (1901—1939) — литературовед, критик. Репрессирован. — 10
- Длигач Л. М. (1904—1949?) — поэт. — 90, 100
- Дмитриев Л. — 106
- Добролюбов Н. А. (1836—1861) — литературный критик, публицист. — 228
- Довженко А. П. (1894—1956) — кинорежиссер, писатель — 6, 77, 79—81, 99, 100, 107, 110, 112—121, 162
- Долматовский Е. А. (р. 1915) — поэт. — 142
- Достоевский Ф. М. (1821—1881) — писатель. — 248
- Дудин М. А. (р. 1916) — поэт. — 164
- Дьяконов Е. К. (1906—?) — помощник секретаря ЦК. — 82, 106

- Евстегнеев — в 1943 г. сотрудник редакции красноармейского вещания. — 76
- Еголин А. М. (1896—1956) — в 1943 г. заведующий отделом художественной литературы УПА, в 1944—46 гг. заместитель начальника УПА. — 68, 74, 90, 104, 124, 130, 131, 136, 137, 139, 140, 153—155, 160, 161, 171, 173, 174, 183, 185, 186, 191, 197, 215, 220, 221, 224—226
- Ежов Н. И. (1895—1940) — в 1935—38 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно нарком внутренних дел СССР. Расстрелян. — 16, 20
- Екельчик Ю. И. (1907—1956) — кинооператор. — 241
- Ермилов В. В. (1904—1965) — литературовед, критик. — 9, 17, 34, 35, 60, 76, 110
- Ершов В. Л. (1896—1964) — актер МХАТа. — 246
- Есенин С. А. (1895—1925) — поэт. — 131, 138, 255
- Жаворонков В. Г. (1906—?) — в 1946 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). — 215
- Жаров А. А. (1904—1984) — поэт. — 14
- Жданов А. А. (1896—1948) — член Политбюро ЦК ВКП(б) — 5, 7, 12, 20, 22, 23, 25, 29, 33, 43, 45, 49, 50, 53, 55, 57, 59, 63, 64, 66, 92, 106; 107, 122, 123, 147, 149, 150, 153, 156, 157, 158, 160, 189—191, 209, 213—215, 220, 225, 227, 230, 232, 233, 239, 240—252, 254, 255
- Жданов В. — заведующий отделом литературы и искусства «Комсомольской правды». — 242
- Заднонченко — 215
- Зайцев Б. К. (1881—1972) — писатель. — 159
- Залесский В. Ф. (1901—1963) — критик. — 47
- Зарудин Н. Н. (1899—1937) — писатель. Репрессирован. — 17, 20
- Заславский Д. И. (1880—1965) — критик, публицист. — 160
- Захаров Р. В. (1907—1984) — в 1936—56 гг. режиссер постановщик и балетмейстер Большого театра. — 244
- Захарченко В. Д. (р. 1915) — поэт. — 161
- Зелинский К. Л. (1896—1970) — критик, литературовед. — 188
- Зенюк — главный инженер фабрики «Буревестник». — 250
- Зильберфарб — профессор. — 155
- Златова Е. В. (1906—1968) — критик. — 181
- Зонин А. И. (1901—1962) — писатель. — 17
- Зорич И. Б. (1899—1959) — писательница. — 172, 174
- Зошенко М. М. (1894—1958) — писатель. — 6, 82, 83, 89, 90, 94—99, 105—107, 110, 136, 140, 160, 162, 193, 194, 199, 206, 208, 212, 214—222, 224—228, 230, 232, 237—239, 248, 250, 252—258
- Зубов К. А. (1888—1956) — актер и режиссер. — 245, 246
- Ибрагимов Мирза (1911—?) — писатель — 11
- Иван IV Грозный (1530—1584) — русский царь. — 154
- Иванов В. В. — в 1944 г. секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). — 147, 148
- Иванов Вс. В. (1895—1963) — писатель. — 15, 23, 26, 28, 31, 33, 42, 63, 72, 73, 162
- Иванов — в 1946 г. секретарь ЦК ВЛКСМ. — 215
- Ивнев Юрий (1891—1981) — писатель. — 9
- Игнатьев С. Д. (1904—1983) — в 1946 г. член ЦК ВКП(б). — 215
- Ильенков В. П. (1897—1967) — писатель. — 18, 40, 63, 157, 158, 160
- Ильичев Л. Ф. (1906—?) — в 1946 г. редактор «Известий». — 215
- Инбер В. М. (1890—1972) — поэтесса. — 18, 19, 38, 39, 150—152, 155, 185, 188, 206
- Инденбом Л. А. (1903—1970). — кинорежиссер. — 251
- Иовчук М. Т. (1908—1990) — философ. В 1944—46 гг. заместитель начальника УПА — 124, 130, 131, 148, 185, 186, 215, 240
- Иогансон Б. В. (1893—1973) — живописец. — 248
- Исаакян А. С. (1875—1957) — поэт. — 38, 39
- Исаев — работник Дома советского писателя. — 18
- Исаковский М. В. (1900—1973) — поэт. — 160

- Исбах А. (1904—1977) — писатель, критик. Репрессирован в 1949 г. Реабилитирован в 1955 г. — 63, 140
- Ицков — в 1946 г. редактор «Известий». — 215
- Каверин В. А. (1902—1989) — писатель. — 160, 218, 225, 226
- Каганович Л. М. (1893—1991) — член Политбюро ЦК ВКП(б) — 9, 16, 20, 22, 23, 25, 33
- Калатазов М. К. (1903—1973) — кинорежиссер. — 215
- Калинин А. В. (р. 1916) — писатель. — 161
- Каменев Л. Б. (1883—1936) — член Политбюро в 1919—26 гг. Репрессирован. — 17
- Каменский В. В. (1884—1961) — поэт. — 39
- Капиев Э. М. (1909—1944) — писатель. — 145, 154
- Капица П. И. (р. 1909) — писатель. — 213—215
- Капица П. Л. (1894—1984) — физик. Академик АН СССР (1939). Лауреат Нобелевской премии (1978). — 91
- Каплер А. Я. (1904—1979) — кинодраматург. — 103, 104
- Капустин Я. Ф. (1904—1950) — в 1945—49 гг. 2-й секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). Репрессирован. — 208, 224, 225
- Карабаева А. А. (1893—1979) — писательница. — 27, 29, 33, 109, 240
- Карпенко — работник киностудии мультфильмов. — 248
- Катаев В. П. (1897—1986) — писатель. — 19, 33, 39, 46, 48, 50, 76, 90, 94, 160, 242
- Катаев И. И. (1902—1937?) — писатель. Репрессирован. — 17, 21
- Катальнов И. И. (1905—1934) — студент. — Репрессирован. — 17
- Катерли Е. И. (1902—1958) — писательница. — 194, 215
- Катульская Е. К. (1888—1966) — певица. В 1913—46 гг. солистка Большого театра. — 244
- Кафтанов С. В. (1905—1978) — в 1946 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б), министр высшего образования СССР. — 215
- Качалов В. И. (1875—1948) — актер МХАТа. — 246
- Кашинцева В. М. (1903—?) — секретарь А. А. Фадеева. — 76.
- Кедров М. Н. (1893/94—1972) — в 1946—55 гг. главный режиссер МХАТа. — 246
- Керженцев П. М. (1881—1940) — в 1936—38 гг. председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР. — 22
- Кетлинская В. К. (1906—1976) — писательница. — 75, 76, 122, 148, 204
- Кирпотин В. Я. (р. 1898) — литературовед, критик. В 1932—36 гг. заведующий сектором литературы ЦК ВКП(б). Одновременно ответственный секретарь Оргкомитета ССП СССР. — 11, 12, 16, 20, 60, 69, 72, 73
- Кирсанов С. И. (1906—1972) — поэт. — 14, 76, 111, 186, 187
- Киришон В. М. (1902—1938) — драматург. Репрессирован. — 10, 20, 24, 43, 125
- Киселев Я. — писатель. — 142
- Клюев Н. А. (1887—1937) — поэт. Репрессирован. — 138
- Кнехт В. А. (1190—1950) — писатель. — 192
- Коваленко Б. Л. (1903—1938) — литературовед и критик. — 10
- Ковальчик Е. И. (1907—1953) — литературный критик. — 63, 186, 187
- Ковда Д. Н. — сотрудник почвенного института АН СССР. — 250
- Кожевников В. М. (1909—1984) — писатель. В 1943—55 гг. редактор литературного отдела газеты «Правда». — 160, 242
- Кожемякин — 215
- Козаков М. Э. (1897—1954) — писатель. — 46, 48, 50
- Колас Якуб (1882—1956) — поэт. — 39
- Колосков А. — 191
- Кольцов М. Е. (1898—1940) — писатель. Репрессирован. — 33
- Комиссарова М. И. (1904—1988) — поэтесса. — 191, 222
- Коптяева А. Д. (1909—1991) — писательница. — 158, 159
- Корнейчук А. Е. (1905—1972) — драматург. — 29, '32, 33
- Корнилов Б. П. (1907—1938) — поэт. Репрессирован. — 138
- Короленко В. Г. (1853—1921) — писатель. — 65

- Косыгин А. Н. (1904—1980) — в 1940—53 гг. заместитель председателя СНК СССР. — 68, 70
- Кошелева Л. П. — главный специалист РЦХИДНИ. — 6
- Крапивин А. Н. (1904—1947 ?) — в 1939—45 гг. помощник секретаря ЦК А. С. Шербакова. — 82, 106, 122, 123, 124
- Краснянский Э. Б. (1891—1982) — в 1944—60 гг. режиссер театра сатиры. — 247
- Крупенников Л. — 197
- Крупин Д. В. (1895—1982) — в 1938—58 гг. управляющий делами ЦК ВКП(б). — 50, 53, 64, 215
- Крупская Н. К. (1869—1939) — в 1938 член ЦК, ЦНК, Президума ВС СССР. — 34
- Крути И. А. (1890—1955) — критик. — 17
- Крылова О. Н. (р. 1914) — в 1946 г. солистка балета Большого театра — 245
- Кузаков К. С. (р. 1908) — в 1946 г. заместитель начальника УПА ЦК ВКП(б). — 215
- Кузнецов А. А. (1905—1950) — в 1946 г. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома. С марта-апреля секретарь ЦК ВКП(б), начальник Управления кадров ЦК. Репрессирован. — 47, 215, 218, 232
- Кузнецов А. Н. (1903—?) — помощник Секретаря ЦК А. А. Жданова. — 215
- Кузнецов В. В. (1901—1990) — в 1946 г. председатель ВЦСПС — 215
- Кулешов А. А. (1914—1978) — поэт. — 14, 160
- Кулик И. Ю. (1897—1942?) — писатель. Репрессирован. — 26
- Купала Янко (1882—1942) — поэт. — 9, 39, 102
- Курганов О. — 191
- Кушнер — конструктор завода № 45. — 250
- Лавренев Б. А. (1891—1959) — писатель. — 39, 100, 101
- Латышев А. — историк. — 121
- Лахути Абулькасим (1887—1957) — поэт. — 18, 19, 23, 26
- Лебедев П. И. — в 1941—45 гг. заведующий отделом культурнопросветительных учреждений УПА. В 1945—46 гг. заведующий отделом искусств УПА. — 74
- Лебедев-Кумач В. И. (1898—1949) — поэт. — 31, 63, 69, 140
- Левоневский Д. А. (1907—1988) — писатель. — 205, 213, 215
- Левидов М. Ю. (1891—1942) — писатель, критик. Репрессирован. — 65
- Лежнев А. (1893—1938) — критик, литературовед. Репрессирован. — 20
- Лежнев И. Г. (1891—1955) — литературовед, публицист. — 33, 188
- Ленин В. И. — 34, 35, 70, 95, 112, 114, 115, 152, 235
- Леонардо-да-Винчи (1452—1519) — итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый. — 103
- Леонидов Б. Л. (1892—1958) — писатель, кинодраматург. — 181
- Леонов Л. М. (р. 1899) — писатель. — 6, 19, 28, 30, 31, 33, 39, 45—48, 50, 102, 139, 241
- Лермонтов М. Ю. (1814—1841) — поэт. — 182
- Либединский Ю. Н. (1898—1959) — писатель. — 9
- Лившиц В. К. (1913—1978) — поэт. — 164
- Ликовенков Н. Г. (1909—1961) — в 1945—47 гг. секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы. — 171, 173, 174
- Линкольн Авраам (1809—1865) — президент США. — 168
- Литвинов — в 1948 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. — 80
- Лифшиц М. А. (1905—1983) — литературовед. — 60
- Лихарев Б. М. (1906—1962) — поэт. — 198—200, 205, 213, 215, 223, 225, 226
- Лозовский С. А. (1878—1952) — в 1939—46 гг. заместитель наркома иностранных дел. В 1941—48 гг. заместитель начальника Совинформбюро. Репрессирован. — 66, 67, 68, 75, 122, 123, 154, 155
- Ломакин Н. А. (1913—1975 ?) — в 1941—49 гг. второй секретарь ЦК КП(б) Узбекистана. — 72, 73

- Луговский В. А. (1901—1957) — поэт. — 19, 39, 63, 72, 141, 162
 Лукач Дьердь (1885—1971) — философ, литературный критик. — 60
 Лукин Ю. Б. (р. 1907) — писатель. — 157, 181
 Лукицкий П. Н. (1900—1973) — писатель. — 100
 Луков Л. Д. (1909—1963) — кинорежиссер. — 215
 Луначарский А. В. (1875—1933) — в 1917—29 гг. Народный комиссар просвещения. Писатель, критик. — 3, 11
 Луппол И. К. (1896—1943) — литературовед, историк и философ. Академик АН СССР (1939). Репрессирован. — 42
 Мазини Д. М. (1903—1938) — поэт. Репрессирован. — 17
 Макаров В. А. — писатель. Репрессирован. — 21
 Макарьев И. С. (1902—1958) — критик, литературовед. В 1925—32 гг. секретарь РАПП. В 1937 г. был арестован. — 10, 18
 Маленков Г. М. (1902—1988) — член Политбюро ЦК ВКП(б). — 43, 49, 50, 53, 59, 82, 87, 92, 93, 109, 111, 123, 140, 149, 157, 161, 173, 174, 184, 185, 187, 190, 203, 208, 209, 213—215.
 Малышкин А. Г. (1892—1938) — писатель. — 19
 Мальшко А. С. (1912—1970) — поэт. — 108
 Мальцев — директор средней школы. — 249
 Малюгин Л. А. (1909—1968) — писатель. — 192, 193
 Мандельштам О. Э. (1891—1938) — поэт. Репрессирован. — 138
 Маннзер М. Г. (1891—1966) — скульптор. — 248
 Марченко Д. А. — секретарь парткома ССП СССР. В 1937 г. расстрелян. — 18
 Маршак С. Я. (1887—1964) — поэт, переводчик. — 14, 39, 56, 72, 109, 149, 160
 Маслин Н. Н. (1909—?) — в январе — ноябре 1946 г. заведующий сектором УПА. — 187, 189
 Маханов А. И. (1899—1950 ?) — в 1941—43 гг. заместитель начальника УПА. В 1944 г. секретарь Ленинградского горкома по пропаганде. Репрессирован. — 71, 106, 107, 123
 Мацкин А. П. (р. 1906) — критик. — 145, 154
 Маяковский В. В. (1893—1930) — поэт. — 131, 138, 175, 179, 236, 238, 242, 249
 Мдивани Г. Д. (1905—1981) — писатель, драматург. — 126, 141
 Межвинский С. Б. (1889—1978) — актер Малого театра. — 245
 Межиров А. П. (р. 1923) — поэт. — 165
 Мейлах Б. С. (1909—1987) — литературовед. — 188, 215
 Мехлис Л. З. (1889—1953) — в 1941—42 гг. заместитель наркома обороны СССР, начальник ГЛАВПУРККА. — 71, 125
 Микитенко И. К. (1897—1937) — писатель. Репрессирован. — 32
 Микоян А. И. (1895—1978) — в 1934—38 гг. нарком пищевой промышленности. — 15, 68
 Милев Димитру (1887—1937) — писатель. В 1934—37 гг. председатель правления Молдавского отделения ССП. Репрессирован. — 17, 20
 Милов М. В. — писатель. — 17
 Мирошниченко Г. И. (1904—1985) — писатель. — 139
 Мирский Д. П. (1890—1939) — критик, литературовед. Репрессирован в 1937 г. — 32
 Михайлов Б. — в 1946 г. представитель Совинформбюро во Франции. — 233
 Михайлов Н. А. (1906—1982) — в 1946 г. член Оргбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь ЦК ВЛКСМ. — 215
 Михайлова Е. Н. (1897—1952) — критик. — 89, 130, 141, 143
 Михалков С. В. (р. 1913) — писатель — 160
 Молотов В. М. (1890—1986) — член Политбюро ЦК ВКП(б) — 31, 33, 87, 88
 Мосавили И. О. (1896—1954) — поэт, драматург. — 39
 Мстиславский С. Д. (1876—1943) — писатель. — 70
 Мясников А. С. (1913—1982) — литературовед. — 87

- Некрасов Н. А. (1821—1877/78) — поэт. — 99, 196, 199, 228
 Немченко — помощник В. П. Ставского. — 29
 Ниалло Азиз — писатель. — 72
 Низами Гянджеви (ок. 1141 — ок. 1209) — поэт и мыслитель. — 41, 42, 44
 Никитин Н. Н. (1895—1963) — писатель. — 215, 218, 225, 226
 Николаева Г. Е. (1911—1963) — писательница. — 161
 Никулин Л. В. (1891—1967) — писатель — 19, 172, 174
 Нилли П. Ф. (1908—1981) — писатель. — 215
 Новиков-Прибой А. С. (1877—1944) — писатель. — 39, 63, 70
 Нусинов И. М. (1889—1950) — литературовед — 189
 Овечкин В. В. (1904—1968) — писатель. — 160, 161, 181
 Озеров Л. А. (р. 1914) — поэт, критик. — 124, 130
 Олдридж Джемс (р. 1918) — писатель. — 154
 Олеша Ю. К. (1899—1960) — писатель. — 19, 38, 139
 Орлова В. Я. — в 1942—43 гг. инструктор отдела художественной литературы УПА. — 74, 143, 144, 153
 Осипов Д. — 15
 Остров Д. К. (1906—1971) — писатель. — 193
 Островский Д. — писатель. — 212
 Островский А. Н. (1823—1886) — драматург. — 245
 Островский Н. А. (1904—1936) — писатель. — 24
 Оськин — работник Литфонда. — 28
 Павленко П. А. (1899—1951) — писатель. — 14, 21, 33, 38—40, 63, 157, 158
 Павленко А. С. (1904—?) — в 1946 г. заместитель начальника отдела электростанций ЦК ВКП(б). — 215
 Павлов И. П. (1849—1936) — физиолог, академик Петербургской АН (1907), лауреат Нобелевской премии (1904). — 82, 99
 Павлюков В. К. — в 1946 г. 2-й секретарь МГК ВКП(б). — 252
 Панова В. Ф. (1905—1973) — писательница. — 184—186, 188
 Панферов Ф. И. (1896—1960) — писатель. — 9, 33, 39, 42, 43, 63, 100, 126, 157—160, 189—191, 240
 Панч Петро (1891—1978) — писатель. — 110, 111
 Пастернак Б. Л. (1890—1960) — писатель. — 6, 19, 25, 32, 38, 79, 80, 131, 132, 135, 143, 186
 Пастернак З. Н. (1897—1966) — жена Б. Л. Пастернак. — 79, 80
 Пастернак Л. О. (1862—1945) — живописец и график, отец Б. Л. Пастернак. — 79, 80
 Патоличев Н. С. (р. 1908) — в 1946—47 гг. секретарь ЦК ВКП(б). — 215, 237
 Паустовский К. Г. (1892—1968) — писатель. — 90, 242
 Пашенная В. Н. (1887—1962) — актриса Малого театра. — 241, 245, 246
 Первенцев А. А. (1905—1981) — писатель. — 157, 160
 Перцов В. О. (1898—1980) — критик, литературовед. — 58, 87, 91, 160
 Петров — профессор кафедры электроники МЭМИИТ. — 249
 Петров Е. П. (1902—1942) — писатель. — 31, 33, 67, 68
 Петров В. М. (1896—1966) — кинорежиссер. — 241
 Пигарев К. В. (р. 1911) — литературовед и музеевед. — 91
 Пикель Р. В. (1896—1936) — литературный и театральный критик. Репрессирован. — 17, 21
 Пильняк Б. А. (1894—1941) — писатель. Репрессирован. — 9, 15, 16, 17, 21, 25
 Письманник — заведующий редакцией газеты «Литература и искусство», — 74
 Письменный А. Г. (1909—1971) — писатель. — 100
 Платонов А. П. (1899—1951) — писатель. — 100
 Погodin Н. Ф. (1900—1962) — драматург. — 19, 20, 26, 30, 31, 39, 50, 72, 73, 79, 125, 149, 242
 Полевой Б. Н. (1908—1981) — писатель. — 157, 160

- Поликарпов Д. А. (1905—1965) — в 1939—40 гг. заместитель, первый заместитель начальника УПА, в 1944—46 гг. оргсекретарь Правления ССП СССР. — 5, 45, 46, 49, 53, 55, 57, 58, 66, 109, 111, 131, 136, 137, 139, 140, 144, 149, 150, 153—155, 157—159, 172, 174, 184—189
- Поляк Л. М. (р. 1899) — литературовед. — 142
- Поляков — сотрудник института истории естествознания. — 249
- Полонская В. В. (р. 1908) — в 30-е гг. актриса МХАТа и театра им. Ермоловой. — 138
- Помещиков Е. М. (1907—1979) — сценарист. — 241
- Пономарев Б. Н. (р. 1905) — в 1946—47 гг. заместитель заведующего международным отделом ЦК ВКП(б). — 232, 233, 239, 240
- Попков П. С. (1903—1950) — в 1946—49 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Репрессирован. — 207—209, 215, 225
- Попов Г. М. (1906—1968) — в 1946—49 гг. первый секретарь МК и МГК ВКП(б). — 171, 173, 215, 232
- Поскребышев А. Н. (1891—1965) — помощник И. В. Сталина. — 157, 215
- Поспелов П. Н. (1898—1979) — в 1939 г. заместитель начальника УПА, в 1940—49 гг. главный редактор газеты «Правда». — 40, 43, 45, 46, 215
- Пристли Джон Бойтон (1894—?) — писатель. — 210
- Пришвин М. М. (1873—1954) — писатель. — 9
- Прокофьев А. А. (1900—1971) — поэт. — 109, 124, 139, 200—205, 209, 210, 213, 215, 225, 226
- Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — социалист, теоретик анархизма. — 21
- Пузлин А. А. (1904—?) — в 1940—44 гг. заместитель начальника УПА. — 59, 61, 63, 64, 66, 89, 93, 104
- Пушкин А. С. (1799—1837) — писатель. — 4, 161, 175
- Пырьев И. А. (1901—1968) — кинорежиссер. — 215, 241, 248, 251
- Пятницкая — 250
- Радек К. Б. (1885—1939) — член ЦК РКП(б) в 1919—24 гг. Репрессирован. — 13, 14, 24
- Райкин А. И. (1911—1987) — актер и художественный руководитель Ленинградского театра миниатюр. — 199
- Рахманов Л. Н. (1908—1988) — писатель. — 196, 204, 215
- Резник О. С. (1904—1986) — литературовед. — 66, 173, 174, 183, 240
- Ремизов А. М. (1877—1957) — писатель. — 159
- Репин И. Е. (1844—1930) — живописец. — 158, 159
- Рест Б. (1907—?) — писатель. — 195, 222
- Родионов М. И. (1907—1950) — в 1946 г. член Оргбюро ЦК ВКП(б), председатель СМ РСФСР. Репрессирован. — 215
- Родов С. М. (1893—1968) — поэт и литературный критик. — 172, 174
- Рождественский В. А. (1895—1977) — поэт. — 164, 196
- Рожков П. Д. (1900—1952) — критик. — 21
- Рожков Н. В. (1906—?) — сценарист. — 241
- Розенталь М. М. (1906—1975) — критик, философ. — 33, 63, 160
- Романов П. С. (1884—1938) — писатель. — 9
- Ромашов Б. С. (1895—1958) — драматург. — 19, 20
- Ромм М. И. (1901—1971) — кинорежиссер. — 248
- Рубинштейн Н. Л. — в 1943 г. начальник отдела агитации управления агитации и пропаганды ГЛАВПУРК. — 76
- Рузвельт Франклин Д. (1882—1945) — президент США. — 168
- Ру斯塔вели Шота — поэт 12 века. — 26
- Рутковская Л. — учительница. — 106
- Рыльский М. Ф. (1895—1964) — поэт. — 39, 40, 102, 108—111, 160
- Рысс Е. С. (1908—1973) — писатель. — 163, 164
- Савченко И. А. (1906—1950) — кинорежиссер. — 215
- Садофьев И. И. (1889—1965) — поэт. — 191, 222
- Садчиков Н. Г. (1904—1967) — в 1938—46 гг. Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальник Главлита. — 40, 107, 108, 109

- Салтыков-Щедрин М. Е. (1826—1889) — писатель-сатирик, публицист. — 99, 253
- Саянов В. М. (1903—1959) — писатель. — 57, 197, 198, 203, 205, 207—209, 211, 213, 215, 223, 225, 226
- Светлов М. А. (1903—1964) — поэт, драматург. — 24, 39
- Свифт Джонатан (1667—1745) — писатель. — 253
- Сейфуллина Л. Н. (1889—1954) — писательница. — 39, 40, 69, 110
- Селивановский А. П. (1900—1939) — критик. Репрессирован. — 9, 17
- Сельвинский И. Л. (1899—1968) — поэт. — 6, 21, 22, 30, 34, 40, 41, 43, 44, 81, 89, 90, 93, 94, 104, 110, 143, 161, 162, 195, 200
- Сенченко И. Е. (1901—?) — писатель, критик. — 30
- Сергеев-Ценский С. Н. (1875—1958) — писатель. — 102, 158, 159, 178
- Сергиевский И. В. (1905—?) — с июля 1946 г. консультант УПА. — 239
- Серебрякова Г. И. (1905—1980) — писательница. — 18
- Силантьев Н. П. — в 1946 г. заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды МКК. — 252
- Симонов К. М. (1915—1979) — писатель. — 102, 143, 144, 146, 178, 179, 235
- Снявский А. — писатель. — 3
- Сиротин — редактор красноармейского радиовещания. — 76
- Склянский Э. М. (1892—1925) — в 1918—1924 гг. зам. председателя РВРС. — 42
- Скосырев П. Г. (1900—1960) — писатель. — 72
- Славин Л. И. (1896—1984) — писатель. — 242
- Слезкин Ю. Л. (1885—1947) — писатель. — 100
- Слонимский М. Л. (1897—1972) — писатель. — 57, 90, 195, 218, 225, 226
- Смирнов И. Н. (1881—1936) — в 1929—32 гг. возглавлял трест «Саратовкомбайнстрой». Привлекался по делу т. н. «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». — 17
- Смирнова — колхозница. — 13
- Соболев Л. С. (1898—1971) — писатель. — 26, 30, 102, 109, 160, 161
- Соколов Е. — художник. — 133
- Соколов-Микитов И. С. (1892—1975) — писатель. — 212
- Соколовский М. Р. — ответственный секретарь журнала «Знамя». — 63, 141
- Соловьев Б. И. (1904—1976) — писатель, литературный критик. — 197
- Соловьев Г. А. (1893—1952) — писатель. — 212
- Софронов А. В. (1911—1990) — писатель. — 160
- Спасский С. Д. — поэт. — 192, 194
- Спектатор — писатель. — 21
- Сперанский А. Д. (1887/88—1961) — патофизиолог, академик АН СССР (1939) и АМН СССР (1944). — 82, 217
- Ставский В. П. (1900—1943) — писатель. В 1936—1939 гг. секретарь Президиума ССП СССР. — 6, 17, 19, 23, 25—33, 63
- Сталин И. В. — 5, 6, 7, 9, 11, 12, 19, 20, 22, 23, 25, 30, 33, 38, 64, 68, 70, 80, 82, 103, 106, 121, 123, 139, 140, 156, 190, 197—209, 211, 213, 215, 230, 235, 236
- Старостин А. В. (1919—1980) — писатель. — 100
- Стецкий А. И. (1896—1938) — в 1930—38 гг. заведующий Агитпропом ЦК ВКП(б). Репрессирован. — 9, 11
- Столлер А. Б. (1907—1979) — режиссер, драматург. — 251
- Сторожев — в 1946 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). — 215
- Ступникер А. М. (1902—?) — ответственный секретарь журнала «Красная новь». — 42, 43
- Субоцкий Л. М. (1900—1959) — критик. — 17, 160, 187—189, 240
- Суворин А. С. (1834—1912) — журналист, издатель. — 66
- Сурков А. А. (1899—1983) — поэт. — 14, 39, 63, 109, 149, 220
- Суслов М. А. (1902—1982) — в 1946 г. член Оргбюро ЦК. — 215
- Сысоев В. П. (р. 1911) — писатель. — 21
- Тайров А. Я. (1885—1950) — режиссер Камерного театра. — 247

- Тамаркин Е. М. (1901—1947) — в 1935—37 гг. заведующий сектором отдела культпросветработы ЦК ВКП(б). Репрессирован. — 23, 25
- Тарасенков А. К. (1909—1956) — критик, литературовед. — 144, 153, 155, 156, 185, 187, 188
- Тарасов-Родионов А. И. (1885—1938) — писатель. Репрессирован.
- Твардовский А. Т. (1910—1971) — поэт. — 63, 143, 186, 249
- Тер-Ваганян (1893—1936) — в 1934 г. сотрудник редакции журнала «Красная новь». Репрессирован. — 17
- Тимофеев Л. И. (1903/04—1984) — литературовед. — 63, 143, 144
- Тимофеев Н. Н. (1898—1979) — в 1943 г. главный психиатр Красной Армии. — 217
- Тихонов Н. С. (1896—1979) — писатель. В 1944—46 гг. секретарь Правления ССП. — 6, 39, 75, 104, 109, 110, 131, 137, 139, 140, 143, 144, 148—150, 157—159, 185, 203, 207, 208, 215, 224
- Толстой А. Н. (1882/83—1945) — писатель. — 9, 21, 29, 33, 39, 58, 72, 73, 102, 178, 179, 235
- Толстой Л. Н. (1828—1910) — писатель. — 79, 99, 103, 175, 188, 248
- Толченов М. П. — в 1944 г. член редколлегии журнала «Знамя». — 143, 144
- Тренев К. А. (1876—1945) — писатель, драматург. — 19, 20, 26, 50, 56, 79
- Троцкий Л. Д. (1879—1940) — член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1919—26 гг. — 18, 19, 30
- Трошенко Е. Д. — критик. — 17, 18
- Тур(братья) — коллективный псевдоним; настоящие имена Тубельский Л. Д. (1905—1961) и Рыжей П. Л. (1908—1978). Сценаристы. — 242
- Тургенев И. С. (1818—1883) — писатель. — 103
- Тынянов Ю. Н. (1894—1943) — писатель, литературовед. — 57
- Тычина П. Г. (1891—1967) — поэт — 26, 30, 32, 102
- Усневич Е. Ф. (1893—1967) — литературный критик. — 124, 128—130, 141, 160
- Успенская К. В. — музыкант. — 249
- Успенский Л. В. (1900—1978) — писатель — 154
- Уткин И. П. (1903—1944) — поэт. — 72, 73
- Фадеев А. А. (1901—1956) — писатель. В 1939—44 гг. секретарь Президиума ССП СССР, в 1946—53 гг. генеральный секретарь ССП. — 6, 9, 24, 29, 32, 33, 35, 38, 41—43, 49, 50, 55, 56, 58, 63—68, 70—73, 76, 81, 92, 102, 139, 161, 215, 235
- Федин К. А. (1892—1977) — писатель. — 14, 15, 20, 28, 31, 32, 39, 109, 162, 178
- Федосеев П. Н. (1908—1990) — в 1943—46 гг. заместитель начальника УПА. — 89, 124, 132, 135, 140, 144, 145, 147, 156, 160, 215, 239, 242
- Фейхтвангер Лео (1884—1958) — писатель. — 30, 31, 33
- Финк В. Г. (1888—1973) — писатель. — 100, 101
- Финш Г. С. (1903—1971) — писатель. — 100
- Флит А. М. (1891—1954) — писатель. — 195, 196
- Фрейд Зигмунд (1856—1939) — врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа. — 82
- Фридлянд Л. Е. (1888—1960) — писатель. — 17
- Фурманов Д. А. (1891—1926) — писатель. — 127
- Хазин А. А. (1912—1976) — поэт, драматург. — 196, 222
- Хачатурян А. И. (1903—1978) — композитор. — 3
- Хвалебнова О. А. — писательница, секретарь парторганизации ССП. — 69
- Хвылевой М. — писатель. — 30
- Хлебников Велимир (1885—1922) — поэт. — 138
- Хмара В. В. (1895—1947) — писатель. В 1941 г. заместитель секретаря парторганизации ССП. — 69
- Хмельницкий Б. М. (ок. 1595—1657) — гетман Украины. — 117
- Храпченко М. Б. (1904—1989) — в 1938—1948 гг. председатель Комитета по делам искусств при СМ СССР. — 45, 46, 48, 50, 80

- Хрущев Н. С. (1894—1971) — в 1938—1949 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Украины. — 108, 111, 121, 130
- Царев М. И. (1903—1987) — актер. С 1937 г. в Малом театре. — 245, 246
- Шветаева М. И. (1892—1942) — поэтесса. — 138
- Чагин П. И. (1898—1967) — в 1939—46 гг. директор Государственного литературного издательства. — 80, 135
- Чаковский А. Б. (р. 1913) — писатель. — 43, 188
- Чарный М. (1901—1976) — писатель, литературный критик. — 188
- Чернышевский Н. Г. (1828—1889) — писатель, литературный критик. — 228
- Черняк — секретарь Л. Б. Каменева. — 17
- Черчилль Уинстон (1874—1965) — премьер-министр Великобритании в 1940—45 и 1951—55 гг. — 168
- Чехов А. П. (1860—1904) — писатель. — 66, 182
- Чиковани С. И. (1902/03—1966) — поэт. — 160
- Чириков Е. Н. (1864—1932) — писатель. — 159
- Чкалов В. П. (1904—1938) — летчик-испытатель. — 65
- Чуковский К. И. (1882—1969) — писатель, критик, детский поэт, литературовед, переводчик. — 6, 123, 162, 203
- Чумандрин М. Ф. (1905—1940) — писатель — 9
- Чурлин М. Т. (1885—1946) — поэт. — 55—57
- Шабловский Ф. И. (1896—?) — с июля 1936 по февраль 1938 гг. заведующий сектором отдела культпросветработы ЦК ВКП(б). Репрессирован. — 26, 27
- Шагинян М. С. (1888—1982) — писательница. — 14, 15, 34, 35, 39, 42, 63, 69, 70, 109, 132, 171—174, 188
- Шамориков И. В. (1899—1976) — ответственный секретарь журнала «Октябрь». — 63, 158
- Шацкий Л. А. (1902—1937) — в 1927—30 гг. член ЦК ВКП(б). Репрессирован. — 43
- Шварев А. А. (1909—?) — помощник секретаря ЦК ВКП(б). — *215*
- Шверник Н. М. (1888—1970) — в 1941 г. председатель Комиссии по эвакуации. — 68
- Шекспир Уильям (1564—1616) — драматург и поэт. — 131, 132, 135
- Широков И. М. (1899—1984) — в 1945—46 гг. секретарь Ленинградского горкома по пропаганде. — 208, 211, 213—215, 224, 225
- Шишков В. Я. (1873—1945) — писатель. — 90, 102
- Шкловский В. Б. (1893—1984) — писатель, литературовед. — 39, 56, 137, 142, 143
- Шмелев И. С. (1873—1950) — писатель — 159
- Шмидт А. П. (1886—1940) — в 1931—33 гг. Главный арбитр при СНК СССР и СТО. Репрессирован. — 19
- Шолохов М. А. (1905—1984) — писатель — 3, 42, 63, 160, 161, 175, 235, 236
- Шпанов Н. Н. (1896—1961) — писатель. — 162
- Штейн А. П. (р. 1906) — драматург. — 192, 222, 228
- Шубняков — в 1946 г. начальник отдела 2-го Главного управления МГБ СССР. — 218
- Шухов И. П. (1906—1977) — писатель. — 25
- Щербаков А. С. (1901—1945) — в 1934—36 гг. оргсекретарь ССП СССР. В 1941—45 гг. — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь МК и МГК ВКП(б). Одновременно с 1942 г. начальник Главного политического управления рабоче-крестьянской Красной армии (ГЛАВПУРККА), заместитель наркома обороны СССР, начальник Совинформбюро. — 5, 14, 15, 16, 26, 43, 64, 66—69, 71, 73—77, 79—83, 87, 88, 92, 104—107, 111, 121, 122, 124, 131, 132, 135, 137, 139, 145, 226
- Щербаков М. И. — в 1946 г. заведующий отделом Управления кадров ЦК ВКП(б). — 218, 220
- Щербина В. Р. (1908—1982) — литературовед. — 63, 89, 107
- Щипачев С. П. (1898/99—1980) — поэт. — 63, 157, 158

- Эйзенштейн С. М. (1898—1948) — режиссер, теоретик кино, художник. — 251
- Эренбург И. Г. (1891—1967) — писатель — 6, 38, 102, 109, 127, 143, 146, 147, 151, 154, 156, 157
- Эрлих А. И. (1896—1963) — писатель, критик. — 16
- Юдин Л. М. (1896—1957) — режиссер. — 248
- Юдин П. Ф. (1899—1968) — философ, писатель. — 25, 123
- Юзовский Ю. И. (1902—1964) — литературовед, театральный критик. — 124—128, 130, 141, 188
- Юнович М. М. (1899—1976) — критик. — 63, 89, 136, 157, 158, 160
- Юра Г. П. (1887/88—1966) — актер, главный режиссер украинского театра им. Франко. — 108
- Юсупов У. Ю. (1900—1966) — в 1937—1960 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана. — 73
- Яблочкина А. А. (1866—1964) — актриса Малого театра с 1888 г. — 241, 245
- Ягдфельд Г. Б. (р. 1908) — писатель. — 200, 204, 222, 228, 230
- Яковлев А. С. (1906—?) — авиаконструктор. — 160
- Ян В. Г. (1874/75 — 1954) — писатель. — 102
- Ярцев Г. А. (1904—1956) — в 1938—49 гг. директор издательства «Советский писатель». — 57—59, 132, 135
- Ясенский Бруно (1901—1941) — писатель. Репрессирован. — 32
- Яшвили П. Д. (1895—1937) — поэт. Подвергался репрессиям; покончил с собой. — 32

СПИСОК СОВЕТСКИХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ, УПОМИНАВШИХСЯ В ДОКУМЕНТАХ СБОРНИКА.

- «В помощь марксистско-ленинскому образованию» — журнал. Орган ЦК ВКП(б) *. Издавался в Москве в 1939—41 гг.
- «Вечерняя Москва» — ежедневная газета. Орган МГК ВКП(б) и Моссовета.
- «Большевик» — теоретический и политический журнал. Орган ЦК ВКП(б). Издавался в Москве с апреля 1924 г. по ноябрь 1952 г.
- «Бузотер» — ежемесячный сатирический журнал. Издавался в Москве в 1924—27 гг.
- «Гудок» — газета. Орган Министерства путей сообщения СССР и ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта. Издается в Москве.
- «Звезда» — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, орган ССП СССР. Издается с 1924 г.
- «Знамя» — литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. Орган ССП СССР. Издается в Москве с 1924 г.
- «Известия» — газета. Орган Советов народных депутатов СССР. Издается в Москве.
- «Комсомольская правда» — газета. Орган ЦК ВЛКСМ. Издается в Москве с 1925 г.
- «Красная новь» — ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал. Выходил в Москве в 1923—41 гг.
- «Крокодил» — сатирический журнал. Выходил 3 раза в месяц. Издается в Москве с 1922 г.
- «Культура и жизнь» — газета. Орган Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Издавалась в Москве в 1946—51 гг.
- «Ленинград» — двухнедельный литературно-художественный журнал, орган Ленинградского отделения ССП СССР. Издавался в 1940—46 гг. в Ленинграде.

* Органы изданий даны на время их упоминания в документах.

«Ленинградская правда» — еженедельная газета. Орган Ленинградского обкома и горкома ЦК ВКП(б) и городского Совета народных депутатов.

«Литература и искусство» — газета. Орган Правления ССП СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Издавалась в 1942—44 гг.

«Литературная газета» — Орган правления ССП СССР. Издается в Москве с 1929 г.

«Литературная учеба» — литературно-критический журнал. Издавался в 1930—41 гг. в Ленинграде и в Москве.

«Литературный критик» — ежемесячный журнал. Издавался в Москве в 1933—40 гг.

«Мурзилка» — ежемесячный журнал для школьников младших классов. Орган ЦК ВЛКСМ. Издается в Москве с 1924 г.

«Новый мир» — литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. Орган ССП СССР. Издается в Москве с 1925 г.

«Огонек» — еженедельный общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал. Издается в Москве с 1923 г.

«Октябрь» — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган ССП РСФСР. Издается в Москве с 1924 г.

«Партийное строительство» — двухнедельный журнал ЦК ВКП(б). Издавался в 1929—46 гг. в Москве.

«Правда» — ежедневная газета. Орган ЦК ВКП(б). Издается с 1914 г.

«Пропагандист» — журнал ЦК, МК и МГК ВКП(б). Издавался в 1927—30 и 1933—46 гг.

«Резец» — двухнедельный литературно-художественный журнал. Выходил в Ленинграде в 1924—39 гг. С 1935 г. — орган Ленинградского отделения ССП СССР.

«Театр и драматургия» — ежемесячный иллюстрированный журнал. Издавался в 1933—36 гг.

«Тридцать дней» — ежемесячный художественно-литературный, общественный и научно-популярный журнал. Выходил в Москве с 1925 по июнь 1941 г.

«Труд» — газета. Орган ВЦСПС. Издается в Москве с 1921 г.

«Смена» — литературно-художественный и общественно-политический двухнедельный журнал ЦК ВЛКСМ. Издается в Москве с 1924 г.

«Советское искусство» — газета. Орган Комитетов по делам искусств, кинематографии и архитектуры при СНК СССР. Издавалась в Москве в 1929—41 гг. и 1944—53 гг.

«Спутник агитатора» — общественно-политический журнал ЦК и МК ВКП(б). Издавался в 1923—47 гг.

«Украина» — литературно-художественный журнал. Выходит в Киеве с 1941 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	5
ЧАСТЬ I: 1932—1939 гг.	
1. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». 23 апреля 1932 г.	8
2. И. М. Гронский — И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу, А. И. Стецкому. [ранее июня 1933 г.]	9
3. А. А. Жданов — И. В. Сталину. [28 августа 1934 г.]	12
4. А. С. Щербаков — А. М. Горькому. 23 февраля 1936 г.	14
5. Б. А. Пильняк — А. И. Микояну. 25 мая 1936 г.	15
6. А. И. Ангаров, В. Я. Кирлотин — Л. М. Кагановичу, А. А. Андрееву, Н. И. Ежову. 29 августа 1936 г.	16
7. А. И. Ангаров — И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу, А. А. Андрееву, А. А. Жданову, Н. И. Ежову. 27 марта 1937 г.	20
8. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О пьесе И. Сельвинского «Умка — Белый Медведь». 21 апреля 1937 г.	22
9. А. И. Ангаров, Е. М. Тамаркин — И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу, А. А. Андрееву, А. А. Жданову, Н. И. Ежову. 3 мая 1937 г.	23
10. Ф. И. Шабловский — А. А. Андрееву. 17 декабря 1937 г.	26
11. В. А. Герасимова, А. А. Караваева — А. А. Андрееву. 2 марта 1938 г.	27
12. О. С. Войтинская — А. А. Жданову. [ранее 15 марта 1938 г.]	29
13. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О романе Мариэтты Шагинян «Билет по истории» часть 1-я — «Семья Ульяновых». 5 августа 1938 г.	34
14. Проект постановления ЦК ВКП(б) «О работе Союза Советских Писателей». август 1938 г.	35
15. А. А. Фадеев, П. А. Павленко — А. А. Андрееву. [ранее 26 июля 1939 г.]	38
16. Проект письма [А. А. Андреева] — И. В. Сталину. [ранее 26 июля 1939 г.]	38
17. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журнале «Октябрь». 4 августа 1939 г.	40
18. П. Н. Поспелов — ЦК ВКП(б). 19 августа 1939 г.	40
19. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О редакциях литературно-художественных журналов». 20 августа 1939 г.	43
ЧАСТЬ II: 1940 г.	
20. П. Н. Поспелов, Д. А. Поликарпов — А. А. Жданову. 30 августа.	45
21. А. А. Кузнецов — ЦК ВКП(б). 30 августа.	47
22. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О пьесах «Начистоту», «Домик», «Когда я один». 14 сентября.	48
23. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О пьесе «Метель». 18 сентября.	48
24. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О Литературном Фонде Союза Советских Писателей и о фондах Управления по охране авторских прав». 21 сентября.	49
25. Д. В. Крупин — А. А. Жданову. 25 сентября.	50
26. Г. Ф. Александров, Д. А. Поликарпов — А. А. Андрееву, А. А. Жданову, Г. М. Маленкову. 26 сентября.	53
27. Н. Н. Асеев — А. А. Жданову. [9 октября].	55
28. Г. Ф. Александров, Д. А. Поликарпов — А. А. Жданову. 19 октября.	57
29. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об издании сборника стихов Ахматовой». 29 октября.	58
30. Из докладной записки Г. Ф. Александрова, А. А. Пузина — А. А. Андрееву, А. А. Жданову, Г. М. Маленкову. 18 ноября.	59

ЧАСТЬ III: 1941—1942 гг.

31. А. А. Пузин — А. А. Жданову. 10 марта 1941 г.	63
32. А. А. Фадеев — И. В. Сталину, А. А. Жданову, А. С. Щербакову. 7 мая 1941 г.	64
33. С. А. Лозовский — А. С. Щербакову. 3 сентября 1941 г.	66
34. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О т. Фадееве А. А.». 21 сентября 1941 г.	67
35. А. А. Фадеев — И. В. Сталину, А. А. Андрееву, А. С. Щербакову. 13 декабря 1941 г.	68
36. Л. С. Мехлис — А. А. Андрееву. 13 декабря 1941 г.	71
37. А. И. Маханов — А. А. Андрееву. 15 декабря 1941 г.	71
38. Н. А. Ломакин — А. А. Андрееву. 17 декабря 1941 г.	72
39. Г. Ф. Александров — А. С. Щербакову. 2 июня [1942 г.].	74

ЧАСТЬ IV: 1943 г.

40. С. А. Лозовский — А. С. Щербакову. 19 мая	75
41. Н. Л. Рубинштейн — Г. Ф. Александрову. 1 июля.	76
42. Г. Ф. Александров — [А. С. Щербакову]. 9 июля.	77
43. Б. Л. Пастернак — А. С. Щербакову. 16 июля.	79
44. Г. Ф. Александров — А. С. Щербакову. 22 ноября.	80
45. Проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б) «Об ошибках в творчестве Сельвинского». [не позднее 26 ноября].	81
46. М. М. Зошенко — И. В. Сталину. 26 ноября.	82
47. Г. Ф. Александров — А. С. Щербакову. 26 ноября.	83
48. Н. Н. Асеев — В. М. Молотову. 2 декабря.	87
49. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О контроле над литературно-художественными журналами». 2 декабря.	88
50. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов». 3 декабря.	89
51. Постановление Президиума Союза советских писателей СССР «О журнале «Октябрь» за 1943 г.». 22 декабря.	90
52. Г. Ф. Александров, А. А. Пузин, А. М. Еголин — Г. М. Маленкову. 2 декабря].	93

ЧАСТЬ V: 1944 г.

53. М. М. Зошенко — А. С. Щербакову. 8 января.	105
54. А. И. Маханов — А. А. Жданову. 11 января.	106
55. А. С. Щербаков — В. Р. Щербине. 8 февраля.	107
56. Постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О Довженко А. П.». 12 февраля.	108
57. Циркулярное письмо Н. Г. Садчикова. 23 февраля.	108
58. Д. А. Поликарпов — Г. М. Маленкову. 23 февраля.	109
59. Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко «Украина в огне». [ранее 26 февраля].	112
60. С. А. Лозовский — А. А. Жданову. 7 марта.	122
61. К. И. Чуковский — редакции «Правды». 14 марта.	122
62. П. Н. Федосеев — А. С. Щербакову. 31 марта.	123
63. А. М. Еголин, М. Т. Иовчук — А. С. Щербакову. 4 апреля.	124
64. Б. Л. Пастернак — А. С. Щербакову. 5 мая.	131
65. Из докладной записки Г. Ф. Александрова, П. Н. Федосеева — А. С. Щербакову. 5 мая.	132
66. Г. Ф. Александров — А. С. Щербакову. 24 июня.	135
67. [Протокол беседы М. М. Зошенко с агентом НКГБ 22 июля 1944 г.] 25 июля.	136
68. Г. Ф. Александров, П. Н. Федосеев, Д. А. Поликарпов — Г. М. Маленкову. 7 августа.	140
69. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журнале «Знамя». 23 августа 1944 г.	144

70. Г. Ф. Александров, П. И. Федосеев — А. С. Щербакову. 18 октября 1944 г.	145
71. В. В. Иванов — А. А. Жданову. 20 ноября 1944 г.	147

ЧАСТЬ VI: 1945 г.

72. Н. С. Тихонов, Д. А. Поликарпов — А. А. Жданову, Г. М. Маленкову. 9 января.	149
73. Д. А. Поликарпов — редколлегии журнала «Знамя». 9 февраля.	150
74. А. К. Тарасенков — А. А. Жданову. 22 февраля.	153
75. И. Г. Эренбург — И. В. Сталину. 15 апреля.	156
76. Н. С. Тихонов, Д. А. Поликарпов — Г. М. Маленкову, А. А. Жданову. 12 июля.	157
77. М. М. Юнович — А. А. Жданову. 14 июля.	158
78. А. М. Еголин — Г. М. Маленкову. 3 августа.	161
79. Н. Г. Ликовенков — Г. М. Попову. 23 августа.	171
80. Г. Ф. Александров, А. М. Еголин — Г. М. Маленкову. [позднее 23 августа].	173
81. О. С. Резник — Г. М. Маленкову. 1 декабря.	174
82. Д. А. Поликарпов — редколлегии журнала «Знамя». 24 декабря.	184

ЧАСТЬ VII: 1946 г.

83. А. К. Тарасенков — Г. М. Маленкову. 19 марта.	185
84. Н. Н. Маслин — Г. М. Маленкову. 2 апреля.	187
85. Г. Ф. Александров — А. А. Жданову. 30 апреля.	189
86. Г. Ф. Александров, А. М. Еголин — А. А. Жданову. 7 августа.	191
87. Стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О журналах «Звезда» и «Ленинград». 9 августа.	197
88. В. С. Абакумов — А. А. Кузнецову. 10 августа.	215
89. М. И. Щербаков — А. А. Кузнецову. 12 августа.	218
90. А. М. Еголин — А. А. Жданову. 14 августа.	220
91. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». 14 августа.	221
92. Записка [А. М. Еголина] о М. М. Зошенко. [ранее 15 августа].	225
93. Тезисы доклада А. А. Жданова на собрании писателей в Ленинграде. [ранее 16 августа].	227
94. М. М. Зошенко — И. В. Сталину. 27 августа.	230
95. Б. Н. Пономарев — А. А. Жданову. 21 сентября.	232
96. Проект интервью В. В. Вишневского для журнала «Нью Мас-сес». [ранее 21 сентября].	233
97. Г. Ф. Александров — А. А. Жданову. [позднее 21 сентября].	239
98. Высказывания работников литературы и искусства о докладе товарища Жданова. [25 сентября].	240
99. Информация о высказываниях работников театра, литературы, кино, науки и др. о докладе товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». 28 сентября.	243
100. М. М. Зошенко — А. А. Жданову. 10 октября.	252
101. В. С. Абакумов — А. А. Жданову. 23 октября.	254
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	257
СПИСОК СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ	269

**Ассоциация Исследователей Российского Общества XX века
Представляет
новое серийное издание «Первая публикация»
под редакцией Г. А. Бордюгова**

В 1994 году в серии выйдут сборники документов:

* Неизвестный Богданов. В 2-х книгах.

Кн. 1: Статьи, доклады, письма и воспоминания А. А. Богданова (Малиновского).

Кн. 2: Десять лет отлучения от марксизма. Юбилейный сборник.

* Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945—1949 гг.

* Венгерские материалы на столе у Сталина. Из истории советско-венгерских отношений. 1944—1948 гг.

Книги можно приобрести в читальных залах РЦХИДНИ, Государственного архива Российской Федерации, на кафедрах истории Отечества гуманитарных факультетов МГУ и ИГиПК при МГПУ.

Предварительные заказы, предложения по финансированию серии, проспекты предлагаемых к изданию работ направляйте по адресу: 129344, Москва, ул. Радужная, 13. «Первая публикация».

Литературный фронт

**История политической цензуры
1932—1946 г.**

Сборник документов

Составитель Д. Д. Бабиченко

ЛРН№ 030173 от 21.10.1991

Сдано в набор 5.04.94 г.

Подписано в печать 15.07.94 г.

Формат 6034¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Гарнитура литературная.

Печать высокая.

Объем 17,2 п.л.

Тираж — 2000.

Заказ 76.

ISBN 5.207.00092—6

Издательство: «Энциклопедия российских деревень»
103064, Москва, Б. Харитоньевский пер. 21

